

ОБОРОНА ОДЕССЫ. 1941

Первая битва за Черное море

XX военные
тайны
века

А.С. ЮНОВИДОВ

XX *военные
тайны
века*

А. Юновидов

ОБОРОНА ОДЕССЫ

**1941. ПЕРВАЯ БИТВА
ЗА ЧЕРНОЕ МОРЕ**

Москва
«Вече»

УДК 355/359
ББК 68.54
Ю54

Юновидов, А.С.

Ю54 Оборона Одессы. 1941. Первая битва за Черное море / А. Юновидов. — М.: Вече, 2011. — 432 с. : ил. — (Военные тайны XX века).

ISBN 978-5-9533-5599-5

Одним из самых заметных и самых удачных оборонительных сражений начала войны стала оборона Одессы. Это был не только коллективный подвиг многих тысяч людей, но и уникальная оборонительная операция.

Она не имеет аналогов в мировой истории, в том числе и в обороне военно-морских баз. Об этих её уникальных особенностях и рассказывает книга.

Одесса вполне могла стать как вторым Тобруком, так и первым Сталинградом. В книге рассказывается о многих не известных читателю катастрофах и победах. Читатель узнает, почему советская истребительная авиация при перебазировании из Одессы в Крым потеряла больше машин, чем за все время участия в боевых действиях и почему для румын ввод в бой 18 августа частей 1-й танковой дивизии превратился в «катастрофу под Карпово». Он узнает и о последнем, октябрьском наступлении румын на Одессу, никогда не упомянувшимся в советской и постсоветской литературе.

При описании боевых действий максимально использовались сохранившиеся донесения, приказы, записи переговоров и другие архивные документы того времени, помогающие читателю лучше почувствовать драматизм происходящих событий.

В книге впервые рассказывается история создания, принятия и реализации три раза менявшегося плана эвакуации Приморской армии. Много внимания уделено и причинам смены Сталиным руководства обороной города, которое через две недели после начала оборонительной операции было передано от армейского командования флоту.

**УДК 355/359
ББК 68.54**

ISBN 978-5-9533-5599-5

© Юновидов А.С., 2011
© ООО «Издательский дом «Вече», 2011

Я не помню — сутки или десять
Мы не спим, теряя счет ночам.
Вы, в похожей на Мадрид Одессе,
Пожелайте счастья москвичам.

Днем, по капле нацедив во фляжки,
Сотый раз переходя в штыки,
Раздрав кровавые тельняшки,
Молча умирают моряки.

Ночью бьют орудья корпусные...
Снова мимо. Значит, в добрый час.
Значит, Вы и в эту ночь в России —
Что Вам стоит — вспомнили о нас!

Может, врут приметы, кто их знает!
Но в Одессе люди говорят:
Тех, кого в России вспоминают, —
Пуля трижды бережет подряд...

Константин Симонов. 1941г.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Перед вами вторая моя книга о боевых действиях на прибрежных плацдармах во время Великой Отечественной войны, на этот раз посвященная обороне Одессы.

Тема обороны города-героя еще в советское время была «у всех на слуху», и предполагалось, что она давно полно исследована и широко известна. Действительно, на эту тему еще в советское время было написано большое количество книг и статей, снято несколько довольно известных фильмов, таких как «Поезд в далекий август» и «Подвиг Одессы».

Каждый человек старшего поколения помнит песни «Ты одесит, Мишка» и «Я встретил его под Одессой родной», в остальном же впечатления об обороне Одессы часто носят общий и довольно неопределенный характер. Вспоминаются лихие атаки моряков, удачная эвакуация советских войск, десант под Григорьевкой и участие в обороне города генерала Петрова, остальные же события, связанные с обороной города, как бы остаются в тени и известны очень немногим.

К сожалению, большое количество написанных в то время книг так и не дало цельной картины обороны города, акцентируясь на отдельных ярких эпизодах обороны и общем массовом героизме защитников Одессы.

Отседова

В постперестроечное время в Российской Федерации об обороне Одессы вспоминали значительно реже, в основном в исследованиях, посвященных другим темам. Если про оборону Киева, Москвы, Ленинграда, Сталинграда и Севастополя было написано несколько подробных исследований, то по обороне Одессы подобных книг до настоящего времени еще не выходило.

Как и многие героические страницы Великой Отечественной войны, она пока «теряется» на фоне грандиозных сражений и огромных по масштабам катастроф первого года войны. Масштаб обороны Одессы ни по количеству участвующих в ней с обеих сторон войск, ни по продолжительности событий, ни по значению для судеб страны и войны, конечно, не сравним с обороной Москвы или Ленинграда,

но от этого она не становится ни менее драматичной, ни менее героической, и конечно, не становится менее интересной.

Вообще представление массового читателя о 1941 г. до сих пор в первую очередь связывается с оставлением огромных территорий и непрерывной чередой отступлений, разгромом целых фронтов и гибелью в огромных котлах многих армий.

Но 1941 г. был еще и годом долгой и упорной обороны. Военно-морские базы, обороняемые совместными усилиями армии и флота, а часто и населения городов, в которых они располагались, оказались для противника «крепким орешком». Военно-морская база Ханко оборонялась 38 дней. Одесса оборонялась 73 дня. Севастополь оборонялся 273 дня до середины 1942 г. Ленинград оборонялся в блокаде 873 дня до начала 1944 г.

В этих и многих других упорных оборонительных сражениях, центральным из которых стала битва за Москву, Советская армия приобрела бесценный, оплаченный огромной кровью и приобретенный после многочисленных ошибок опыт, ставший фундаментом последующих успешных действий.

Одним из самых заметных и самых удачных оборонительных сражений начала войны стала оборона Одессы. Это был не только коллективный подвиг многих тысяч людей, но и уникальная оборонительная операция. Задача книги рассказать именно об этой стороне обороны города-героя.

Оборона Одессы не имеет аналогов в мировой истории, в том числе и в обороне военно-морских баз. Об этих уникальных ее особенностях и будет идти речь. Думаю, что читателю предстоит узнать для себя много нового и интересного.

Он узнает о том, что Одесса вполне могла стать как вторым Тобруком так и первым Сталинградом. Он узнает, почему Сталин сыграл положительную роль в обороне Одессы, а Жуков — отрицательную, как Одесская группа войск стала Приморской армией, а четыре рубежа обороны города превратились в три и почему Григорьевский десант не закончился полным окружением противника.

В книге будет рассказано о многих неизвестных читателю катастрофах и победах. Читатель узнает, почему советская истребительная авиация при перебазировании из Одессы в Крым потеряла больше машин, чем за все время участия в боевых действиях и почему для румын ввод в бой 18 августа частей 1-й танковой дивизии превратился в «катастрофу под Карпово». Он узнает и о последнем, октябрь-

ском наступлении румын на Одессу, никогда не упоминавшемся в советской и постсоветской литературе.

Читатель узнает, чем Таллинская оборона отличалась от Одесской и почему, в отличие от нее, эвакуация войск из Одессы не стала катастрофой, подобной Таллинскому переходу. В книге будет рассказано и о многих обстоятельствах, сделавших оборону Одессы не похожей ни на одно сражение Второй мировой войны. Наибольшее внимание уделяется участию в обороне города Приморской армии. При освещении ее участия в боевых действиях максимально использовались сохранившиеся донесения, приказы, записи переговоров и другие архивные документы того времени, помогающие читателю лучше почувствовать драматизм происходящих событий.

Однако многие другие вопросы, касающиеся обороны города, также освещаются впервые в посвященной этой теме литературе. Так, впервые рассказывается история создания, принятия и реализации три раза менявшегося плана эвакуации Приморской армии. Много внимания уделено и причинам смены Сталиным руководства обороной города, ответственность за которую через две недели после начала оборонительной операции была передана от армейского командования флоту.

Также подробно рассматриваются причины возникновения катастрофической ситуации, в результате которой командование Одесского оборонительного района осталось без резервов, Одесский порт чуть не был захвачен румынами, а Приморская армия едва не оказалась окруженной и отрезанной от путей снабжения и эвакуации.

Как и в предыдущей книге, основной упор делается на описание применявшихся обеими сторонами тактических приемов и анализу хода боевых действий. Много места уделено анализу обоснованности принимаемых командных решений и причин, ставших основой их принятия.

Если Вторую мировую войну часто называют «войной моторов», то оборону Одессы можно с полным правом назвать «войной артиллерии». Читатель узнает, какую роль в обороне Одессы сыграли корабли Черноморского флота, как оборона города изменила сами доверенные представления об их применении.

Во время обороны Одессы впервые была создана корректировочная служба флота, во многом определившая ход сражений за Одессу, Севастополь, Новороссийск и судьбу многочисленных десантных операций.

Румынским войскам пришлось искать приемы, позволяющие нейтрализовать участие Черноморского флота в боевых действиях. История поисков таких решений, в дальнейшем приведшая к катастрофическому развитию событий уже во время обороны Севастополя, также подробно рассматривается в книге.

Большое внимание в книге уделяется многим героическим и трагическим событиям, не привлечшим в свое время должного внимания исследователей. В обороне Одессы, как в зеркале, отразились все проблемы, стоявшие перед Красной армией и страной в тот период.

Имели место и попытки перекладывания ответственности, и принятие неоправданных решений, равно, как и старание огромного количества бойцов и офицеров, не считаясь ни с чем, в том числе и с опасностью быть обвиненными в паникерстве и пораженчестве, до конца выполнить свой долг.

В книге приведено большое количество схем боевых действий, сделанных штабистами Приморской армии, использованы практически все доступные в настоящий момент архивные материалы по Приморской армии и значительная часть материалов по участию в боевых действиях кораблей ЧФ и частей Одесской военно-морской базы. Восстановить последовательность и детали боевых действий помогли журнал боевых действий Приморской армии, приказы и распоряжения командования Приморской армии и Одесского оборонительного района, донесения, оперсводки и записи переговоров частей, принимавших участие в обороне города.

Надеюсь, что после знакомства с этой книгой представление читателя об обороне Одессы изменится и эти два слова станут значить для него несколько больше.

Все замечания и предложения, возникшие после знакомства с книгой, прошу направлять мне на электронную почту по адресу: superkwest@mail.ru

НА ДАЛЬНИХ ПОДСТУПАХ

ПОЯВЛЕНИЕ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ РУБЕЖЕЙ (5 ИЮЛЯ—31 ИЮЛЯ)

На фоне катастрофических событий первых недель войны боевые действия на южном фланге созданного 24 июня Южного фронта развивались некоторое время относительно благополучно. Да и создавался сам Южный фронт, как указывалось в директиве №1 его командующего, *«для объединения действий наших войск против войск противника, развернувшихся в Румынии».*

Действовать на территории Румынии войскам фронта почти не пришлось, если не считать небольших десантов, высаженных на румынский берег Дуная в июне 1941г., но перспектива возникновения необходимости оборонять Одессу — первый крупный Черноморский порт, расположенный на пути движения противника к Кавказу, еще долгое время казалась советскому командованию нереальной. Как вспоминал впоследствии начальник штаба Приморской армии, полковник Крылов: *«В первой половине июля лично я вообще не думал, что фронт может вскоре придвинуться к Одессе, относительно далеко от нашей сухопутной границы».*

Среди советского командования впервые мысль о возможности оборонять Одессу высказал человек, лучше всех владевший информацией о развитии обстановки на южном направлении, — начальник штаба Южного фронта генерал-майор Шишенин.

5 июля в разговоре с начальником инженерных войск Южного фронта генерал-майором Хреновым он поинтересовался, *«как у нас обстоит дело со строительством оборонительных рубежей под Одессой?»* — и в ответ услышал, что «фронт еще к строительству не приступал».

На момент этого разговора прямой угрозы Одессе еще не возникло, и о возможном взятии города, кроме Шишенина, пока не думал никто: ни по ту, ни по эту сторону фронта. Начальник генерального штаба вермахта генерал-полковник Гальдер только через 2 недели решил, что *«теперь следует приступить к операции по овладению*

Одессой», а командующий Одесским военным округом генерал-лейтенант Чибисов, руководивший оборонительными мероприятиями, тратил все имеющиеся силы на совершенствование противодесантной обороны Одессы — как с воздуха, так и с моря.

Шишенин не питал особых иллюзий относительно возможностей дальнейшего развития событий: *«На юге, в устье Дуная, мы пока стоим прочно. А на севере правый фланг восемнадцатой уже за Днестром. Естественно, Юго-Западный отступает, двенадцатая армия отошла, открыла наш фланг. А в центре, на бельцинском направлении, какой уж выступ? Если и здесь противник форсирует Днестр, то, скорее всего, повернет на юг, к морю».*

В результате Хренов получил указание в течение 5 дней подготовить «планы строительства для прикрытия Одессы, Николаева, плацдармов на Ингульце и Днепре» и на следующий день выехал в Одессу.

В Одессе на тот момент проводились только мероприятия, характерные для всех городов, оказавшихся в сфере досягаемости противника и получивших с выходом директивы ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 29 июня статус прифронтовых областей: на предприятиях велась подготовка к возможному демонтажу наиболее ценного оборудования, формировались истребительные батальоны, роты МПВО и аварийно-восстановительные команды. Одесская военно-морская база спешно укрепляла позиции береговых батарей и противодесантную оборону. По выражению генерал-лейтенанта Чибисова, Одесский военный округ действовал «как-то враслопырку».

Строить оборонительные рубежи было решено, используя в основном людские ресурсы самой Одессы (1), и развернув 3 управления военно-полевого строительства. Сам Южный фронт, правда, не располагал кадрами, необходимыми даже для организации одних только управлений. Поэтому 2 управления было решено развернуть на базе штатов военинженеров Верхнепрутского и Нижнепрутского УРов, свернутых при отступлении. Третье УВПС было развернуто на базе стройотдела Одесского округа. Четвертое управление удалось создать несколько позже за счет отошедшего из Молдавии 2-го УВПС Южного фронта. Оно оказалось самым многочисленным и состояло из 14 батальонов, которые, правда, прибывали в город в течение довольно длительного времени.

За два дня генерал-майор Хренов произвел рекогносцировку вокруг Одессы, успев составить себе представление о том, как должна в целом выглядеть будущая система оборонительных сооружений.

Две основные природные особенности рельефа местности, на которой была расположена Одесса, определили основные черты будущего оборонительного района, сделав его уникальным и не похожим ни на какой другой. К сожалению, обе они только затрудняли организацию обороны, так как изначально город, являвшийся торговым, а не военным, портом, возник в месте, мало пригодном для защиты.

Одна из этих особенностей — обилие лиманов. В 30—40 км от Одессы находился большой Днестровский лиман, а непосредственно к самому городу тянулось с севера и северо-востока много лиманов различных размеров, самыми крупными из которых были Малый и Большой Аджалыкские, Хаджибейский и Куяльницкий. Такой рельеф местности сильно затруднял маневрирование войсками вокруг города, что создавало наступающим гораздо меньше проблем, чем обороняющимся, которые вынуждены были реагировать на уже нанесенные удары, тратя для переброски к угрожаемым участкам значительно больше драгоценного в такой ситуации времени.

Вторая особенность — подъем местности в сторону берега моря. Это затрудняло обороняющимся маскировку позиций и усложняло осуществление огневой поддержки кораблям ЧФ, так как с моря берег практически не просматривался и требовалась дополнительная корректировка огня.

Всего планировалось возвести 4 оборонительных рубежа в форме концентрических полуокружностей, упирающихся в берег. Первый рубеж отстоял от города на 60 км. Второй рубеж отстоял от города на 40 километров, третий — на 25—30. Наконец, предусматривалось строительство и четвертого рубежа, отстоящего на 12—14 км от городской черты, а также возведение нескольких промежуточных и отсечных позиций. Общая протяженность рубежей должна была составить 655 км.

В инженерном отношении рубежи должны были представлять собой систему батальонных районов обороны и опорных пунктов. Перед ними намечалось отрыть по всему фронту противотанковые рвы с эскарпами и контрэскарпами, т. е. крутыми откосами, обращенными соответственно в сторону наступающих или обороняющихся войск.

Сооружение противотанковых рвов в условиях дефицита времени на возведение оборонительных сооружений являлось довольно рискованным мероприятием, так как вражеская пехота, заняв рвы, сама могла их использовать в качестве дополнительных укрытий и мест для сосредоточения. Отрыв рвов неизбежно требовал значительно-

го времени на организацию их прикрытия — как путем возведения дополнительных препятствий и заграждений, так и организацией их обстрела из оборонительных сооружений.

Эти соображения легли в основу плана, разработанного инженерным управлением Южного фронта и 12 июля утвержденного его военным советом. Первоочередные работы должны были быть закончены к 25 июля, но само строительство смогли начать только 17 июля, причем по своей устоявшейся привычке генерал-майор Хренов вел его на трех рубежах одновременно.

Одесский обком КП(б)У 13 июля издал постановление, обязывавшее секретарей райкомов и председателей райисполкомов направить на фортификационные работы в черте города не менее трех тысяч человек.

Не зная темпов возможного продвижения противника, первоначально было решено на передовом рубеже прокладывать противотанковые рвы сначала в 300 а потом и в 150 м перед опорными пунктами, оборудуя их дополнительными орудийными и пулеметными капонирами, способными держать под обстрелом любую точку рва.

Но времени и средств на организацию подобной системы обороны, как оказалось, категорически не хватало. Поэтому на втором, главном рубеже рвы уже не выносились вперед, а включались непосредственно в систему батальонных оборонительных районов. Опорные пункты как бы сходились на ров, ставя его под обстрел противотанковых орудий и ружейно-пулеметного огня.

Одновременное строительство рубежей продолжалось довольно долго. Хренов переключил 2-е УВПС Южного фронта на строительство еще и 4-го рубежа.

Количество горожан, привлекаемых к инженерным работам, постоянно увеличивалось и к концу июля уже втрое превосходило намеченное первоначально. Из одесситов было сформировано 12 фортификационно-строительных батальонов.

КАК ЧЕТЫРЕ РУБЕЖА ОБОРОНЫ ПРЕВРАТИЛИСЬ В ТРИ (1—18 АВГУСТА)

Как и впоследствии под Севастополем, наиболее протяженные первый и второй рубеж обороны возводились наиболее медленно. С начала августа к строительству рубежей прибавилось еще и возведение баррикад на улицах самого города со знаменитыми «воротами» — промежутками для пропуска автотранспорта.

Постепенно становилось все более очевидным, что рубежи в июле достроены не будут. В августе Хренов, не имея ни одного законченного рубежа, решил сосредоточить усилия на достройке двух рубежей: первого и последнего. С наименее протяженного и наиболее законченного четвертого пояса обороны было снято самое мощное, 2-е УВПС и переброшено на строительство первого пояса обороны. Вместо него достраиванием четвертого пояса обороны занялось 83-е УВПС.

Количество одесситов, направляемых на строительство оборонительных сооружений, продолжало увеличиваться. 13 августа Одесский обком партии обязал райкомы и райисполкомы ежедневно дополнительно направлять на работы не менее 3 тыс. человек. А Одесский горсовет принял решение, по которому каждый трудоспособный гражданин должен был отбыть тридцатидневную трудовую повинность. К этому времени на строительстве оборонительных рубежей ежедневно работало уже 12 тыс. горожан.

По существу, в плановом порядке удавалось возводить только отдельные оборонительные сооружения. Так, под одноэтажным особняком на улице Перекопской Победы в Одессе был сооружен хорошо оборудованный подземный КП Приморской армии, круглосуточно возводившийся армейским строительным батальоном, для этой цели переведенным в Одессу из Тираспольского УРа.

Вокруг здания был сооружен сплошной бетонный пояс. Внутренние стены были укреплены металлическими балками, ячейки между которыми также заполнялись бетоном. Был смонтирован дизель-генератор для автономного электропитания, налажена водопроводная сеть от артезианской скважины. Приготовлена была и фильтровентиляционная установка на случай применения противником отравляющих веществ, завезены баллоны с кислородом. Была проложена и подземная патерна, соединявшая подземный КП с наземным, на улице Дидрихсона.

С самими же оборонительными рубежами дела по-прежнему шли неважно. Несмотря на максимально возможное привлечение людских ресурсов из-за крайне ограниченного количества техники работы шли совершенно не удовлетворительными темпами. Около ста автомашин, четыре сотни подвод, трамваи и железнодорожные платформы — вот и вся техника, которую удалось выделить для строительства всех оборонительных сооружений.

Роковую роль сыграло и решение начальника инженерной службы фронта Хренова возводить все 4 рубежа одновременно. Иллюзор-

ность этих планов стала окончательно ясна только 8 августа, когда румыны прорвались к передовому рубежу у Куяльницкого лимана. Личный состав достраивавшего рубеж 2-го УВПС удалось эвакуировать.

После прорыва противника планы строительства были в срочном порядке пересмотрены самым коренным образом и приведены в соответствие со складывающейся обстановкой.

На обоих передовых рубежах решено было полностью прекратить строительство: на первом из-за прорыва его периметра румынами, на втором из-за слишком большого объема незавершенных работ. Второй рубеж сначала попытались закончить хотя бы частично, на участке от Беляевки до Тиллигульского лимана, но потом и это было сочтено бесперспективным. В результате передовым рубежом решено было сделать третий; четвертый, как наиболее законченный, пришлось превратить в основной, а за ним решено было построить еще один, тыловой.

Впрочем, возведение первоначально задуманных рубежей было чрезвычайно проблематичным еще и по другой причине. Фронт обороны на передовом рубеже, строившемся по первоначально утвержденному плану, составлял 225 км. Удержать такой рубеж было возможно только в случае доведения состава Приморской армии до 5—6 дивизий, о которых в Москве Жуков говорил Софронову при назначении его командующим Приморской армией вместо Чибисова. Поэтому первые два рубежа не только некогда было строить. Их еще и нечем было удерживать.

Теперь передовой рубеж оказался изначально расположенным в 20—25 км от города, а основной, и вовсе в 12—14 км, что давало противнику возможность вести обстрел города из тяжелой артиллерии, которую он впоследствии активно использовал. Работы на оставленных рубежах были закончены примерно на половину. То есть если бы не происходило допущенного распыления сил, Одесса могла встретить противника минимум с двумя законченными рубежами.

Назначенный вместо Чибисова новый командующий армией Софронов серьезно подкорректировал планы Хренова и в части строительства противотанковых рвов, резонно потребовав сперва закончить хотя бы стрелковые окопы. Вообще после своего пребывания на Северо-западном фронте Софронов относился к противотанковым рвам с большим недоверием, полагая что от них больше вреда, нежели пользы.

А между тем фронт работ непрерывно увеличивался. Объемы оборонительного строительства резко росли и в самом городе. Помимо запланированных 243 баррикад было развернуто широкое строительство «опорных пунктов», отнимавшее массу времени, средств и людских ресурсов, так необходимых при возведении оборонительных рубежей.

Все крупные каменные дома укреплялись и оборудовались бойницами. Аналогичным образом переделывались и трансформаторные будки. Часть огневых точек сооружалась с использованием каменных заборов. На перекрестках и площадях планировалось строить железобетонные огневые точки. Также строилось огромное количество ходов сообщения. Под них переделывались ливневые канавы и канализационная сеть.

В организационно-тактическом отношении город разбили на шесть секторов. Каждый сектор имел свой гарнизон и план обороны. Во главе его стояли начальник, комиссар и главный инженер. И конечно, в секторах были свои командные пункты, склады боеприпасов и продовольствия, свои пожарные команды, связь и водоснабжение.

Строящиеся баррикады, объединенные в 3 кольца должны были выдерживать попадание снарядов 155-мм орудий, выпущенных прямой наводкой. В передней стенке баррикады, особо прочной, делались бойницы для пулеметов и орудий. Позади воздвигалась еще стенка, и обе они накрывались надежным перекрытием. Таким образом, каждая баррикада представляла собой нечто вроде блиндажа, укрывавшего небольшой гарнизон.

Соседние здания, входившие в баррикадные рубежи, тоже оборудовались как мощные огневые точки, способные вести огонь по атакующим танкам.

Но прежде чем подступить к баррикадам, вражеские танки должны были преодолеть различные препятствия: ежи из рельсов, металлические надолбы, болванки, оплетенные проволокой. На пустырях, в садах и огородах система противотанковых препятствий дополнялась рвами и минными полями.

20 августа, после обвала фронта под Беляевкой, командующий ООР контр-адмирал Жуков отдал распоряжение о срочном завершении подготовки города к уличным боям:

«1. Закончить все работы по баррикадированию улиц г. Одессы:

а) Внешнего обвода оборонительного рубежа, прилегающего к окраине города 23.8 41г.

б) Внутренней части города 25.8. 41г.

2. Баррикады, построенные из гранитного камня, одеть мешками с песком.

3. Все баррикады, построенные с активной задачей, приспособить для ведения огня из них и прилегающих к ним зданий.

4. Ширококолейную трамвайную магистраль проверить и сделать ее готовой для действия бронепоезда.

5. Для выполнения всех работ в указанный срок через представителей районной власти и партийных органов мобилизовать все население и местный транспорт». (2)

Единственно востребованной во всем этом строительстве оказалась только система бомбоубежищ для населения, под которые были оборудованы все подходящие подвалы. Подвалов, впрочем, не хватило, и Хренов, очевидно, уже предвидя, во что скоро выльется возведение оборонительных рубежей по принципу «все и сразу», со второй декады августа отдал распоряжение использовать именно для этих целей городские каменоломни.

Масштабное строительство оборонительных сооружений в городе не имело особого смысла, так как Одесса при грамотной организации обороны еще могла стать вторым, русским, Тобруком (3), но никак не могла стать первым Сталинградом. При полной изоляции города потеря структуры оборонительного района и завязывание широкомащтабных уличных боев скорей всего означали бы неизбежную гибель всех частей, пытающихся обороняться таким образом. К счастью, до проверки эффективности «уличных сражений» в таких условиях дело так и не дошло.

Для производства оборонительных работ в самом городе было создано на базе частично отошедшего к городу управления начальника работ 82-го Тираспольского УР 82-е УВПС. Количество фортификационно-строительных батальонов было доведено до 20, но при таком росте объемов работ завершение внешних рубежей становилось совершенно не реальным.

Частично положение смогло поправить только вмешательство Шишенина. Наблюдая за деятельностью Хренова, начальник штаба после сужения оборонительного периметра понял, что пора вмешаться и в ходе трехчасовой беседы тактично намекнул Хренову, что оборону можно даже теперь строить несколько иначе.

Шишенин не стал критиковать «главного инженера фронта», а разложив карты, обратил его внимание на то, что можно сделать в сложившейся ситуации с имеющимися ресурсами. Шишенин пред-

ложил еще раз пересмотреть план ведения оборонительных работ и еще сильнее уменьшить оборонительный периметр, но не за счет его переноса к городу, как это механически делал Хренов, а сократить фронт обороны за счет площади лиманов. При этом всю систему обороны Шишенин предложил разбить на самостоятельные сектора, поддерживаемые подвижным резервом.

Еще одной проблемой, которую в целом решить так и не удалось, стало водоснабжение города в условиях возможной осады. Одесса в основном снабжалась водой из Днестра, через водозаборную станцию в районе Беляевки. В том, что румыны скоро займут Беляевку, не сомневался даже Хренов. В городе, правда, имелись водохранилища и артезианские скважины. Но в первых, из-за жаркой погоды был крайне низкий уровень воды, а вторых было недостаточно.

Решили бурить новые скважины, хотя эффект от этого не мог быть значительным, так как уже имеющиеся покрывали не более 10 % потребности города в воде. Для этих целей решено было сформировать гидротехническую роту и отряд глубокого бурения. Кроме этого было решено нормировать потребление питьевой воды и ввести обязательное использование морской воды для хозяйственных нужд и тушения пожаров.

ЗАВЕРШЕНИЕ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ РАБОТ (19 АВГУСТА — 5 СЕНТЯБРЯ)

Новый план строительства оборонительных рубежей Хренов разрабатывал дольше предыдущего и подготовил его только после создания Одесского оборонительного района. Военный совет ООР план одобрил, потребовав, правда, от инженерного руководства армии усилить строительство оборонительных сооружений как на рубежах, так и в самом городе.

В соответствии с новым планом основные работы производились на бывшем четвертом рубеже обороны, ставшем теперь главным. Бывший третий рубеж, ставший теперь передовым, нуждался в относительно небольших доделках, но производить их кое-где приходилось уже в пределах досягаемости вражеского огня. Тыловой же рубеж пришлось возводить прямо на окраинах города. Правда, самостоятельного боевого значения он не имел и должен был удерживать противника лишь в случае эвакуации города в течение времени, необходимого для отвода войск.

К сожалению совершенно неожиданное продолжение получили идеи генерал-майора Шишенина о сокращении размеров оборонительного периметра за счет использования водного зеркала. ВС ООР решил в случае прорыва противника к тыловому рубежу сократить размеры оборонительных рубежей за счет затопления низинного района города — Пересыпи — путем взрыва построенной в 1939 г. дамбы Хаджибейского лимана и поручил инженерному управлению подготовить дамбу к уничтожению.

Для командования армии пришлось построить еще один укрепленный командный пункт в районе Аркадии, который должен был использоваться в качестве запасного. Из-за возросшей интенсивности вражеских обстрелов и бомбежек пришлось расширять и сеть бомбоубежищ для населения. Теперь под эти цели должна была также переоборудоваться часть подземных складов, катакомб и водоканализационной сети.

Полным ходом шло и бурение артезианских скважин. В некоторых местах вместо них удавалось отрывать колодцы. Всего в строй было введено 58 новых источников питьевой воды. Этого хватило; правда, воду, как и продукты питания, пришлось выдавать по карточкам.

Рабочих рук для строительства по-прежнему не хватало. Были сформированы еще 4 фортификационных батальона, но численность строительных частей была далека от штатной. Армейские строительные батальоны вообще были укомплектованы только на треть, и численность ни одного из них не превышала 400 человек.

В конце концов главный рубеж, всегда находившийся в наибольшей степени завершенности, все-таки удалось полностью доделать, но произошло это только к 5 сентября.

Общая протяженность главного рубежа составила около 80 км с глубиной обороны до 3,5 км. Рубеж опирался на находившиеся на его линии села и хутора и состоял из 32 батальонных районов обороны, включавших в себя ротные и взводные опорные пункты, огневые позиции артиллерии и минометов.

Всего было открыто около 1500 групповых окопов — на взвод и отделение, соединенных 42 км ходов сообщения и опиравшихся на 256 деревоземляных, кирпичных и железобетонных огневых точек.

Противотанковые оборонительные сооружения на главном рубеже также были закончены полностью. Они располагались не только на переднем крае, но и в глубине обороны и состояли из рвов с эскарпами и контрэскарпами (4), трех-четырёх рядов деревянных надолб, оплетенных толстой гладкой проволокой, ежей из рельсов, мин и фу-

гасов. Глубина рвов достигала 2, 5—3 м, ширина по верху — 6—7. Все они простреливались пулеметным и противотанковым огнем.

Противопехотные проволочные заграждения удалось установить практически на всех участках, правда, различной глубины: от 2 до 5 рядов. Колючей проволоки на заграждения такой протяженности не хватило, и она устанавливалась в комбинации с обычной, усиливаясь противопехотными ежами и рогатками. На наиболее угрожаемых направлениях устанавливались и спирали Бруно. Противопехотные рубежи активно минировались, в том числе и импровизированными минами, изготавливаемыми в Одессе артелью детских игрушек из консервных банок и коробок для киноплёнки. Всего было заложено около 40 тыс. мин. На наиболее опасных участках минные поля дополнялись шрапнельными фугасами.

На угрожаемых направлениях были также оборудованы открытые сверху блокгаузы для зенитных орудий, которые позволяли установленным в них орудиям вести огонь как по воздушным, так и по наземным целям.

Два других рубежа такой законченностью похвастать не могли. Передовой рубеж имел протяженность до 140 км и значительно меньшую глубину обороны — до 2,5 км на угрожаемых направлениях и до 1,5 км на остальных участках. Имевшиеся на нем стрелково-пулеметные окопы часто не имели полного профиля. Также не было закончено и большинство минометных и орудийных окопов. Значительно слабее здесь были также противотанковые и противопехотные заграждения. Тыловой рубеж, проходивший по Одесским окраинам, тоже имел массу недоделок, но, учитывая его назначение, они не являлись слишком критичными.

После сдачи главного рубежа военному совету ООР размах и темпы оборонительного строительства значительно уменьшились. Большая часть военных строителей была влита в боевые части Приморской армии. 388-й и 82-й батальоны вошли в состав 287-го стрелкового полка Чапаевской дивизии, занимавшей позиции в Южном секторе. В этом же секторе заняли позиции 105-й отдельный саперный батальон и 47-й отдельный понтонный батальон, приданный 90-му стрелковому полку. 247-й отдельный саперный батальон и 150-й батальон связи заняли позиции в Восточном секторе. Не имевшие боевого опыта и тяжелого вооружения строительные части, состоявшие из квалифицированных специалистов, потеряли в ходе боев до 50—70 % личного состава.

КАК ОДЕССКАЯ ГРУППА ВОЙСК СТАЛА ПРИМОРСКОЙ АРМИЕЙ (5—19 ИЮЛЯ)

5 июля, очевидно, с подачи начальника штаба Южного фронта генерал-майора Шишенина, после прорыва румын через Прут в ставку главного командования ушло «боевое донесение командующего войсками Южного фронта об обстановке и решении на оборону», в котором сообщалось, что:

«...В результате двухнедельных боев армии Южного фронта продолжают удерживать в своих руках рубеж р. Прут и р. Дунай, за исключением участка Сняты—Штакешти, где правофланговые части 18-й армии отходят на новый оборонительный рубеж в связи с отходом левого крыла ЮЗФ.

Противнику к исходу 4.07 удалось форсировать р. Прут, перебросить на восточный берег до шести пд и одной кд, что вынудило наши части отойти на 20—25 км. Противник создал себе достаточный плацдарм (шириной свыше 100 км и глубиной до 25 км) для развертывания дальнейших наступательных действий в общем направлении [на] Винницу...»

Подозревая, что «..проявляемые противником усилия в Броды—Тарнопольском и Черновицы—Тарнопольском, а также Ровно—Бердичевском и Бельцы—Винницком направлениях подтверждают замысел противника: двойным концентрическим ударом окружить основную группировку Юго-Западного фронта и правого крыла Южного фронта...» командование фронта предлагало «...выполнять поставленные... задачи методом подвижной обороны, опираясь на УРы, р. Днестр», опередившись при этом на линию из шести укрепрайонов (от Каменец-Подольского до Тираспольского) и сосредоточив основные силы фронта ближе к его правому флангу.

При этом планировалось создать «...для обороны Одессы и подступов к ней район в границах Березовка (иск.)—Тирасполь—Опач—р. Чага—оз. Сасик—побережье Черного моря до (вкл.) Николаева», который должна была прикрывать «Одесская группа войск в составе 51, 25, 116 сд, гарнизона Тираспольского УРа и всех частей, имеющих на побережье Черного моря в указанных границах». Командующим Одесской группой предлагалось назначить заместителя командующего войсками Южного фронта генерал-лейтенанта Чибисова.

Однако планы командования фронтом не вполне отвечали чаяниям Ставки. Начальник генерального штаба генерал армии Жуков представлял себе отдельную группу войск несколько иначе... Прежде всего заместителю Народного комиссара обороны не понравилось название «Одесская». Жуков не собирався отступать до самой Одессы и имел на группу войск, которые предлагалось сосредоточить под Одессой, совсем другие виды. Жуков надеялся, что группу войск, которую он предложил, дабы избежать ненужных пораженческих ассоциаций, именовать «Приморской», удастся развернуть в мощную армию, которая будет в состоянии нанести сильный удар по румынам на левом фланге Южного фронта.

По кадровым вопросам у Жукова тоже имелись свои соображения. Чибисов категорически не устраивал его в качестве возможного командующего. Достойной кандидатуры, правда, в Ставке сходу подобрать не смогли, вопрос пока остался открытым, и Чибисов по предложению Военного совета Южного фронта все-таки стал временно командовать вновь созданной Приморской группой, без освобождения его от обязанностей командующего округом. С остальными кандидатурами на руководящие должности ситуация оказалась проще. Жуков сам предложил назначить начальником штаба группы Шишенина, заметив при этом, что ему будет по плечу организовать надежное взаимодействие группы с флотом. Членом Военного совета Приморской группы утвердили бригадного комиссара Осина.

7 июля командующий Южным фронтом получил соответствующую директиву, которую стоит привести полностью.

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ГК № 00226
КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ ЮЖНОГО ФРОНТА
О НАНЕСЕНИИ КОНТРУДАРА И УКРЕПЛЕНИИ
ОБОРОНЫ НА РЕКЕ ПРУТ

Копия: командующему войсками Юго-Западного фронта
7 июля 1941 г. 03 ч 45 мин

Ваше предложение, изложенное в № 723, Ставкой не утверждено, как исключительно пассивное и не отвечающее обстановке. На участке Яссы и до Черного моря противник не способен к активным действиям, и лишь только на участке Яссы—Братушаны он вклинился в оборонительную полосу на 20—25 километров. Эта группировка, при желании активно драться, могла быть контрударом частей нашей обороны смята и отброшена за Прут. Ставка приказала:

Собрать резервы из районов Болград, Черновицы, Бельцы, Кишинев и контрударом отбросить противника за р. Прут. Прорвавшиеся танки противника уничтожить силами 2 мк. К контрудару привлечь всю авиацию фронта, которой непрерывно воздействовать на артиллерию противника и на его боевые порядки.

После отхода 12-й армии за Летицевский укрепрайон правый фланг от Липканы загнуть на Хотин и далее по южному берегу р. Днестр на Калюс, сомкнув фланг с Могилев-Ямпольским укрепленным районом.

Из Каменец-Подольского УРа снять вооружение и оборудование и гарнизоны вывести на усиление обороны коридора между Летицевским и Могилев-Ямпольским УРами на участке Копай-Город—Ольховец. Этот стык должен быть прочно занят полевыми войсками и здесь же держать в резерве одну—две стр. дивизии, артиллерию которых иметь развернутой на огневых позициях.

На участке Яссы—Измаил организовать диверсионные действия небольших отрядов с целью пленения румын и захвата материальной части.

Всю артиллерию РГК отвести и развернуть за УРом на восточном берегу р. Днестр на участке Могилев-Подольский—Рыбница.

3. Против формирования Приморской группы Ставка не возражает. Командующим этой группой т. Чибисов не утвержден, необходимо немедленно подобрать другого.

4. Ставка обращает Ваше особое внимание на необходимость более активной обороны и недопущение прорывов противника, имея в виду, что нам территория Бессарабии нужна как исходный плацдарм для организации наступления.

ЖУКОВ (5)

И в этот же день директивой Военного совета Южного фронта была создана Приморская группа войск «в составе: 25, 51-й и 150-й стрелковых дивизий и частей, расположенных на побережье Черного моря», которой была поставлена задача «прочно прикрывать восточный берег р. Прут, северный берег р. Дунай и побережье Черного моря, не допуская высадки морских и авиадесантов противника».

Такое преувеличенное внимание к вражеским десантам не было случайным. Начальник генерального штаба генерал армии Жуков, поддерживавший мнение, что «Центр Крыма — это сплошной аэродром, что точно известно врагу», опасаясь, что ему устроят второй Крит, желал бороться с неприятельскими десантами не меньше, чем

наступать, о чем свидетельствует множество документов того времени. Вот один из них, демонстрирующий размах проводимых Жуковым мероприятий.

**ДИРЕКТИВА СТАВКИ ГК № 00266
КОМАНДУЮЩИМ ВОЙСКАМИ СЕВЕРНОГО
И ЮЖНОГО ФРОНТОВ, ВВС КРАСНОЙ АРМИИ
О МЕРАХ ПО ПРЕДОТВРАЩЕНИЮ ВЫСАДКИ
И УНИЧТОЖЕНИЮ ДЕСАНТОВ ПРОТИВНИКА**

10 июля 1941 г.

По сведениям разведки, германское командование предполагает выбросить большие воздушные десанты в районе Ленинграда и воздушные десанты в сочетании с морскими в районе Одессы.

Ставка Главного Командования приказывает:

Принять меры предотвращения высадки германских воздушных десантов и в случае их появления решительно уничтожить на земле и в воздухе.

С этой целью выполнять следующие мероприятия:

Организовать систематическую воздушную разведку в расположении противника на глубину до 200—250 км. Систематически, днем и ночью, действиями мелких групп по аэродромам сковывать авиацию противника и срывать подготовку операции.

Срочно привести в боеготовность воздушно-десантные части, располагая их в районе, установленном директивой от 7.07.1941 г. за № 1/0971.

Иметь всегда резерв истребителей и легких бомбардировщиков с готовностью уничтожить воздушный десант в воздушном бою, во время посадки и на земле. Транспортные полки иметь в готовности к погрузке и переброске своих воздушно-десантных частей.

Разработать план действий против воздушных десантов противника. Планом предусмотреть использование тылового штаба округа как штаба, отвечающего за руководство боями против десантов на территории, где нет войск действующей армии. Штабу подчинить отряды местного народного ополчения, милицию и команды Осоавиахима, все школы, в том числе и авиационные, для действий против воздушных десантов.

Все аэродромы, не занятые нашей авиацией, покрыть искусственными препятствиями, установить за ними наблюдение.

б. Иметь на учете авто- и гужевого транспорт и подготовить из него команды для перевозок рот или батальонов истребления воз-

душных десантов. Шоферы должны знать сборные пункты и своих командиров.

Взять на учет мужчин-велосипедистов и из них создать команды разведчиков и передовые отряды.

Командирам и штабам отрядов истребления изучить дороги на основных направлениях и дать указания сельсоветам снять указатели дорог.

Ввести пароли на телеграфных и телефонных станциях и запретить передачу телеграмм, телефонограмм и переговоры между пунктами без получения пароля.

О принятых вами мерах донести 12.07.1941 г.

Начальник Генерального штаба генерал армии ЖУКОВ (6)

Однако из-за быстрого изменения обстановки использование Приморской группы войск для защиты Одессы от десантов прекратилось значительно быстрее, чем использование для аналогичных целей 51-й армии в Крыму.

Первоначально в Приморскую группу войск кроме трех дивизий 14-го стрелкового корпуса вошли в качестве «частей, расположенных на побережье Черного моря» 79-й и 26-й пограничные отряды, Дунайская военная флотилия, Одесская военно-морская база, специальные части и 69-й авиационный истребительный полк, а также штаб, управления и отделы Одесского военного округа. (7)

Но после форсирования румынами Прута у Цыганки и начавшего отхода войск левого фланга Южного фронта в штатном составе и организационной структуре группы войск стали происходить значительные изменения.

Директивой командующего Южным фронтом от 18 июля Приморская группа войск была преобразована в Приморскую армию, после чего было принято решение о расформировании 14-го СК и передаче 150-й СД в распоряжение 9-й армии. Одновременно было принято решение о формировании в Одессе для передачи Приморской армии 1-й кавалерийской дивизии. Также армии были переданы Тираспольский укрепрайон и бригада ПВО. Затем была проведена еще одна «рокировка»: в 9-ю армию была передана 51-я Перекопская дивизия, а оттуда получена 95-я Молдавская дивизия.

Несколько позже, в начале августа, из состава армии в непосредственное подчинение командующего Южным фронтом Тюленева была выведена Дунайская речная флотилия.

В конце июля был назначен уже не временный, а постоянный командующий Приморской армией. Вместо возглавившего резервную

армию Чибисова им стал генерал-лейтенант Софронов, являвшийся до этого заместителем командующего войсками Прибалтийского округа. Как рассказывал позднее сам Софронов, перед его отъездом на Южный фронт, в Москве начальник Генерального штаба Жуков изложил ему свой так и не реализованный план развернуть из Приморской группы войск сильную армию в составе 5—6 дивизий, правда, тут же предупредив, что воевать, возможно, придется в тылу врага. Но главной задачей Жуков по-прежнему продолжал считать удержание плацдарма, с которого не сегодня завтра можно будет перейти в наступление. Членами Военного совета были утверждены дивизионный комиссар Воронин, бывший начальником политуправления фронта, и бригадный комиссар Кузнецов, в прошлом секретарь Измайльского обкома партии. Политотдел возглавил полковой комиссар Бочаров из фронтового политуправления. Начинжем стал служивший ранее в 9-й армии полковник Кедринский,

ЗА ДНЕСТРОМ (25 ИЮЛЯ — 3 АВГУСТА)

К исходу 25 июля главные силы Приморской армии вышли на восточный берег Днестра и заняли оборону от Тирасполя до устья Днестровского лимана. Тираспольский укрепрайон явился серьезной преградой для противника. Он имел около 300 различных инженерных сооружений, гарнизон его практически достигал штатной численности, в пульбатах насчитывалось от 1600 до 1840 человек. УР имел 321 ручной и 610 станковых пулеметов, 47 капонирных орудий.

Опора на Тираспольский УР позволила почти на 12 дней стабилизировать фронт армии. Имея большое количество пулеметных ДОТов, укрепрайон значительное время не только не позволял противнику переправиться через Днестр, но сильно затруднял проникновение на восточный берег даже разведки.

Относительно прочное положение Приморской армии, занятое ею на Днестре, стало причиной изъятия у нее 51-й СД. Рубеж выведенной в резерв командующего фронтом дивизии должна была занять двумя полками последняя оставшаяся в составе армии дивизия — 25-я. Правда, взамен выведенной в состав армии передавалась из 9-й армии 95-я стрелковая дивизия... но со своей полосой обороны. А участок обороны дивизия занимала от Тирасполя до Григориополя, что составляло больше 40 км.

Впрочем, дивизия в армию большей частью вообще не поступила, так как 2 из 3-х ее полков и большая часть артиллерии были включены в ударную группу, спешно сколоченную для ликвидации прорыва противника у Дубоссар.

Ситуация начинала постепенно сползать к очередной катастрофе. Удерживание фактически одной дивизией, пусть и опирающейся на сильный укрепрайон и пользующейся поддержкой Черноморского флота и Дунайской флотилии, 160-километровой полосы фронта, за которой находились Одесса и Николаев, являлось авантюрой.

Поэтому командовавший армией генерал-лейтенант Софронов немедленно обратился к командующему фронтом, прося либо усилить армию двумя дивизиями, либо хотя бы снять с нее ответственность за Николаевское направление, изменив разграничительную линию с 9-й армией. Но генерал армии Тюленев в обеих просьбах отказал, сообщив, что ни одной дивизии передать сейчас не может и что Николаевское направление по-прежнему остается за Приморской армией.

Начальник штаба армии генерал-майор Шишенин, проанализировав сложившуюся ситуацию, пришел к выводу, что главную угрозу для армии представляет Дубоссарский плацдарм, который так и не удалось ликвидировать. Ударив с него встык с 9-й армией, противник мог не только прорвать фронт, но и обойти весь правый фланг Приморской армии. Поэтому начальник штаба предложил немедленно подкрепить правый фланг всеми имеющимися силами. Прежде всего он предложил направить туда 1-ю кавалерийскую дивизию, составляющую резерв армии, а также один из полков 25-й Чапаевской СД. Помимо этого Шишенин предложил выдвинуть на угрожаемое направление пограничников, истребительные батальоны из Одессы, а также все части, которые удастся сформировать из состава Одесской военно-морской базы и населения города.

Командующий армией проникся опасениями своего начальника штаба и в дополнение к предложенным мерам распорядился также подготовить к выдвигению и 2-й полк 25-й дивизии.

В результате для укрепления стыка с 9-й армией по инициативе командования армии были приняты меры, которые через несколько дней были «узаконены» специальной директивой Ставки для командующих войсками фронтов и направлений.

**ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВК
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИМ ВОЙСКАМИ НАПРАВЛЕНИЙ,
КОМАНДУЮЩИМ ВОЙСКАМИ ФРОНТОВ
ОБ ОБЕСПЕЧЕНИИ СТЫКОВ ЧАСТЕЙ, СОЕДИНЕНИЙ
И ОБЪЕДИНЕНИЙ**

5 августа 1941 г.

Опыт многочисленных боев показал, что прорыв оборонительного фронта наших частей почти всегда начинался на слабозащищенных, а часто и совершенно не обеспеченных стыках частей, соединений, армий и фронтов.

Командующие и командиры соединений (частей) забыли, что стыки всегда были и есть наиболее уязвимым местом в боевых порядках войск.

Противник без особых усилий и часто незначительными силами прорывал стык наших частей, создавал фланги в боевых порядках обороны, вводил в прорыв танки и мотопехоту и подвергал угрозе окружения части боевого порядка наших войск, ставя их в тяжелое положение.

Ставка приказала:

Возложить полную ответственность за стыки частей на командиров соединений, которым они непосредственно подчинены.

Вести непрерывную и особенно тщательную разведку на стыках частей (соединений).

Создавать на стыках частей и соединений устойчивую, глубокую оборону с широким применением противотанковых и противопехотных заграждений.

Создавать на стыках полосу сплошного огневого заграждения путем организации перекрестного пулеметного, минометного и артиллерийского огня частей, действующих на фронте и расположенных в глубине.

Располагать за стыками резервы и их контратаками уничтожать прорвавшегося противника.

Держать стыки боевых порядков войск под постоянным и личным контролем старших начальников.

Ставка требует от командиров всех степеней исключительного внимания к стыкам, их прочного обеспечения и величайшего упорства в борьбе за них.

*По поручению Ставки Верховного Командования
Б. ШАПОШНИКОВ (8)*

Но несколько позже, посоветовавшись с членом Военного совета дивизионным комиссаром Ворониным и с находившимся в Одессе бывшим командующим Приморской армии Чибисовым, Софронов принял решение, которого начальник штаба от него никак не ожидал: начать свертывание Тираспольского укрепленного района. Для начала решено было полностью разоружить доты южной части укрепрайона. Доты северной части должны были разоружить только частично: в находящихся в глубине обороны оставлялось по одному пулемету, а в расположенных непосредственно на берегу оставлялось полное вооружение.

Такое решение, конечно, было во многом спорным и рискованным при любом варианте развития ситуации. В случае обхода укрепрайона существовал риск не успеть снять и вывезти вооружение из более чем 200 дотов. И в случае оголения УРа румыны могли без особых проблем форсировать Днестр и создать еще один плацдарм наподобие Дубоссарского. На какой из этих вариантов у противника ушло бы больше времени, понять было сложно.

Но в любом случае силы, высвобожденные за счет свертывания УРа, были использованы не самым лучшим образом: вместо создания единого и хорошо вооруженного резерва армии, которым можно было бы надежно прикрыть любое угрожаемое направление, произошло очередное распыление сил и средств.

Снятые пулеметы пошли на усиление 25-й и 1-й кавалерийских дивизий и частично в резерв командующего армией для довооружения вновь создаваемых частей.

Аналогичная судьба постигла и личный состав укрепрайона. Вместо нескольких пулеметных батальонов в конечном итоге был создан лишь небольшой подвижный резерв на случай, если румыны на каком-либо участке начнут форсировать реку.

В помощь Приморской армии в Одесской военно-морской базе срочно комплектовались 2 морских полка. Впрочем, полками они являлись больше по названию и трехбатальонному составу, а по численности были ближе к батальонам: в одном набралось 1300 бойцов, в другом — около 700. Больше пока взять было неоткуда. Одесская военно-морская база, ставшая приобретать самостоятельное значение только в последние предвоенные годы, по численности была значительно скромнее Севастопольской. И кораблей в ней постоянно находилось тоже немного: два эсминца, дивизион канонерских лодок, тральщики, сторожевые и торпедные катера, а также основательно устаревший крейсер «Коминтерн». Поэтому в состав полков зачисли-

ли и школу младших командиров, и различные береговые команды, и всех, без кого можно было обойтись на кораблях, батареях и постах связи.

Но вооружить и такие полки оказалось не так просто — винтовки для них собирались по всем подразделениям базы. С остальным снаряжением и вооружением дела обстояли ничуть не лучше, что, впрочем, было в то время типично для всех флотов и баз. Даже в Севастополе, главной базе Черноморского флота, современного автоматического оружия хватило только для вооружения одной бригады.

Поэтому моряков решено было довооружить самодельными, так называемыми «одесскими гранатами». Вместо тротила в них заливалась селитра, перемешанная с древесными опилками. Корпусами подобных гранат часто служили просто консервные банки с припаянными рукоятками. Из-за дефицита металла и отливочных форм в качестве рубашек для таких гранат использовалась 3-мм проволока. Из-за нехватки гранат моряки и получили бутылки с горючей смесью, массовое изготовление которых было тут же налажено кустарным способом.

Но первая партия выпущенных бутылок с горючей смесью оказалась с серьезными дефектами. Для того чтобы быстрее вооружить 1-й морской полк, передаваемые ему бутылки первоначально не имели запальных пробирок с детонирующим составом. Вместо него использовалась вставляемая в горлышко бутылки пакля, смоченная бензином. В результате использования подобных бутылок в полку даже во время тренировок бывали случаи, когда от таких бутылок загоралась не цель, а пытавшиеся метнуть в нее бутылку моряки.

В результате, после вмешательства ВС ЧФ, обком партии принял решение о расконсервации стекольного завода и выпуске на нем 20 тыс. бутылок с запальными пробирками. Предприимчивые полиграфисты не упустили случая козырнуть достигнутым успехом, и на обертках запалов появились надписи: *«Товарищ! Запал и бутылка с горючим подготовлены в Одессе. Подожди танк, рвущийся в наш родной город!»*

Ни саперных лопаток, ни тем более средств связи первые морские полки не получили. Не имели они и какой бы то ни было артиллерии. Поэтому поступивший в распоряжение армии наиболее многочисленный 1-й полк было решено использовать в качестве резерва для правого фланга армии. А 2-й и вовсе оставить для прикрытия порта.

Еще один полк удалось сформировать на базе подразделений НКВД. Основой для него послужил 26-й погранотряд. Вот тут во-

просов с вооружением не возникло, так как органы НКВД проблем с оружием практически не имели.

Также резервом считались отряды народного ополчения и истребительные батальоны. Численность народного ополчения в Одессе постоянно колебалась, так как его отряды формировались по образцу истребительных батальонов, т. е. по иррегулярному принципу. Его бойцы проходили ежедневно 2—3 часа военной подготовки, а затем возвращались к своим обычным обязанностям. Часть из них эвакуировалась вместе с предприятиями или привлекалась к оборонительным работам.

Сами истребительные батальоны, которые по одному формировали все 7 районов Одессы (и еще один был создан из железнодорожников) были величиной более постоянной, так как в них всегда поддерживалась определенная численность. Но бойцы этих батальонов получали только самые элементарные навыки обращения с винтовкой или пулеметом и гранатами. Они не имели никакого снаряжения и должны были являться на сборные пункты по сигналу тревоги. К тому же часть их состава представляли женщины. Реальная боеспособность таких «частей» также была крайне низкой, но тем не менее и они фигурировали в оборонительных планах Приморской армии как резерв на случай вражеских прорывов.

КАК АДМИРАЛ НАЧАЛЬНИКОМ ГАРНИЗОНА СТАЛ (27 ИЮЛЯ — 5 АВГУСТА)

27 июля командир Одесской военно-морской базы контр-адмирал Жуков получил телеграмму командующего Черноморским флотом Октябрьского:

«Жукову. Специально предупреждаю Вас. Независимо от положения на сухопутном фронте, вы не должны отходить. Драться за базу до конца. Понимайте это как боевой приказ: победить или умереть, но никакого отхода. Вам отход запрещен. База и корабли флота будут драться до конца. Никакой эвакуации. Приступить к тренировке батарей и кораблей в стрельбе по суше. Привлекайте к строгой ответственности тех, кто собирается сдавать базу... Моряки никогда не отступали, если приказ не отходить».

Сам Октябрьский имел к этой телеграмме довольно опосредованное отношение. Военный совет Черноморского флота накануне получил от наркома военно-морского флота Кузнецова директиву № 378/ш «Об укреплении сухопутной обороны Одессы» аналогично-

го содержания и телеграмму с приказанием предупредить командира Одесской базы контр-адмирала Жукова, что, независимо от положения на фронте, за Одессу следует драться до последней возможности (одновременно было приказано готовить береговые батареи к стрельбе по сухопутному противнику) и теперь, в свою очередь, доводит их содержание до командования базы.

Телеграмма произвела на командующего базой сильное впечатление. Передавая ее для ознакомления своему начальнику штаба, капитану 1-го ранга Иванову, он сказал:

«Пока не представляю, как одними моряками удержат Одессу. Неделя боев на ближних подступах и на баррикадах — и все будет кончено. Но коль есть прямой приказ, будем биться до последнего.»

Присутствовавший при разговоре заместитель начальника штаба капитан 3-го ранга Деревянко, воспользовавшись, как он вспоминал впоследствии, *«правом младшего первым излагать свое мнение»*, заметил Жукову, что *«из телеграммы не вытекает, что на моряков возлагается ответственность за Одессу. Только за базу. И не исключается возможность поворота всей Приморской армии к Одессе, на юго-восток»*.

Начальник штаба обобщил мысль своего подчиненного более осторожно: *«Комфлота поставил нам задачу удерживать базу. Позвольте в рамках этой задачи подготовить вам предложения штаба»*.

Жуков не возражал, однако смотрел на ситуацию несколько шире своих штабистов:

«Может произойти непредвиденное, и тогда, начав борьбу за базу, мы втянемся в борьбу за город. Комфлота не уверен, что армия отойдет к Одессе. Надо быть готовыми и к худшему. Готовьте предложения по двум вариантам — самостоятельно и совместно с армией».

В результате было решено: кроме разработки двух вариантов плана обороны ВМБ отправить Деревянко в штаб Приморской армии для уточнения обстановки на месте.

Обстановка оказалась тревожной. Части 11-й немецкой и 4-й румынской армий захватили на стыке 9-й и Приморской армий плацдарм у Дубоссар глубиной 5 и шириной по фронту 8 км. Командование Приморской армии настойчиво интересовалось, чем может помочь Одесская военно-морская база стабилизации положения на Днестре.

Первый разговор об этом состоялся у Деревянко с полковником Крыловым, занимавшим в то время должность заместителя началь-

ника оперативного отдела штаба Приморской армии. *«Наша 95-я дивизия ведет бои на южном фланге плацдарма. Для ее усиления направляем части. Чем ей может помочь база?»* — поинтересовался у Деревянко начальник оперативного отдела и услышал в ответ: *«База своей авиацией уже неделю помогает Приморской. Жуков сегодня подтвердил решение поддержать авиацией войска на Днестре. Днем две эскадрильи бомбардировщиков СБ могут сделать три боевых вылета, а ночью две эскадрильи гидросамолетов МБР-2 — один вылет».*

Про помощь, которую база может оказать Приморской армии, Деревянко пришлось доложить и начальнику штаба армии армии генерал-майору Шишенину. Ничего утешительного для командования базы Деревянко в штабе армии, конечно, не услышал, о чем и сообщил командиру базы на совещании командиров и комиссаров частей и соединений базы, проведенном вечером этого же дня. Жуков приказал повесить карту и доложить обстановку всем собравшимся.

После доклада Жуков зачитал телеграмму командующего флотом и приказал готовиться к боям на суше.

Из личного состава базы было решено сформировать сводный сухопутный отряд моряков под командованием майора Морозова. Этот отряд, просуществовавший меньше недели, по сути явился первым подразделением морской пехоты Черноморского флота. В дальнейшем этот отряд влился в формируемые в базе два морских полка, а его командир Морозов был назначен командиром первого из них.

Строительство оборонительных рубежей продолжалось все более убыстряемыми темпами, но при этом вопрос, займет ли их Приморская армия, так и оставался нерешенным.

1 августа командующий Приморской армией генерал-лейтенант Софронев неожиданно назначил командующего военно-морской базой Жукова начальником гарнизона Одессы. В штабе Одесской военно-морской базы такое назначение не вызвало никакого энтузиазма, а напротив, явилось для ее командования еще одним подтверждением того, что Приморская армия скорее всего будет отведена от города и оборонять Одессу придется силами самой базы. Военный совет Черноморского флота смотрел на ситуацию несколько иначе. В полученной от него телеграмме возложение ответственности за оборону города на командование базы считали оправданным и закономерным:

«Жукову. В связи с положением на фронте возможен выход Приморской армии из Одессы. В этом случае руководство обороной

Одессы в целом остается за вами. Очевидно, командарм исходил из этих соображений, назначив вас начальником гарнизона. Надо принять это назначение.

Октябрьский. Кулаков».

В связи с таким развитием событий командование базы стало предпринимать дополнительные усилия по укреплению обороны города.

Сводный сухопутный отряд было решено развернуть в полк. Береговые инженеры базы Павлов, Цигуров, Каменецкий, Лепехин и Еремин составили схему размещения баррикад в городе и стали готовиться к их строительству. Были взяты на учет все воинские подразделения, расположенные в городе, и стал готовиться план обороны города «на ближайших рубежах» с учетом имеющихся сил. В штабе базы готовили сухопутные карты, планшеты и таблицы для ведения огня.

Также было решено укрепить подходы к береговым батареям, установив проволочные заграждения и минные поля.

Оборона города силами базы предполагала активное использование береговых батарей, но при этом наличных сил могло не хватить даже для их удержания. В связи с этим Жуков запросил командование флота: если придется при отходе подрывать батареи, следует ли подрывать и бетонные блоки, имея в виду восстановление батарей в будущем?

Октябрьский, не рискнув принять решения по вопросу, в котором любое неверное указание могло быть истолковано как вредительство, запросил главморштаб, который доложил о запросе Кузнецову. Слово «отход» в те дни действовало на Кузнецова, как красная тряпка на быка, и воспринималось совершенно однозначно.

Командование Черноморским флотом получило 4 августа директиву № 3/294 о задачах флота при обороне Одессы и телеграмму, поясняющую ее содержание. В телеграмме, общий смысл которой сводился к установке «Стоять насмерть!», настолько категорично подчеркивалось, что пока батареи не будут разрушены противником, ни о каком их оставлении не может идти речь, что Октябрьский на этот раз не стал ее дублировать, а просто переслал в Одессу.

Но такое положение продержалось недолго. Уже на следующий день в штаб базы пришла очередная телеграмма Октябрьского, в которой он по указанию наркома приказывал Жукову «для выполнения задач по обороне Одессы иметь тесную связь с сухопутным командованием по вопросам артподдержки наших войск кораблями и бере-

говыми батареями; войска необходимо поддерживать до последнего снаряда; в случае окружения Одессы нашим войскам будет организована поддержка огнем флота и организовано их питание морем; если наших войск под Одессой не окажется, Одесской базе противостоять врагу самостоятельно. Для обороны Одессы будут назначаться корабли флота до крейсеров включительно».

Вопрос о возможности использования кораблей Черноморского флота для обороны города был по существу решен Кузнецовым еще 3 августа изданием директивы № 402ш «О возможности использования кораблей ЧФ в обороне Одессы», но командующий Черноморским флотом несколько промедлил с принятием решения по этому вопросу, очевидно, ожидая дальнейшего развития событий.

Но вопрос о том, кто все-таки будет оборонять Одессу, так и не был решен окончательно. Поэтому решение о подготовке базы к защите города по двум вариантам по-прежнему оставалось в силе. В базе формировались уже не один, а два морских полка, в которые, кроме добровольцев с кораблей, батарей и учреждений базы, была включена и часть личного состава штаба, политотдела, тыла и служб базы.

Вооружить такое количество бойцов базе, не имевшей собственных запасов стрелкового оружия, было сложно. Подавляющее число винтовок было взято с кораблей и служб базы и некоторая часть — с батарей. В штабе базы для его охраны было оставлено всего 7 винтовок. Личное оружие офицеров штаба базы было передано офицерам 1-го морского полка, многие из которых были назначены с учебных и тыловых должностей и вообще не были вооружены. Но всего собранного в базе оружия хватило только на то, чтобы вооружить 1-й морской полк. Для вооружения 2-го полка оружия не нашлось ни в Одесской военно-морской базе, ни в Приморской армии, и его пришлось запрашивать у командующего флотом. Ни о каком тяжелом вооружении и средствах усиления речь, конечно, идти не могла. В этом отношении полкам и батальонам морской пехоты, сформировавшимся позже в Севастополе и Новороссийске, повезло значительно больше.

Вопрос же об участии в обороне армии продолжал решаться. И чаша весов, в зависимости от развития обстановки, колебалась то в ту, то в другую сторону.

Ухудшение обстановки на Южном направлении сильно изменило имеющиеся планы ведения боевых действий на всех уровнях. Приморская армия не являлась тут каким-либо исключением. Линия обороны армий Южного фронта постепенно смещалась под натиском

противника. Николаев оказался в полосе обороны 9-й армии, а Одесса, в полосе обороны Приморской.

Первоначально командующий Приморской армией генерал-лейтенант Софронов готовился защищать Николаев и уже предполагал перевести свой КП из Одессы в село Нечаянное, находящееся на дороге в Николаев.

Сдавать Одессу без боя, конечно, никто не собирался, о чем совершенно ясно говорили директивы и телеграммы Кузнецова, но какими силами будет осуществляться ее оборона, по-прежнему было неясно.

Однако вскоре возникло решение использовать Одессу для отвлечения на нее значительных сил врага. Кто является окончательным автором такого решения, точно не известно. Впервые оно упомянуто в донесении главнокомандующего Юго-Западным направлением маршала Буденного Ставке от 4 августа.

***Москва Совершенно секретно
Ставка Верховного Командования
т. Сталину***

ПОЛТАВА № 044/ОП 4.8.41 16.15.

Карта 500 000

Обстановка на Южном фронте продолжает развиваться для нас крайне неблагоприятно. Помимо окружения 6 и 12 армий, противнику удалось нарушить устойчивость 18 армии, части которой отходят на юг и тем резко расширяют разрыв с окруженными 6 и 12 армиями. В итоге этого группа противника, прорвавшаяся через Звенигородку, соединилась с войсками, наступающими с запада.

Таким образом, над правым флангом и тылом Южного фронта с севера нависает противник на фронте протяжением 110—120 км от Кировограда до Первомайска включительно. Чтобы парировать угрозу охвата и окружения, нужны подвижные резервы, которых нет. Вновь формируемые дивизии еще не готовы и значительно удалены от решающего района событий.

Единственной силой, которая ведет борьбу с обходящим противником и задерживает его продвижение, является авиация. Однако ее также недостаточно. Выделенные Ставкой на усиление три авиapolка еще не прибыли. К тому же дождливая погода с 1 августа крайне ограничила действия авиации.

Намеченные мною два контрудара, один из района Киев, второй из района Канев, по условиям сосредоточения могут быть одновремен-

но начаты не ранее 10—12 августа. Поскольку обстановка для Южного фронта быстро осложняется, я решил ускорить на 2—3 дня начало контрнаступления из района Канев. Для этого командующему Юго-Западным фронтом приказал в районе Канев сосредоточить 264, 289, 301 сд, 5 кав. корпус, усиленный 34 кав. дивизией, и вновь формируемую одну танковую дивизию. Начало действий намечаю на 6—7 августа.

Учитывая заметное усиление противника на каневском направлении и недостаточную боевую сколоченность вновь сформированных дивизий, предполагаю, что этот удар может в некоторой мере только временно отвлечь противника с южного направления. В отношении нанесения контрудара из района Киев положение также осложняется тем, что противник с утра 4 августа перешел к активным действиям против Киевского УР.

В подобной обстановке, считаю, является своевременным решить вопрос, во-первых, о дальнейшей задаче Южного фронта и, во-вторых, об организации обороны по реке Днепр.

Лично я считаю, является совершенно назревшим разрешить Южному фронту начать отход на рубеж Знаменка—река Ингул—Николаев, поручив оборону Одессы Приморской армии.

По вопросу об организации обороны Днепра дело обстоит так: участок Киев—Черкассы является сравнительно обеспеченным; участок от Черкассы вниз по течению сейчас почти открыт.

Считаю необходимым, не ожидая полного окончания формирования новых дивизий, выдвигать их на левый берег реки Днепр. Конкретно прошу утвердить выдвижение: 297 сд из Лубны — на участок исключительно Черкассы—Градизжск, 300 сд из Краснограда — на участок Кременчуг—Кишеньки, 275 сд из Ново-Московск — на участок Кишеньки—исключительно Днепропетровск, поскольку 273 сд, формируемая в Днепродзержинске, еще не имеет даже срока готовности. 230 сд поручить оборону Днепропетровска, 255 сд из Павлограда выдвинуть на участок исключительно Днепропетровск—исключительно Запорожье, 274 сд поручить оборону Запорожья, 296 сд из Геничеськ выдвинуть в Никополь, поскольку формируемая там 253 сд еще не имеет срока готовности.

Участок Никополь—Херсон протяжением в 180 км прикрыть нечем, кроме как выдвижением сюда 9 стр. корпуса из Крыма. Остальные вновь формируемые дивизии по мере их готовности будут сосредотачиваться на наиболее угрожаемые направления. Одну из них, 284 сд, из Ромны направить Юго-Западному фронту.

Прошу Ставку Верховного Командования:

- 1) Утвердить настоящие соображения.*
- 2) Для обеспечения отхода войск Южного фронта выделить дополнительно два штурмовых авиаполка.*
- 3) Дать указание Черноморскому флоту организовать и прикрыть коммуникации Южного фронта и Приморской армии по морю.*
- 4) Для обеспечения контрудара из района Канев выделить три танковые роты Т-34, из расчета по одной на стрелковую дивизию.*
- 5) Приказать ГАУ нарядить негодное для армии оружие для вооружения народного ополчения на Украине.*

*С. Буденный
Покровский (9)*

Одновременно Буденным и его начальником штаба генерал-майором Покровским был предложен в общих чертах и план обороны Одессы.

Замысел Буденного и Покровского состоял в том, чтобы путем удержания Одессы приковать к ней как можно больше вражеских войск, облегчив тем самым положение войск Южного фронта.

Предложение Буденного об организации обороны Одессы силами Приморской армии вызвало в Ставке большой интерес.

Вечером 4 августа начались телеграфные переговоры между заместителем начальника Генерального штаба генерал-майором Василевским и начальником штаба Юго-Западного направления генерал-майором Покровским:

В: Для доклада Ставке доложите соображения Главкома ЮЗН по обороне Одессы Приморской армией в соответствии с представленным вами планом.

П: По плану обороны удержание Одессы имеет большое политическое и оперативное значение. Противник будет постоянно связан на фланге. Оборона Одессы мыслится в условиях господства нашего флота на Черном море.

Буденный и Покровский рассчитывали на то, что большое количество водных преград позволит оборонять город сравнительно небольшими силами:

«Наземная оборона Одессы облегчается наличием на флангах значительных водных рубежей в виде Днестровского лимана на западе и Куяльницкого, Хаджибейского лиманов на северо-востоке и востоке. Для этого состав Примармии на первое время можно определить в три стрелковых дивизии и народного ополчения. Для прикрытия

с воздуха добавить все средства ПВО, которые там есть сейчас, и добавить полк истребительной авиации». (10)

Телеграфные переговоры о различных способах удержания Одессы продолжались до утра. А в 18 ч. 10 мин. 5 августа Ставка сообщила своей директивой, направленной главнокомандующему Юго-Западного направления Буденному, командующему Южным фронтом Тюленеву и командующему ЧФ Октябрьскому о том, что предложение отвести войска фронта на линию реки Ингул отклонено, а Одессу надлежит оборонять до последней возможности.

**ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВК № 00729
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ
ЮГО-ЗАПАДНОГО НАПРАВЛЕНИЯ,
КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ ЮЖНОГО ФРОНТА
О ПОРЯДКЕ ОТВОДА ВОЙСК**

Копии: командующему войсками Юго-Западного фронта, командующему Черноморским флотом

5 августа 1941 г. 18 ч 10 мин

С предложением маршала Буденного о рубеже отвода войск Южного фронта за линию реки Ингул Ставка никак не может согласиться. Ставка приказывает:

При отводе войск Южного фронта занять линию восточный берег Днестровского лимана до Беляевки, от Беляевки на Ротмистровку, Березовку, Вознесенск и далее на Кировоград, Чигирин.

Отвод производить в ночное время и этапами, прикрывая сильными арьегардными боями, и закончить его не позже 10 августа.

Одессу не сдавать и оборонять до последней возможности, привлекая к делу Черноморский флот.

Ставка разъясняет, что линию отвода, только что указанную Ставкой, никак нельзя смешивать с оборонительной линией, о которой вчера тов. Сталин говорил с тт. Кирпоносом и Хрущевым [1], имея в виду, что линия отвода должна быть западнее оборонительной линии, а последняя должна отстоять от первой в тылу километров на 100—150.

Ставка Верховного Командования:

**СТАЛИН
ШАПОШНИКОВ (11)**

Впрочем, в Одессе о принятых решениях еще не знали, и руководящими документами для командования Одесской ВМБ пока являлись телеграммы командующего ЧФ и распоряжения ВС ЧФ, отдаваемые на основании директив наркома ВМФ Кузнецова.

ЗЕНИТНАЯ ВОЙНА

После отхода Приморской армии за Днестр в боевых действиях возникла относительная пауза, во время которой немецкая авиация с 22 июля начала активные налеты на Одессу. Налеты часто повторялись по несколько раз в сутки, и с их отражением неожиданно возникли определенные трудности, несмотря на то что Одесса имела достаточно сильную по стандартам того времени противоздушную оборону.

Город и наиболее важные объекты в его окрестностях прикрывала 15-я отдельная зенитно-артиллерийская бригада ПВО полковника Шиленкова. Непосредственно город с северного, западного и южного направлений прикрывал 638-й зенитно-артиллерийский полк, имевший пять дивизионов трехбатарейного состава с 85-мм зенитными пушками и ПУАЗО-3. 73-й зенитно-артиллерийский полк Черноморского флота прикрывал военно-морскую базу, а также город с восточного направления.

Достаточное внимание уделялось и прикрытию особо важных объектов. 27-й дивизион МЗА прикрывал водонасосную станцию в Беляевке, крекинг-завод и нефтебазу. 162-й отдельный зенитный пулеметный батальон совместно с пулеметным батальоном 73-го зенитного артполка был поставлен на оборону штаба Одесского военного округа, вокзала и станций Застава, Товарная и Сортировочная.

6-й отдельный дивизион аэростатов заграждения в ночное время прикрывал город одним отрядом с северного направления, вторым — с южного, а третьим — важнейшие объекты внутри города. 21-й отдельный прожекторный батальон совместно с прожекторной ротой 73-го зенитного артполка создавали световое обеспечение на восточном, юго-восточном и юго-западном направлениях.

Однако в системе ПВО имелись и слабые места. Ни 15-я бригада, ни флотский артполк не имели системы оповещения о приближении авиации противника со стороны моря. Практичные немцы выявили эту особенность Одесской ПВО еще в первые дни войны, прощупывая оборону города налетами мелких (12) групп бомбардировщиков. После чего начались налеты на военно-морскую базу крупными группами — до 30 машин.

Налеты немцы проводили в сумерках или на рассвете, подходя в основном со стороны моря. В это время суток воздушные цели в оптические приборы на значительном расстоянии практически не видны, а освещение прожекторами дает слабый эффект.

В результате командование ВМБ было вынуждено выделить 5 старых катеров для несения «противовоздушного дозора». Все катера получили радиостанции и в основном для экономии топлива дрейфовали в выделенных участках примерно в 20 милях от берега. Специфика защиты флотских объектов, расположенных либо у причалов, либо близко к урезу воды, потребовала выдвинуть наиболее дальнобойные 85-мм орудия к берегу моря.

После этого у немцев пропала страсть к морским прогулкам и они изменили тактику. Теперь немцы стали чаще появляться со стороны суши, причем с тех участков, где фронт ближе всего подходил к городу, зная, что система расположения дальних постов ВНОС ограничивается линией фронта. Постепенно приближение линии фронта к городу позволило им сокращать подлетное время, маневрировать имеющимися силами и добиваться эффекта внезапности.

Так, 5 июля три Ю-88, маскируясь облачностью, совершили налет на водонасосную станцию в районе Беляевки, а через несколько минут повторили налет уже 8 машинами, применив «звездную» атаку с разных сторон.

Истребительное прикрытие Одессы было значительно слабее. 69-й истребительный полк ВВС майора Шестакова и три эскадрильи истребительной авиации Черноморского флота прикрывали рубеж Выгода—Беляевка—Маяки—Френцфельд — *«и в сторону моря до 25 км»*.

При этом управление такими скудными силами осуществляли сразу два авиационных штаба: штаб начальника ВВС армии и штаб 21-й смешанной авиадивизии, у которой из полосы Приморской армии был изъят весь летный состав, кроме 69-го полка. Как вспоминал начальник штаба Приморской армии Крылов: *«Когда я входил в курс дел Приморской армии, создалось, помню, ощущение, что тут больше авиационных начальников, чем самой авиации»*. Впрочем, начальнику автобронетанкового отдела армии распорядиться и вовсе было нечем..

22 июля противник начал активно бомбить порт. Первый массированный налет удалось отразить совместными усилиями 15-й бригады ПВО, морского зенитного полка и истребителей 69-го полка. Однако во время второго авианалета, последовавшего ближе к вечеру, командование военно-морской базы приняло решение вывести военный транспорт «Аджария» из гавани на внешний рейд. На рассвете при очередном налете авиации противника транспорт получил тяжелые повреждения от попавшей в него бомбы и загорелся. В результате по-

вторной атаки транспорт пытавшийся сесть на мель в районе Новой Дофиновки, был добит авиацией противника.

Помимо Одесского порта, водонапорной станции, нефтебазы, штабов и других объектов города немцы часто атаковали и переправы, особенно Каролина-Бугаз, которую пытались разбомбить в течение 5 дней. Истребители участвовали в обороне города в основном при отражении крупных налетов (13), так как довольно часто привлекались к штурмовкам войск противника из-за нехватки бомбардировочной авиации. Применение 69-го истребительного авиаполка в оборонительных целях затрудняло и то, что 2 и 3-я эскадрильи полка в течение месяца базировались на аэродромах подскока на правом берегу Днестра, откуда занимались штурмовкой противника, защищая не столько Одессу, сколько Прут.

При налетах на город бомбардировщики противника обычно имели сильное воздушное прикрытие. Истребители И-16, которыми в основном был вооружен полк, вынуждены были искать новые тактические приемы, позволяющие компенсировать превосходство противостоящих им «мессершмитов» в вертикальном маневре и скорости.

Один из таких приемов ввел командир 95-го ИАП Шестаков, по инициативе которого стало применяться ярусное расположение групп истребителей, названное «Шестаковской этажеркой», ставшее одним из предшественников такого, получившего позднее широкую известность, построения истребительных пар, как «Кубанская этажерка» Покрышкина.

ОТХОД. (4—7 АВГУСТА)

4 августа прервалась проводная связь Приморской армии со штабом Южного фронта. Так Приморская армия первый раз ощутила на себе последствия окружения 6-й и 12-й армий под Уманью и начавшегося продвижения моторизованных частей немцев от Первомайска на Вознесенск.

Штаб Южного фронта в спешном порядке оставил Вознесенск и перебазировался в Николаев. В течение 4 и 5 августа главком Юго-Западного направления согласовывал со Ставкой меры, которые следует принять в создавшемся положении. Впрочем, сами меры сомнения ни у кого не вызывали, было ясно, что Южному фронту неизбежно придется отходить. Определялись только масштабы этого отхода.

В результате 5 августа новые рубежи для Южного фронта были назначены директивой Ставки № 00729:

«..4. При отводе войск Южного фронта занять линию восточный берег Днестровского лимана до Беляевки, от Беляевки на Ротмистровку, Березовку, Вознесенск и далее на Кировоград, Чигирин...»

6 августа, в соответствии с этой директивой, войска Приморской армии получили приказ отходить на рубеж Березовка—Катаржино—Раздельную—Кучурганский лиман. Таким образом правый фланг армии оттягивался от Днестра, разворачиваясь к северу, а левый по-прежнему оставался у Днестровского лимана. Главком Юго-Западного направления маршал Буденный передал в состав Приморской армии 30-ю стрелковую дивизию. Обрадованное командование Приморской армии тут же нарезало ей полосу обороны, но занять ее дивизия не успела.

В связи с поставленной Ставкой задачей штаб армии перебазировался в Одессу, где, сообразуясь с приказом Главкома и выделенными силами, генерал-лейтенант Софронов отдал армии приказ занять оборону на следующих рубежах:

30-й стрелковой дивизии, передаваемой из 9-й армии,—по линии Березовка—Демидовка—Анатолевка—Силовка;

95-й стрелковой дивизии — по линии Жеребково—Катаржино—Кошары—Раздельная;

31-му и 287-му полкам 25-й стрелковой дивизии — по линии Раздельная — Миролюбовка — Баден—Граденицы — Маяки — Каролина-Бугаз.

1-я кавалерийская дивизия и 54-й полк 25-й стрелковой дивизии отводились в резерв армии.

Смысл такой конфигурации обороны был тот же что, и на Днестре: наибольшее внимание уделялось угрожаемому правому флангу, и на случай его прорыва или обхода выделялся подвижный резерв, который теперь планировался настолько значительным, что уже приобретал оперативно-тактическое значение.

Однако план Софронова имел одно очень уязвимое место: части должны были занять позиции на законченном не больше чем наполовину оборонительном рубеже в открытой степи, причем сил для удержания такого рубежа было совершенно не достаточно. По сути, положение армии после такого отхода ухудшалось по сравнению с тем, что она занимала на Днестре.

Но отойти на новый рубеж части армии так и не успели. 8 августа немцы предприняли новое наступление на войска Южного фронта, причем не с северного направления — от Вознесенска, а с западного.

Так долго ожидаемый начальником штаба Шишениным удар встык с 9-й армией, вызывавший наибольшие опасения у командования Приморской армии, наконец был нанесен.

И попала под этот удар вместе с 51-й дивизией 9-й армии и 30-я стрелковая дивизия. Прорыв трех немецких дивизий под Жовтенем рассек ее на 2 части, причем большая из них оказалась на стороне 9-й армии. Связь с дивизией была потеряна. Из трех посланных штабом армии делегатов связи двое вернулись обратно, не сумев пройти через немецкие порядки, третий пропал без вести.

В последнем донесении, полученном от командира 30-й СД вечером 9 августа сообщалось о быстром продвижении противника:

«Силовка утром занята противником, наши части занять не успели. Лубетаевка занята в 12.00. Мелкие группы пр-ка проникли из Демидовка на юг в направлении уч. Хоз. Красный Агроном, противник имеет танки. Связи с соседями не имею. Прошу поддержать меня действиями из района Петровское и жду срочных указаний о дальнейшем». (14)

Правда, через немцев с группой бойцов до штаба армии смог пробиться комиссар 30-й дивизии Дибров. Софронов, видимо, еще не успевший полностью оценить масштабов происходящего, тут же поставил дивизии новую задачу и показал Диброву на карте новый рубеж, который она должна была занять. Обрадованный командарм даже выделил Диброву из армейского резерва два десятка пулеметных расчетов.

До своей дивизии Дибров добраться уже не смог, но большое количество пулеметов по крайней мере позволило ему благополучно выйти к Николаеву, где он наконец смог разыскать части своей дивизии, от которой на тот момент уже мало что осталось.

Потеря 30-й СД в такой ситуации стала для командования Приморской армии сильным потрясением. Высшие политработники армии считали виновником происшедшего то 9-ю армию, которая, по словам ЧВС армии бригадного комиссара Кузнецова, *«при отходе на Николаев утащила... одну из трех дивизий»*, то само командование 30-й стрелковой дивизии, на которое другой член Военного совета, дивизионный комиссар Воронин, счел нужным пожаловаться начальнику главного политуправления Красной армии. В своем донесении армейскому комиссару 1-го ранга Мехлису Воронин, несколько сгустив краски, сообщил, что *«дивизия боевого приказа не выполнила, командование дивизии приняло решение отходить на Николаев, а не на Одессу. Считаю, что руководство 30 СД совершило тягчайшее*

государственное преступление. Оно поставило в тяжелое положение Приморскую армию. Военный совет Приморской вынужден был в связи с побегом 30-й СД принять решение отойти на невыгодный рубеж, так как нечем было закрыть участок, предназначенный 30 СД».

В заключение Воронин просил «привлечь руководство 30 СД к ответственности за невыполнение боевого приказа», считая, что «они испугались положения, когда увидели, что сзади Одессы суши нет, а только море, очевидно, привыкли отходить и не были настроены бить врага на подступах к Одессе».

А Софронов продолжал посылать кавалерийские разъезды, надеясь установить связь с 30-й стрелковой. В конце концов задачу установить взаимодействие с соседом справа получила вся 1-я кавалерийская дивизия.

Впрочем, связь была прервана не только с 30-й дивизией. Не было никакой связи с 9-й армией и даже с некоторыми частями самой Приморской армии, двигавшимися в момент начала немецкого прорыва к назначенным Софроновым рубежам.

В такой обстановке, не зная, где теперь находится противник, обходящий правый фланг армии, и где находится сам этот фланг, командование армии сделало все возможное для того, чтобы не утратить контроля над положением и не допустить обвала линии фронта на своем участке.

Генерал-лейтенант Софронов отдал приказ срочно снять оставшееся еще в Тираспольском УР вооружение и вывести из него личный состав пульбатов, направив их на прикрытие правого фланга, где из-за отсутствия 30-й дивизии и отхода 9-й армии образовалась значительная брешь, протяженностью не менее 50 км, размеров которой на тот момент никто точно не знал. Все 47 76-мм капонирных орудий пришлось подорвать, так как эвакуировать их уже не успевали. Пулеметные же доты не удалось даже взорвать, так как заранее к подрыву они не готовились, а теперь на это уже не было времени.

В условиях отступления немедленно возникла нехватка транспорта. Из УРА нужно было вывезти около 3,5 млн патронов и 5 боекомплектов снарядов к имевшимся орудиям. Поэтому часть пульбатов была вынуждена двигаться из ТИУРа пешим порядком. Высвободившиеся после перевозки машины немедленно посылались к ним на встречу.

Два пульбата эвакуировать на машинах так и не смогли, и им пришлось добираться до Карпово пешком. Скорей всего, во время движе-

ния они понесли значительные потери, так как для усиления правого фланга они использованы уже не были, а по распоряжению Шишенина направились в Одессу на реформирование.

Но этого было недостаточно. Чтобы прикрыть участок такой протяженности, который должна была бы занять при отходе 30-я стрелковая дивизия, в район между Куяльницким и Тилигульским лиманами пришлось выдвинуть все наличные резервы, которыми располагал город — 1-й морской полк, сформированный из моряков Одесской военно-морской базы. 26-й полк НКВД, развернутый из 26-го пограничного отряда, усилив их 54-м полком 25-й Чапаевской дивизии. Все эти части были сведены в группу, ставшую известной сначала как сводный отряд, а потом и как группа Монахова, по фамилии возглавившего ее комбрига Монахова, занимавшего в штабе ОдВО должность начальника управления боевой подготовки.

Подвижный резерв армии — 1-я кавалерийская дивизия — получила приказ выдвинуться в район Сербка-Благоево в 55—60 км севернее Одессы. Как стало известно позже, этом направлении уже двигались 72-я немецкая пехотная дивизия и румынская кавалерийская бригада.

Но 1-я кавалерийская дивизия, до этого безуспешно пытавшаяся по распоряжению Софронова установить контакт с соседом справа, очень быстро столкнулась с обходившими фланг армии частями противника. Полки дивизии, двигавшиеся изолированно друг от друга, чтобы прикрыть возможно больший участок фронта, не могли принять бой с подвижными частями румын в открытой степи и избегая окружения, вынуждены были начать отход, пользуясь любыми свободными направлениями. Связь между штабом дивизии и полками прервалась, и ее командир, генерал-майор Петров вынужден был носиться по степи на автомобиле, собирая разрозненные части.

7 августа штабом армии, сделавшим для себя определенные выводы из ожесточенных боев последних недель, было отдано следующее распоряжение командованию всех дивизий:

«Весь призывный контингент при отходе отводить, направляя в тыловые райвоенкоматы для направления в запасные части армии».
(15) Но отступающим частям армии было не до облав на мужское население призывного возраста.

Ситуация для армии складывалась крайне неблагоприятно: части ее центра и правого фланга в момент прорыва находились в движении по открытой степи к недостроенному оборонительному рубежу, находясь на значительном удалении друг от друга, и в значительной

степени потеряли связь со штабом. Из-за того что части Приморской армии отходили на Одессу, а части 9-й армии — на Николаев, т. е. по расходящимся направлениям, разрыв между ними неуклонно увеличивался. Румынские части немедленно начали движение вперед, против Приморской армии, поддерживая немцев слева. На более чем 60-километровом открытом пространстве от Карпово до Тилигульского лимана стали завязываться многочисленные маневренные бои.

МАНЕВРЕННАЯ ОБОРОНА (8—13 АВГУСТА)

Из всех частей 1-й кавалерийской дивизии наиболее крупное бое-столкновение с противником имел 5-й кавполк под командованием капитана Блинова. Полк отходил в направлении Капитановки. Впереди полк имел сабельные эскадроны, посередине — штаб, службы обеспечения, обоз и артиллерийскую батарею, позади двигался в качестве прикрытия пулеметный эскадрон на тачанках. Столкнувшись вечером в районе поселка Кубанка около Куяльницкого лимана с легкой бронетехникой разведывательного батальона 72-й пехотной дивизии немцев, полк вовремя успел ввести в бой батарею 76-мм орудий. 2 бронемашин оказались повреждены. Ночью полк имел преимущество перед противником, поэтому Блинов принял решение оставаться в Кубанке, не отходя пока дальше.

В течение ночи немцы не обнаружили желаний продолжать бой, и экипажи обеих бронемашин, не имея поддержки, вынуждены были сдать подобранным к ним в темноте кавалеристам. Утром 9 августа полк разыскал Петров, вся дивизия которого успела за ночь сосредоточиться в районе Капитановки, и Блинов предъявил ему первых пленных.

Почти в аналогичной ситуации столкнулся с бронетехникой противника и 265-й корпусной артиллерийский полк майора Богданова. Приняв по радиации сообщение о том, что противник, сбив заслон, вышел на дорогу Тирасполь—Одесса в полосе отхода 25-й стрелковой дивизии, Богданов рискнул встретить механизированные части противника на открытой местности.

Оба пушечных дивизиона полка были выведены на прямую наводку, а третий, гаубичный, занял закрытую позицию, прикрываясь небольшими холмами. Двигавшаяся в походном порядке немецкая техника была встречена сосредоточенным огнем дивизионов, после чего немцы развернулись в боевые порядки и двинулись к позици-

ям полка. На открытой местности огонь артиллерии крупного калибра даже на довольно большом расстоянии оказался эффективным. Немцы отошли и, перегруппировавшись, попытались обойти полк с фланга, однако были остановлены пехотой, поддержанной огнем гаубичного дивизиона.

Части самой 25-й дивизии смогли закрепиться на рубеже Беляевка—Мангейм—Бриновка, т. е. значительно юго-восточнее первоначально им назначенных позиций, где им удалось остановить противника.

95-я СД, отходившаяся восточнее 25-й, частично смогла удержать назначенный ей рубеж.

54-й стрелковый полк, прикрывая выход частей своей дивизии на новый оборонительный рубеж в районе станции Мигаево, вел бой с передовыми частями 3-й пехотной дивизии противника, пытавшимися прорваться на Понятовку, после чего был выведен в армрезерв в район Благоева. (16)

Подразделения 90-го СП, поддержанные 13-м отдельным разведывательным батальоном и авиацией, выбили противника из Катаржино.

На штурм наступающего противника были брошены эскадрильи 69-го ИАП. Авиация в этот раз была применена грамотно. Истребители штурмовали не немецкие, а румынские части, действовавшие против 25-й и 95-й стрелковых дивизий, которые, отходя с боями, оказывали румынам упорное сопротивление. В течение всего дня через каждые 2—3 часа истребители штурмовали противника. Немцы, занятые обеспечением собственного наступления, насколько могли стали прикрывать с воздуха и румын, но штурмовки все равно продолжались, часто перерастая в воздушные бои. Наиболее крупный воздушный бой произошел над Катаржино. Там группа истребителей 69-го полка после штурмовки вела бой с 12 истребителями Me-109 зажав, по данным различных советских источников, об уничтожении от 7 до 9 машин.

На следующий день противник попытался развить достигнутый успех и продвинуться еще дальше. Бои опять завязались на всех участках фронта, занимаемого Приморской армией. Но к этому времени связь с частями армии уже была восстановлена, и штаб армии уже более энергично вмешался в ход развернувшегося на передовом рубеже сражения, активно маневрируя артиллерией.

На левом фланге армии действовали 3-я и 7-я румынские пехотные дивизии при поддержке 1-й румынской кавалерийской бригады.

Части 25-й стрелковой дивизии все утро отбивали атаки противника на прежнем рубеже.

Для ее поддержки из Одессы были выдвинуты 3 дивизиона подвижных батарей военно-морской базы. Одна из них, 36-я, поддерживая части дивизии, накрыла огнем целый дивизион румынской артиллерии в момент его выхода на позиции. Прежде чем румыны успели развернуться, 12 орудий оказались выведенными из строя. За этот бой командир батареи лейтенант Бойко был награжден орденом Ленина.

Основные силы обеих румынских дивизий действовали против 95-й СД. Выдвинутая дальше остальных сил армии дивизия с трудом отражала атаки противника на недоделанном рубеже, во многих местах не имевшем даже окопов полного профиля. Ключевым пунктом обороны дивизии было поселок Сталино, находившийся на стыке оборонительных участков 90-го и 241-го стрелковых полков. Ударив силами до трех пехотных батальонов встык между полками, румыны овладели северной окраиной Сталино и стали подтягивать к месту боя мотоотряды.

Командующий армией отдавать Сталино без упорного боя не собирался и отдал распоряжения 54-му СП, только что выделенному в армрезерв совместно с 1-й кавдивизией Петрова, — сосредоточиться в районе Благоево для удара про прорвавшемся противнику (17)

Однако с конрударом части армии опоздали. Пока шло сосредоточение, крупные силы румын смяли правый фланг 95-й дивизии, который занимал 90-й СП. Под натиском превосходящих сил противника, которые командование дивизии оценило в два пехотных полка и один кавалерийский, 90-й СП начал отход в юго-восточном направлении. Командир 90-го СП с небольшой группой бойцов оторвался от полка и потерял управление над ним.

Оставшись без прикрытия справа, 241-й СП под угрозой обхода тоже начал отход своим правым флангом. 161-й СП, занимавший участок от Понятовки до Раздельной, удержал свои позиции при помощи поддержавших его слева частей 25-й СД.

57-й артполк, действовавший в составе дивизии, какое-то время помогал спасать положение, но к вечеру дивизия начала отход с занимаемых позиций. Несколько предпринятых контратак успеха не имели. К вечеру румыны смогли овладеть к северу от Одессы районом Сербка—Белка, а на северо-западе заняли станцию Раздельная (18)

Далее удерживать передовой рубеж, протяженность которого составляла 195 км и находившийся менее чем в 50%-ной готовности, силами всего двух дивизий, тогда как он изначально был рассчитан

на прикрытие вдвое-втрое большими силами, было невозможно. Вечером 9 августа командование армии приняло решение в течение следующего дня под прикрытием сильных арьергардов вывести обе дивизии на новый рубеж, который проходил в основном по старому второму поясу обороны, который был так же сильно не доделан, как и первый, но имел значительно меньшую протяженность, вследствие чего удерживать его было легче. (19)

25-я дивизия должна была занять рубеж по линии Красная Вакуловка—Мангейм—Кагарлык—озеро Попово. При этом сил прикрыть восточный берег Днестровского лимана практически не оставалось, и там на более чем 20-километровом участке разместились всего 4 роты из состава 287-го стрелкового полка. Роты были усилены Овидиопольским и Роксолянским истребительными батальонами.

Берега Днестровского залива и лиманов являлись одними из самых уязвимых мест в обороне города. Истребительные батальоны, не имевшие необходимой подготовки, не могли быть эффективны в случае появления в таких пунктах значительных сил врага. Зато с мест нахождения истребительных батальонов постоянно поступали сигналы о появлении «десантов врага», переодетых в советскую форму, которыми по выяснению оказывались свои же подразделения.

95-я дивизия теперь занимала рубеж Старая Вандалиновка—Новоселовка—станция Карпово. Группе Монахова, выдвинутой к Тилигульскому лиману, предписывалось отойти к Аджалыкскому лиману и занять рубеж Кobleво—Визирка—Ильинка;

1-я кавалерийская дивизия опять выводилась в резерв армии.

Так как части армии затемно оторвались от противника, отход на новые позиции в этот раз прошел довольно спокойно. Утверждения некоторых авторов (20) о том, что в течение 10 августа отходящие на новый рубеж части 25-й и 95-й СД вели тяжелые бои с врагом, не находят документальных подтверждений, напротив — имеющиеся документы говорят об обратном.

К 12.00 в дивизии поступило распоряжение начальника штаба Приморской армии генерал-майора Шишенина:

«В связи с тем, что пр-к не проявляет активности, переход (на) новый рубеж осуществлять постепенно, дав возможность вывести все тылы. Переход производить, задерживая противника на промежуточных позициях, повторяю — переход производить организованно, сохраняя порядок и управление войсками. После отхода арьергардов разрушать мосты и дороги».

В 12.20 в штаб армии поступило донесение от командования 25-й СД: *«части выполняют приказ, противник никаких действий не проявляет».* (21).10

В итоговой оперсводке командования Приморской армии за этот день и в ее журнале боевых действий сообщалось также, что противник в течение 10.08 к новой оборонительной полосе не подошел.

95-я дивизия, которой нужно было пройти до новых позиций значительное расстояние (и из состава которой в этот день для передачи в группу Монахова помимо ранее переданного из 25-й СД 54-го СП был изъят 90-й СП), находилась в несколько более сложном положении. Она медленно двигалась к новому рубежу в течение всего дня, вынужденная прикрываться сильными арьергардами.

Значительные бои в этот день развернулись только на правом фланге армии, где части 72-й пехотной дивизии немцев, лучше оснащенные техникой, сумели продвинуться дальше румынских. 1-я кавдивизия была выдвинута правее всех частей армии, на рубеж от Константиновки до Тилигульского лимана. Во время боя бойцам дивизии удалось подбить один немецкий танк и захватить 3 пленных. Однако впоследствии командование армии сочло такие успехи недостаточными, и количество пленных в итоговой сводке для командования Южного фронта было увеличено до 30, а количество танков до 3.

Отряд Монахова вел бой левее, на рубеже Буялык—Павлинка—Мариновка. При этом в бой был введен и потрепанный 90-й СП, а также 2 роты 27-го железнодорожного полка. К исходу дня 90-й СП вместе с остатками 11-го истребительного батальона передали отряду Монахова, (22) Но несмотря на все предпринятые меры, фронт правого фланга армии все равно был слишком растянут для такого небольшого количества войск, и противник мог его легко обойти.

К утру 11 августа румынские части добрались до новых оборонительных позиций 25-й и 95-й СД и начали активные действия на левом фланге и в центре новых позиций армии.

На левом фланге румыны пытались с ходу овладеть Беляевкой. Попытки румын овладеть водонапорной станцией пока удавалось пресекать, правда, для этого на таком относительно небольшом участке пришлось ввести в бой весь 287-й СП. (23)

В наиболее тяжелом положении оказалась 95-я СД, что, впрочем, было ожидаемо командованием Приморской армией. Командовавший дивизией генерал-майор Пастревич еще 17-го июля был отозван в распоряжение ВС 9-й армии, и обязанности командира дивизии временно исполнял полковник Соколов. В ночь на 11-е августа ко-

мандование дивизией решено было укрепить. Соколов был снят, а командиром дивизии назначен начальник полевого управления (24) Приморской армии генерал-майор Воробьев. Однако 90-й СП дивизии не вернули, решив, что поставленные задачи дивизия в состоянии выполнить и силами двух полков.

На практике сделать это оказалось довольно сложно. В полдень румыны, введя в бой первые эшелоны 3-й и 7-й пехотных дивизий, начали наступление на позиции дивизии сразу с трех направлений: из Елизаветинки силами до полка на Бриновку, из Штерна силами до двух пехотных полков на Калиновку и из Колонтаевки силой до батальона к железнодорожной ветке Раздельная—Одесса. Однако советские части имели явное превосходство над противником в артиллерии, которую тот еще не успел подтянуть в значительных количествах, и все атаки румын удалось отразить, не понеся больших потерь. Но оценив итоги боя, командующий армией пришел к выводу, что 95-я дивизия вряд ли сможет удержать занимаемый рубеж без 90-го СП и вернул его в состав 95-й СД. Совершив ночной марш до Сортировочной, полк по железной дороге был переброшен на станцию Выгода, в распоряжение командира 95-й СД. (25)

На правом фланге занимавшие его части не могли удерживать фронт такой протяженности и после вечернего боя ночью начали отход. Кавдивизия Петрова была выведена из боя и сосредоточилась в районе Нового Лютсдорфа и Бутовки, а сводный отряд Монахова, оставшись с правым флангом оголенным отходом кавдивизии, отошел за ночь дальше всех остальных армейских частей и закрепился на рубеже между Куяльницким и Аджалыкским лиманами. (26)

При этом 54-й и 90-й стрелковые полки заняли оборону на левом фланге отряда между Куяльницким лиманом и железной дорогой, в центре между железной дорогой и Свердлово занял оборону 26-й погранполк, а 1-й морской полк закрепился на его правом фланге — между Свердлово и Булдинкой.

Румыны за ночь не успели стянуть крупных сил к новым оборонительным позициям сводного отряда, и поэтому этот день на участке Монахова прошел спокойно.

Немецкие части оставались перед правым флангом армии, но не наращивали своей группировки и активных действий не предпринимали.

На следующий день румыны приступили к завершению полного окружения города. В 14.30 до батальона пехоты, поддерживаемой кавалерией и легкими танками, с ходу атаковали позиции, занятые

1-м морским полком. Наступление румын носило характер разведки боем. Выяснив, что перед ними находится оборудованный оборонительный рубеж со значительной плотностью огневых средств, противник прекратил наступление, и в 17.30 подвижная группа румын начала отход от рубежа морполка, обошла Аджалыкский лиман с севера и направилась по восточному берегу лимана к станции Беяры, создавая угрозу правой оконечности оборонительных позиций, которые на этот момент доходили до Кошар и Коблево. Этот довольно протяженный прибрежный район удерживался 47-м отдельным понтонным батальоном, не имевшим достаточно сил для его защиты. Понтонеры с помощью подрывников подготовили к взрыву расположенные здесь дамбу и мост, заложив при этом около 300 мин, 30 авиабомб и 20 кг безоболочных взрывчатых веществ, и с тревогой ожидали, кто появится у их позиций первым — противник или свои подкрепления, если командование все-таки решит их послать. (27)

Командование армии, однако, не собиралось уступать этот район противнику без упорного сопротивления и еще к рассвету успело сосредоточить здесь 1-ю кавалерийскую дивизию. Командир понтонного батальона с облегчением передал свой участок обороны командовавшему 1-й кавалерийской дивизией генерал-майору Петрову и, оставив небольшую группу подрывников, повел свою часть в Одессу. (28). Румынская подвижная группа в виду своей явной малочисленности не стала атаковать полки дивизии, тем более что перед ее позициями находились сильные разьезды, выдвинутые Петровым для предотвращения всяких неожиданностей.

Так как правый фланг был наиболее удален от места прорыва фронта, сосредоточение румынских войск напротив него происходило медленно. Немецкая 72-я пехотная дивизия, маячившая перед позициями, занятыми отрядом Монахова, активных действий не предпринимала — она ожидала подхода румынских частей, чтобы передать им свои позиции. Но до центрального участка новых оборонительных позиций было ближе, и еще к рассвету румыны наконец подтянули сюда достаточно артиллерии, что сразу почувствовали на себе обороняющиеся. С 4.30 утра румыны в течение часа провели артподготовку по позициям 161-го и 241-го СП, после которых перешли в наступление. Основной удар противник наносил вдоль железной дороги, которую в районе станции Карпово оседлал 161-й СП. Пехоты на этом участке наступало меньше, чем против 241-го СП — всего один батальон, но его поддерживали 5 легких танков.

В ответ к Карпово была оперативно перебросена часть орудий из состава 57-го артиллерийского полка. Артиллерийским и пулеметным огнем пехоту противника удалось отсечь от танков еще на дальних подступах к позициям полка, после чего начался бой с танками. Артиллерийским огнем все 5 танков были подбиты, не дойдя до наших окопов.

Бой этот из-за малочисленности танков противника сильно отличался от произошедшего на участке этого же полка 6 днями позже, но явился своеобразной «тренировкой». Во время боя обе стороны активно применяли приемы, впоследствии в еще большем масштабе примененные ими 18 августа. Танки использовали рельеф местности, ведя огонь из-за бугров и других естественных укрытий, а орудия активно маневрировали на местности.

Атаки румын на позиции 241-го СП также были неудачны. Так как артиллерия дивизии в основном действовала на участке 161-го СП, два румынских батальона, атаковавших 241-й СП, активно штурмовались вызванными истребителями 69-го ИАП. Как сообщил начальник штаба 95-й СД, бойцы были «в восторге от действий нашей авиации». В итоге румынские подразделения закрепились перед передним краем обороны и стали окапываться. (29)

Бронетехнику румыны применили в этот день и в районе Беляевки. 12 танков прорвались через боевые порядки 25-й СД, но развить успех не смогли и, потеряв несколько машин, ушли в направлении Ясски. Стык между 25-й и 95-й дивизиями удалось усилить легким бронепоездом (30) — первым, изготовленным в Одессе. Бронепоезд занял позиции в районе станции Парново, откуда был в состоянии поддерживать огнем как 161-й СП 95-й СД, так и 31-й СП 25-й.

В ночь на 13 августа противодесантная истерия, бывшая постоянным спутником частей Приморской армии в течение всего августа, достигла своего пика.

Немецкие парашютисты мерещились буквально всем.

Сообщения о высадке десантов поступали из Лютсдорфа, Лузановки и многочисленных пригородных огородов по всей округности Одессы. Ополченческие части формируемой в городе Одесской дивизии были приведены в боевую готовность. Один истребительный батальон был выброшен в район Лузановки в распоряжение комбрига Монахова.

Ни одного десанта противника обнаружить так и не удалось. В результате штаб армии сделал вывод, что сообщения о десан-

тах «оказались провокационными слухами, видимо, переданными шпионами, включившимися в провода».

С 5.00 противник начал интенсивную артподготовку, которая до 7.00 велась на протяжении почти всего участка, занимаемого 95-й дивизией, — от Бриновки до Новоселовки.

Ответить противнику и ослабить интенсивность вражеской артподготовки было нечем — арtpолки Приморской армии уже третий день испытывали дефицит снарядов средних и крупных калибров. 122-мм снаряды были израсходованы полностью, в связи с чем все 122-мм гаубицы были выведены в тыл. Запасы же 76-мм снарядов для полковых и дивизионных пушек были на исходе. Неоднократные заявки подвезти снаряды, посылаемые в штаб фронта, пока не удовлетворялись.

Однако после мощного обстрела советских позиций, продолжавшегося 2 часа, румынские части на участке дивизии в наступление так и не перешли. Ожесточенные бои развернулись не в центре а на флангах армии, где румынские и немецкие части с 5.30 утра начали активные наступательные действия. Вероятней всего, артподготовка носила отвлекающий характер и должна была предотвратить возможную переброску войск с этого участка на угрожаемые фланги. В 5.30 утра румыны впервые атаковали Михайловку, что стало началом возникновения кризиса на левом фланге армии, разрешить который в конечном итоге так и не удалось. Ввиду особой важности этих событий они будут подробно рассмотрены в отдельной главе, посвященной боям за Беляевку и Кагарлык.

В это же время на правом фланге армии части 72-й пехотной дивизии немцев, уже сменяемой румынскими частями, в последний раз приняли участие в боевых действиях под Одессой. Немцы, очевидно, решили на посолок записать на свой счет захват важного объекта и сделать прощальный гешефт своим румынским камрадам.

Батальон немцев, который поддерживало, согласно донесению генерал-майора Петрова, «не менее роты танков», начал наступать на позиции 1-й КД с востока — в направлении на Кошары и Сычавку. (31)

Одновременно со стороны Визирки, с севера во фланг позициям дивизии наступал еще один батальон противника. Наличие у немцев «роты танков», конечно, вызывает сомнения — в штатах немецких пехотных дивизий их просто не было. За танки, скорей всего, были приняты броневые автомобили разведбата дивизии, которыми немцы могли усилить наступающий батальон.

Узнав, что на боевые порядки кавдивизии наступает немецкая пехота, которую поддерживают больше десятка танков, командующий армией решил снова вывести дивизию в армейский резерв и отдал приказ, взорвав мост и дамбу, отходить к восточным окраинам Одессы (32), оставив 3-й КП в районе Григорьевки. Участок обороны кавдивизии после уменьшения его протяженности за счет отхода из района Сычавки—Коблева передавался 1-му морскому полку. (33)

Бои 12—13 августа показали, что с отходом на рубежи старого второго пояса обороны положение Приморской армии наконец стабилизировалось. Имеющихся в распоряжении командования сил было достаточно чтобы удерживать рубежи такой протяженности.

Учитывая это, к вечеру 13 августа штаб Приморской армии подготовил переход к постоянной структуре оборонительных позиций армии с разделением линии обороны на сектора, который был закреплен в боевом приказе №14 командующего армией. Введение секторов по сути означало переход к круговой обороне, хотя в приказе соседом справа и называлась 9-я армия.

Секторная система обороны в целом являлась прогрессивной и наиболее оптимальной для условий, в которых находилась Приморская армия. Основной ее задачей было уменьшить возможность прорыва противника на стыках обороняющихся соединений и создать оптимальные условия для маневрирования огневыми средствами.

Каждый сектор оборонялся одной стрелковой дивизией с приданными ей огневыми средствами и средствами усиления. Группа комбрига Монахова была несколько слабее кадровых дивизий, оборонявших Западный и Южный сектора, но выделенный ей Восточный сектор был более удобен для обороны, так как давал возможность опираться на радиально пересекавшие его лиманы.

Имевшиеся рубежи второго пояса обороны по возможности дооборудовались *«в инженерном отношении для длительной и упорной обороны»*. На них устанавливались дополнительные противотанковые и противопехотные препятствия. (34)

Несмотря на все изменения, происходившие во время более чем двухмесячной обороны города, в том числе и обвал фронта, произошедший 19 августа в Южном, а затем и в Западном секторах, система секторов показала свою высокую эффективность и сохранилась до самой эвакуации Одесского оборонительного района.

Более того, при обороне Севастополя, которая осуществлялась совсем в других условиях и против гораздо более сильного противника, она снова была признана наиболее эффективной. Улучшенная и доработанная, она помогала сдерживать немецкие и румынские части на протяжении всей героической обороны города.

НА БЛИЖНИХ ПОДСТУПАХ

1-Й МОРСКОЙ ПОЛК (11—15 АВГУСТА)

В группе Монахова 1-й морской полк занимал позиции между Малым и Большим Аджалыкскими лиманами, удерживая участок правого фланга обороны города, упирающийся в Черное море. В отличие от своего соседа слева, 26-го погранполка НКВД, имевшего гаубичные батареи, полк не имел ни батальонной, ни полковой артиллерии. Оружейники из 42-го отдельного артдивизиона береговой артиллерии Одесской ВМБ инженер Мотыльков, техник Волкаш и мастер Лазаренко смогли сделать импровизированную трехорудийную батарею, используя стволы 45-мм пушек, применявшихся на береговых батареях в учебных целях. При этом использовались колеса от бетономешалок, лафеты и люльки от разбитых 45-мм и 37-мм пушек — своих и румынских.

Командир дивизиона майор Денненбург укомплектовал ее личным составом и передал в полк под командованием офицера дивизиона лейтенанта Левака. Позже дивизион подготовил и передал в полк и вторую такую батарею.

Командный состав полка, за исключением его командира майора Морозова, не имел общевоинского образования. Командиры батальонов и рот, проходившие службу на флоте, были плохо знакомы с тактикой боевых действий пехоты. Личный состав полка успел провести всего 2—3 дня на полевых учениях, успев освоить за этот срок только самые элементарные вещи.

Недостаточная подготовка полка проявилась еще до начала боевых действий, сразу после выхода на позиции, занятые им на участке Булдинка-Свердлово. 9 августа у села Свердлово пост ВНОС наблюдал пролет немецких самолетов и одновременно увидел идущее по дороге в направлении Одессы подразделение в красноармейской форме. Связав эти два события в одно целое, пост доложил в штаб 1-го морского полка о том, что с немецких самолетов высадился десант в красноармейской форме и следует в сторону города. Командир полка Морозов, доложив об этом оперативному дежурному базы, со-

общил, что выслал против десанта батальон и дал заявку 412-й береговой батарее на открытие огня.

Оперативный дежурный по базе майор Ильич, уже имевший опыт получения ложных сообщений, засомневался в том, что вражеский десант, переодетый в красноармейскую форму, предпринял открытое дневное десантирование на глазах у советских войск и отменил подготовку батареи к открытию огня, порекомендовав Морозову выслать разведку и проверить сообщение.

В конце концов в штаб полка приехал с проверкой сам командующий базой, обязав командование полка принять все меры к недопущению подобных случаев.

11 августа 15-я пехотная дивизия румын, кавалерийские части и бронетехника противника стали подтягиваться к восточному флангу обороны города. Комбриг Монахов, отряд которого после ночного отхода уже успел занять позиции на новом рубеже, приказал трем морским подвижным батареям, имевшимся в его распоряжении, начать обстрел противника. На участках всех полков группы — 1-го морского, 54-го стрелкового и 26-го пограничного периодически завязывались перестрелки, но в атаки противник пока не переходил. (35)

На рассвете 12 августа сосредоточившиеся в ближайших оврагах румынские пехотинцы начали атаки на 1-й батальон морского полка. По целеуказанию Морозова 412-я стационарная батарея открыла огонь из своих 180-мм орудий. Стрельба оказалась неудачной, но находившийся с корректировочным постом в боевых порядках полка помощник командира батареи старший лейтенант Мищенко сделал поправки, и 100-килограммовые снаряды батареи накрыли румынских пехотинцев. После нескольких залпов пехота противника броском вышла из-под огня и вступила в интенсивную перестрелку с моряками. Под интенсивным ружейно-пулеметным огнем румынские цепи были вынуждены залечь в 400 м от позиций батальона. Румынские части имели значительное превосходство в автоматическом оружии и поэтому старались подойти поближе, чтобы использовать свое преимущество. Легкие румынские танки поддерживали атаки, но к позициям полка старались не приближаться, держась в порядках своей пехоты.

412-я батарея пробовала вести огонь и по танкам противника, но без особого успеха. Давление противника постепенно усиливалось, и командующий базой отдал приказание поддержать полк ударами гидросамолетов МБР-2 82-й и 7-й эскадрилий.

Авиация противника в Восточном секторе в этот день не появлялась, да и румыны на участке полка оказались не готовы к отражению

воздушных налетов, и гидросамолеты смогли сделать три вылета. Авиаудары оказались настолько эффективными, что моряки смогли предпринять успешную контратаку и захватить танкетку противника. К концу дня бомбардировщики Ю-88 предприняли налет на базу гидросамолетов, развернутую в Хаджибейском лимане, но успеха не имели. Всего за день полк сумел отбить 4 атаки противника, полностью удержав занимаемый рубеж.

На следующий день румыны возобновили атаки на позиции полка. Утренний натиск оказался самым тяжелым. Румыны атаковали силами двух полков. В этот раз противник применил танки значительно более активно. Они приняли участие уже во второй атаке. Танки прорвались через передовые окопы и стали развивать наступление. Упорный бой не прекращался в течение 3 часов. Однако моряки опять смогли удержаться на позициях, но понесли при этом большие потери. В этот день удалось первый раз поджечь бутылкой с горючей смесью румынский танк. Боец, сумевший это сделать, был награжден орденом Красного знамени, но в дальнейшем подобные случаи перестали быть редкостью. Боевые порядки полка атаковала и кавалерия. В целом положение снова удалось стабилизировать благодаря активной поддержке гидроэскадрилий и 412-й батареи.

Бой полка произвел сильное впечатление на командира ОВМБ, контр-адмирала Жукова. Подписав приказ, объявляющий благодарность морскому полку, 412-й батарее и двум гидроэскадрильям *«за стойкость и успешное отражение атак не менее двух пехотных полков»*, Жуков лично выехал на КП морского полка и вручил Морозову вместе с приказом *«за умелое руководство полком и личную отвагу в бою»* именные часы с секундомером и светящимся циферблатом.

Возвратившись из полка, контр-адмирал приказал кораблям отряда северо-западного района — крейсеру «Коминтерн», эсминцам «Шаумян» и «Незаможник», немедленно поддержать огнем 1-й морской полк. Огонь было решено вести двумя методами: днем по наблюдаемым целям с помощью корректировочных постов, а ночью по заявкам армейских командиров, по площадям.

К вечеру, посоветовавшись с командармом Софроновым, Жуков приказал передать в полк в качестве подкрепления батальон 2-го морского полка, состоявший в основном из матросов с крейсера «Коминтерн» и кораблей ОВРА. Помимо этого полк был усилен 21-й береговой батареей капитана Кузнецова, имевшей тяжелые 203-мм орудия. Чтобы избежать потерь от огня артиллерии, румыны попробовали атаковать и ночью, но успеха не имели.

14 августа румыны возобновили атаки. Танки на участке полка больше не применялись, но румыны интенсивно атаковали большими силами пехоты, поддерживая ее атаками кавалерии. Основной удар на этот раз наносился встык с 26-м погранполком. В этот день противнику наконец удалось нейтрализовать угрозу морской гидроавиации. Вместо бомбардировщиков базу гидросамолетов атаковали истребители противника. Сумев преодолеть зенитный огонь на бреющем полете, они подожгли на воде несколько машин. В условиях вынужденного бездействия гидроавиации поддержки выделенных батарей оказалось недостаточно. Командующий базой вынужден был переключить на поддержку полка и подвижную 122-мм пушечную батарею № 726. Непрерывно поддерживали огнем пехоту и корабли. Румыны, нейтрализовав досаждавшую им флотскую авиацию, принялись за корабли с педантичностью, не уступавшей немецкой. За Григорьевкой были установлены тяжелые батареи, которые стали систематически обстреливать поддерживающие полк корабли. Такая тактика оказалась эффективной. Корабли были вынуждены постоянно менять позиции, удаляться от рубежей полка, маневрировать и прикрываться дымзавесами. Все это ощутимо снизило эффективность их огня. Вдобавок ко всему противник смог перебросить на участок полка и авиацию, которая тоже сосредоточила свои удары на кораблях. В результате к вечеру эсминец «Незаможник» получил повреждения и ушел в гавань. За ночь его отремонтировали, и утром он снова вышел на позиции.

Оставшись без поддержки авиации и при уменьшившейся поддержке корабельной артиллерии, полк опять смог удержать занимаемые позиции, но понес огромные потери. Чтобы сохранить полк в боеспособном состоянии, вечером его пришлось пополнить еще одним батальоном, на этот раз сводным, собранным из различных подразделений базы. Таким образом, за три дня боев полк обновил около двух третей своего состава. Как указал сам командир полка Морозов в докладе командованию базы: *«Присланные батальоны даже не возместили потерь»*.

Ночью румыны продолжили атаки, пытаясь максимально использовать темное время суток, в течение которого по ним не могли работать артиллерия и авиация. В эту ночь атаки были организованы лучше, чем накануне. Два батальона, поддерживаемые кавалерией и танкетками, атаковали правый фланг полка, за которым у моряков не было соседей. Завязался жестокий и упорный бой, в котором полк, удерживавший слишком протяженный для его численности участок, ничем не мог помочь своему правофланговому батальону. Резервов

полк не имел, так как все три дня вынужден был держать оборону в одноэшелонном порядке, вытянув все три батальона по 8-километровому участку фронта.

Положение усугубляло и отсутствие батальонной артиллерии и минометов — достаточно мощных огневых средств, из которых можно было бы вести огонь по противнику и в ночных условиях. В ходе боя, продолжавшегося всю ночь, моряки уже после наступления темноты были вытеснены из окопов, а к 22 часам вечера вынуждены были оставить Булдинку. (36). Румыны не прекратили наступления, и в 2 часа ночи попробовали захватить высоты 119.9 и 87.6, расположенные южнее Булдинки. (37)

В 5 часов утра Морозов попытался контратакой восстановить положение, но к этому времени, несмотря на темноту, румыны успели стянуть к Булдинке достаточно тяжелого вооружения. (38)

Наступавшие моряки попали под сильный минометный обстрел и были прижаты к земле, после чего румыны, в свою очередь, перешли в контрнаступление и попытались развить успех, достигнутый на правом фланге полка.

Связь батальонов с КП полка оказалась прервана, а вскоре нарушилась и связь полка со штабом военно-морской базы, в прямом подчинении которой он находился. Попытки восстановить положение успеха не имели. Истребители противника произвели еще один налет на базу гидроавиации в Хаджибейском лимане. Обе гидроэскадрильи снова понесли большие потери и наносить чувствительных ударов по противнику не могли. Наступление румын удалось остановить только через 3 часа. (39)

Командующий базой сделал вывод, что за сложившуюся ситуацию ответственен командир полка, который *«похоже, не справился с полком в ночных условиях боя»*, однако никаких решений сразу принимать не стал, а отправил в полк для выяснения обстановки заместителя начальника штаба базы, капитана 3-го ранга Деревянко.

Сложное положение полка хорошо чувствовалось даже на его КП, находившемся под периодическим минометным и орудийным обстрелом. Вблизи КП шла оживленная перестрелка.

Майор Морозов сообщил, что *«в полку меньше тысячи человек на восемь километров фронта. Сейчас подразделения закрепились. После обеда будем отбивать село. Хорошо бы иметь свежий батальон»*. Однако дневная атака, предпринятая в 14 часов, успеха также не имела. (40)

Пробыв в полку около часа, Деревянко по возвращении на ФКП базы доложил Жукову, что *«Морозов неповинен в потере Булдин-*

ки. Причины этого более глубокие — нехватка людей и пехотных средств дальнего и ближнего боя».

«А я так думаю, что Морозова надо заменить», — отреагировал на доклад Жуков. Начальник штаба базы, капитан 1-го ранга Иванов поддержал своего подчиненного, напоминая контр-адмиралу, что он 2 дня назад наградил Морозова именными часами. Но Жуков, как оказалось, уже принял решение:

« — Это была реакция на первый удачный бой. Теперь проверяется стойкость на длительную борьбу в сложных условиях. Там нужен закаленный в боях командир. Я пришел к выводу, что там выдержит только такой, как Осипов». После этого Жуков вызвал командира 2-го морского полка, бывшего заместителя начальника тыла базы, интенданта 1-го ранга Осипова, и объявил ему о новом назначении.

Такое решение было спорным, но у командующего базой имелись основания для его принятия. Ход боя контролировался командующим Южного фронта, донесения которому отправлялись через каждые 2—3 часа и при необходимости передавались и главному Юго-западного направления Буденному. (41). Но докладывать особо было нечего, и командир ОВМБ искал человека, способного быстро изменить сложившееся положение.

Осипов и ранее совершенно не случайно был назначен на должность командира 2-го морского полка. Он и Морозов были единственными офицерами в штабе базы, имевшими опыт командования армейскими полками. Морозов имел современное военное образование, он окончил высшие стрелково-тактические курсы усовершенствования командного состава пехоты «Выстрел» и до перевода на флот командовал полком.

Осипов такого образования не имел, но обладал необходимым боевым опытом. Во время гражданской войны он был командиром десантного отряда в «Кожановской десантной армии» Волжской военной флотилии и командовал 29-м Бирским стрелковым полком.

После снятия с должности командира 1-го морского полка Морозов вместо Осипова стал командовать 2-м. На должностях командира полка и начальника штаба морской бригады он воевал и под Севастополем, пока героически не погиб во время обороны города.

Была ли так необходима эта «рокировка»?

Осипову в сложившейся тяжелой ситуации не удалось сделать больше, чем Морозову, хотя полк был дополнительно усилен отрядом из 600 моряков-добровольцев, прибывших ночью на учебном судне «Днепр» из Севастополя. К 22.00 ударом 1-го и 2-го батальонов

полка, при активной поддержке батарей береговой артиллерии и кораблей флота Булдинка была отбита. (42)

При этом в обоих батальонах было потеряно убитыми и ранеными до 40 % и без того немногочисленного личного состава. Оборонять с таким трудом занятое село было уже нечем, и через несколько часов румыны отбили его в очередной ночной атаке.

БОИ ЗА ШИЦЛИ (16—21 АВГУСТА)

После того как противник в ночной атаке вторично захватил Булдинку, румыны, почувствовав слабость советской обороны в районе села, попытались развить достигнутый успех и захватить Шицли. Это небольшое село занимало выгодное тактическое положение, запирая собой широкую балку, по которой можно было продвинуться к приморскому селу Чебанке, в котором располагались штаб 1-го морского полка и 412-я береговая батарея. Сил для продолжения наступления на этот участок они смогли стянуть относительно немного — противник атаковал двумя батальонами при поддержке кавалерийского эскадрона и нескольких танкеток. Но 1-й морской полк, понесший накануне большие потери во время попыток восстановить положение, с трудом сдерживал натиск и таких сил.

Положение усугубляло и то, что вновь назначенный командир полка Осипов неверно определил направление главного удара противника, ожидая его от Булдинки прямо на Шицли, румыны же стали наступать южнее Булдинки, вдоль берега малого Аджалыкского лимана.

Доложив о складывающейся обстановке и запросив у командования ООР подкрепления Осипов стал принимать все меры к исправлению, положения собственными силами, так как при отходе полка с занимаемых позиций противник мог бы еще до подхода подкреплений прорваться к Чебанке и захватить 412-ю батарею. Быстро перебросив к месту удара роту из находившегося в резерве 3-го батальона, он смог приостановить продвижение противника и, пользуясь тем, что боевые порядки румын имели не слишком большую плотность начал многочисленные контратаки в тех местах, где обстановка позволяла их предпринять. В контратаки неоднократно переходили все батальоны полка. Некоторые из этих контратак возглавили сам командир полка Осипов и его комиссар Митраков.

Наиболее тяжелое положение сложилось на правом фланге 2-го батальона полка, где противник пытался, создав локальный пере-

вес, прорваться к морю. По приказу командира батальона разведчик Клименко с ручным пулеметом по кукурузному полю смог скрытно выдвинуться в тыл румынской пехоте, накопившейся для атаки, и в момент перехода ее в наступление открыл огонь. Румынские пехотинцы, отрезанные от своих позиций и оказавшиеся на открытой местности под огнем и с фронта, и с тыла, вынуждены были, спасаясь от обстрела, забраться в лиман.

Наступавший на этом участке румынский батальон прекратил атаки, и противник занялся перегруппировкой. После этого удары вдоль берега лимана больше не наносились, а противник атаковал в направлении Шицли. Атака оказалась неожиданной. Удерживавший Шицли 1-й батальон отступил, и кавалерийский эскадрон противника стал продвигаться по балке к 412-й батарее. Осипов, взяв группу матросов, контратакой ликвидировал брешь. Румынские кавалеристы оказались отрезанными от своих и заблокированными в балке. 28 из них были захвачены в плен. В то время под Одессой удавалось захватывать не так уж много румынских солдат, поэтому через день пленные были вывезены на Кавказ на транспорте «Кубань» — очевидно, для использования в пропагандистских целях.

1-му морскому полку при огневой поддержке 412-й батареи, хорошо пристрелявшей подступы к Шицли и канонерской лодки «Красная Грузия», удалось остановить натиск противника и выиграть время, необходимое для того, чтобы к месту намечающегося прорыва добрались посланные из Одессы батальон 2-го полка морской пехоты и батальон войск НКВД.

Впоследствии этот бой, фактически спасший 412-ю батарею, был очень высоко оценен и командованием ООР, и руководителями государства. Краснофлотец Просвиркин за уничтожение в этом бою румынского пулемета был награжден орденом Красного Знамени, а краснофлотец Клименко — орденом Ленина.

Однако к вечеру противник нанес новый удар силами двух рот пехоты, имевших тяжелое вооружение и поддерживаемых 9 танками, и прорвался к Шицли. Во время тяжелого боя, продолжавшегося до наступления темноты, 4 танка были подбиты, но удержать село моряки не смогли. В свою очередь захватившие село румынские подразделения фланговыми ударами в обход села были отрезаны от своей части. Перебросить к ним подкрепление противнику не удалось. Понадеявшись на имевшиеся легкие орудия и бронетехнику, командир прорвавшейся группы принял решение из окружения не прорываться, а занять круговую оборону и удерживать село до подхода основных

сил. Обе румынские роты стали спешно закрепляться в захваченном селе, на что потратили всю ночь. Перебросить к ним подкрепление противник так и не сумел. (43)

С рассветом 17 августа бой возобновился. Помощь к румынам не подошла и с наступлением дня, но они стойко оборонялись, оказывая отчаянное сопротивление. Бой принял крайне ожесточенный характер. Обе стороны вели его фактически на уничтожение. В одной из рот 1-го морского полка оказались выбиты все командиры, и командование над ней принял краснофлотец Воронко, который тоже был убит. После того как одна из румынских рот была разгромлена на подступах к селу и ее остатки наконец сдались в плен, вторая, отступив в само село, продолжала сопротивление. (44)

Проводившиеся одновременно атаки моряков на Булдинку лишали противника возможности разблокировать Шицли и помочь своим пехотинцам, которые стойко оборонялись, но которых с каждым часом становилось все меньше. Во время боя опять сказалась недостаточная подготовка моряков к боевым действиям на суше. В 1-м морском полку такого опыта не имели не только матросы, но и командиры рот и батальонов, которыми назначались офицеры частей береговой обороны и зенитной артиллерии. В результате к индивидуальной неподготовленности моряков, нежеланию окапываться и применяться к местности добавлялись и многочисленные тактические ошибки: моряки часто переходили в атаку на противника с расстояния в 1—1,5 км, не желая сближаться с ним перебежками, плохо организовывали оборону уже захваченных позиций, увлекаясь наступлением и не организовав систему огня. Пользуясь этим, румыны иногда внезапными бросками отбивали позиции обратно. Бой в селе длился до 15 часов, когда последние румыны сдались в плен. При этом в селе было захвачено 18 легких орудий, 3 танкетки и бронемашин. (45)

Огневую поддержку 1-го морского полка усилили настолько, насколько это было возможно в условиях, когда все силы были брошены на восстановление положения в Южном секторе, где противник прорвался сначала к Кагарлыку, а потом и к Беляевке. Кроме 412-й батареи моряков поддерживали 21-я береговая батарея и канонерские лодки «Красная Грузия» и «Красная Армения». При поддержке артиллерийского огня морской полк в течение 18 августа удерживал с таким трудом занятые позиции, отбив 5 атак противника и отойдя за день на 500—700 м.

Но 19 августа противник, используя кавалерию и танки, снова захватил Шицли. В результате тяжелого боя к часу дня 2-й батальон

морполка был фактически разгромлен и остатками отошел к Ново-Дофиновке и колхозу им. Котовского, имея в своем составе всего около 50 человек. В 1-м батальоне осталось немногим больше — около 100 человек. После того как полк был обескровлен в бою за Шицли, Старую Дофиновку румыны захватили без особых проблем, ударом всего двух рот пехоты. (46)

Продвинуться к Чебанке противник не смог, так как его танки наткнулись на расположенное перед ней минное поле. После этого 1-й морской полк, пополненный присланной из Одесской ВМБ ротой матросов и усиленный 150-м отдельным батальоном связи в количестве 500 бойцов, снова всю ночь возвращал утраченное. Уже к 21.30 морякам удалось сбросить румын с высоты 53,0 и с высоты 57,5. Большая часть прорвавшегося противника отошла на Булдинку, но до двух рот противника снова, как и 16 августа, закрепились в Шицли и на расположенной поблизости высоте 57,5. Бой с ними продолжался до рассвета, но выбить противника из села так и не удалось. (47)

С рассветом 20 августа морской полк при поддержке батальона связи, погранполка и роты конвойного полка начал наступление на Булдинку, Беляры и ст. Дофиновку; одновременно продолжалась и ликвидация двух румынских рот, оборонявшихся под Шицли. Противник, имевший на всем участке не больше двух неполных батальонов, медленно отходил на северо-восток. При этом имея достаточно станковых и ручных пулеметов и большое количество боеприпасов, румыны смогли удержать Булдинку, не подпуская пулеметным огнем наступающие подразделения к окраинам села. (48)

К 13 часам моряки вновь заняли Шицли, а к 18 часам, неся большие потери от минометного огня противника, вышли на северную окраину Беляры. Донесения о больших потерях побудили командующего армией Софронова принять решение вывести морполок из боя с наступлением темноты. Однако в конечном итоге в резерв вывели только 1-й батальон 26-го погранполка, который тут же был переброшен в Южный сектор. (49)

Весь день 21 августа обе стороны приводили себя в порядок после вчерашнего боя, не имея сил для каких-либо активных действий. (50)

Несмотря на понесенные накануне потери и не учитывая катастрофической обстановки, складывающейся в Южном секторе, советское командование готовилось к очередному локальному наступлению в Восточном.

ТАНКОВЫЙ УДАР (18 АВГУСТА)

Наступление противника в Западном секторе не было для командования Приморской армии неожиданностью. И хотя передача 90-го стрелкового полка для контрудара в Южном секторе ослабила 95-ю дивизию, в целом она была готова к отражению удара врага. Во многом этому способствовали полученные накануне данные авиаразведки о переброске в сектор румынской «мотобригады». Ею оказалась 1-я танковая дивизия, но выяснить это удалось не сразу, так как дивизия действовала под Одессой в неполном составе. (51) В первые часы боя в донесениях и переговорах говорилось, что на участке 95-й дивизии действует танковая бригада.

После неудачи контрнаступления под Кагарлыком (о котором будет рассказано отдельно) 90-й стрелковый полк пришлось оставить в Южном секторе. На усиление Западного сектора было отправлено около 700 человек — в основном это были бойцы, только что выпианные из госпиталей и небольшой отряд моряков из резерва Одесской военно-морской базы. 69-му ИАП было приказано с рассвета 18 августа поддерживать 95-ю дивизию, действуя по ее заявкам. Артиллерия дивизии в первый раз за долгое время получила повышенное количество снарядов из числа боеприпасов, срочно доставленных эсминцами. Во время контрнаступления под Кагарлыком из-за плохо организованного подвоза их сперва не хватало, но потом выяснилось, что израсходованы не все.

Направление главного удара противника Воробьев смог определить правильно — он ожидал его вдоль железной дороги на позиции 161-го стрелкового полка майора Серебров. Поэтому на его позиции в районе станции Карпово, на которую он опирался, была выдвинута значительная часть приданных дивизии огневых средств — 57-й артиллерийский полк майора Филипповича и 97-й отдельный противотанковый дивизион капитана Барковского. На этот же участок перебросили большинство пулеметов, полученных дивизией от ТИУР, что позволяло создать очень большую плотность пулеметного огня, так как один станковый пулемет приходился на каждые 50—100 м. В тылу полка сосредоточился и резерв дивизии — ее разведбатальон со своими броневедомолами и плавающими танками.

Позиции полка имели большое количество ДЗОТов — на их строительство пошли все имевшиеся в районе станции шпалы и рельсы, за исключением пути, оставленного для действий бронепоездов.

В седьмом часу утра авиация противника нанесла бомбовые удары по переднему краю частей 95-й дивизии, и началась артподготовка, продолжавшаяся около часа. В начале восьмого части румынской 1-й танковой дивизии бригадного генерала Сиона перешли в атаку при поддержке частей 7-й пехотной дивизии.

Начальник штаба 95-й СД майор Чиннов доложил по телефону в штаб армии: «У Сереброва началось. Наступают танки и пехота. Танков несколько десятков». Огонь по противнику был открыт, когда танки приблизились к окопам на 250 — 300 м. Приданная артиллерия вела огонь прямой наводкой по танкам, пулеметчики и стрелки — по пехоте. Мощным пулеметным огнем пехоту противника удалось прижать к земле, не допустив до позиций, а основная масса румынских танков (52) прошла через окопы на участке 3-го батальона 161-го стрелкового полка и соседнего с ним батальона 90-го СП, несмотря на попытки забрасывания их бутылками с горючей смесью. Штаб 95-й СД доложил командующему армией, что «противник применяет из танков огнеметание». Однако это сообщение не было ничем подтверждено, и в штабе армии к нему отнеслись с большой осторожностью.

От бутылок и гранат румынские танки на разных участках обороны понесли различные потери, но задерживаться у окопов, из которых градом летели бутылки и гранаты, нигде не стали. Пропустив танки через свои траншеи, бойцы 3-го батальона продолжали отбивать атаки пехоты противника, но румынам позднее все-таки удалось отбросить одну из рот с занимаемых позиций и вклиниться в боевые порядки батальона. Ликвидировать прорыв противника, даже такой незначительный в тот момент, было нечем. Серебров приказал командиру 3-го батальона лейтенанту Бреусу восстановить положение на участке батальона любой ценой.

Бреус, прискакав на участок батальона на полагавшемся тогда всем комбатам коне, повел роту в контратаку. Контратака сопровождалась сильной огневой поддержкой — по срочной заявке Сереброва огонь по румынам на участке батальона вел выдвинутый к Карпово 57-й артполк. Румын удалось отбросить, и батальон восстановил исходное положение.

Слева от полка Сереброва удар румын пришелся на батальон майора Вруцкого, единственный батальон из 90-го стрелкового полка, оставленный на участке дивизии; два других принимали участие в контрударе группы Воробьева 17-го августа и из-за осложнившейся ситуации под Кагарлыком в дивизию не вернулись, оставшись в Юж-

ном секторе. Батальон также не сумел остановить румынские танки, хотя несколько из них удалось поджечь бутылками с горючей смесью. Из-за сложного положения на участке Бреуса артиллерия мало поддерживала батальон Вруцкого огнем, однако все атаки пехоты батальону удалось отбить интенсивным пулеметным огнем и многочисленными контратаками. В последней из них Вруцкий был тяжело ранен. В конце дня на его участке оказалось больше всех подбитых и сожженных румынских танков.

Однако командовавший дивизией генерал-майор Воробьев считал, что во время боев 18 августа из всех комбатов наиболее отличился лейтенант Бреус, и более того, счел его достойным присвоения звания Героя Советского Союза. Военный совет армии поддержал представление лейтенанта Бреуса — первого из защитников Одессы — к званию Героя Советского Союза. Он был удостоен этой награды в феврале 1942 г. вместе с группой других участников Одесской обороны. О подвиге, совершенном лейтенантом, много писалось в периодической печати тех лет, и постепенно в официальной версии его содержание сильно изменилось. Считалось, что батальон под командованием Бреуса уничтожил около 1000 солдат противника — т.е. столько, сколько всего было обнаружено перед позициями полков 95-й дивизии, по донесениям от 18 августа.

После того как румынским танкам удалось прорваться через боевые порядки 161-го полка, командующий Приморской армией отдал распоряжение снять с огневых позиций ближайший к участку прорыва дивизион ПВО. Зенитчики имели приказ не пропустить танки любой ценой.

Однако вводить дивизион в бой не потребовалось. Наличие в боевых порядках 95-й дивизии большого количества станковых пулеметов явилось для противника полной неожиданностью.

Румынское командование никак не предполагало, что имевшую подавляющее численное превосходство румынскую пехоту советским бойцам удастся отсечь от танков. Удалось ли румынам сохранить управление прорвавшимися машинами 1-й танковой дивизии — неизвестно, но танки не действовали по какому-то определенному плану. Несколько продвинувшись на юго-восток к поселку Виноградарь, румынские танки сосредоточились в неглубокой ложине и остановились, возможно, ожидая свою пехоту. Начальник артиллерии дивизии полковник Пискунов перебросил к поселку несколько орудий из 57-го артполка. С другой стороны в обход ложины был направлен 97-й отдельный противотанковый дивизион капитана Барковского.

Выдвинутые к поселку полевые орудия открыли огонь первыми. Особо ущерба они противнику не причинили, но отвлекли его внимание на себя. Танки стали разворачиваться в сторону орудий и перестраиваться в боевой порядок, собираясь атаковать немногочисленную артиллерию. Однако противотанковый дивизион к этому времени уже успел занять выгодную позицию в соседней лесопосадке и, находясь с фланга от развернувшегося противника, открыл беглый огонь по повернувшимся к нему бортами румынским танкам.

Три машины были тут же подбиты, остальные, опасаясь попасть в огневой мешок, пошли обратно к линии фронта, предпочитая больше не наткнуться на противотанковые батареи.

В целом атака всех частей танковой дивизии была неподготовленной. Прежде всего, неудачно был выбран участок главного удара. Направление заранее было сочтено советским командованием танкоопасным, и на него было стянуто значительное количество артиллерии.

Большое количество пулеметов в боевых порядках пехоты и обилие ДЗОТов помогло отсечь румынскую пехоту от танков. В результате 1-я танковая дивизия (53) за один бой потеряла свыше 30 танков, правда, уничтоженными из них оказались только 12, остальные были повреждены.

Неудачный бой 1-й танковой дивизии стал известен в Румынии как катастрофа под Карпово (54). Дивизия была отведена в тыл, а Сиона временно отстранили от командования. Из оставшихся танков был сформирован механизированный отряд «Полковник Эфтимiu», называвшийся по фамилии и званию возглавившего его командира.

Отведя уцелевшие танки в тыл, румыны продолжали атаки силами 7-й пехотной дивизии, поддерживая их огнем тяжелой артиллерии. Атаки велись на участках всех полков дивизии, но под наиболее сильным нажимом находился 161-й полк, оседлавший железную дорогу. Истребители 69-го ИАП и пришедшая из Крыма бомбардировочная авиация Черноморского флота наносили штурмовые и бомбовые удары по врагу. 63-я бомбардировочная авиабригада полковника Хатиашвили вылетела на бомбежку румынских дивизий в полном составе, двумя полками, которые по своему назначению мало подходили для выполнения поставленных им задач.

Один из них — 40-й скоростной бомбардировочный авиаполк — был вооружен бомбардировщиками СБ и в небольшом количестве — Пе-2, другой — 2-й минно-торпедный полк — имел торпедоносцы ДБ-3Ф с бомбами вместо торпед. Оба полка уже имели большой опыт

дневных боевых вылетов и большие потери из-за недостаточного прикрытия истребительной авиации.

Кроме самолетов этих двух полков, несмотря на светлое время суток, наступающие румынские части активно бомбили и гидросамолеты 119-го морского разведывательного авиаполка и двух гидроскадрилий из Хаджибейского лимана, также мало подходившие для подобных заданий.

Во второй половине дня противник ввел в бой части 3-й пехотной дивизии. Румынские танки после больших потерь, понесенных ими утром, в бою больше не участвовали. На участок дивизии из Восточного сектора было решено перебросить бронепоезд №21. По сохранившемуся участку пути бронепоезд подошел к переднему краю, ведя огонь на оба борга. Этому способствовало расположение позиций 161-го стрелкового полка, занимавшего оборону по обе стороны от железной дороги. Тяжелый бой продолжался до вечера. Обе стороны несли большие потери.

Точное количество резервов, которое командование 4-й румынской армии могло перебросить на этот участок, было неизвестно, и советское командование до наступления темноты не было уверено в исходе боя. По приказу командарма заместитель начальника штаба Приморской армии майор Лернер и направленец (55) капитан Шевцов выехали на КП 95-й дивизии в качестве контролеров от штаба армии, имея задачу докладывать о ходе боя.

Но ни офицеры штаба, ни командир дивизии Воробьев так и не смогли до самого вечера определить возможный исход боя. Даже после того как атаки противника прекратились, не было уверенности, что завтра они не возобновятся. Однако противник был не в состоянии продолжить наступление. Наиболее тяжелые потери понесла 7-я румынская пехотная дивизия. После наступления некомплект личного состава в ней с учетом предыдущих боев составил около 50 %.

В 3-й пехотной дивизии потери были меньше, но тоже достаточно тяжелыми.

Пользуясь установившимся в Западном секторе затишьем, командование армии решило провести демонстрацию захваченных накануне трофеев и подбитой вражеской техники. На случай возможных обстрелов и новых вражеских атак несколько подбитых танков ночью перетащили тягачами в более удобное для осмотра место. Только что назначенный членом Военного совета вновь созданного ООР дивизионный комиссар Воронин организовал для корреспондентов армейских, флотских и центральных газет, находившихся в Одессе,

и политработников ООР экскурсию, во время которой были сделаны широко известные впоследствии фотографии захваченной под Одессой румынской техники.

Военный совет Приморской армии направил командованию 95-й СД телеграмму, в которой говорилось: *«Поздравляем с новым успехом. Объявить благодарность бойцам-героям, особенно артиллеристам противотанковых пушек и бойцам, уничтожившим танки бутылками с горючим. Отличившихся представить к правительственным наградам».*

КАТАСТРОФА

БОИ ЗА КАГАРЛЫК (12—16 АВГУСТА)

25-я Чапаевская стрелковая дивизия, которая с момента создания Приморской армии находилась на ее левом фланге, после отхода армии от Днестра заняла оборону на левом фланге Одесского плацдарма на участке от Днестра до Кагарлыка.

54-й полк в дивизию так и не вернули, посчитав, что занимаемый ею участок, прикрытый слева устьем Днестра и Днестровским лиманом, дивизия сможет удерживать и силами двух полков. Следствием такого решения явилось расположение частей дивизии в одноэшелонном порядке, без каких-либо значительных резервов.

На левом фланге дивизии, на участке 287-го стрелкового полка находился поселок Беляевка с расположенной у него насосной станцией, осуществляющей подачу в Одессу большей части потребляемой городом питьевой воды. Значение Беляевки для обороноспособности города хорошо понималось румынами, которые стали предпринимать первые попытки захвата поселка еще с ходу, как только их части вышли в этот район. Однако командованию Приморской армии было нечем усилить этот участок, так как части армии занимали слишком протяженный оборонительный рубеж. Принять же решение о частичном сужении оборонительного периметра, до того как он будет прорван, командующий армией, естественно, не мог.

Рубеж, занимаемый дивизией, и так уже был восточнее назначенного ей командованием армии 7 августа в соответствии с указаниями Главкома Юго-западного направления Буденного, на которого в свою очередь постоянно давила Ставка. И если 10 августа командующий армией приказал оставить старые позиции ввиду общего отхода частей армии и давления противника, то больше возможности сузить фронт дивизии не было.

Такая ситуация была типична для всего Одесского плацдарма. Из-за того, что оборонительные рубежи возводились в расчете на большее количество дивизий, опершийся на них оборонительный

периметр получился слишком растянутым. Наиболее уязвимыми оказались фланги, которые прикрывались наименьшим количеством частей. И наиболее чувствительные удары противник стал наносить именно по ним.

Первые значительные атаки на Беляевку румыны предприняли 12 августа, но стянутых ими сил оказалось недостаточно для достижения какого-либо успеха, несмотря на то, что наступающих поддерживали 12 танков. Танкам удалось прорвать позиции частей дивизии, но румынская пехота была прижата огнем к земле и из-за не достаточной численности атакующих и слабой поддержки артиллерии не смогла приблизиться к советским окопам. Из оставшихся без поддержки танков семь было подбито, а остальные ушли в направлении Ясски. (56)

На следующий день атаки противника приняли более упорный характер. Штурмовать Беляевку в лоб было сложно, так как с фронта она была прикрыта болотистой поймой реки Турунчук. Поэтому основной удар румыны наносили севернее, в обход Беляевки на Михайловку.

В 5.30 два батальона противника перешли в наступление на Михайловку, но сил снова оказалось недостаточно. Оба батальона залегли перед передним краем и стали окапываться. В 8.30 румыны нанесли отвлекающий удар по Беляевке, имитируя переход в наступление, а через полчаса снова атаковали Михайловку. Занятые перегруппировкой подразделения 287-го СП не смогли вовремя остановить противника, и румыны броском ворвались на северную окраину деревни, где завязался упорный уличный бой. (57)

В ходе продолжавшегося весь день боя румыны в конце концов окончательно выбили батальон 287-го СП из Михайловки, но взять Беляевку не смогли. Правда, их положение улучшилось и на этом участке — противник захватил высоты 45,4 и 39,7, на которых начал спешно закрепляться в ожидании советских контратак. (58)

Однако контратак не последовало. Только на следующий день на рассвете подразделения 287-го полка атаковали Михайловку. Удар оказался неожиданным для противника, и его удалось выбить из села. Однако румыны уже имели на этом участке достаточно сил и, перегруппировавшись, стали пытаться восстановить положение.

К полудню 14 августа противнику удалось снова ворваться в село. Бой за Михайловку продолжался 4 часа. Чтобы предотвратить переброску командованием Чапаевской дивизии резервов к селу, румынские части одновременно нанесли и отвлекающий удар по Беляевке

со стороны реки Турунчук. Однако болотистая местность затрудняла применение минометов и легкой артиллерии, и атаки противника с западного направления были легко отбиты. К вечеру румыны опять оказались выбитыми из Михайловки. (59)

15 августа противник изменил направление удара, очевидно, решив, что за ночь советские войска сумели значительно укрепиться в селе. Теперь румыны решили нанести главный удар еще севернее, по селу Кагарлык. Кагарлык находился на стыке позиций 287-го и 31-го стрелковых полков. Части румынской 1-й гвардейской дивизии нанесли удар по двум батальонам 31-го стрелкового полка, опиравшимся на село. Во второй половине дня ее части вклинились между позициями 287-го и 31-го полков. Несмотря на огневую поддержку 69-го и 99-го артиллерийских полков, румынский батальон к 16.30 захватил село. (60)

Командир 25-й СД полковник Захарченко ввел в бой дивизионный резерв, и к 22 часам румын удалось выбить из северной части села. (61)

Совместно с резервом 2-й батальон 287-го СП и 2-й батальон 31-го СП, атакуя с разных направлений, пытались захватить южную часть села. Но, несмотря на то что бой продолжался всю ночь, выбить румын с южной окраины так и не удалось. (62) (63)

Весь следующий день 25-я стрелковая дивизия пыталась выбить противника из Кагарлыка. Но сил для этого было явно недостаточно. Если бы оба полка дивизии заняли жесткую оборону, возможно, им удалось бы удержаться на прежних позициях при помощи поддерживающей их артиллерии. Но вместо этого 287-й полк наносил удары по противнику а 31-й, тоже периодически переходя в контратаки, пытался не допустить его дальнейшего продвижения. В результате румыны к вечеру заняли все село и, отжав полки еще дальше друг от друга, смогли продвинуться на 3 км в юго-восточном направлении. (64) (65)

Продвижение противника было не особенно значительным и не создавало непосредственной угрозы ни Одессе, ни Беляевке. У командования Приморской армии на этот момент было в резерве достаточно сил, чтобы наглухо запечатать прорыв, не допустив расширения его участка. Но командование армии приняло решение немедленно наступать и восстановить положение решительным контрударом. Масла в огонь подлили и руководители города и области, обеспокоенные не столько потерей Кагарлыка, сколько непосредственной, по их мнению, угрозой насосной станции у Беляевки, и также требовавшие исправить положение.

Для исправления положения командующий армией генерал-лейтенант Софронов создал ударную группу, в которую были включены 1-я кавалерийская дивизия, 90-й стрелковый полк 95-й дивизии и усилившие их 5 недавно починенных в Одессе легких танков. (66)

Она должна была сосредоточиться в районе хутора Дар Природы—село Зисарево и оттуда атаковать противника в направлении Кагарлык—Граденицы. Командование группой возлагалось на командира 95-й дивизии генерал-майора Воробьева, нанесшего накануне в Западном секторе чувствительное поражение 3-й пехотной дивизии румын. (67)

Объяснить назначение Воробьева чем-то иным, кроме достигнутого им успеха, трудно. Его собственная дивизия в это время отбивалась от крупных сил противника, и положение ее было более чем напряженным. После того как 90-й стрелковый полк временно перебросили в Южный сектор для участия в контрударе на 25-километровом фронте, два полка и один пулеметный батальон 95-й стрелковой дивизии противостояли 5 румынским дивизиям. (68) Для прорыва же фронта на участке дивизии румынам могло хватить и всего трех дивизий первого эшелона.

На участке контрудара уже имелись два командира дивизий, которым можно было поручить командование ударной группой. Но кандидатуры полковника Захарченко, командовавшего Чапаевской дивизией, и генерал-майора Петрова, командовавшего 1-й кавалерийской дивизией, не устроили Софронова. Возможно, потому, что Петров в последние дни находился в резерве и не успел еще приобрести на Одесском плацдарме значительного опыта, а дивизия Захарченко отдала противнику Кагарлык.

Сам Воробьев, правда, командовал дивизией всего 5 дней, но за это время наступавшие на его позиции румыны успели понести такие потери, что по его приказу ночью перед румынскими позициями был установлен щит с надписью:

«Командиру 3-й пехотной дивизии. Советское командование предлагает вам 16 августа с 12 до 16 часов убрать трупы и своих раненых солдат и офицеров. В это время наши войска не будут вести огонь».

Чапаевская дивизия получила задачу, удерживая занимаемый рубеж, контратаковать противника в направлении западной окраины Кагарлыка. Для ее усиления были выделены из состава Восточного сектора танковый взвод, один дивизион 69-го артиллерийского полка и одна батарея 134-го гаубичного полка. (69)

В Южный сектор был направлен и 136-й запасной стрелковый полк. Он получил приказ к 6 часам 17 августа занять и оборонять промежуточный рубеж на линии Карсталь—Фрейденталь, не допуская прорыва противника в направлении Вакаржаны—Дальник. Ввиду того, что полк являлся по существу учебным и занимался подготовкой пополнения из призываемых одесситов, он не имел тяжелого вооружения, положенного по штату стрелковому полку, и его активное участие в боевых действиях не предполагалось.

Необходимая для выполнения поставленных командованием задач перегруппировка войск была проведена в течение ночи на 17 августа. (70)

КОНТРНАСТУПЛЕНИЕ ВОРОБЬЕВА (17—18 АВГУСТА)

Контрудар группы Воробьева начался «точно по расписанию». Собственно, это было единственным в ходе операции, что удалось сделать по разработанному плану. В Одессе остро ощущался снарядный голод. Боеприпасы, необходимые для проведения артподготовки, предшествующей контрудару, были доставлены из Севастополя для экономии времени не транспортом, а на двух новых быстроходных эсминцах-«семерках». «Беспощадный» и «Безупречный» шли самым полным ходом, форсируя котлы так, что обгорали трубы. Однако большую часть боеприпасов, вовремя доставленных в Одессу, на передовую из-за нехватки автотранспорта до начала артподготовки подвезти не успели. В результате время проведения артподготовки было сокращено, а расстояние до Одесского залива оказалось слишком велико, чтобы можно было использовать 130-мм орудия новых эсминцев. Поддержка авиации также оказалась неэффективной, так как штурмовка вражеских позиций производилась лишь истребителями 69-го ИАП. Оба полка 1-й кавалерийской дивизии Петрова, двигавшиеся в пешем порядке, к началу контрудара опоздали. (71)

Огневые точки противника, не подавленные ни артиллерией, ни авиацией, вели интенсивный огонь, нанося наступающим частям значительные потери, постоянно прижимая их к земле и сильно замедляя темп наступления. Провести повторную штурмовку вражеских позиций не позволили истребители противника, прикрывавшие деревню и, в свою очередь, активно штурмовавшие наступавшие советские части. Низкий темп наступления позволил румынам во время подтянуть к месту боя резервы. (72)

Первые контрудары противник начал наносить по флангам наступающих еще в первой половине дня, стараясь замедлить их продвижение в центре. При этом исключительную активность проявляла вражеская авиация — за день было отмечено до 100 одиночных и групповых налетов, в основном бомбардировщиков Ю-88 и истребителей ME-110 и ME-109, бомбивших и штурмовавших наступающие части со всех высот, вплоть до бреющего полета. (73)

Полки Чапаевской дивизии, понесшие накануне большие потери при попытках отбить Кагарлык собственными силами, не могли эффективно атаковать даже при поддержке танков. Прекратив контакты, они сами с трудом сдерживали натиск противника. На участке 287-го СП румынам удалось отбросить одну из стрелковых рот и выйти в тыл 1-й батареи 69-го артиллерийского полка. Обойдя батарею с левого фланга, противник открыл по ее расположению сильный пулеметный огонь. Командовавший батареей младший лейтенант Лысый сумел развернуть орудия по направлению к пулеметам и отбросил противника огнем прямой наводкой, после чего отошел на новую позицию.

Бой шел практически на уничтожение и отличался настолько большим ожесточением, что командование Приморской армии даже упомянуло об этом в своем донесении командованию Южного фронта: *«В р-не Кагарлык весь день идет исключительно напряженный бой, обе стороны несут значительные потери от огня минометов, артиллерии и авиации»*. (74)

После того как в артполки были подвезены оставшиеся снаряды, советские орудия повели интенсивный огонь по частям противника, оборонявшим село, и к 13 часам батальон 90-го СП ворвался на южную окраину Кагарлыка. (75)

Полностью Кагарлык удалось занять лишь около 16 часов, после почти 10-часового боя, когда в бой за село был введен 2-й батальон 31-го СП. После взятия села батальоны короткое время пытались продолжать движение вперед, однако части ударной группы генерал-майора Воробьева понесли во время длительного боя за село слишком большие потери и были быстро остановлены противником. Для всех, и в том числе для румын, стало понятно, что части ударной группы окончательно утратили пробивную способность. Полки же 25-й дивизии, поддерживавшие группу слева, утратили ее еще раньше. Воробьев приказал прекратить наступление и перейти к обороне на занятых позициях. Однако сил прочно закрепиться в Кагарлыке уже не было. Обстановка стала быстро ухудшаться

В течение дня румыны успели сориентироваться в ситуации, правильно оценить сложившуюся обстановку, а затем и воспользоваться ей. Румынские удары стали наноситься на все больших участках фронта. Помимо атак на Кагарлык румыны снова начали отвлекающие удары на Беляевку, которые из-за благоприятной для обороны местности опять удалось отразить даже измотанным частям 25-й дивизии. Незначительно продвинуться противнику удалось только несколько южнее Кагарлыка.

Одновременно румыны продолжали сосредоточивать в Западном секторе силы для крупного наступления. Авиаразведка засекла днем переброску в район Раздельной мотобригады. По замаскированным танкам нанесли удар гидроэскадрильи Черноморского флота, базировавшиеся на гидроаэродроме в Хаджибейском лимане, а вечером генерал-майор Воробьев, опасаясь, что наступление противника может начаться ночью, отбыл обратно в Западный сектор.

Отъезд Воробьева, конечно, никак не мог повлиять на тяжелую ситуацию в Южном секторе в лучшую сторону, и к 23.00 румыны снова ворвались в Кагарлык. Части ударной группы, не удержав село, смогли, однако, остановить дальнейшее продвижение противника в районе высоты 114,6, взять которую румынам пока не хватало сил. Удар по ней румыны смогли нанести лишь силами всего двух рот, и атака было легко отбита. После этого «центр тяжести» румынских ударов снова стал смещаться южнее Кагарлыка на рубежи ослабленной 25-й дивизии. (76)

Однако 18 августа в 8.00 утра 25-я СД при поддержке 90-го СП и отряда из 5 танков попыталась перейти в наступление *«с целью уничтожения Кагарлыкской группировки противника»*. (77)

Эта повторная попытка контрудара имела роковые последствия для положения в Южном и Западном секторах, а по существу — и для всей обороны города. Обескровленные вчерашним наступлением части не смогли продвинуться вперед и под огнем противника быстро вернулись на исходные позиции.

С 10 часов утра упоминание о начавшемся наступлении волшебным образом исчезло из армейских оперсводок и превратилось в *«напряженный бой с превосходящими силами противника, развивающегося наступление на Карсталь»*. (78)

Никакого наступления противник в этот день еще не вел, но легко отразив попытку 25-й дивизии перейти в наступление, начал наносить контрудары силами 1-й гвардейской дивизии, под-

держиваемой 2-м погранполком и к 18.00 продвинулся на 1—2 км в сторону Беляевки, но развить успех пока не мог. (79)

Втянувшиеся в поспешный и плохо подготовленный контрудар по Кагарлыку и до того ослабленные части 25-й дивизии, потеряв в боях 17 августа много бойцов, уже не могли удерживать и собственный участок фронта. Однако ни командование Приморской армии, ни командование образованного 19 августа Одесского оборонительного района, занятые исправлением положения в Западном и Восточном секторах, не перебросили ни одной части для ее усиления, считая, что дивизия в состоянии удерживать фронт. Правда, несмотря на страшный голод, артополкам дивизии подвезли 1000 76-мм выстрелов из остатков запаса Тираспольского укрепрайона и 90-й СП приказом командарма придала 25-й СД. Но эти меры после понесенных Чапавской дивизией и 90-м СП потерь были явно недостаточны.

К вечеру командир 25-й дивизии полковник Захарченко получил «утешительный» приказ командарма Софронова — Кагарлык не занимать, а удерживать Беляевку, опершись на господствующие высоты. Приказ уже не соответствовал сложившейся обстановке, не случайно в нем же комдиву предписывалось *«решительными мерами приостановить отход»*. (80)

После того как дневные удары противника были отбиты, а ночных атак он предпринимать не стал, у командования Приморской армией еще оставалось время на исправление положения. Пользуясь темнотой, части сектора могли сняться с занимаемых позиций и тихо отойти, как это было сделано в ночь на 10 августа. Но тогда пришлось бы отводить и части 95-й СД, у которой после отхода левого соседа неизбежно бы оголился левый фланг. И тогда пришлось бы сдать противнику Беляевку с водонапорной станцией «Днестр». Части сектора остались на занимаемых позициях.

КАТАСТРОФА В ЮЖНОМ СЕКТОРЕ (19 АВГУСТА)

Катастрофа разразилась утром 19 августа, когда румыны возобновили наступление и стали все больше отжимать части 25-й дивизии от Кагарлыка в направлении на Карсталь. (81)

Поначалу натиск румын не вызвал особого беспокойства у штаба армии, занятого в этот момент передачей управления войсками командованию созданного в этот день директивой Ставки Одесского Оборонительного района, хотя уже к 10 часам утра румыны в очередной раз заняли Михайловку и высоту 116,5.

25-й дивизии дополнительно передали 136-й запасной полк, насчитывавший около 4 тысяч человек, большинство из которых не имели достаточной подготовки.

2 батальона полка командир дивизии полковник Захарченко сосредоточил за Кагарлыком, а одним прикрыл участок между Карсталем и Фрейденталем. (82)

После появления на передовой свежих сил наступление противника прекратилось.

Однако затишье оказалось недолгим. Проведя быструю перегруппировку, румыны снова изменили направление главного удара и крупными силами, введя в бой 1-й и 2-й погранполки, в 15.40 начали наступление из района северо-восточнее Беляевки, на участок Карсталь—Фрейденталь, прикрываемый одним батальоном 136-го запасного стрелкового полка. (83)

Батальон вынужден был начать отход, и румыны заняли высоту 102,6, являющуюся ключевым пунктом его позиций и прикрывавшую направление на Беляевку. Опасаясь больше всего прорыва противника к Беляевке на этом участке, Захарченко оголил позиции перед Кагарлыком, бросив к высоте два других батальона 136-го запасного полка.

Румыны не ожидали от командования дивизии подобного безрассудства. Атака на высоту была успешной и оказалась для румын неожиданной до такой степени, что на высоте во время боя попали в плен майор и капитан со штабными документами 1-й пограндивизии.

После этого румыны, легко прорвав оборону частей дивизии под Кагарлыком, стали обходить высоту 102,6 с северо-запада. 136-й запасной полк не имел приданной артиллерии и, не имея возможности сдерживать противника на дальних и средних дистанциях, нес большие потери в ближнем бою.

Видя, что высота будет неизбежно потеряна, Захарченко бросил к ней часть сил соседнего, 287-го СП и разведывательный батальон дивизии, имевший бронетехнику. В ходе 4-часового боя 136-й и 287-й полки были почти уничтожены, по донесению штаба армии «*в ротах осталось не более 25—30 человек*». За один день боев оба полка дивизии и запасной полк понесли потери в несколько раз большие, чем днем раньше 95-я дивизия во время отражения румынского наступления в Западном секторе, которое поддерживало около 60 танков.

Разведывательный батальон также понес тяжелые потери, особенно в технике, потеряв все свои плавающие танки и 3 бронемашины из 7. (84)

136-й полк оборонял высоту, находясь в полуокружении до тех пор, пока полностью не утратил боеспособность. Почти все офицеры и младшие командиры, единственные в полку имевшие достаточные подготовку и опыт, погибли или были ранены в бою, пытаясь спасти своих бойцов как и штаб полка, который *«почти полностью был выведен из строя»*, командир полка был ранен. Оставшиеся без командования необученные бойцы, видя такое поведение своих командиров и не имевшие уже возможности вести организованный бой, не сдались в плен и не побежали в тыл, а отправились искать ближайшие части, что впоследствии нашло свое отражение в донесении штаба армии: *«полк понес тяжелые потери не только убитыми и ранеными, но и разбежавшимися по другим частям, что следует объяснить тем, что отсутствовало руководство»*. (85)

В 20.00 полковник Захарченко доложил в штаб армии, что *«136 зап. полк отброшен противником на вост. Скаты выс 102,6. Подразделения деморализованы, управление потеряно. 287-й СП также отошел и остатками ведет бой на рубеже 300—400 м западнее Красный маяк»*.

После такого доклада в дивизию помчались *«ответственные представители штаба и политотдела»* Приморской армии, но скоро выяснилось, что *«привести в порядок подразделения»* они не могут.

За сутки в госпитали ООР из Южного сектора поступило около 2000 раненых. В ротах всех трех полков оставалось по 25—30 бойцов. Защищать Беляевку было уже нечем, и румыны в 21.30 заняли ее без тяжелых боев, ворвавшись в нее с тыла, после чего подача воды с насосной станции была окончательно прервана. (86)

Вообще информация о последних днях работы станции «Днестр» довольно противоречива.

По одним данным, станция работала до захвата Беляевки и была отключена румынами. По другим, она была отключена еще 11 августа, затем возобновляла свою работу с 14-го по 17-го августа и в конечном итоге была частично выведена из строя 19 августа жителем Беляевки Александром Тиосаз

Так или иначе, захват водонапорной станции в Беляевке привел к дефициту питьевой воды, добывавшейся теперь из артезианских скважин. В городе были введены карточки на воду.

В армейских частях проблему старались частично решить опреснением морской воды. Приказом командования ООР от 24 августа *«войсковым частям при операциях в прибрежной морской зоне и отсутствии источников пресной воды»* предписывалось *«для варки пищи, питья и для технических целей использовать морскую воду»*. (87)

Для борьбы с нехваткой питьевой воды санитарный отдел ООР разработал упрощенный порядок опреснения воды: в морскую воду добавляли пищевую соду (5 г на литр) кипятили, полчаса отстаивали до появления осадка, а потом сливали верхний слой и использовали его как годный. Овощи варили прямо в соленой воде. Также пытались разводить соленую воду питьевой в равных пропорциях, обеззараживая ее пантоцидом. (88)

Командир Чапаевской дивизии полковник Захарченко, несмотря на понесенные потери, стянул все оставшиеся в Южном секторе силы к Беляевке и попробовал вернуть поселок обратно. В бесполезных контратаках дивизия понесла еще большие потери. Ее части, и так уже полностью утратившие пробивную способность, потеряли теперь и устойчивость в обороне. Румыны контратаковали остатки полков, опрокинули их и погнали назад, делая попытки расчлениить и окружить их по отдельности. Части дивизии уже не могли не только закрепиться на каких-то позициях, а просто оторваться от противника.

Фронт обороны сектора оказался не только прорван, он полностью рухнул. Отход остатков дивизии все больше напоминал бегство. Оценив ситуацию, румыны прекратили преследование разбитых частей и сосредоточились на обходе левого фланга Западного сектора.

Под угрозой выхода противника в ее тыл 95-я дивизия, до этого сумевшая в жестоких боях отстоять свои позиции от всех атак противника, теперь вынуждена была оставить их без боя и начать отход на запасные рубежи.

Генерал-майор Воробьев, дивизия которого сумела прочно укрепиться на занимаемом рубеже, возражал против такого решения. Ему казалось, что после вчерашнего удачного боя под Карпово, в котором его дивизия не понесла значительных потерь, есть возможность нанести удар во фланг румынской группировке и восстановить положение. Но командующий армией наконец отказался от практики контрударов недостаточными силами. В 23.55 командованием только что образованного Одесского оборонительного района было признано что фронт армии прорван противником, и был отдан приказ об отходе на новый оборонительный рубеж.

БОЕВОЙ ПРИКАЗ № 002/ОП

ШТАБА ОДЕССКОГО ОБОРОНИТЕЛЬНОГО РАЙОНА

Г. ОДЕССА 19.8.41г. 23.55

Карта 100 000

Пр-к, прорвав фронт на участке КАГАРЛЫК, БЕЛЯЕВКА, введя в бой новые крупные силы, продолжает наступать в восточном направлении.

Войска Одесского Оборонительного района продолжают выполнять ранее поставленные задачи.

ПРИКАЗЫВАЮ:

а) Начальнику Восточного сектора комбригу Монахову, продолжая выполнять прежнюю задачу, оборонять рубеж ГРИГОРЬЕВКА, 59.8, 37.5, 41.7, 55.1, 69.7, 52.1, 20.0, 52.1, д. ИЛЬИНКА(искл), ЧЕБОТАРЕВКА.

Граница слева — прежняя.

Штаб сектора — Лузановка

1 морской полк отвести в мой резерв, перебросив автомашинами в р-н пос. ЗАСТАВА к 7.00 20.8.41г.

б) Западный сектор — 95 СД с приданным БЕПО №1 к 8.00 20.8.41г. отойти и занять для обороны рубеж: ПАЛИОВО, ВЫГОДА, х ПЕТРОВСКИЙ перекресток узкоколейной ж.д. и тракта, что в 1,5 км сев. Карсталь. Отход произвести под прикрытием сильных арьегардов. Граница слева перекресток узкоколейной ж.д. и тракта, ВАКАРЖАНЫ, ст.ЗАСТАВА, ОТРАДА.

Штадив ГНИЛЯКОВО.

в) Южный сектор — 25 СД, прикрываясь арьегардами, к 8.00 20.8.41г. занять и оборонять рубеж искл. перекресток узкоколейной ж.д. и тракта, КАРСТАЛЬ 32.9, 94.2, 98.9, виноградники 1 км сев.зап. МАЯКИ, МАЯКИ, ОВИДИОПОЛЬ, КАРОЛИНО-БУГАЗ

Штадив ДАЛЬНИК.

2) 1 к.д. к 2.00 20.8.41г. занять и оборонять рубеж искл. 54.7, КАРСТАЛЬ, отм+0.3 принять на себя отходящие части 25 СД, с выходом которых сосредоточиться в армейском резерве в районе:

ПОС. ЗАСТАВА, ДАЛЬНИК, ТАТАРКА, штадив пос. ЗАСТАВА

Вести разведку направлении выс. 102.6 и активными действиями сковывать противника, задерживая его продвижение на восток.

д) Батальону ВНОС занять и оборонять рубеж искл. Отм. +03, 942 прикрыть отход 287 СП, с приходом которого перейти в армейский резерв, сосредоточившись в р-не СВХ УЛЬЯНОВКА.

Оборонительный рубеж занять к 2.00 20.8. 41г.

Тыловая граница войсковых частей г. Одесса.

Получение приказа и начало его исполнения донести.

*Командующий Одесским Оборонительным р-м Комиссар
Контр-адмирал Жуков, полковой комиссар Дитятковский*

*Начальник штаба
Генерал-майор Шишенин (89)*

В силу того, что в день прорыва фронта шло создание новой организационной структуры — Одесского Оборонительного района, и не было ясно, сохранится ли Приморская армия как оперативно тактическая единица, его вновь назначенное командование отдало этот приказ без согласования с командующим Приморской армией, непосредственно командирам всех дивизий и сводного отряда. В результате рубежи отхода, назначенные для частей, не соответствовали их возможностям. Решение о выводе 1-й кавдивизии Петрова из армейского резерва в Южный сектор было принято слишком поздно. С его принятием командование ООР медлило весь день. Сперва в сектор решено было направить лишь 3-й КП и только поздно вечером — два остальных полка дивизии.

Уже через 5 минут после получения приказа обе дивизии Приморской армии начали отход.

ПОСЛЕДСТВИЯ КАТАСТРОФЫ (20—22 АВГУСТА)

Выполнение приказа № 02 штаба ООР о вынужденном отходе создало новые проблемы в Южном секторе. Полностью сохранившая боеспособность 95-я СД отошла на новый рубеж в полном порядке, прикрываясь сильными арьергардами, опередившими на хутор Виноградарь и на Васильевку, которые без особых проблем отразили две попытки румын атаковать отходящие части. Заняв новый рубеж на линии Палиово—Выгода, Петровский и Березень, части приступили к оборудованию новых оборонительных позиций.

25-я же дивизия закрепиться на назначенном ей новом рубеже по линии Карсталь—выс. 32.9—выс. 94.2, 98.9—Маяки самостоятельно уже не могла. (90)

После того как Захарченко в последней отчаянной попытке спасти положение под Беляевкой стянул к ней все части, по сути оголив фронт, оба полка дивизии вынуждены были отходить не по предписанным им маршрутам, а в любых направлениях, позволявших выйти из-под ударов противника. В результате, как писал впоследствии заместитель начальника штаба дивизии Ковтун-Станкевич *«... в пылу боя части перемешались... при отходе полки поменялись местами»*. 31-й СП оказался отброшенным в сторону Днестра и смог закрепиться только в районе южнее и юго-западнее Фрейденталья. 287-й СП, отходивший вместе с остатками 136-го запасного СП, наоборот, отступал в северо-восточном направлении и смог укрепиться в райо-

не хутора Красный Переселенец, оказавшись теперь левым соседом 95-й СД.

Дивизия смогла оторваться от противника и прекратить отход лишь на рубеже Красный Переселенец—южная окраина Фрейденталя—Петерсталь—Маяки, зацепившись за эти населенные пункты, что было ближе к городу, чем рубеж, который был указан для войск Южного сектора в приказе командующего ООР. Спонтанно образовавшийся новый оборонительный рубеж совершенно не был оборудован в инженерном отношении, что затрудняло его удерживание. Линия фронта в Южном секторе опять образовала опасный выступ, направленный теперь в сторону Дальника. Срезать этот выступ имеющимися силами было нереально даже теоретически, но командование ООР, не терявшее оптимизма, решило, что в сложившейся ситуации стоит попробовать его хотя бы уменьшить.

Восстановить боеспособность частей 25-й СД по-прежнему не удавалось.

Для обеспечения ее отхода был выдвинут в район хутора Красный Переселенец один из последних резервов армии — 45-й батальон ВНОС, бойцы которого раньше несли службу за Днестром, и без которых в системе ПВО города все-таки можно было обойтись. С приходом частей дивизии в район сосредоточения батальон выведен в тыл не был, а занял рубеж между Красным Переселенцем и Петерсталем. В дальнейшем батальон так и остался на передовой и в конце концов был преобразован в стрелковый.

Во время отхода частей ООР на новые рубежи помимо потерь вооружения образовались и большие потери телефонного кабеля. Они приняли настолько широкие масштабы, что в приказе по ООР № 12 от 2 сентября специально обращалось внимание на то, что *«за истекший период боевых действий в ряде частей имелись случаи больших, ничем не оправданных потерь телефонного кабеля»*; вопрос стоял настолько остро, что в конце концов было решено *«оставление на поле боя телефонного кабеля, и аппаратуры приравнять к утрате боевого оружия»*. Одновременно был организован *«сбор бездействующего телефонного кабеля на улицах города, в учреждениях и тыловых частях, укомплектовывая собранным кабелем действующие части»*. Также часть кабеля была изъята из ОВМБ, 15-й бригады ПВО и из тыловых частей Одесского гарнизона.(91)

У командования ООР, безуспешно пытавшегося стабилизировать ситуацию в Южном секторе, возникли серьезные опасения, что

в случае если остановить румынское наступление не удастся, противник сможет выйти и на окраины Одессы. Командующий ООР контр-адмирал Жуков отдал распоряжение о срочном завершении подготовки города к уличным боям:

«1. Закончить все работы по баррикадированию улиц города Одессы:

а) Внешнего обвода оборонительного рубежа, прилегающего к окраине города — 23.8—41 г.

б) Внутренней части города — 25.8—41г.

2. Баррикады, построенные из гранитного камня, одеть мешками с песком.

3. Все баррикады, построенные с активной задачей, приспособить для ведения огня из них и из прилегающих к ним зданий.

4. Ширококолейную трамвайную магистраль проверить и сделать ее пригодной для действий бронепоезда.

5. Для выполнения всех работ в указанный срок через представителей районной власти и партийных органов мобилизовать все население и местный транспорт». (92)

1-я кавдивизия, прибыв в Южный сектор, оказалась не в состоянии удержать ни Карсталь ни перекресток шоссе с узкоколейной железной дорогой. (93)

В этой обстановке командование ООР приняло решение о смелости начальника Южного сектора как не способного справиться с ситуацией и о восстановлении положения в районе Карсталя.

Особой необходимости в этом не было, так как — с Карсталем или без него — ни ширина, ни глубина образовавшегося выступа существенно не менялись. Но Карсталь был удобным местом для нанесения контрудара. С одной стороны, он находился на стыке участков остановившейся перед частями западного сектора 1-й гвардейской дивизией румын и продолжавшей наступление на части южного сектора (94) 21-й пехотной дивизией, части которой были растянуты, а тылы и артиллерия отставали от продвигавшихся быстрее передовых подразделений. С другой стороны, нанося удар на этом участке Южного сектора, 1-я кавалерийская дивизия рисковала меньше, чем где бы то ни было, так как в этом случае хотя бы ее правый фланг обеспечивался частями Западного сектора, куда успел отступить переброшенный в свое время из него же 90-й СП. Единственной пользой от такого контрудара могло быть отвлечение в его район румынских войск и замедление темпов их наступления.

В 15.05 генерал-майору Петрову был отдан приказ о наступлении.
20.08.41г. 15.05
Г. ОДЕССА

**ГЕНЕРАЛ-МАЙОРУ ТОВ. ПЕТРОВУ
КОМАНДУЮЩИЙ ПРИКАЗАЛ:**

ПЕРВОЕ: Подчинив себе 90 СП ударом во фланг силами 1 кд и 90 СП восстановить положение районе КАРСТАЛЬ.

ВТОРОЕ: ЗАХАРЧЕНКО решением военсовета освобожден от обязанностей командира 25 СД.

Вам приказано вступить в командование 25 СД

Командиром 1 кд назначается полковник РЯБЧЕНКО.

ТРЕТЬЕ: Вам объединить под своим командованием 25 СД и 1 КД, оборонять рубеж (иск.). Перекресток узкоколейки и шоссе КАРСТАЛЬ—ФРЕЙДЕНТАЛЬ—МАЯКИ—КАРОЛИНО-БУГАЗ.

ЧЕТВЕРТОЕ: По восстановлении положения в районе КАРСТАЛЬ 1 кд и не менее одного стрелкового батальона отвести в резерв.

**НАЧАЛЬНИК ОПЕРАТИВНОГО ОТДЕЛА
ПОЛКОВНИК КРЫЛОВ(95)**

Полковник Захарченко был снят военным советом ООР с должностей начальника Южного сектора и командира 25-й стрелковой дивизии «за потерю управления войсками», вместе с ним был снят и комиссар дивизии полковой комиссар Мошков. Новым командиром и начальником Южного сектора был назначен генерал-майор Петров, комиссаром дивизии был назначен бригадный комиссар Степанов.

1-ю кавалерийскую дивизию временно возглавил ее начальник штаба полковник Рябченко. Но она не вышла из подчинения Петрова, так как 25-я дивизия до получения пополнения по-прежнему была небоеспособна. Для восстановления положения в Южном секторе под командованием Петрова объединялись обе эти дивизии с добавлением 90-го стрелкового полка из 95-й СД.

Однако если со сменой командования Южным сектором особых проблем не возникало, то восстановить положение под Карсталею оказалось значительно сложнее. Понимая, что время сейчас работает против него, генерал-майор Петров действовал молниеносно.

Через три часа после получения этого распоряжения дивизия, завершив сосредоточение на исходных позициях и развертывание в боевые порядки, перешла в наступление на северную окраину Карстала с двух направлений — от хуторов Березень и Новобеляевка. Но как быстро ни действовал Петров, румыны успели стянуть к Карсталу достаточно сил, и наступление успеха не имело. Противник контратаковал, и части дивизии, не сумев зацепиться и за свои исходные позиции, отошли до хутора Вакаржаны, где смогли наконец занять оборону. Повторных попыток Петров не предпринимал, доложив обстановку командованию. Командование ООР задачу не отменило, лишь отодвинув сроки ее выполнения. Теперь войска Южного сектора должны были «восстановить положение» к утру 21-го августа. (96)

К утру обстановка успела измениться настолько, что вопрос о взятии Карстала больше не ставился, хотя части 1-й кавдивизии находились недалеко от его окраин.

Вечером 20 августа три самолета противника сбросили небольшой тактический десант в тылу 105-го саперного батальона, оборонявшего Маяки. Отрезанный от подразделений еще не пришедшего в себя после разгрома под Беляевкой 287-го СП, батальон всю ночь вел бой в окружении. Положение его было крайне тяжелым — радио и телефонной связи с командованием сектора он не имел, а локтевая связь с 287-м СП была прервана. Ожесточенный ночной бой на левом фланге, по-видимому, не вызвал у Петрова желания уточнить обстановку. До утра командование сектора вообще ничего не знало о происходящем. На рассвете, потеряв к этому времени почти всех командиров и большую часть личного состава, остатки батальона, которыми после гибели командира батальона и ротных командовал командир взвода младший лейтенант Кныш, отчаянным ударом вырвались из окружения.

В расположении 287-го стрелкового полка героически дравшихся с врагом бойцов встретили отнюдь не с распростертыми объятиями. В дневном донесении в штаб ООР Петров сообщил, что *«9-я саперная рота из Маяки самовольно ушла и оказалась в Гросс-Либенталь»*.

В произошедшем Петров, занятый отражением дневных атак румын, смог разобраться только к вечеру. В 23.15 в очередном донесении в штаб армии он доложил о произошедшем прошлой ночью и сообщил, что *«на Маяки выделена рота с задачей совместно с остатками 105-го ОСБ восстановить положение»*. (97)

Румыны, проведя за ночь перегруппировку и сосредоточив растянувшиеся во время наступления войска, с рассветом возобновили

наступление на части южного сектора, пытаясь углубить образовавшийся выступ, который после ночного взятия Маяков уже больше напоминал дугу. (98)

Наиболее ожесточенные бои развернулись за Фрейденталь, который дважды переходил из рук в руки. Одновременно румыны одним батальоном наносили отвлекающий удар на хутор Дальницкий. Батальон продвигался вперед довольно неспешно и после нанесения по нему артиллерийского удара остановился на почтительном расстоянии от советских позиций.

В 12.00 еще один удар, на этот раз значительно более серьезный, был нанесен по стыку с 95-й дивизией в направлении Вакаржан. На этом участке румыны ввели в бой до трех батальонов пехоты и кавалерийский полк. После трех часов ожесточенного боя румыны заняли высоту 63,3. Оборонявший высоту 7-й кавалерийский полк и размещенная на высоте противотанковая батарея начали отход в глубь оборонительного участка.

К вечеру 21 августа командование армии пришло к выводу, что измотанные и обескровленные части Южного сектора не смогут удерживать занимаемый неукрепленный рубеж, и в 18.20 отдало распоряжение о немедленном отходе на рубеж хутор Вакаржаны—высота 80,0—Петерсталь—Францфельд, на котором имелись оборонительные сооружения. (99)

На то, чтобы добраться до нового рубежа, у 25-й СД ушла вся ночь, так как оторваться от противника она снова не смогла. Части дивизии, усиленные одним батальоном полка НКВД, переброшенным из Восточного сектора, медленно пятились к назначенным им позициям, ведя непрерывный бой с преследующими их частями 21-й пехотной дивизии румын. (100)

Для усиления обороны сектора в него были направлены 2 дивизиона 15-й бригады ПВО, отряды ополченцев и часть тыловых подразделений армии.

В начале дня кавалерийская дивизия опять вела бои в неполном составе. Накануне ее 5-й полк был выведен в резерв, но в связи с непрекращающимся давлением противника к вечеру был снова введен в бой. (101)

Встретив полк еще на марше, Петров взял у его командира капитана Блинова планшет, прямо на его карте написал боевой приказ, потребовав через 45 минут вступить в бой. Ни до, ни после Петров не бросал кавалерийские полки в дневной бой так, как ему приходилось это делать 21 и 22 августа в Южном секторе.

В светлое время суток кавалерия была особенно уязвима для авиации и артиллерии противника. Но другого выхода не существовало — если бы части Южного сектора не смогли закрепиться на укрепленных позициях, противник смог бы прорваться к городу, так как дополнительных сил, способных остановить его продвижение в распоряжении командования ООР в этот момент не было. По сути рубеж Вакаржань—высота 80,0—Петерсталь—Францфельд являлся последним шансом стабилизировать оборону на относительно безопасном расстоянии от города и порта.

Критичность событий, происходивших в этот день в Южном секторе, не укрылась и от командующего Юго-западным направлением маршала Буденного. Семен Михайлович отреагировал на происходившие в Южном секторе события с кавалерийской прямоотой, в своем приказе № 0406 откровенно предупредив командование Приморской армии об их ответственности за оборону города:

«Еще раз приказываю ОДЕССУ не сдавать, занятые позиции оборонять при любых условиях. Военный совет Приморской армии за выполнение этого приказа отвечает головой. ЧФ вам помогает во всех отношениях.»

Потребуйте решительного выполнения приказа НКО СССР № 270, подчините себе вооруженные силы».(102)

В этих боях кавдивизия, как и присланные в сектор ополченцы и тыловики, не имевшие необходимого боевого опыта, понесли большие потери, но стоявшая перед сектором задача была выполнена. Части 25-й СД успели закрепиться на новых позициях.

НА НОВОМ РУБЕЖЕ (23 АВГУСТА)

Достигнув укрепленных позиций, части смогли наконец закрепиться и стали прочно удерживать занятый рубеж. При этом 31-й СП занял позиции на левом фланге сектора от Петерсталя до Францфельда, 287-й полк — в центре от Петерсталя до Красного Переселенца а батальон НКВД — на правом фланге от Красного Переселенца до Вакаржан. (103)

Румынское командование также прекрасно понимало значение боев, происходивших в Южном секторе, для всей обороны города, и после того как попытка прорвать новый оборонительный рубеж с ходу успеха не имела, решило атаковать круглосуточно, чтобы окончательно обескровить части, защищающие Южный сектор. (104)

Однако направление этих атак было выбрано неудачно. Румынское командование переоценило собственные силы и стало наносить удары в стык между Южным и Западным секторами, как двумя сутками раньше это сделало советское командование. Части Южного сектора были несколько потеснены назад, но значительно более боеспособный 90-й СП смог удержать свои позиции. (105)

Более успешными оказались действия румын на левом фланге сектора, где они нанесли удар в стык между 31-м и 287-м полками, пытаясь занять Петерсталь. 31-й полк, попятившийся назад, по укorenившейся у командования армии привычке начал немедленно пытаться вернуть утраченные позиции. Впрочем, его атаки не носили упорный характер, и больших потерь он не понес. (106)

Вылазке контратаки полка не произвели особого впечатления на румын и длились недолго.

Во второй половине дня румыны снова возобновили атаки на стыке 31-го и 287-го полков. Наступление противника оказалось плохо организовано и проводилось недостаточными силами. (107)

Подразделения обоих полков, потесненные на некоторых участках, тут же переходили в контратаки с любых удобных в этот момент направлений, нанося по противнику фланговые удары. К месту румынского удара Петровым были переброшены подразделения 1-й кавалерийской дивизии. Бой принял маневренный характер, отличаясь при этом крайней ожесточенностью. Батальон 6-го пехотного полка 14-й румынской пехотной дивизии был окружен и разгромлен в р-не высоты 80,0. В свою очередь один из эскадронов 1-й кавдивизии был окружен в районе высоты 76,3 и *«частью уничтожен, частью попал в плен, вырвалось всего 13 человек»*. (108)

Много шума наделала атака батальона того же 6-го полка румын на стыке 287-го и 31-го полков 25-й Чапаевской дивизии, произведенная в 19.00, которую удалось отбить при артиллерийской поддержке сил ОВМБ и армейской артиллерии. В 70-е гг. она получила широкую известность как «психическая атака» — под таким названием она вошла в мемуары бывшего начальника штаба Приморской армии, маршала Советского Союза Крылова, а оттуда попала в фильмы «Поезд в далекий август» и «Подвиг Одессы».

Из 31-го стрелкового полка Петрову в 19.25 доложили, что *«(в) 19.00 часов противник силою до батальона в полный рост с развернутым знаменем пытался наступать в направлении южнее 63,3. Но сосредоточенным огнем 3-х дивизионов знамя свернул и свернулся частью сам, а частью остался на месте»*.

По данным наблюдения, за ним в одном-полутора км сосредоточилось до батальона пехоты. Все данные о противнике требуют подтверждения...». (109)

Через 20 минут Петров в очередном донесении сообщил об этом в штаб армии, полковнику Крылову, дословно повторив информацию, сообщенную ему из полка. (110)

Ни о какой «психической» атаке речь в его донесении не шла. Однако в оперсводке за 23 августа и в журнале боевых действий Приморской армии случай стал выглядеть уже по другому:

«(в) районе отм. 63,3 пр-к до 2-х батальонов ротными колоннами, в полный рост со знаменем перешел в атаку, метким артогнем до 50 % было уничтожено, остальные в беспорядке убежали с поля боя»

После войны в своих мемуарах Крылов изложил этот эпизод с новыми подробностями:

«23 августа на участке 31-го полка Чапаевской дивизии противник предпринял «психическую» атаку. Примерно два неприятельских батальона двинулись к нашим позициям ротными колоннами, во весь рост, с оркестром... Артиллерия, минометы, пулеметы уложили не меньше половины наступавших, остальные в беспорядке бежали с поля боя. До наших окопов не дошел ни один вражеский солдат.

Получив краткое донесение об этом, я послал в Южный сектор капитана И.П. Безгинова, чтобы узнать подробности. Вернувшись, Иван Павлович доложил:

— Все точно — шли прямо как каппелевцы в фильме «Чапаев». Офицеры с шашками наголо, солдаты пьяные.

Наши встретили их дружным огнем. Можно считать, что уничтожен целый батальон. Попытка ошеломить, взять на испуг наших бойцов привела к обратным результатам. Красноармейцы расценивали «психическую» атаку как проявление отчаяния врага, не способного нас одолеть».

Однако дальше всех в этом вопросе, несомненно, пошел писатель Владимир Карпов, который в «документальном» романе «Полководец», несмотря на собственный боевой опыт, счел возможным написать об этом случае следующее: «23 августа Петрову доложил по телефону командир 31-го полка о начале какой-то необычной атаки. Петров, выйдя тут же на наблюдательный пункт, увидел, что по полю движутся четкими развернутыми строями подразделения противника. Прямо как в фильме “Чапаев”! Офицеры шагали с шашками наголо, а солдаты с винтовками наперевес. Позади строя, сверкая начищенными трубами, шел и играл оркестр. Звучал

четкий марш, и колонны, чеканя шаг, как на параде, приближались к нашим позициям. Все это было очень неожиданно и выглядело как-то несерьезно. — Ну, это не от хорошей жизни, — сказал генерал Петров. — Они потеряли надежду одолеть нас в обычном бою и поэтому бросаются на такую крайность. Неужели они не понимают, что в наши дни, при современном оружии, психическая атака равноценна самоубийству? Генерал молча смотрел на приближающегося противника и невольно любовался своеобразной красотой движущихся под звуки марша войск. Был солнечный день. Роты шли по полям ровно. Сверкали начищенные сапоги офицеров и обнаженные сабли в их руках. Было тихо. Никто не стрелял. Только звучала музыка. Все замерли, пораженные этим неожиданным парадом смерти. — Красиво идут! — произнес Иван Ефимович точно те слова, которые сказал когда-то Чапаев при виде таких же колонн каппелевцев. — Но глупо! Ах как глупо! Даже жалко их, хоть это и враги. Ну что же, не мы вас сюда звали! Начальник артиллерии, открыть огонь! Разогнать и уничтожить эту глупую нафабренную банду! Ударил артиллерия. Было странно и жутко видеть, как рвутся снаряды, скидываются черные конусы земли, огня и пламени вблизи колонн, а потом и прямо в гущу шагающих. Сломались ряды, наступающие затоптались на месте. Еще несколько прямых попаданий, и солдаты стали разбегаться. Замолк оркестр, его тоже накрыли взрывы. Офицеры махали клинками, кричали, звали вперед, но в это время ударили еще и пулеметы, зацелкали выстрелы винтовок. Сраженные падали то тут, то там. Наконец, уцелевшие повернули и общей массой кинулись назад, а пули выхватывали все новых и новых убитых. Немногие добежали до своих окопов. Долго еще над полем были слышны крики и стоны раненых. Помогать им было некому. Те, кто был проучен нашим огнем в этой психической атаке, возвращаться на поле боя не решались. Только ночью румыны стали уносить раненых. Наши слышали, что в поле идет эта работа, но огня не открыли. Петров был доволен — отбито еще одно наступление, — но все же с некоторой грустью размышлял: «Почему так неразумно вели в бой в современной войне румынские командиры свои войска?»

Истина, как всегда, оказалась где-то посередине. Попытка атаки с развернутым знаменем действительно была. Думаю, она связана с приездом 22 августа в 4-ю армию Чуперка свежее испеченного (за день до этого) «маршала Румынии» Антонеску. Румынам нужны были публичные акции, подходящие для пропагандистских целей, но устраивали они их не в ущерб здравому смыслу. Предпри-

няв попытку атаки в полный рост за полтора километра до советских позиций, и конечно, безо всяких ротных колонн, румыны тут же прекратили ее, как только по батальону был сосредоточен огонь артиллерии. В связи с тем, что в этот день уже всюю ощущался «недостаток... 76-мм снарядов для полковых и дивизионных орудий и 122 мм орудий», (111) подвезенных 17 августа «Беспощадным» и «Безупречным», огонь этот не мог быть особенно интенсивным. Румыны не были даже рассеяны — батальон остался на исходных позициях, где был без особого успеха проштурмован вызванными истребителями 69-го ИАП. Но так как успешная операция явно была нужна противнику именно этим вечером, румынское командование сменило тактику на более вменяемую.

И после того как румыны ввели в бой части второго эшелона 21-й ПД, в результате ожесточенного боя им удалось выйти на северные окраины Петерсталья и Францфельда. В бою был тяжело ранен командир 287-го СП подполковник Султан-Галиев. На его место был назначен заместитель начальника штаба 25-й СД капитан Ковтун-Станкевич.

Взятие румынами окраин двух населенных пунктов, многократно переходивших из рук в руки, было прочно забыто обеими сторонами, а вот попытка «психической» атаки еще долго вспоминалась генералами, писателями и режиссерами, как яркий пример разгрома глупого и фанатичного врага.

Положение, сложившееся к концу дня, было тревожным.

В этот день командование Приморской армии доложило командующему ООР контр-адмиралу Жукову о том, что «личный состав в течение 16 дней ведет непрерывный бой. Резервов нет, пополнение за счет дополнительной мобилизации, обученные резервы исчерпаны полностью».

Людские резервы Приморской армии были истощены. И не последнюю роль в этом сыграл и катастрофический прорыв фронта в Южном секторе, вызванный необдуманном контрударом под Кагарлыкком, предпринятым 17 августа командованием Приморской армии. (112)

Невероятным усилием части сектора смогли восстановить положение после, казалось, необратимой катастрофы, но сил у них уже не оставалось.

25-я СД, пополненная ополченцами, уже была в состоянии удерживать свои позиции, но теперь боеспособность потеряла 1-я кавдивизия. Два ее полка — 5-й и 7-й, потерявшие за два дня боев до половины состава, решено было отвести в армейский резерв «для приве-

дения в порядок и доукомплектования». В южном секторе оставался 3-й КП, выведенный в резерв начальника сектора в район Дальника. Для совместных с ним действий командующий армией передал свой резерв — 2-й добровольческий отряд моряков Черноморского флота, прибывший из Севастополя.

Также в распоряжение командира 1-й КД были переданы разведбатальон и рота связи, которые предназначались для формирующейся Одесской стрелковой дивизии.

Оборона в Южном секторе снова начинала обретать устойчивость.

СТАБИЛИЗАЦИЯ (24—26 АВГУСТА)

В ночь на 24 августа румыны продолжили практиковать ночные атаки, нанося удары в прежнем направлении — встык между 31-м и 287-м полками. Противник после того, как части дивизии зацепились за подготовленный рубеж, стал нести значительно большие потери, чем раньше. (113)

21-я пехотная дивизия румын наступала на позиции сектора, развернувшись в один эшелон, но все три ее полка — 1-й, 24-й и 17-й — имели двухэшелонный порядок и действовали отдельными батальонами. К сектору подтянулась и 14-я пехотная дивизия, но из ее состава пока по-прежнему наступал один полк — 6-й.

После 4 ночных атак, когда стало ясно, что сопротивление со стороны батальонов 31-го стрелкового полка ослабевает противник сосредоточил основные усилия на его участке. 287-й стрелковый полк немедленно воспользовался этой ситуацией и контратакой восстановил положение на своем участке в районе высоты 63,3.

К утру у румын наметились определенные успехи в левой части сектора — около 7 часов утра 45-й батальон ВНОС, не выдержав давления противника, без приказа оставил Петерсталь. 31-й СП во время ночных боев, несмотря на то, что по нему наносились основные удары противника, сумел сохранить боеспособность. Большие потери понес только его 1-й батальон. После того как батальон усилили ротой, переброшенной автотранспортом из Овидиополя, полк в 11.00 нанес сильный контрудар на своем участке, снова заняв Петерсталь и южную окраину Францфельда. (114)

На приведение частей в порядок после полученной трепки и на перегруппировку у румын ушло около шести часов. Около 17 часов

румыны снова перешли в наступление, к которому на этот раз успели основательно подготовиться. (115)

Румынский батальон при поддержке 8 танков, прорвав оборону 31-го полка, на участке, наиболее близком к Юзефсталью, в котором размещался штаб полка, обошел Петерсталь слева и перерезал дорогу на Юзефсталь. Одновременно румынские части сковали батальоны 31-го СП боем на всем протяжении их позиций, чтобы исключить возможность переброски их подразделений к месту прорыва. Весь состав штаба и тыловых служб 31-го полка занял оборону на окраине поселка. Начальник сектора генерал-майор Петров направил к Юзефсталью находившийся в Дальнике 3-й кавалерийский полк.

Румыны, по-видимому, предусматривали такую возможность и нанесли по Дальнику сильный авиаудар, однако опоздали по времени. Полк уже покинул Дальник, и пострадали только поселок и находившийся в нем штаб дивизии, в который попало 10 зажигательных бомб. Поселок горел, но кавполк, совершив в светлое время суток максимально быстрый марш к Юзефсталью, спешил в районе прорыва и атаковал противника в пешем строю. Бой принял упорный характер. (116)

С наступлением темноты румынские танки убрались с передовой, причем один из-за поломки не сумел это сделать и был *«взят нашими частями неподбитым»*. (117)

Так как по скоплениям противника в районе Петерсталя вели огонь дивизионная артиллерия, 411-я и 39-я береговые батареи, румыны снова сделали акцент на ночные атаки. После полуночи ситуация стала критической. Петрову пришлось ввести в бой на правом фланге сектора 2-й добровольческий отряд моряков, а потом и все, что можно было использовать в качестве резерва, включая комендантский взвод. Несмотря на это, ситуация на правом фланге оставалась тяжелой в течение всего дня 25 августа. (118)

2-й добровольческий отряд моряков и батальон НКВД, поддерживаемые слева подразделениями 287-го, СП с трудом отражали натиск противника. Румыны попробовали провести здесь массированную атаку силами до полка пехоты, а позже — еще одну, такими же силами. Обе атаки удалось отбить ценой больших потерь. Батальон НКВД потерял при отражении этих атак до 60 % своего состава. 7 человек из него не выдержали и сдались в плен. (119)

Опасаясь, что в случае третьей подобной атаки фронт здесь будет прорван, Петров перебросил на этот участок 3-й кавалерийский полк.

На левом фланге сектора к середине дня румыны стали теснить 31-й СП. В 14.00 его 2-й батальон отошел к высоте 79,4 а к 17 часам румыны захватили ее северные скаты и ворвались на северные окраины Францфельда, в поселке завязался ожесточенный бой. В течение всей ночи подразделения 6-го полка 14-й пехотной дивизии румын безуспешно пытались овладеть южной окраиной поселка. Бои продолжались и всю первую половину дня, после чего румынские атаки прекратились на несколько часов и возобновились с наступлением темноты, но длились на этот раз всего 2 часа и успеха снова не имели. (120) (121)

В первой половине следующего дня румынские удары окончательно утратили пробивную способность. Ни одна из многочисленных попыток перейти в наступление на различных участках сектора успеха не имела (122), поэтому во второй половине дня противник больше не наступал, приводя в порядок потрепанные части и перегруппировывая свои силы. (123)

Относительное затишье в Южном секторе позволило командованию ООР перебросить предназначенные для него резервы на более угрожаемое направление. 5-й кавалерийский полк, находившийся в армейском резерве, был «выброшен на восточный сектор», где во второй половине дня противнику удалось добиться успеха, наступая в направлении Ильичевки. (124)

После захода солнца в 21.30 части 21-й пехотной дивизии перешли в наступление по всему сектору. Основной удар наносился по участку 287-го СП. Упорный бой длился до полуночи. Опираясь на хутор Красный Переселенец, подразделения полка смогли отразить все атаки противника, полностью удержав занимаемые позиции. (125)

Три дня упорных боев показали, что на участке Южного сектора фронт наконец стабилизировался и сложилась ситуация неустойчивого равновесия.

По показаниям пленных, пехотные полки противника за последние 3 дня боев понесли потери до 50 % личного состава и вынуждены были пополнять боевые подразделения за счет хозяйственных и тыловых.

Части сектора все-таки получали скудные, но пополнения и с их помощью удерживали фронт, хотя вопрос получения людских резервов с каждым днем становился все острее. Несмотря на доклады ВС ООР о том, что «обученные резервы исчерпаны полностью», Ставка, по-прежнему не торопилась высылать в Одессу пополнения — ни в виде кадровых частей, ни в виде маршевых рот. Более того, начальник Генерального штаба Красной армии Шапошников в своей телеграмме,

направленной 26 августа от имени Ставки Верховного Главнокомандования командующему Черноморским флотом адмиралу Октябрьскому, прямо указал что *«необходимо... проявлять исключительную настойчивость и до конца использовать людские ресурсы района на пополнение боевых потерь... полностью использовать силы местного населения, средства и возможности Одессы»*.

После такой телеграммы ВС флота хотя и отправил в Одессу очередной отряд моряков-добровольцев, включавший 1600 человек, счел, что командование ООР недостаточно использует свои внутренние резервы, сообщив военному совету ООР:

«Вы еще не только можете, а обязаны набрать и послать на передовые позиции 6—7 тыс. человек. Возьмите все войска НКВД, милиции, где два писаря, делопроизводителя, кока, кладовщика, казначея и т.д. — оставьте одного, а где пять — три отправьте на фронт. Вы не взяли еще все, что можно взять».

Военный совет ООР намек понял и на ближайшем заседании признал, что внутренние возможности до конца еще не исчерпаны, после чего действительно нашел резервы.

Но и *«за счет дальнейшего сокращения численности личного состава тыловых учреждений армии и дополнительной мобилизации трудящихся города»* удалось *«направить во фронтовые части для восполнения боевых потерь»* не 6—7 тыс. человек, как этого требовал ВС ЧФ, а всего 500.

ОРГАНИЗОВАННАЯ ОБОРОНА

БИТВА ЗА «ДНЕПР» (15 АВГУСТА — 18 АВГУСТА)

15 августа в Одессу прибыл учебный корабль «Днепр», на котором находились 600 моряков-добровольцев из Севастополя. Из Одессы «Днепр» должен был эвакуировать в Новороссийск мирных жителей и 4 тыс. т зерна. Моряки были направлены для пополнения 1-го морского полка, а командир корабля, капитан 2-го ранга Моргунов и военком корабля полковой комиссар Бубличенко направились к комиссару Одесской ВМБ, полковому комиссару Дитятковскому и попросили его рассказать экипажу корабля, как моряки защищают Одессу на суше. Комиссар базы согласился, но когда он прибыл на борт «Днепра», выяснилось, что вместо эвакуируемых и зерна корабль принимает на борт значительные количества каких-то военных. Еще больше военных находилось на причале, ожидая своей очереди. Количество грузившихся поразило военкома базы — из них можно было сформировать как минимум один батальон, при этом многие из них были вооружены, и на причале имелись даже станковые пулеметы.

«Непонятно, — удивился командир «Днепра», — моряков доставляем сюда, — а красноармейцев забираем отсюда». У руководившего погрузкой прокурора Приморской армии бригадного военюриста Корецкого удалось выяснить, что эвакуация производится по решению Военного совета армии.

Дитятковский связался по телефону с контр-адмиралом Жуковым, являвшимся командиром Одесской ВМБ и по совместительству, начальником гарнизона Одессы.

Д: — Известно ли вам о посадке на «Днепр» войсковых частей?

Ж: — Нет,.

Д: — Что будем делать?

Ж: — Поговорю с командующим армией или членом Военного совета.

Ни командующего армией, ни члена Военного совета Жуков разыскать не смог и дал Дитятковскому новые указания.

Ж: — Посадку допускать нельзя.

Д: — Но часть военнослужащих уже на борту, а на причале их еще не меньше тысячи.

Ж: — Приостановите посадку. Еду в штаб армии.

Через некоторое время Жуков прибыл к трапу в сопровождении начальника штаба Приморской армии генерал-майора Шишенина. Под его нажимом Шишенин отдал распоряжение прекратить погрузку.

Тогда комендант Одесского порта капитан-лейтенант Романов доложил, что военнослужащие были приняты и на другие транспорты, которые уже ушли из Одессы в Севастополь. Транспорты эти были немедленно установлены, ими оказались «Армения», «Кубань», «Пестель», «Азов» и «Восток». После чего Жуков немедленно доложил о них командующему Черноморским флотом. Октябрьский приказал транспорты ввести в Казачью бухту, задержать и организовать немедленное их обследование на предмет выявления дезертиров.

После такого решения командующего флотом армейскому руководству и дальше делать вид, что ничего не происходит, становилось уже просто неудобно. Реакция командующего Приморской армией генерал-лейтенанта Софронова была молниеносной.

В порт был отправлен ЧВС Приморской армии Воронин, который при объезде порта, произведенном им совместно с Жуковым, разъяснил последнему, что ВС армии проводит эвакуацию из Одессы наиболее ценных специалистов, не нужных при обороне города. Одновременно член Военного совета вынужден был признать, что у отправляющихся командиров и красноармейцев действительно имелось при себе много оружия. Также выяснилось, что кроме рядового и начальствующего состава Приморской армии в Новороссийск направляются и довольно много сотрудников органов милиции и НКВД, также имеющих при себе стрелковое оружие и гранаты.

Вечером того же дня Жуков и Дитятковский были вызваны к Софронову. В присутствии члена Военного совета армии дивизионного комиссара Воронина, повышенным тоном, не предлагая вошедшим сесть, командующий армией поинтересовался:

— Вы что, решили установить двоевластие в Одессе? Для вас не обязательно решение Военного совета армии?

— Мы не знали, что Военный совет армии решил отправить из Одессы более двух тысяч бойцов. Знаем только о категорическом

указании Военного совета Юго-Западного направления, подписанном Буденным, Хрущевым и Покровским: Одессу не сдавать ни при каких условиях. Вы же отправляете бойцов и командиров из Одессы, причем с оружием, — ответил Жуков.

— Это специалисты, — сухо сказал Софронов. — Мы решили отправить их в тыл. Ваше дело выполнять решения Военного совета, а не срывать их.

— Флот прислал в Одессу добровольческий отряд. В нем тоже немало ценных специалистов, — не выдержал Дитятковский, — электрики, минеры, радисты, дизелисты...

Но Софронов в дискуссии вступать не стал и лишь объявил Жукову:

— Вы освобождаетесь от обязанностей начальника гарнизона Одессы. Эти обязанности возлагаются на полковника Коченова, начальника восемьдесят второго укрепленного района. Завтра получите приказ.

— Есть! — ответил Жуков и снял пенсне. — Разрешите быть свободным?

— Да.

17 августа решение командующего армией было оформлено соответствующим приказом, который ввиду важности принимаемых решений был подписан и членами Военного совета армии.

Сов. Секретно
Экз. №4

ПРИКАЗ ВОЙСКАМ ПРИМОРСКОЙ АРМИИ

17 августа 1941г №003 Действующая Армия

Для подготовки обороны г.Одесса и порта
ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Непосредственное руководство подготовкой и организацией обороны возложить на начальника 82 управления УР полковника Коченова.

2. Назначить Начальника 82 управления УР Начальником гарнизона, 82-е Управление УР штабом обороны г. Одесса с передачей ему всех функций штаба начальника гарнизона Одессы.

3. *Контр-адмирала Жукова освободить от обязанностей начальника гарнизона г. Одесса.*

4. *Оборону г. Одесса и порта организовать согласно утвержденного мной плана.*

5. *Органам местной власти организовать бесперебойное снабжение местного населения продовольствием, водой, медико-санитарным обслуживанием.*

6. *Штабу обороны проверить и организовать охрану и местную противопожарную оборону города и порта. На случай общего городского пожара для изоляции некоторых районов от пожара организовать подвижные пожарные команды.*

*КОМАНДУЮЩИЙ ПРИМОРСКОЙ АРМИЕЙ ГЕНЕРАЛ-
ЛЕЙТЕНАНТ СОФРОНОВ
ЧЛЕНЫ ВОЕННОГО СОВЕТА
ДИВИЗИОННЫЙ КОМИССАР ВОРОНИН*

БРИГАДНЫЙ КОМИССАР КУЗНЕЦОВ

*НАЧАЛЬНИК ШТАБА
ГЕНЕРАЛ-МАЙОР ШИШЕНИН (126)*

Но инцидент этим, конечно, исчерпан не был. В тот же день освобожденный от обязанностей начальника гарнизона Жуков вместе с Дитятковским телеграфировали Военному совету флота и вице-адмиралу Левченко, что Военный совет Приморской армии спланировал эвакуацию из Одессы 2563 военнослужащих, 437 винтовок и 11 пулеметов. Доклад был составлен с флотской обстоятельностью. В нем упоминалось и об острой нехватке стрелкового оружия и живой силы на оборонительных рубежах города, а также о том, что несмотря на неоднократные доклады Жукова Военному совету Приморской армии, в порту и на станции скапливалось большое количество неразгруженного оружия и боеприпасов, которое затем было уничтожено налетом вражеской авиации. При этом моряки не забыли указать и то, что Военный совет армии считает, что, препятствуя посадке на транспорты военнослужащих, командование базы создает в осажденном городе двоевластие. В заключение моряки просили «*принудить Военный совет Приморской армии к решительным действиям и прекратить эвакуацию рядового и младшего начсостава из Одессы*».

Одновременно Военный совет Черноморского флота доложил о случившемся главнокомандующему Юго-Западного направления маршалу Буденному, а также адмиралу Кузнецову и маршалу Шапошникову, правда, уже в несколько иных выражениях. Командование флота сообщало, что *«Военный совет Приморской армии начал эвакуацию войск из Одессы с оружием и на транспортах, предназначенных для перевозки женщин, детей и ценных грузов. 16 августа на транспортах... Военным советом армии было направлено больше двух тысяч человек бойцов и командиров. С огромными трудностями удалось их высадить с транспортов, но все же 600 человек начсостава и бойцов с пулеметами, винтовками, гранатами и боезапасом были задержаны в Севастополе»*. Далее Военный совет ЧФ в ярких красках описывал, что *«..в Одесском порту царил хаос, был огромный наплыв войск. Они требовали посадки на транспорты, причем предъявляли документы, подписанные начальником тыла и прокурором армии от имени военного совета»*, делая вывод что, *«...Военный совет Приморской армии не собирается защищать Одессу до последнего бойца, так как большое количество оружия вывозилось. Имея это оружие, можно было сформировать новые части из местного населения и поставить их на защиту города»* и просил принять решительные меры по наведению порядка в Приморской армии и в городе, вплоть до отстранения от должностей тех руководителей, которые не выполняют решений высшего командования.

Сколько частей можно сформировать, используя вывозимые 437 винтовок и 11 пулеметов, Военный совет флота, естественно, не сообщил. Развитие дальнейших событий показало, что командование флота вкладывало в слова *«защита до последнего человека»* совершенно конкретный смысл и в случае критического развития событий было готово посылать в бой даже практически безоружных людей, не имеющих никакого вооружения, кроме нескольких гранат, как это произошло 24 августа.

При этом член Военного совета ЧФ Азаров на всякий случай послал из Николаева с отходившим самолетом в Одессу находившемуся там заместителю наркома ВМФ, армейскому комиссару 2-го ранга Рогову записку с кратким изложением ситуации и просьбой поддержать Жукова.

Получив такой доклад, вице-адмирал Октябрьский приказал командиру Одесской военно-морской базы *«на все отходящие из Одессы и Очакова пароходы, как военные, так и гражданские, сажать*

только раненых, женщин, детей и стариков» и запретил «принимать на корабли и вывозить из Одессы и Очакова не только военных но и гражданских лиц, способных носить оружие, от 18 до 55 лет». При этом командующий флотом, «учитывая, что дезертирство идет под видом всяких командировок», распорядился «никаких документов для данной категории лиц не принимать», за исключением приезжающих «из высших штабов и центральных учреждений» и учредил собственную «контрольно-комендантскую службу». Об этом приказе он уведомил командующего Приморской армией и просил Военной совет Южного фронта утвердить его распоряжение.

В ответ Военный совет Приморской армии донес главному Юго-Западного направления Буденному, командующему Южным фронтом Тюленеву и наркому ВМФ Кузнецову о недисциплинированности контр-адмирала Жукова, который, нарушая приказ по армии, снимает всех военнослужащих с пароходов. Софронов и Воронин просили отменить распоряжения командующего Черноморским флотом и указать ему, что все решения Военного совета армии по эвакуации обязательны и для флота.

Задействовав все доступные им способы влияния на ситуацию, обе стороны, сознавая, что размах конфликта уже сопоставим с накалом боевых действий, с тревогой и надеждой ожидали вмешательства в складку Ставки Верховного Главнокомандования.

И такое вмешательство не заставило себя долго ждать.

СОЗДАНИЕ ООР (19 АВГУСТА)

Уже в ночь на 19-е августа Ставка издала директиву, подписанную Сталиным и Шапошниковым:

**ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 001066
НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА,
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ
ЮГО-ЗАПАДНОГО НАПРАВЛЕНИЯ,
КОМАНДУЮЩИМ ВОЙСКАМИ ЮЖНОГО ФРОНТА
И ЧЕРНОМОРСКИМ ФЛОТОМ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ
ОБОРОНЫ ОДЕССЫ**

19 августа 1941 г. 02 ч. 45 мин.

Командующим Одесским оборонительным районом назначить контр-адмирала Жукова с непосредственным подчинением его командующему Черноморским флотом.

Контр-адмиралу Жукову подчинить все части и учреждения бывшей Приморской армии, все части Одесской морской базы и приданные ей корабли.

Задачи:

а) Одесский район оборонять на рубеже Фонтанка, Кубанка, Ковалевка, Отрадово, Первомайск, Беляевка, Маяки, ст. Каролина-Бугаз до последнего бойца;

б) при организации обороны уделить особое внимание созданию и развитию оборонительных инженерных сооружений.

Создать тыловые оборонительные рубежи и привести в оборонительное состояние город:

в) мобилизовать и использовать все способное население для обороны города и района; создать запасные части;

г) изъять из тыловых частей и учреждений весь излишний начальствующий состав и использовать их для службы в строю;

д) установить в городе и в районе жесткий порядок и соответствующий режим для гражданского населения. Всех немцев в районе взять на особый учет и под жесткий контроль;

е) выявить в районе и городе наличие вооружения, военной техники и другого военного имущества, использовать для обороны и донести.

Все ненужное для обороны имущество эвакуировать. Эвакуацию производить во всех случаях лишь с разрешения контр-адмирала Жукова (...)

4. Получение подтвердить.

И. СТАЛИН

Б. ШАПОШНИКОВ (127)

Вся полнота военной власти в Одессе этой директивой передавалась контр-адмиралу Жукову, бывшему ранее комендантом Одесской ВМБ и по совместительству начальником Одесского гарнизона. Теперь он назначался командующим Одесским оборонительным районом. При этом Приморская армия как бы упразднялась и именовалась в директиве «бывшей», хотя прямого распоряжения о ее расформировании не было. Каким образом контр-адмирал будет решать задачу обороны «до последнего бойца» и как будет командовать вверенными ему частями Приморской армии, Ставка не уточнила.

Директива, помимо вопроса о командовании, полностью перешедшего теперь к флотскому начальству, ставила и точку в затянувшемся конфликте, ставшем причиной его передачи. Все нужное и пригодное для борьбы с врагом должно было использоваться на передовой, а что нужно и что не нужно для обороны города — теперь решал флот.

В соответствии с директивой Ставки командование ООР на следующий день отдало собственный приказ, запрещающий выезд из Одессы всем, способным носить оружие:

ПРИКАЗ
ВОЙСКАМ ОДЕССКОГО ОБОРОНИТЕЛЬНОГО РАЙОНА
20 августа 1941г. № 08 г. Одесса

О запрещении выезда из Одессы лицам в возрасте от 18 до 55 лет

Ввиду того, что за последнее время участились случаи отъезда и попыток к выезду из Одессы лиц, способных носить оружие, ПРИКАЗЫВАЮ:

- 1. На все транспорта, военные и торговые, сажать только раненных, женщин, детей и стариков по специальным пропускам.*
- 2. Не принимать на транспорта гражданских лиц и военнослужащих в возрасте от 18 до 55 лет, какие бы документы они ни предъявляли.*
- 3. Не допускать на территорию порта лиц, не имеющих специальных пропусков. Всех лиц, проникших на территорию порта и пытающихся незаконно выехать, арестовывать и сдавать коменданту города.*
- 4. Разрешить организованный выезд рабочих, служащих и курсантов, эвакуируемых вместе со своими учреждениями по особому плану.*
- 5. Начальнику охраны тыла Одесского оборонительного района выделить в распоряжение военного коменданта торгового порта наряд для контрольно-пропускных постов, патрули для охраны порта в соответствии данных мною ранее указаний и приказать нач. облмилиции выделить дополнительный наряд у ворот Торгпорта.*

б. Личную ответственность за исполнение этого приказа несет начальник охраны тыла Одесского оборонительного района.

Основание: Приказание военного совета Ч.Ф. от 18.8.41 г.

*КОМАНДУЮЩИЙ ОДЕССКИМ
ОБОРОНИТЕЛЬНЫМ РАЙОНОМ
КОНТР-АДМИРАЛ ЖУКОВ*

ВОЕНКОМ ПОЛКОВОЙ КОМИССАР ДИТЯТКОВСКИЙ

*НАЧАЛЬНИК ШТАБА
ГЕНЕРАЛ-МАЙОР ШИШЕНИН (128)*

Однако Военному совету Черноморского флота и эти, предписанные указанием с самого верха, меры показались недостаточными, и он сформировал постоянную оперативную группу из политработников, которая тут же отправилась в Одессу под началом ЧВС ЧФ, бригадного комиссара Азарова, назначенного членом Военного совета создаваемого Одесского оборонительного района.

Вообще командование флота постоянно подчеркивало, что для успешной обороны Одессы необходим переход всей власти в городе к военно-морскому командованию. Нарком ВМФ Кузнецов предложил командующему ЧФ, вице-адмиралу Октябрьскому, предупредить контр-адмирала Жукова, что, исходя из опыта Николаева, он должен командовать как военными, так и гражданскими учреждениями, к не желающим подчинятся принимать меры на месте, и если понадобится — применять оружие.

Член Военного совета ЧФ, дивизионный комиссар Кулаков впоследствии вспоминал, что *«командующий ООР облакался всей полной власти в районе Одессы. Ему подчинялась как военно-морская база с приданными кораблями, так и сухопутные войска — Приморская армия. Он был обязан мобилизовать и использовать для обороны города и района все способное к этому население, направить в строй весь излишний состав тыловых частей и учреждений».*

Командование Приморской армии, скорее всего, узнало о телеграмме Ставки по своим каналам. Сразу по получении телеграммы Ставки Жуков вместе с Дитятковским снова были вызваны к генерал-лейтенанту Софронову. И снова при разговоре присутствовал ЧВС Приморской армии Воронин.

— *Жалуетесь?* — поинтересовался Софронов, выглядевший, впрочем, по впечатлению моряков, значительно подбравшим.

— *Не жалуемся, а излагаем свою точку зрения,* — уточнил Жуков.

— *К чему нам ссориться, дело-то у нас общее,* — заметил Софронов.

В ответ Жуков поинтересовался, знает ли Софронов о решении, принятом Ставкой и, услышав:

— *Никаких решений мы не получали,* — достал телеграмму и протянул ее командующему армией. Прочитав телеграмму, Софронов несколько занервничал, передал телеграмму Воронину, и перейдя на «ты», сказал последнему:

— *Читай.* — Прочитав телеграмму, Воронин не смог скрыть нахлынувших чувств и заявил:

— *Не понимаю, что мне теперь делать в Одессе. Уеду.*

— *Не стану задерживать,* — не отказал себе в маленьком удовольствии продемонстрировать, кто здесь теперь хозяин, Жуков.

— *А я солдат и никуда не уеду,* — заметил Софронов. — *Готов подчиниться. Дадите дивизию — буду командовать дивизией.*

Доведя до сведения Военного совета Приморской армии принятое Ставкой решение, Жуков не избежал искушения попытаться и вовсе обойтись без командования Приморской армией. Свой первый приказ, ставящий боевые задачи частям ООР, он отдал войскам напрямую, в ночь на 20 августа. Командование Приморской армии, узнав о нем только из докладов, сделанных по телефону командирами дивизий и учитывая, что в директиве Ставки армия была названа бывшей, всерьез задумалось о том, сохранится ли дальше Приморская армия как оперативное объединение.

Однако командование войсками ООР без участия военных продлилось совсем недолго. На следующий день был создан штаб ООР, начальником которого был утвержден бывший начштаба Приморской армии генерал-майор Шишенин. Приморскую армию было решено не расформировывать. Генерал-лейтенант Софронов был назначен заместителем командующего ООР по сухопутным войскам с сохранением за ним должности командующего Приморской армией. При этом само флотское командование не придавало ее дальнейшему функционированию как самостоятельной единицы особого значения. ВС ЧФ флота, в телеграмме об утверждении генерал-майора Шишенина начальником штаба ООР, о кандидатуре нового начальника штаба Приморской армии высказался предельно лаконично: *«Вместо Шишенина генерал Софронов назначит сам»*. В итоге начальником

штаба Приморской армии Софронов назначил начальника оперативного отдела штарма полковника Крылова.

Одновременно был образован и Военный совет ООР, в который вошли прибывший из Севастополя бригадный комиссар Азаров, секретарь Одесского обкома партии Колыбанов, имевший звание бригадного комиссара и член Военного совета Приморской армии Воронин, передумавший куда бы то ни было уезжать. В Военном совете Приморской армии Воронина заменил бригадный комиссар Кузнецов.

Вместо Жукова командиром Одесской военно-морской базы был назначен командовавший до этого Николаевской ВМБ контр-адмирал Кулишов.

КАК РОЖДАЛАСЬ «ОБОРОНКА»

Одесса, как и многие другие осажденные города, испытывала большие трудности в снабжении всеми видами вооружения и боеприпасов. Положение осложнялось еще и тем, что, в отличие от Севастополя и Сталинграда, в городе не был образован собственный комитет обороны. А самые ценные в оборонном отношении предприятия были эвакуированы из города вместе с работавшими на них специалистами по решению ГКО.

До начала развернутой в июле эвакуации в Одессе было 110 крупных промышленных предприятий и более 300 мелких заводов, артелей и мастерских. Эвакуировать из Одессы успели довольно много. Было вывезено 30 предприятий «союзного и республиканского значения» и 150 менее крупных промышленных объектов, институтов и госучреждений.

Основные мощности, которые можно было использовать для производства вооружения, оказались вывезенными вместе с работавшими на них специалистами. Так, уже к 9 июля были вывезены все машины и оборудование «Крекинг-завода», а к 12 июля — станкостроительного завода им. Ленина. К концу июля были вывезены завод им. XVII партсъезда, фабрика им. Воровского, джутовая фабрика, рыбоконсервный комбинат, нефтеперегонный завод и завод «Запчасть».

После этого началась эвакуация и других производств. В июле частично было эвакуировано оборудование электростанции, заводов им. Октябрьской революции, им. Январского восстания, «Большевик», сахаро-рафинадного завода, обувных мастерских, колбасной фабрики, швейной фабрики, большой мельницы, цементного завода. Была эвакуирована и перевалочная база горючего вместимостью около 200 тыс. тонн.

При этом необходимость организации производства для нужд обороны города никем не предусматривалась, и ни одно из оставшихся предприятий не было подготовлено к выпуску оборонной продукции.

Первые попытки наладить самостоятельное производство вооружения в Одессе были предприняты еще до объявления города на осадном положении. После создания Приморской армии ее Военный совет дал руководству города несколько заданий по производству техники и вооружения.

Эти задания были переданы наиболее крупному предприятию, на котором после начала эвакуации еще осталось достаточно оборудования, позволявшего производить вооружение — краностроительному заводу им. Январского восстания. Завод начал строить бронепоезд, который должен был стать подвижным резервом Приморской армии и одновременно разворачивать производство минометов.

Большая часть завода была эвакуирована, часть его персонала также была вывезена, а часть находилась на фронте. Нехватка оборудования и людей не позволила заводу выполнить заказы самостоятельно. В строительстве бронепоезда заводу оказывали помощь паровозные депо «Одесса товарная» и «Одесса сортировочная».

При выпуске минометов помощь оказали завод «Красный профинтерн» и невывезенные остатки исходных материалов и оборудования с эвакуированного «Крекинг-завода».

Производство минометов в июле стали разворачивать и на заводе сельскохозяйственного машиностроения им. Октябрьской революции. Это предприятие заводом также можно было назвать весьма условно, так как большая часть его оборудования и кадров была вывезена на восток. Завод был эвакуирован практически полностью (на новом месте, в Рубцовске, он был переименован в «Алтайсельмаш» и производил оборонную продукцию и сельхозтехнику), количество его рабочих уменьшилось в 10 раз, а в цехах осталось только устаревшее и примитивное оборудование.

11 августа директор завода им. Январского восстания Ликутин и секретарь партбюро Головин передали Приморской армии изготовленный предприятием бронепоезд, ставший официально именоваться как «№ 22».

К этому времени на заводе уже был налажен и выпуск минометов. Опыт выполнения обоих заказов показал, что, учитывая плачевное состояние оставшейся в городе промышленности, налаживание любого оборонного производства в Одессе возможно только при

взаимодействии и кооперации оставшихся мощностей невывезенных предприятий между собой. Поэтому по инициативе руководства завода им. Январского восстания в городе было произведено первое обследование состояния промышленных учреждений, техникумов и лабораторий. Естественно, что все обнаруженное при этом оборудование было отправлено на завод.

Военный совет Приморской армии достиг на этом поприще определенных успехов.

В датированном 15 августа докладе Главному политуправлению РККА и ВМФ член Военного совета Приморской армии, дивизионный комиссар Воронин сообщал: «Для обороны используем местные резервы. Уже выпустили 10 танков, на днях сделаем еще до десятка. Сделали два бронепоезда, один из них каждый день участвует в боях и делает большие дела... Делаем котелки, подсумки, походные кухни, все, что требуется для бойца и для боя. Жаль, что не можем делать пушек, пулеметов, винтовок и снарядов».

Но до образования ООР ни городские, ни военные власти вопросами производства вооружения комплексно не занимались, ограничиваясь решением отдельных, наиболее остро стоявших проблем.

После того как вся полнота власти и ответственности за оборону города была возложена на командование ООР, отношение к организации оборонной промышленности изменилось быстро и самым коренным образом. Уже 22 августа Военный совет ООР провел совещание с руководителями партийных и советских органов города и области, на которое были приглашены и руководители наиболее важных предприятий.

Обсудив вопросы обеспечения обороны всем необходимым, совещание создало оперативно-производственную группу, подчиненную Военному совету. На нее возложили централизованное управление оставшейся после эвакуации промышленностью, налаживание производства вооружения, снаряжения, боеприпасов, ремонт боевой техники и регулирование дальнейшей эвакуации оборудования.

В эту группу, также известную под названием оборонной комиссии, вошло пять человек: возглавивший ее заместитель председателя Одесского облисполкома Мизрухин, подполковник Коробко, военинженер 3-го ранга Каличенко, капитан Коган и младший лейтенант госбезопасности Вальтух.

Используя сохранившийся аппарат облплана и отдела местной промышленности облисполкома и мобилизовав 25 счетных работников из различных учреждений, группа в течение трех-четырёх дней

взяла на учет все основные материальные ресурсы города и области. Привлеченные к работе представители заводов обследовали состояние предприятий и определили, что они могут производить для обороны и какую боевую технику могут ремонтировать. В дальнейшем оперативно-производственная группа взяла на себя все вопросы, связанные с изготовлением боеприпасов, вооружения и ремонтом техники.

Оставшиеся в Одессе крупные предприятия были разукомплектованы, так как все наиболее ценное оборудование давно отправилось на восток. Для организации на них военного производства, как и прежде, приходилось свозить на них недостающие станки с менее значимых предприятий, а также применять кооперацию между предприятиями.

26 августа в связи с получением Военным советом ООР указаний от Военного совета ЧФ об организации выпуска оборонной продукции бюро Одесского обкома партии в этот же день приняло постановление *«О дальнейшем расширении и организации новых производств для нужд фронта и обороны Одессы»*. Фактически это постановление уточняло и детализировало основные меры по развитию оборонного производства, намеченные на заседании Военного совета ООР 22 августа. Постановлением был утвержден список предприятий, которые должны были в первую очередь перестроиться на производство вооружения и боеприпасов. К ним относились, кроме уже упоминавшихся заводов им. Январского восстания, им. Октябрьской революции и судоремонтного № 1, заводы им. Петровского, им. Дзержинского, им. 10-летия Октября, «Красная гвардия», «Кинап», судоремонтный № 2, «Транспортер», «Большевик», «Красный Профинтерн», «Красный Октябрь», «Красный сигнал», Реммаштреста, товарных весов, мебельная фабрика, предприятия управления трудовых резервов и промысловой кооперации. Кроме уже начатого сосредоточения оборудования на наиболее перспективных предприятиях постановлением предусматривалось перераспределение сырья, материалов и рабочей силы между предприятиями, а также организация круглосуточного использования имеющихся мощностей.

Принимаемые меры были направлены на максимально ускорение ремонта имевшихся в городе неисправных танков и бронемашин, пушек и минометов, стрелкового вооружения, автотранспорта и походных кухонь. Тогда же было решено широко использовать подвижные мастерские, способные производить мелкий ремонт прямо у передовой.

Планировалась и массовая организация производства рельсовых противотанковых препятствий, шанцевого инструмента (лопаты, кирки, топоры), штыков и кинжалов, специальных запалов для бутылок с горючей смесью, детонаторов терочного действия для ручных гранат, ручных и противотанковых гранат, противотанковых и противопехотных мин и упрощенных взрывателей к ним, взрывчатого вещества, гусениц для грузовых автомашин, колючей проволоки и малозаметных препятствий, различного снаряжения для армии. (129) Из тяжелого и среднего вооружения считалось возможным производить «в соответствии с нуждами фронта и требованиями военного командования» бронепоезда, бронетанковые машины на базе гусеничных тягачей, 50- и 82-мм минометы и окопные огнеметы. Обком партии совместно с оборонной комиссией установили каждому предприятию новое производственное задание, в котором четко определялись профиль и количество военной продукции.

5 сентября Военный совет Одесского оборонительного района доложил командованию Черноморского флота о выполнении указаний Ставки и Военного совета флота от 26 августа: *«Минометы, огнеметы делаем на месте и в достаточном количестве. Вступил в строй третий бронепоезд. Через 1—2 дня вступят в строй 30 мелких танков. Слабым местом является недостаток винтовок, нечем восполнить убыль пулеметов и пушек. Эти виды вооружения производить на месте не можем, так как оборудование заводов вывезено».*

Военный совет после создания оборонной комиссии вмешался в ее работу всего один раз, 7 сентября, правда вмешательство это произошло «не от хорошей жизни», а было вызвано имевшимися в производстве вооружения недостатками, которые оказались неприемлемыми даже по меркам осажденного города.

Количество бракованной продукции среди выпускаемого заводами вооружения, видимо, было так велико, что Военный совет ввел особый порядок сдачи оборонной продукции предприятиями — только по актам, обязав президиум облисполкома утверждать такие акты и тем самым возложив на него, по существу, функции государственной приемной комиссии.

Одним из путей исправления ситуации с оружием, которого в условиях блокады города с суши постоянно не хватало даже для сравнительно немногочисленных частей ООР, стал ремонт имеющихся в городе военной техники и вооружения, которым стали заниматься больше десятка одесских заводов.

За время существования ООР на заводах было отремонтировано 42 танка, 600 автомашин, более 300 орудий, часть из которых выездные

бригады для экономии времени чинили прямо у передовой, 962 пулемета, 6742 винтовки и 1284 оптических прибора.

В результате в организации оборонной промышленности, фактически на пустом месте, были достигнуты значительные успехи. По некоторым видам вооружения проблему нехватки оружия даже удалось полностью решить собственными силами.

В донесении Военного совета ООР Ставке 13 сентября сообщалось: *«Неплохо обстоит дело с производством минометов. Местная промышленность ежедневно дает 30 минометов 50-мм и 5 минометов 82-мм. Таким образом, комплект по минометам в ближайшие дни будет покрыт. Если хорошо будут поступать по линии артснабжения мины, то минометы явятся могучим огневым средством».*

В целом ВС ООР удалось решить стоявшие перед ним задачи. Оборонное производство в осажденном городе постоянно наращивалось и до окончания обороны города не исчерпало своих возможностей. К моменту принятия решения об эвакуации остались нереализованными многие намеченные планы. В частности, не были закончены в производстве два бронепоезда, а также не было завершено начатое производство оборудования и снаряжения для войск армии на зимний период.

КОНСЕРВОГРАНАТЫ И ТРАКТОРОТАНКИ

Из всех видов вооружения наиболее сложное положение в Одессе было с бронетехникой, так как ее почти не имела даже Приморская армия.

Первым шагом, предпринятым в этом направлении, было налаживание в городе выпуска бронепоездов. Первый бронепоезд, получивший впоследствии обозначение № 22, делался на заводе им. Январского восстания, который был создан в 1930 г. из железнодорожных мастерских и имел опыт выпуска железнодорожных кранов.

Для создания бронепоезда были использованы обыкновенный товарный паровоз и пульмановские платформы, которые обшивались слоеной броней, делавшейся из корабельной стали. Бронепоезд имел 4 45-мм орудия, 12 станковых пулеметов и считался легким.

Несмотря на то что завод изначально имел возможности для выпуска тяжелой железнодорожной техники, после того как большая часть его оборудования оказалась вывезенной, директору завода Ликутину пришлось проявить немало инициативы, чтобы сосредоточить на заводе оборудование, позволявшее наладить выпуск бронепоездов.

Правда, другая инициатива, с которой тогда же выступило руководство завода, оказалась значительно менее полезной. Сданный 11 августа в торжественной обстановке бронепоезд укомплектовали создавшими его рабочими, которые на нем же отправились на фронт. После этого завод им. Январского восстания быстро производить бронепоезда уже не мог, переключившись в основном на выпуск танков, и в дальнейшем их делали другие заводы — им. Октябрьской революции и судоремонтный завод №1. При этом сроки изготовления новых бронепоездов оказались более длительными, так как на «Январке» до войны все-таки выпускались краны на железнодорожном ходу. В результате установленный впоследствии план по выпуску бронепоездов удалось выполнить только частично.

Из запланированных еще 4-х бронепоездов 3 выпускались уже на других предприятиях. На судостроительном заводе №1 был построен бронепоезд «Черноморец»(130), «За Родину» был выпущен заводом им. Октябрьской революции. На 4-й бронепоезд не успели установить вооружение, 5-й бронепоезд не удалось закончить вообще.

В дальнейшем бронепоезда имели более мощное вооружение — два 45-мм орудия на них были заменены на 76-мм.

В это же время завод им. Январского восстания начал выполнять и другой заказ фронта. Среди воинских эшелонов, застрявших под Одессой после того как была перерезана железная дорога на участке Помощная—Одесса, было несколько составов с сильно поврежденными советскими танками, которые не успели вывезти. Используя все возможности, подбитые танки старались доставить в город. Часть из них приходилось уже отбивать у врага.

Так бронепоезд №21, ворвавшись на уже захваченную противником станцию Карпово и отбросив врага от железнодорожных путей, доставил в Одессу несколько платформ с неисправными танками и демонтированными исправными двигателями, оставшимися от какой-то ремонтной части.

По разным данным, в начале августа в Одессу различными путями удалось привезти от 17 до 26 Т-26 и БТ-7. Танки были сильно разбиты, а уцелевшие их части основательно изношены, но все-таки это были танки. На их восстановление были брошены все имеющиеся силы. Восстановлением танков занимались 16 созданных для этой цели бригад.

Наибольшие трудности возникали с восстановлением двигателей. 6 танков удалось восстановить, используя несколько двигателей, захваченных бронепоездом № 21. С восстановлением остальных ма-

шин было сложнее. Не хватало много необходимых деталей, а получить их было неоткуда. Используя найденные в штабе Приморской армии схемы систем танков БТ-7 и Т-26, по ним начали изготавливать на месте недостающие части.

Для восстановления моторов понадобилось много поршневых колец, а в городе не только не нашлось таких деталей, но не оказалось и специального металла для их отливки. После долгих поисков главный инженер завода Романов составил сплав чугуна с примесью никеля, марганца, кремния и фосфора, оказавшийся вполне пригодным для этой цели. Было восстановлено еще 2 танка. Завод продолжал ремонтировать разбитые машины и дальше, по мере их поступления, но количество танков, которые удавалось восстановить таким путем, несмотря на то, что к их ремонту привлекались и другие предприятия, в частности, завод им. Октябрьской революции, по-прежнему оставалось крайне незначительным.

Поэтому в городе постоянно появлялись предложения об организации производства собственной бронетехники. Правда, не все из них можно было реализовать. Проект бронирования трамваев для превращения их в маленькие бронепоезда, конечно, так и остался на бумаге.

Проект о переделке гусеничных тягачей в легкие танки также был воспринят сначала с недоверем. Однако флагманский инженер по приборам управления огнем артиллерии Одесской военно-морской базы капитан Коган и военинженер Обедников при помощи главного инженера завода им. Январского восстания все-таки сумели заручиться поддержкой Военного совета.

Для опытов были выделены три машины СТЗ-НАТИ, а капитан Коган получил бумагу, предписывавшую всем организациям города содействовать ему в поиске необходимых материалов. Авторы проекта обязались изготовить 3 танка в десятидневный срок.

Танки собирались на краностроительном заводе им. Январского восстания, выпускавшем до войны и 15- и 20-тонные краны на гусеничном ходу. Первым вопросом, с которым пришлось столкнуться создателям танка, было отсутствие брони. В осажденном городе нельзя было найти в необходимых количествах даже легкой противопульной брони.

Поэтому в качестве броневое покрытие было решено использовать 8—10-мм листы корабельной стали, имевшиеся на судоремонтных заводах, прокладывая их 10-мм слоем резины или 20-мм досками. Для испытания такой брони на заводе был сооружен простейший

полигон. Выяснилось, что трехслойная броня способна надежно защищать экипаж от пуль и осколков снарядов и мин. Следующей проблемой стала установка вращающихся башен. Оборудования, способного изготавливать шаровые погоны для них, на заводе уже не осталось. Подходящий для этих целей карусельный станок удалось найти в трамвайных мастерских.

Решить вопросы с установкой вооружения было несколько проще. В башнях двух танков были установлены пулеметы, а в третьем 37-мм — горная пушка. Свообразные войсковые испытания изготовленных машин было решено провести в Южном секторе обороны. Из трех самодельных танков сформировали взвод, усилив его одним настоящим. Ввиду опасности подобных «испытаний» экипажи были сформированы только из добровольцев — знакомых с техникой красноармейцев, моряков и заводских рабочих.

Командование взводом принял старший лейтенант Юдин. Вскоре танки приняли участие в одной из контратак 25-й Чапаевской дивизии под Дальником. Результат применения танков превзошел все ожидания. Румыны, не ожидавшие встретить какую-либо бронетехнику, были легко выбиты из передовых окопов. Скорость новые «танки» развивали не больше 25—30 км в час. Осколки и пули, как и ожидалось, оставляли на их броне в основном лишь вмятины, а если и пробивали, то не насквозь. Правда, огня румынских противотанковых пушек новые танки не выдерживали. Их броня пробивалась даже огнем 35-мм пушек, а единственный 45-мм снаряд, попавший в один из танков, прошил его навывлет, легко пробив трехслойную броню, но не задев, к счастью, ни двигатель, ни экипаж. Тем не менее командовавший в это время дивизией генерал-майор Петров, на всякий случай опередив собственное донесение о результатах испытаний, тут же обратился в штаб армии с просьбой оставить танки у него в дивизии. По результатам боя в дивизии было придумано и наименование новых танков, так и оставшееся за ними в истории: НИ — «На испуг».

Военный совет ООР немедленно принял решение переделать в такие танки еще 70 тракторов. Производственной группе поручалось использовать для этого кроме завода им. Январского восстания еще четыре завода: судостроительный, сельскохозяйственного машиностроения им. Октябрьской революции, им. Красной Гвардии и им. Старостина.

Отдельные узлы и детали для массово выпускаемых машин в дальнейшем изготавливали ремонтные мастерские трамвайного парка и городской электростанции, завод бетономешалок и мастерские школ

ФЗУ. За неимением стандартного вооружения машины вооружались пулеметами всех систем, даже скорострельными авиационными.

Однако на быстрое выполнение такого заказа рассчитывать было трудно.

Капитан Коган вскоре доложил в ВС ООР об угрозе срыва заказа по переоборудованию тракторов в танки: для сварки брони был нужен кислород, а его запас иссякал.

В результате весь кислород, имевшийся на одесских заводах, был взят на строгий учет, для его выработки использовали оборудование предприятий, изготавливавших газированные напитки. Но всего этого оказалось мало. Тогда срочно послали запрос в Севастополь. Из зарядных станций флота были доставлены на кораблях баллоны с кислородом. И все же, несмотря на принятые меры и жесткую экономию в расходовании кислорода, в связи с быстро развивавшимся производством вооружения наступил «кислородный голод». Ликвидировать его было непросто, так как все годные установки по изготовлению кислорода оказались эвакуированными.

Военный совет дал оперативно-производственной группе задание — создать кислородную станцию. В результате тщательных поисков на заводе им. Калинина были обнаружены остатки разобранной и давно вышедшей из строя станции. К ремонту и восстановлению станции привлекли самых опытных слесарей. Различные предприятия принялись изготавливать недостающие и требующие замены детали. И на третьи сутки после решения Военного совета станция дала первый кислород. В дальнейшем она до конца обороны снабжала кислородом не только производство танков, но и все нуждавшиеся в нем предприятия Одессы.

Всего за время обороны города в танки удалось переделать около 50 тракторов.

Помимо нехватки бронетехники очень остро стоял вопрос недостатка артиллерии, минометов и артиллерийских боеприпасов. Части Одесского оборонительного района в начале обороны города располагали всего 303 орудиями и минометами.

Но и это скудное количество артиллерии не могло использоваться с максимальной эффективностью. Учет запасов, произведенный командованием Приморской армии 11 августа, после завершения отхода от Днестра, выявил большой некомплект 76,2-мм снарядов, а 122-мм были израсходованы фактически полностью и оставались только в пределах неприкосновенного запаса.

Военный совет армии ввел жесткий лимит ежедневного расхода боеприпасов, а гаубичный дивизион 256-го артполка, полностью рас-

стрелявший имевшиеся боекомплекты, был временно отведен в тыл. В условиях снарядного голода резко возросла нагрузка на минометы, которых после отхода с Днестра также стало не хватать.

Недостаток артиллерии решено было частично компенсировать за счет использования самодельных минометов.

На заводах им. Январского восстания и Октябрьской революции было решено наладить выпуск 50-мм и 82-мм минометов. В ночь на 21 августа директор завода им. Январского восстания Ликутин был вызван в областной комитет партии. Секретарь обкома Колыбанов и находившийся там командующий ООР Жуков поставили перед ним задачу — в пятидневный срок наладить выпуск 50- и 82-мм минометов, в которых войска испытывали острую нужду. В 4 часа утра на состоявшемся у директора совещании было определено, что нужно заводу для выполнения задания.

Для изготовления стволов использовались трубы для перегонки нефти с Одесского нефтеперерабатывающего завода, которые растачивали на заводе «Красный Профинтерн». Для стрельбы из 82-мм минометов частично использовались трофейные мины от применяемых румынами 81-мм минометов немецкого производства. Производство минометов было организовано сразу на 8 одесских заводах; основная часть их выпускалась на краностроительном заводе им. Январского восстания, причем первые минометы завод начал давать через три дня. Испытания на полигонах и на фронте показали их хорошие боевые качества. В дальнейшем завод производил по 25—30 минометов в день. Всего было выпущено более тысячи 50-мм минометов и около 200 — 82-мм.

Производимого количества минометов в условиях нехватки артиллерии все равно было недостаточно, поэтому в оборонную комиссию поступали предложения начать выпуск таких экзотических видов оружия, как металлотомы, паровые катапульты и даже производить катапульты деревянные.

Металлотомы стали выпускаться довольно широко, всего их было произведено около 150 шт., часть из которых была выполнена в мастерских городской электростанции. Для их производства использовались обнаруженные на складах судоремонтных заводов №1 и 2 запасы труб, применяемых при ремонте судовых машин. Эти трубы были изготовлены из упрочненного чугуна, а внутри футированы высокопрочной сталью. Имевшие внутренний диаметр 120—150 мм трубы с одной стороны заделывались наглухо, и в этом месте устанавливался электрозапал. Стреляли такие металлотомы железным ломом и жерстью (верхний слой каменистой почвы) на дистанцию до 200 м.

По некоторым данным, в городе было произведено и около десятка паровых катапульти, способных кидать 20—40-килограммовые бомбы, начиненные смесью взрывчатки с железным ломом, на расстояние около 300 м.

К концу августа изготовление различных видов военной техники было налажено более чем на 20 одесских предприятиях.

Завод «Большевик», производивший в мирное время линолеум, за одни сутки изготовлял до 2 т взрывчатых составов, которые шли на изготовление кустарных мин и гранат. Артель детской игрушки производила противотанковые и противопехотные мины, корпусами которых являлись разнообразные консервные банки и коробка для хранения киноленты. Посудный завод имени Петровского изготовил более 300 000 ручных гранат. В корпуса гранат в качестве взрывчатого вещества заливали не тротил, а аммиачную селитру (значительные запасы которой имелись на заводе «Большевик») с перемешанными в ней деревянными опилками. Капсуль-детонатор и запал на его основе, пригодные для детонации аммиачной селитры, пришлось создавать с нуля. Их в короткий срок смогла разработать группа преподавателей Одесского индустриального института под руководством профессора Лопатто.

5 сентября новый запал был испытан комиссией из представителей инженерного, химического и артиллерийского отделов штаба ООР, установившей пригодность предложенных капсулей-детонаторов. Производство гранат считалось одним из важнейших. Для его организации с фронта была отозвана часть опытных рабочих, а все 285 человек, работавшие на посудном заводе, были переведены на казарменное положение. В кооперации с заводом «Большевик» на заводе им. Петровского быстро наладили производство и стали ежедневно выпускать 15—17 тыс. гранат.

Из-за нехватки металла и отсутствия отливочных форм был создан импровизированный вариант «оборонных рубашек». Они образовывались с помощью накручивания вокруг корпуса гранаты 3-мм проволоки. Выпускались и более примитивные гранаты, состоявшие из обыкновенных жестяных консервных банок с грубо припаянными рукоятками. Из-за отсутствия возможности производить стандартные детонаторы было развернуто широкое изготовление терочных запалов. Суточный выпуск таких гранат был доведен до 5 тыс. штук.

Стекольный завод изготовил 90 000 бутылок с зажигательной смесью. На первых порах они изготовлялись без запалов. Прежде чем бросить такую бутылку в цель, надо было заменить пробку смоченной в бензине паклей и поджечь ее, а это требовало определенной

сноровки и времени. Во время боя и даже при обучении применению таких бутылок нередко происходили несчастные случаи, поэтому вскоре были разработаны простейший терочный запал и более сложный химический воспламенитель. Запалы к бутылкам «ГС» выполнялись с помощью мощностей артели «Комсомолка».

В мастерских городской электростанции изготавливались минометные детали, металлометы и противотанковые рогадки. Завод «Кинап», выпускавший в мирное время киноаппаратуру, в дни обороны специализировался на ремонте пулеметов, винтовок, оптических приборов и изготовлении мин. За время обороны города завод отремонтировал около 600 пулеметов, 470 винтовок и 1248 оптических приборов, изготовил 54 тыс. противотанковых и противопехотных мин и много разного снаряжения.

Завод им. Октябрьской революции, на котором после эвакуации осталось лишь примитивное, устаревшее оборудование, а количество рабочих уменьшилось почти в десять раз, на первом этапе обороны занимался ремонтом артиллерийских орудий и изготовлением шанцевого инструмента. В конце августа, получив новую программу, руководство завода начало интенсивно расширять производство. Цеха, по примеру завода им. Январского восстания, пополнили свезенным с мелких производств оборудованием, а для работы на станках стали обучать не занятых на производстве домохозяек. В результате завод начал участвовать в оборудовании бронепоездов и бронетракторов, производить минометы и мины, доведя выпуск последних до 15 минометов и 1000 мин в день.

За все время обороны города импровизированное военное производство сумело выпустить столько продукции, что часть ее использовалась не только в Одессе, но и в дальнейшем при обороне Севастополя.

ХИМРОТЫ И ОГНЕМЕТЫ

Успешное применение румынами на участке 25-й Чапаевской дивизии во время ее контратаки огнеметов натолкнуло командование ООР на мысль о том, что неплохо перенять «румынский опыт». Военинженер 3-го ранга Лощенко, работавший в отделе химической защиты Приморской армии, предложил наладить производство дальнеструйных траншейных огнеметов собственной конструкции, используя баллоны для газированной воды.

Огнетет Лощенко, вследствие недостатков имевшихся производственных мощностей и используемых для его производства деталей, получился довольно массивным и в 6 раз превосходил по весу фугас-

ный огнемет ФОГ-1. При этом рабочая емкость резервуара по сравнению с ФОГ-1 увеличилась всего в 2 раза. Дальность огнеметания у него была ниже и достигала всего 35—40 м. Серьезным преимуществом этого импровизированного огнемета являлась возможность изменять количество выстрелов. С одной зарядки их можно было сделать до 60, регулируя количество выбрасываемой огнесмеси. ФОГ-1 такими возможностями не обладал. Из-за отсутствия в осажденном городе вязких огнесмесей и загустителей, позволяющих наладить их производство, вместо боевой огнесмеси использовалось в основном обычное дизельное топливо, имевшееся в настолько больших количествах, что при эвакуации города остатки его пришлось взорвать вместе с хранилищами. Производство траншейных огнеметов было технологически простым, поэтому их производили сразу на 10 одесских заводах.

Военный совет одобрил предложенную Лощенко конструкцию и дал задание оперативно-производственной группе запустить огнемет в производство. Но так как возможности производства огнеметов были ограничены, их решено было применить только в случае если противник прорвется к самому городу. На всем протяжении последней линии обороны с интервалами в 100—150 м появились траншейные огнеметы — 550 штук. Это позволяло создать в нужном случае огневой пояс протяженностью в 55—60 км. Для подготовки их расчетов отделом химзащиты была сформирована команда по подготовке траншейных огнеметчиков. В короткий срок команда подготовила и отправила на позиции 1022 огнеметчика.

150 огнеметов было установлено и на баррикадах «для усиления мощи баррикадной защиты». Для их обслуживания было подготовлено еще 300 бойцов-огнеметчиков из состава местных отрядов самообороны.

Одновременно с производством траншейных огнеметов производилось переоборудование бронированных гусеничных тягачей А-20 «Комсомолец» в огнеметные танки. Всего таким образом было переоборудовано 8 машин. (131)

В сентябре отдел химзащиты получил в большом количестве доставленные транспортом ампулы с жидкостью «КС». Ампулы с успехом применялись авиацией Приморской армии для поражения живой силы и аэродромов противника. По поступившим донесениям, за все время обороны города с их помощью было уничтожено 26 самолетов противника и подожжено 2 аэродрома.

В соответствии с приказом Народного Комиссара Обороны № 0285 от 13 августа 1941г. отдел химзащиты Приморской армии в августе деятельно готовился к защите от отравляющих веществ, в

случае если бы таковые были применены румынской армией. Несмотря на то, что людей в строевых частях катастрофически не хватало, в каждой дивизии были сформированы отдельные роты химзащиты, которые были сняты с фронта и прошли краткосрочные сборы под руководством отдела. Особой необходимости в таких ротах не было, так как помимо них в дивизиях существовали еще и отдельные дегазационные взводы. Но так как приказ наркома требовал *«сделать службу химической защиты неотъемлемой частью боевого использования войск»*, такие роты были созданы и, согласно тому же приказу наркома, использование их не по специальности запрещалось.

Отдел химзащиты наладил широкий выпуск не только огнеметов, но и бутылок с горючей смесью и запалов к ним.

Для производства бутылок был специально пущен в эксплуатацию стекольный завод, находившийся на консервации. Ввиду нахождения в городе больших запасов топлива производство бутылок было решено развернуть максимально широко.

Первоначально бутылки с горючей смесью выпускались в самом примитивном виде — без запалов и поджигались вставленной в них паклей. Позднее было налажено производство сначала урощенных запалов, а потом и более сложных химических воспламенителей. Выпуск запалов велся настолько широко, что значительно перекрывал потребности самой Приморской армии. Из всех произведенных в городе 200 тыс. запалов для нужд оборонительного района было использовано около 120 тыс. 50 тыс. запалов было отправлено в 9-ю армию и 30 тыс. в 51-ю.

Но и самими бутылками с горючей смесью Приморская армия была обеспечена в количестве, превышающем ее потребности.

Оставшиеся неиспользованными бутылки, как и полуфабрикаты при эвакуации города, решено было перебросить в Крым. При этом в суматохе эвакуации разрядить уже имевшие запалы бутылки не хватило времени и в таком виде они грузились в трюмы даже судов, имевших пассажиров, что привело к нескольким пожарам.

После наведения порядка при транспортировке все имеющиеся запасы бутылок и запалов были переброшены в Севастополь, где отдел химзащиты снова наладил их производство.

ТАНКИ ОДЕССЫ

В первой половине июля, в связи с тем, что противником было перерезано железнодорожное сообщение с Одессой, в город вернулись несколько эшелонов с бронетехникой, направлявшейся на ремонт

в крупные промышленные центры. Количество этой техники было значительно выше, чем об этом обычно писалось в книгах, посвященных истории обороны города. В основном это связано с тем что в поле зрения авторов в основном попадали лишь танки БТ-7 и БТ-5. Однако в город вернулись около 50 машин, среди которых были и броневые автомобили БА-10 и плавающие танки, и даже один огнеметный.

С принятием решения об организации обороны города восстановлением танков занялся отдел автобронетанковых войск Приморской армии, который прежде был «безлошадным», так как собственных танковых частей армия не имела. На базе частично эвакуированного завода им. Январского восстания была создана ремонтная база, для работы на которой использовались инженерно-технический персонал и рабочие самого завода, имевшего опыт по изготовлению подвижных кранов, а также рабочие, присланные для ускорения ремонта с других предприятий и возвращенные из войсковых частей, оборонявших Одессу.

Ремонтно-восстановительная работа тормозилась отсутствием запчастей и различных необходимых приборов. Некоторые недостающие детали пробовали производить на месте (в частности, производились даже танковые аккумуляторы), используя оборудование, оставшееся на различных предприятиях и мастерских города после эвакуации. Остальное искалось всеми возможными способами. Так, часть приборов и оборудования снималась с сбитых и поврежденных самолетов, своих и противника.

В связи с отсутствием моторов М-5 их приходилось заменять моторами М-17, для чего в танках БТ-5 приходилось производить конструктивные изменения кормовой части броневой коробки.

За 2 месяца рембазой были восстановлены 44 машины следующих типов:

- БТ-7 — 10 штук,
- БТ-7м — 2 шт.,
- БТ-5 — 4 шт.,
- БТ-2 — 1 шт.,
- Т-26 — 2 шт.,
- Т-20 — 8 шт.,
- БА-20 — 5 шт.,
- Т-37 и Т-38 — 12 шт.

По мере выхода из ремонта танки принимали активное участие в боях на различных участках фронта. В качестве танковых экипажей использовались взятые из частей армии водители и артиллеристы.

Ввиду сложности складывающейся обстановки танкисты вынуждены были принимать участие и в ночных атаках, что обычно не решались делать румыны.

Учитывая слабое бронирование имевшихся танков, танкисты, которые все были добровольцами, очень берегли свои машины. В боях под Одессой отмечено большое количество случаев, когда танкисты, выскакивая из танков, уничтожали вражескую пехоту огнем стрелкового оружия и гранатами, чтобы избежать повреждения машин, каждая из которых была на вес золота и спасала своим участием в бою много жизней наших бойцов.

Башенный стрелок Волошин во время одного из боев, видя, что огневую точку противника не удастся уничтожить с дальней дистанции и опасаясь, что противник, засевший в развалинах каменного здания, уничтожит танк гранатами, если машина подойдет ближе, под обстрелом покинул танк, подполз к дому и забросал пулемет противника гранатами.

Старший лейтенант Юдин, ставший впоследствии командиром отдельного танкового батальона Приморской армии, во время атаки заметил укрывшееся в глубоком групповом окопе отделение румынских солдат, которое не успело вовремя отойти. Подкравшись к противнику с членами своего экипажа, угрожая гранатами, Юдин обезоружил находившихся в окопе, посадил всех десятерых солдат противника на танк и вывез к своим, захватив при этом находившиеся в окопе станковый и ручные пулеметы.

Во время контрудара под Ленинталем такое поведение танкистов было массовым, что было зафиксировано в докладах командиров наступавших частей и в журнале боевых действий Приморской армии.

Однако в непрерывных ожесточенных боях танки все равно повреждались и гибли. Все участвовавшие в боях танки получили значительные повреждения, и все прошли различные повторные ремонты. Некоторые из машин ремонтировались значительно больше — 5—7 раз. Танки БТ всех моделей во время ремонта были усилены дополнительным бронированием. Как вспоминал об этом побывавший в то время в Одессе в качестве военного корреспондента писатель Константин Симонов, *«танки чинили все вместе — и рабочие, и танковые экипажи, два-три дня назад вышедшие из боя. Танки в основном были БТ-5 и БТ-7. У них, как обнаружилось на этой войне, была слишком легко пробиваемая броня, и в мастерских решили: раз чинить, так чинить, и наклепывали на башни танков дополнительные листы брони. Это несколько утяжеляло танки, не соответ-*

ствовало техническим расчетам, но в бою, как говорили, оправдывало себя».

Из 10 танков БТ-7, принимавших наиболее активное участие в боях, погибло 5.

Параллельно с ремонтом танков в Одессе был налажен массовый выпуск танков НИ на базе тракторов СТЗ-5. За 2 месяца был выпущен 31 такой танк. На базе имевшихся танков всех типов был сформирован Отдельный танковый батальон трехроторного состава.

С 14 сентября началось производство еще 15 танков НИ. На танках Т-26 устанавливались огнеметы. На 13 тягачах «Комсомолец» были установлены по 4 направляющих для стрельбы авиационными реактивными снарядами.(132)

Непрерывное использование танков в боях вело к накоплению опыта их применения и повышению их эффективности. Во время контрнаступления в Восточном секторе 22 сентября наибольшая скорость продвижения была у полков 157-й дивизии, поддерживаемой танками. Во время контрнаступления в Южном секторе отдельный танковый батальон уже действовал как самостоятельная тактическая единица, совершив рейд в глубь обороны противника и уничтожив там значительное количество румынской артиллерии.

Пожалуй, ни на одном театре боевых действий такое минимальное количество бронетехники не применялось так активно, как под Одессой. Первые танки при обороне города вводились в бой в составе всего одного взвода. Постепенно их количество удалось довести сперва до роты, а потом и до батальона. Начав с перелома хода отдельных, небольших боев одесские танки превратились в эффективное боевое средство, оказывавшее влияние на развитие наступательных операций на целых участках фронта.

МАРШЕВЫЕ РОТЫ И КОМАНДНЫЕ КУРСЫ

К концу тяжелых августовских боев людские резервы Одесского оборонительного района были по существу исчерпаны, и без пополнения с Большой земли город держаться дальше уже не мог. Понимая это, Ставка резко увеличила число пополнений, направляемых в Одессу, изменив систему их комплектации. Если в августе Одесский оборонительный район пополнялся извне только за счет Черноморского флота, регулярно направлявшего отряды моряков-добровольцев из своей главной базы, то к концу месяца возможности флота уже не позволяли это делать, а все больше обострявшаяся обстановка и растущее число потерь делали такой способ пополнения армии совер-

шенно не достаточным. Поэтому Ставкой было принято решение поручить пополнение Одесского оборонительного района живой силой Северо-Кавказскому военному округу.

С 30 августа по 2 сентября в Одесском порту высадилось десять маршевых батальонов — 10 тыс. бойцов. За неделю с 5 по 12 сентября Одесса получила еще пятнадцать батальонов. Численность пополнения, прибывшего с Большой земли только за две недели, составила 25 350 человек. А всего за время обороны города в Одессу прибыло из СКВО 30 408 человек, включая 395 человек среднего начсостава, 2629 младшего начсостава и 27 386 человек рядового состава.(133)

По соединениям люди распределялись с учетом понесенных там потерь. Двадцать пять тысяч новых солдат, влившихся в Приморскую армию, позволили на некоторое время приблизить состав основных боевых частей к штатным нормам и даже создать небольшие резервы.

Но на то, чтобы сформировать недостававший в 421-й дивизии стрелковый полк, людей уже не хватило. И общая численность войск, обороняющих Одесские рубежи, не увеличилась по сравнению с тем, что имелось в частях месяц назад, так как армия потеряла за месяц боев около 20 тыс. человек только ранеными.

Состав прибывавших пополнений был разным. В первых маршевых батальонах, направленных в Одессу, когда силы Приморской армии были на исходе, а фронт обороны быстро сокращался, в город направлялся лучший мобилизационный контингент. В основном это были донецкие шахтеры и рабочие крупных заводов Сталинграда, часто участники Гражданской войны. Почти все они имели военную подготовку, а некоторые — и боевой опыт.

Но посылать в Одессу таких красноармейцев десятками тысяч, конечно не представлялось возможным. В следующих партиях стали попадаться люди, совсем не обученные военному делу. И чем больше увеличивалось количество присылаемых пополнений, тем больше оказывалось среди него необученных бойцов.

Штаб армии не имел возможности предварительно проверять подготовленность пополнения. Ко времени прибытия транспортов в порт вызывали представителей частей, которые тут же принимали выделенные им контингенты, сажали солдат на машины или вели их к фронту в пешем строю. Обычно в тот же день новые бойцы попадали на передовую.

Но в связи с большими потерями в частях Приморской армии низкая подготовка, а позднее — и полная необученность поступающих пополнений стала быстро превращаться в серьезную проблему. Все

4 дивизии Приморской армии после месяца боев уже с большой натяжкой можно было назвать кадровыми. По уровню подготовки рядового состава они все больше напоминали дивизии народного ополчения.

Еще до прибытия маршевых батальонов кадровых бойцов, имевших опыт боев за Днестром, в дивизиях оставалось очень мало. В основном они были укомплектованы заменившими выбывших из строя кадровых бойцов одесскими запасниками старших возрастов, ополченцами и матросами, которые часто не имели не только надлежащей подготовки но и армейского обмундирования.

После того как пополнения стали прибывать в довольно значительных количествах, из частей стали поступать доклады об их полной неподготовленности к боевым действиям. Командир 287-го СП капитан Ковтун-Станкевич доложил командиру дивизии, а тот сообщил в штаб армии, что в полку оказались совершенно не обученные люди, никогда по державшие в руках винтовки. О том же докладывал и начальник политотдела Чапаевской дивизии Бердовский.

Возвращать из соединений необученных запасников, конечно, не стали. Штаб армии поручил командирам дивизий и полков организовать занятия с ними в своих тылах. Командиры частей были кровно заинтересованы в том, чтобы эти люди как можно быстрее стали мало-мальски умелыми солдатами, и обучение шло максимально быстро. Но тем не менее сложилась ситуация, в которой прибывшее пополнение нельзя было сразу же направить в бой даже при чрезвычайно упрощенных требованиях к подготовке, существовавших в осажденном городе.

В условиях непрерывного давления противника и его подавляющего численного превосходства от быстроты ввода в бой пополнений напрямую зависело положение на фронте.

Поэтому для повышения уровня подготовки прибывающего пополнения пришлось ввести специальный порядок. Приняв в порту пополнение, представители частей были обязаны немедленно выяснять путем опроса, кто из красноармейцев не знает винтовки, никогда из нее не стрелял, кто никогда не держал в руках гранату. Таких бойцов строили отдельно, и по пути к фронту они проходили «школу на марше» — так была названа система обучения, диктуемая обстановкой.

В заранее намеченных пунктах, на подходящей местности устраивались привалы. Привалы не для отдыха—для занятий. Встречать пополнение посылали сержантов или старослужащих красноармейцев,

способных доходчиво преподать новичкам основы военных знаний. Учили самому необходимому — как держать винтовку, как заряжать, как целиться и производить выстрел. Все это чисто практически, с боевой стрельбой по расставленным целям. Каждый получал также возможность метнуть не только учебную, но и боевую гранату. (134)

Три-четыре учебных привала и составляли всю «школу на марше». Но прошедшие ее люди уже не вздрагивали от собственного выстрела и не боялись взять в руки гранату. А главное— начинали верить, что сумеют быстро перенять у товарищей то, чего еще не знали. Конечно, распределять этих красноармейцев по взводам, по отделениям требовалось продуманно — так, чтобы рядом оказались бывалые бойцы, потому что люди, научившиеся за несколько часов обращаться с винтовкой и гранатой, не умели ни окапываться, ни применяться к складкам местности.

Ни о каких тактических и боевых навыках речь, конечно, не шла. По сути шансы выжить в бою, особенно в наступательном, у бойца, прошедшего такую подготовку, увеличивались незначительно. Но по возможности пополнение старались не использовать сразу на наиболее опасных участках, и если позволяла обстановка, бойцы продолжали доучиваться в обороне.

Прибывавших с пополнением людей из-за крайней ожесточенности непрерывно идущих боев не только не успевали учить, их не успевали и учитывать. Во многих частях и подразделениях, находившихся на переднем крае, учет личного состава отсутствовал на всех уровнях — как в штабах, так и в подразделениях. На это не было как времени, так и людей, так как штабы одесских дивизий и полков сами нередко принимали участие в боях и имели минимальный состав.

Поступление пополнения в части без соответствующего оформления приводило к тому, что командиры подразделений не знали своих бойцов, многие из которых выбывали из состава части убитыми или ранеными после первого же боя. Подобное, в свою очередь, приводило к увеличению количества дезертиров, которые *«остаются невыявленными до тех пор, пока их не задержат»*. (135)

Сложившаяся крайне тяжелая обстановка породила и проблемы с персональным учетом потерь и погребений. Как отмечалось в приказе № 8 командования ООР от 1 сентября 1941г.: *«Вторые экз. медальонов в штабы полков не передаются. Доставка трупов на дивизионные пункты сбора и погребения в братских могилах не осуществляются. Схемы расположения братских могил в штабах дивизий, как правило, отсутствуют»*. (136)

Меры по исправлению такого положения предпринимались постоянно, но полностью навести порядок в учете, и живых, и мертвых удалось только после того, как румынское наступление являвшееся по сути боевыми действиями на уничтожение, окончательно выдохлось, так и не решив поставленных задач.

Не меньшей проблемой, чем необученность пополнения, являлась и его невооруженность.

Военный прокурор Одесской (421-й) СД Лавринович сообщал военному прокурору Примармии Корецкому, что «в Одесск. Стр. дивизии наблюдаются случаи, когда новое пополнение прибывает с винтовками без патронов, а некоторые вовсе без того и другого. 31.8 с.г. прибыло пополнение во 2-й СП в количестве 140 чел. с винтовками без подсумков и патронов, и все 140 чел. без патронов были направлены на передовую линию. В пути следования политрук этой роты вынужден был просить у политрука 38 батареи 134 ГАП снабдить их боевыми патронами. Добившись одного ящика патронов, там же, на передовой, патроны были распределены».

(137)

За все время обороны города Одесса получила 33 тыс. человек пополнения в виде маршевых батальонов. По меркам осажденного города, этого хватило бы на укомплектование пяти дивизий. Но все это огромное количество людей было перемолото в каждодневных боях, не дав Приморской армии ощутимого преимущества. Но в таком положении не было вины ни командования Приморской армии, ни Ставки Верховного Главнокомандования. По всему фронту шли тяжелейшие бои, в гигантских котлах гибли целые армии. Для формирования полноценных дивизий не было ни достаточного количества командных кадров, ни достаточного тяжелого вооружения.

Это наглядно демонстрирует ситуация с поставляемым в Одессу стрелковым оружием. К началу сентября ООР получил 11 тыс. винтовок, 400 ручных и станковых пулеметов и 800 автоматов.

Появление в частях большого количества необученных бойцов, довольно ограниченно годных к ближнему бою и откровенно не подготовленных для боя даже на средних дистанциях, вынуждало командование искать способы для повышения огневой мощи стрелковых взводов.

Из солдат, имевших достаточный боевой опыт, пытались готовить снайперов или хотя бы достаточно метких стрелков. Перед командирами батальонов и рот была поставлена задача подготовить хотя бы по два таких стрелка в каждом взводе.

Из тех же соображений была усилена и подготовка пулеметчиков, так как из-за потерь ими часто назначали солдат, более-менее сносно владевших винтовкой, но при этом слабо понимавших, с каких дистанций и по каким целям они должны вести огонь.

Еще раньше возникла необходимость организовать учебу новых командных кадров.

Для замены часто выбывавших из строя командиров взводов, рот и батальонов были взяты все, кто для этого годился, из армейских тылов и из начсостава хозяйственных подразделений. Как докладывал ЧВС ООР Воронин ЧВС ЧФ Кулакову, *«для пополнения комсостава... взяли младший комсостав у милиции, ряд политработников, находящихся в резерве и имеющих военную подготовку, послали командирами рот».*

На должности среднего комсостава массово выдвигали опытных сержантов и даже отличившихся красноармейцев. Многим из них звание младшего лейтенанта присваивалось без каких-либо курсов, просто по представлениям командиров частей, где говорилось, что они уже фактически командуют взводами. Их командирской школой было поле боя.

Но других кандидатов на выдвижение все-таки пытались хоть немножко подучить в более спокойной обстановке. Имевшийся в штабе армии отдел боевой подготовки до конца августа фактически не использовался по своему назначению, а его состав давно уже заменялся в основном как офицеры связи. Отделу поручили составить программу предельно краткосрочных курсов младших лейтенантов и открыть такие курсы.

В сентябре курсы активно заработали, производя выпуски младших лейтенантов каждые десять дней. И нередко через день-два фамилии молодых командиров уже фигурировали в боевых донесениях, где отмечались отличившиеся подразделения.

До окончания обороны города курсы дали частям более трехсот новых командиров взводов. А всего в Одессе было произведено в младшие лейтенанты около семисот сержантов, красноармейцев и краснофлотцев. Разумеется, они во многом уступали лейтенантам, прошедшим нормальную подготовку. Но имея боевой опыт и огромное желание бить врага, они справлялись со своими обязанностями, хотя иногда отсутствие опыта приводило и к трагическим результатам.

Так, 3 сентября лейтенант Таран, командир 2-й роты 2-го СП Одесской дивизии, около 18 часов маршем вывел свою роту на занятие нового рубежа, хотя знал, что недалеко от него расположен против-

ник. В результате во время перехода строем румыны открыли по роте минометный и пулеметный огонь, и *«люди были вынуждены разбежаться»*. В результате рота понесла ничем не оправданные потери.

Однако, несмотря на работу курсов и массовый выпуск командиров с недостаточным уровнем подготовки, командных кадров все равно не хватало. Ожесточенность боев и невысокий уровень подготовки комсостава приводили к очень высокому уровню его потерь. За один месяц 95-я стрелковая дивизия потеряла, главным образом за счет ранений, три штатных состава командиров взводов и рот. При этом часто заменить выбывшего можно было только сержантом. Некомплект командиров имели и все штабы. К середине сентября в дивизиях недоставало почти половины командного состава. В Приморской армии в это время не хватало 2 комдивов с надлежащим опытом, 6 командиров полков и 200 командиров батальонов и рот.

Еще 3 сентября Военный совет ООР счел необходимым довести до сведения Верховного Главнокомандования, что маршевые батальоны лишь восполняют боевые потери частей, и что нехватка техники и людей, особенно командного состава, снизила боеспособность войск, и они не в состоянии оттеснить противника из районов, откуда обстреливается город. Чтобы отбросить врага назад и держать Одессу вне обстрела, говорилось в телеграмме, посланной в Ставку, нужна еще одна хорошо вооруженная дивизия.

ВНУТРЕННИЙ РЕЗЕРВ АРМИИ

Во время оборонительных боев, сопровождавшихся частыми переходами в контратаки и контрнаступления различных масштабов, количество раненых в войсках Одесского оборонительного района постоянно росло. Только за первый месяц боев оно составило 25 тыс. человек.

Ни Приморская армия, ни город не были изначально готовы к приему такого количества раненых. Санитарный отдел Приморской армии, который был развернут из санслужбы 14-го стрелкового корпуса, возглавил военврач 2-го ранга Соколовский. Систему госпиталей, пригодную для обслуживания действующей армии, ему пришлось создавать практически с нуля.

Материальная база санотдела организовывалась в большой спешке из того, что оказалось под руками, в том числе из нескольких санитарных поездов и летучек, позаимствованных из тылов 9-й армии

и в суматохе отступления попавших в Одессу. От самого 14-го корпуса санотделу достались только 2 медсанбата и один госпиталь, что было явно недостаточно при ведении ширококомасштабных боевых действий. Сеть госпиталей было решено разворачивать на базе городских лечебных учреждений.

Таким образом были превращены в военные госпитали 3 городских клинические больницы, клиники мединститута, больницы водников и железнодорожников. В санаториях и курортах были развернуты госпитали для выздоравливающих и легкораненых. Для лечения ранений были перепрофилированы и специализированные медицинские институты. На базе эвакуированной Филатовской глазной клиники возник госпиталь для бойцов с ранениями глаз, который возглавил ученик академика Филатова Шевалев, ставший главным офтальмологом Приморской армии. В стоматологическом институте лечили челюстно-лицевые ранения. Создавались и другие госпитали узкого профиля. И общеклинические, и специализированные госпитали обеспечивал необходимыми инструментами продолжавший действовать в городе завод медицинского оборудования. Врачи других городских медицинских учреждений, а также многие медработники, снятые с военного учета по состоянию здоровья или возрасту, также привлекались к работе в госпиталях.

Весь персонал больниц переводился на казарменное положение, в них предельно увеличивалось число коек, назначался комиссар и некоторое количество военных врачей и медсестер, знакомых с спецификой лечения ранений. Это создавало дополнительные трудности, в которые не всегда вникал особый отдел Приморской армии.

Так, 10 октября Соколовский сообщил в докладной записке начальнику Особого отдела армии, что *«военврач 3 ранга Редькобородый Иван Макарович, отпущенный в город из госпиталя при санатории ВЦСПС, обратно в госпиталь не вернулся. Разыскать его в городе по месту жительства ул. Чичерина № 37 не удалось»*.

Ст. операционная сестра того же госпиталя при санатории ВЦСПС Юрченко Мария Ивановна самовольно 7 октября ушла из госпиталя и до сего времени не вернулась. Разыскать ее также не удалось».

Соколовский просил принять меры к розыску пропавших и в случае необходимости привлечь их к ответственности. Начальник Особого отдела армии понял его просьбу весьма своеобразно и наложил на докладную записку резолюцию: *«Надо разыскать и шлепнуть»*. (138)

В конечном итоге большинство одесских лечебных учреждений вошли в госпитальную базу Одесского оборонительного района. Ежедневно в эти медучреждения поступало от 800 до 1200 раненных бойцов и жителей города.

Санитарный отдел Приморской армии был пополнен многими видными медиками, которые по разным причинам не были эвакуированы из города. Армейскими медиками стали профессора Лысенков, Коровицкий, Курышкин, Шевалев, Целлариус, Харо, Корец, Венжер и другие. Профессор Коздоба, бывший членом Одесского обкома партии, стал ведущим хирургом самого крупного из госпиталей, развернутого во 2-й рабочей больнице. (139)

Профессор Кофман, работавший на кафедре общей хирургии Одесского мединститута, стал главным хирургом Приморской армии. Этот незаурядный человек и крупный ученый, имевший опыт военно-полевой хирургии (во время финской войны ему уже пришлось стать военным врачом, тогда он был старшим хирургом стрелкового корпуса), сделал необычайно много не только для одесской, но и вообще для отечественной военно-полевой хирургии, поэтому о нем стоит рассказать подробнее.

В кратчайшие сроки он организовал в Приморской армии систему помощи раненым с четким перечнем объема помощи на каждом этапе. Кофман ввел в одесских медсанбатах и госпиталях метод точной хирургии. Метод этот, используемый при недостатке врачей-хирургов с высокой квалификацией, оказался незаменимым в специфической обстановке Одесского оборонительного района, когда во время крупных контрударов и при отражении массированных наступлений противника в один день иногда медицинская помощь требовалась тысячам раненых. В условиях поступления большого количества пациентов с тяжелыми ранениями более опытные (140) хирурги, переходя от одного операционного стола к другому, выполняли наиболее сложные элементы операций, а их менее опытные коллеги — более легкую часть.

Кофман создал в Одессе, а впоследствии и в Севастополе, курсы для санинструкторов и санитаров по оказанию первичной хирургической помощи, что значительно повысило выживаемость раненых при их эвакуации с передовой.

В невероятно трудных условиях, в которых находилась Приморская армия все время своего существования, Кофман успевал заниматься не только практической и организаторской, но еще и научной работой. За год войны он написал 8 научных работ по различным

вопросам военно-полевой хирургии, разработал методические указания для полковых врачей, упрощенную технику производства многих неотложных операций, изложенную им в брошюре «Замечания по организации и технике первичной обработки ран в войсковом районе», изданной в Одессе санитарным отделом Приморской армии, под его руководством был подготовлен изданный в Москве в 1943 г. сборник «Военная медицина в условиях обороны Одессы и Севастополя».

К сожалению, Валентин Соломонович Кофман не дожид до победы. Во время эвакуации Севастополя он, отдав свой пропуск на самолет военфельдшеру Кононовой, только что родившей ребенка, остался с неэвакуированными бойцами и ранеными Приморской армии, добровольно разделив их судьбу, и погиб на мысе Херсонес.

Для обеспечения хирургического лечения тяжелораненых, поступавших в больших количествах, еще 25 июля, во время боев на Днестре, в городе была создана станция переливания крови, к которой были прикреплены более 18 тыс. добровольных доноров. Ежедневно кровь сдавало около 500 человек. Таких объемов хватало для производства сложных операций, но для возмещения кровопотери у тяжелораненых его было недостаточно, и в госпиталях в массовом порядке применялись кровозамещающие жидкости.

Большое количество квалифицированных гражданских медиков, работавших под руководством военных врачей, и достаточное количество имевшихся в городе и доставлявшихся в него медикаментов и инструментов позволило возвращать в строй до 75% раненых, при низком количестве заражений крови, инфекционных осложнений и ампутаций.

Но даже при хорошо налаженной работе по приему и лечению раненых одесские госпитали не могли обеспечить всем тяжелораненым необходимое им длительное лечение. Для сохранения пропускной способности госпиталей, даже несмотря на то, что значительное количество раненых удавалось вернуть в строй, было необходимо практически ежедневно эвакуировать из госпиталей примерно такое же и даже большее количество раненых, чем то, которое в них ежедневно поступало.

Поэтому каждую ночь к разгрузившимся в Одесском порту судам, которым надлежало до рассвета покинуть гавань, подъезжали автобусы и грузовики автороты санотдела Приморской армии и дневной конвейер, когда по сходням и трапам сносили ящики с различными грузами для осажденного города, сменялся ночным, когда на корабли непрерывно заносили носилки с ранеными. За одну ночь из города

успевали вывезти одну-две тысячи раненых. Своеобразный «рекорд» был установлен 18 сентября, когда было эвакуировано 2719 человек. В целом санитарной службе армии удалось обеспечивать эвакуацию из города фактически каждого тяжелораненого в течение двух недель с момента его поступления на лечение.

В сентябре, в отличие от августа, выезд санитарных машин в порт уже не отменялся из-за артиллерийских обстрелов, так как ночей, в которые район порта не обстреливался, больше не было. Врачи-эвакуаторы, руководившие погрузкой раненых и постоянно находившиеся на причалах, работали в касках.

Шоферы автосанроты работали круглосуточно. Ночью они возили раненых в порт из госпиталей, а днем из дивизионных медсанбатов, полковых и батальонных медпунктов (141) доставляли раненых в госпитали.

Санитарная служба армии, создававшаяся фактически с нуля, сумела справиться с огромной нагрузкой, которая легла на нее в августе, а в сентябре уже была готова к любым изменениям обстановки, происходившим в осажденном городе, в том числе и к перебазированию госпиталей в совершенно не приспособленные помещения.

Из раненых, которые могли в течение 3-х недель вернуться в строй, формировался отдельный батальон выздоравливавших и нуждавшихся в восстановительном лечении, в который в связи со все более ухудшавшейся обстановкой постепенно направлялось все большее количество выздоравливающих бойцов. Выздоровливавшие командиры долечивались в специально отведенном для этих целей одном из бывших одесских санаториев. Во время августовского кризиса в Восточном секторе батальон выздоравливающих был брошен на передовую, где его состав распределили между секторами, после чего он был фактически создан заново, еще большим, чем первоначально — в начале сентября были дополнительно сформированы 4 новые роты. И в середине сентября, во время румынского наступления под Ленинталем, батальон снова был введен в бой.

Но и без этих чрезвычайных мер каждый день из батальона выздоравливающих выписывалось в части до 500 человек, в дни кризисов это число иногда увеличивалось почти вдвое. По одесским меркам, это было пополнение не менее важное, чем маршевые батальоны — те поступали нерегулярно, и бойцы в них, в отличие от выздоравливающих, не имели боевого опыта, а нередко — и военной подготовки.

До 2 сентября 1941 г. вопрос о направлении раненых в батальон выздоравливающих и о выписке их в действующие части решался

даже без Военно-врачебной комиссии, предусмотренной приказом НКО №184 от 1940 г. ВВК для «медицинского освидетельствования раненых и больных» была создана приказом командования ООР № 14 от 2 сентября 1941 г. после того, как пополнения в виде маршевых рот стали прибывать в Одессу в достаточном количестве.

При этом комиссия должна была руководствоваться в своей работе не только регламентирующим ее приказом НКО, но и устными инструкциями и указаниями начальника санотдела ООР о порядке и ходе медосвидетельствования раненых и больных.

Не менее показателен был и состав комиссии — в нее входили 3 военврача 2-го ранга и представитель политуправления Приморья. (142)

Вклад военно-медицинской службы Приморской армии в оборону Одессы трудно переоценить. В условиях, когда на счету был каждый человек, тысячи раненых смогли вернуться в строй и тысячи были спасены и вывезены на Большую землю. Но даже такие невероятно трудные условия явились по воле судьбы для медслужбы Приморской армии всего лишь «репетицией», заложившей основы того, что ей пришлось в значительно больших масштабах делать для спасения людей в осажденном Севастополе.

ОТ ИСТРЕБИТЕЛЬНЫХ БАТАЛЬОНОВ ДО ОДЕССКОЙ ДИВИЗИИ

25-я, 95-я стрелковые, 1-я кавалерийская дивизии и другие части, входившие в состав Приморской армии и находившиеся в непрерывных боях с противником с первых дней войны, к началу оборонительных боев за Одессу уже имели значительный некомплект личного состава.

Для доукомплектования частей до штата по решению ВС Приморской армии райвоенкоматами г. Одессы была проведена «мобилизация людского состава в возрасте от 18 до 55 лет». Но так как на территории города уже было сформировано 8 истребительных батальонов (143) и отряды народного ополчения, составившие так называемый «Одесский полк», то проведенная мобилизация не смогла надолго покрыть потребности армии в живой силе, которые из-за жестоких боев постоянно росли.

В городе помимо партийного набора, осуществленного по инициативе Одесского обкома партии, была проведена и вторичная общая мобилизация, при которой призывались не только состоящие

на общем учете (144), но и лица, состоящие на специальном учете. Кроме того, были *переосвидетельствованы «все лица, которые по физическому состоянию здоровья ранее были признаны негодными к военной службе»*.

Как сообщал Отдел укомплектования штаба Приморской армии, *«на пополнение войсковых частей весь людской состав, годный для несения военной службы, в возрасте от 18 до 55 лет, был полностью призван и направлен в войсковые части»*. Таких оказалось 16 743 человека.

Большинство этих людей не имело ни опыта военной службы, ни военной подготовки, так как при обеих мобилизациях в городе был привлечен тот контингент, который по каким-то причинам не был призван с началом войны.

Все пополнение, призванное по мобилизации райвоенкоматами г. дессы поступало в 136-й запасной стрелковый полк. Считалось, что в него должно поступать *и «все пополнение, прибывающее с маршевыми ротами»*. Они должны были задерживаться в полку на 1—2 дня, где за это время проверялась их подготовка. Последующая отправка пополнения из полка в действующие части должна была производиться *«исключительно из числа обученных»*. (145) Однако на самом деле значительная часть пополнения (по некоторым данным, до 15 тыс. человек, т. е. почти половина всех прибывших) была направлена сразу на передовую, минуя полк.

Это объяснялось прежде всего исключительной напряженностью обстановки, не позволявшей задерживать поступающее пополнение на требуемый срок в тылу, а иногда и значительным количеством поступающего одномоментно пополнения. Пополнения в Одессу подвозились на крупных транспортах, доставлявших и по 5 тыс. человек за раз, что превышало пропускные способности полка, и так обучавшего одновременно 4—5 тыс. человек. (146)

Сам полк также не все время имел возможность проводить подготовку мобилизованных и необученного контингента из маршевых рот, так как во время кризиса под Беляевкой в полном составе был отправлен по решению Военного совета на укрепление Южного сектора обороны, где был почти полностью уничтожен фактически за один день боев.

Вместо полка был сформирован запасной стрелковый батальон, который через неделю также убыл на фронт, на этот раз в Восточный сектор, после чего полк сформировали во второй раз.

Сама Приморская армия также, как могла, пыталась пополнять комплект личного состава за счет внутренних резервов. По решению

Военного совета армии был *«пересмотрен весь красноармейский и младший начсостав тылов армии и дивизий, откуда были изъяты и переданы в боевые части бойцы молодых возрастов, и взамен их были даны бойцы более старших возрастов, причем все тыловые подразделения были оставлены в сокращенном составе, которые со своими задачами вполне справлялись»*. (147)

Сокращения штатной численности затронули и начсостав Приморской армии. Особенно радикальными они оказались в Полевом управлении штаба армии, где было сокращено 58% личного состава. Все сокращенные были отправлены на вакантные командные должности в боевые части.

Одновременно было произведено и изъятие большей части табельного оружия из тыловых подразделений, которое *«немедленно было передано в боевые части, где ощущалась острая нужда»*. При этом выяснилось что во многих тыловых подразделениях, даже в госпиталях и квартирно-эксплуатационной части, обнаружилось значительное количество неучтенного оружия, в том числе и остродефицитного автоматического. В различных службах и учреждениях тыла армии, в госпиталях и квартирно-эксплуатационной части изымались автоматические винтовки, пистолеты-пулеметы Дегтярева (148) и даже станковые пулеметы.

За время обороны Одессы в ней было сформировано 29 новых частей, в том числе одна дивизия (149), один полк, 4 отдельных батальона, 9 отдельных рот, 3 отряда и 3 бронепоезда.

В то же время на протяжении всей обороны города отношение командования армии к призванным в нее одесситам было устойчиво негативным (150) и оставалось таким даже почти через полгода после окончания обороны города, в марте 1942 г. когда, отчитываясь о деятельности отдела укомплектования штаба Приморской армии командование армии отдельно указало, что *«отмечая хорошие, высокие боевые качества пополнения, прибывшего с маршевыми ротами из СКВО, следует отметить, что среди пополнения, призванного по г. Одессе, оказалось немало лиц, проявивших трусость, дезертирство и сдачу в плен»*.

Во время обороны города командование армии стояло на еще более жестких позициях по отношению к одесситам. 11 октября отозванные из всех частей красноармейцы-одесситы были заблаговременно эвакуированы из Одессы, за день до того, как приказ об эвакуации был доведен до командиров всех частей. (151)

Приказов, донесений или каких-либо других документов, поясняющих причины возникновения такого поведения командования ар-

мии, мне обнаружить пока не удалось. Защитники Одессы защищали город с исключительной самоотверженностью, и в условиях организованно и последовательно ведущейся обороны города фактов переходов к врагу и сдачи в плен было довольно мало. По всей Приморской армии за весь 73-дневный период обороны зарегистрировано всего 336 подобных случаев. При этом массовых случаев перехода на сторону врага зафиксировано не было. Наибольшими были переходы 7—10 человек. (152) Были зафиксированы случаи подобного поведения бессарабцев, и даже сотрудников органов НКВД, информация же о подобных случаях среди одесситов на настоящий момент мне не известна.

Как бы то ни было, подавляющее большинство сражавшихся с врагом жителей города честно выполнили свой долг перед Родиной и вместе со всеми заплатили высокую цену за победу.

Из 16 743 одесситов, добровольно ушедших на защиту города и призванных по мобилизации, 11 октября на транспортах «Земляк», «Чехов» и «Волга» было эвакуировано не более 4 тыс. человек.

ВДАЛИ ОТ ПЕРЕДНЕГО КРАЯ

В то время как части Одесского оборонительного района вели жестокие бои с противником на оборонительных рубежах города, тылы армии жили своей особенной жизнью, законы которой не всегда диктовались только сложившейся в осажденной Одессе обстановкой.

Во время самых ожесточенных боев в конце августа группа контроля при Военном совете ООР занималась тем, что она называла *«ликвидацией случаев политической беспечности и повышение революционной классовой бдительности»*.

Повышение бдительности осуществлялось ловлей тыловых работников на том, что они допускали представителей этой самой группы к исполнению ими своих служебных обязанностей (153) по контролю, не требуя у них удостоверений личности.

Таким путем было выявлено немало проявивших *«политическую беспечность и благодушие»*. Среди *«утративших высокое чувство ответственности за сохранение военной государственной тайны, за повышение революционной и классовой бдительности»* оказались начальник тыла 2-й кавдивизии, начальник головного обувно-вещевого склада Приморской армии, командир 136-го запасного стрелкового полка и другие «большие и малые начальники».

Учитывая статус проверяемых персон, никаких оргвыводов сделано не было, если не относить к таковым предупреждение коман-

дующего ООР, что *«впредь за проявление подобных безобразий буду привлекать к суровой ответственности вплоть до отстранения от должности»*. (154)

Вместе с тем, даже по линии политико-воспитальной работы в среде начсостава Приморской армии имелись куда более серьезные проблемы. В результате невыносимо тяжелых условий на передовой процветало пьянство. Насколько широко оно было распространено среди командного состава, можно судить по сообщениям командования ООР о том, что *«в последнее время наблюдаются случаи, когда некоторые командиры и политработники занимаются чрезмерным употреблением спиртных напитков, в результате чего в нужный момент оказываются не способными руководить боевой деятельностью вверенных им частей»*.

По этому поводу выходили многочисленные приказы и распоряжения, которые по существу являлись лишь официальной реакцией на очередной громкий случай.

Громкими случаями считалось пьянство среди командиров и комиссаров дивизий и полков, но меры в подобных ситуациях применялись довольно мягкие.

И самым громким было дело начальника оперативного отдела Резервной армии (штаб которой создавался в Одессе в августе 1941 г. на базе штаба Одесского военного округа) генерал-майора Егорова, который *«прибыл в штаб ОдВО и, не приступая к работе до 15 августа с. г., пьянствовал в санатории комсостава»*. (155) Егоров был арестован и в сентябре был отдан под суд *«за пьянство и невыполнение боевого приказа»* с согласия самого Верховного Главнокомандующего, о чем была издана специальная директива Ставки. (156)

Выговоры за пьянство с предупреждением, что при повторении подобных случаев они будут преданы суду, получили комиссар 25-й СД старший политрук Халин и исполняющий обязанности комиссара 287-го СП старший политрук Разоренов.

Прежний комиссар 287-го СП, батальонный комиссар Широков был наказан более сурово: приговором военного трибунала армии осужден за пьянство и дебош к 5 годам лишения свободы, без поражения в правах, с лишением звания «батальонный комиссар». Но решением командарма приговор исполнением до окончания военных действий был приостановлен с условием, что *«если тов. Широков проявит себя стойким защитником Родины, то приговор в его отношении не будет приведен в исполнение»*. (157)

Больше всего шуму после истории с Егоровым наделал случай с командиром 2-й кавдивизии полковником Рябченко, который за пьян-

ство был снят с должности *«как не справившийся с возложенными на него обязанностями по управлению частями»* и назначен командиром стрелкового полка, после чего *«в состоянии опьянения был ранен и от ран умер»*. (158)

Еще более острой, чем на передовой, ситуация с пьянством была в тылу. Большая часть тыловых служб Приморской армии из-за относительно малых размеров оборонительного периметра находилась в Одессе.

И как с удивлением отмечало командование ООР, *«вместо полного порядка и организованности, которые должны быть прямым следствием расквартирования в городе большого количества военнослужащих, наблюдается обратное... Тылы частей и соединений, расположенных на территории г. Одесса, чрезвычайно разбросаны и растянуты. Растянутость и бесконтрольность создает почву для самовольных отлучек, пьянок»*.

Бардак в тылу носил масштабный характер. За две недели в городе только комендантскими патрулями было задержано 1042 человека рядового и младшего командного состава, не имеющих увольнительных.

На то, чтобы найти в Одессе тыловые подразделения своей части, у бойцов иногда уходили целые дни. Случалось, что расположение тыловиков не знало и их командование. Занятие зданий без разрешения и самовольная смена адреса были широко распространенной практикой.

Никем не контролируемые тыловики нарушали правила расквартирования, приводили в расположение частей женщин легкого поведения и сами периодически устраивали самые настоящие притоны.

«По ул. им. Пастера № 25 в квартире гр-ки О. была задержана группа командиров, которые систематически привозили туда продукты, спиртные напитки и устраивали пьянки, такой же притон был обнаружен на 10 ст. Большого Фонтана». Доходило до того, что командование ООР предлагало *«специальным приказом по тылу определить точные границы тылов, частей и соединений Одесского Оборонительного района. Не допускать растянутости и неразберихи. Не допускать сосредоточения боеприпасов в одном месте, что имело место до сих пор»*, видимо, серьезно опасаясь, что *«неразбериха и злоупотребления в тылу могут привести и к взрывам боеприпасов»*. (159)

Массовый характер носили и случаи мародерства. Начальник штаба Одесского оборонительного района генерал-майор Шишенин

констатировал в своем приказе, что *«со стороны отдельных красноармейцев...допущен ряд преступно-нетерпимых случаев, позорящих звание воинов Красной армии.*

В колхозе «Червоный партизан» Сухомлинского сельсовета у колхозников уведены две коровы, телка, застрелена свья. В колхозе «Вольный бурлак» застрелены 4 свиньи.

В колхозах пригородной зоны г. Одессы со стороны отдельных красноармейцев практикуется самочинство,носящее характер хищения отдельного имущества и продуктов». (160)

Случаи мародерства постоянно происходили в колхозах пригородной зоны, а не в полосе действующей армии, в основном в колхозах «Червоный партизан», «Вольный Бурлак», «Карла Либкнехта», «20 лет Октября» и «Перекопской Победы». В большинстве случаев такого рода хищения колхозных продуктов проводились *«под угрозой применения оружия и с участием вольных граждан, перевозимых на машинах из частей г. Одесса до колхозов и обратно».* (161)

После того как положение на фронте удалось стабилизировать с прибытием в Одессу 157-й СД, командование ООР получило возможность навести порядок и в тылу.

Начальнику управления тыла ООР были установлены жесткие сроки *«искоренения всех указанных безобразий»*, и к 21 сентября порядок в городе был наведен. Он оказался действительно прочным. Во время беспорядков, произошедших в Одессе 9 октября из-за появления в городе слухов о прорыве румын в районе Татарки, решающую роль в наведении порядка в городе сыграл именно одесский гарнизон.

ФЛОТ ВЕДЁТ БОЙ

ОГНЕВАЯ ПОДДЕРЖКА (18—28 АВГУСТА)

6 августа командование Черноморского флота для защиты Одессы с моря сформировало отряд кораблей Северо-западного района Черного моря в который вошли крейсер «Коминтерн», эсминцы «Шаумян» и «Незаможник», 2-я бригада торпедных катеров, отряд сторожевых катеров, дивизион канонерских лодок и вспомогательные суда.

По мере продвижения противника к городу перед командованием ООР все острее вставал вопрос о недостаточности имеющихся в его распоряжении огневых средств. Отряд кораблей Северо-западного района, в который изначально были включены наименее ценные в боевом отношении корабли, не мог решить постоянно возрастающих задач по огневой поддержке войск ООР. Эсминцы «Шаумян» и «Незаможник», построенные еще в годы Первой мировой войны, и совсем дряхлый крейсер «Коминтерн» (162) давно устарели и ни по своим ходовым качествам, ни по дальнобойности установленных на них орудий не годились даже для эффективной огневой поддержки войск в условиях активного противодействия дальнобойной артиллерии и авиации противника.

Поэтому с двадцатых чисел августа в помощь северо-западному отряду стали привлекаться сначала эскадренные миноносцы современной постройки, а потом и более крупные корабли.

Начало привлечению в Одессу дополнительных сил Черноморского флота положила исключительная ситуация, неожиданно возникшая 18 августа, после получения контр-адмиралом Жуковым, формально являвшимся на тот момент еще командиром Одесской военно-морской базы (163), срочной радиограммы Октябрьского. Командующий флотом сообщал, что *«из Сулины вышли 8 крупных и 4 малых транспорта противника с десантом, в охранении 10 катеров. Вылетела наша авиация. Вам приготовится уничтожить корабли противника внутри минного заграждения».*

Зам. начальника штаба базы капитан 3-го ранга Деревянко в докладе по оценке обстановки высказал сомнение относительно того, что на транспоргах находится именно десант, указав, что румыны не имеют такого количества крупных транспортов, и вероятно, авиаразведка напутала с определением их размеров. Эскорт из 10 катеров также вряд ли мог сопровождать крупное десантное соединение. Для этой цели румыны использовали бы имевшиеся у них эсминцы и вспомогательные крейсера. Также в состав конвоя не входили и тральщики, которых для преодоления советских минных заграждений требовалось не меньше одного-двух десятков.

В итоге Деревянко сделал вывод, что обнаруженный отряд судов не может быть десантным, направляется не к Одессе и скорее всего, осуществляет какие-то внутренние перевозки.

Начальник штаба базы, капитан 1-го ранга Иванов, согласившись со сделанными в докладе оценками и выводами предложил не отвлекать значительных сил отряда Северо-западного района от огневой поддержки войск и конвоирования транспортов. После размышлений Жуков решил во исполнение приказа командующего флотом выслать против каравана противника лишь отряд торпедных катеров, канлодку и эсминца. Высланные корабли вернулись к утру 19-го августа, не обнаружив противника. В последующие дни из штаба флота, над которым витал призрак захвата немцами Норвегии с моря, снова поступали сообщения о выходе из Сулины (164) отряда судов противника, но штаб Одесской ВМБ больше никого на их перехват не посылал, ограничиваясь информацией об этом всех кораблей отряда Северо-западного района и приказами об усилении наблюдения за морем.

Однако на этом история с мнимым десантом не закончилась. Утром 19 августа после безрезультатных поисков десанта на одесский рейд неожиданно прибыл отряд кораблей из состава второго дивизиона эсминцев, включавший лидер «Ташкент» и эсминцы «Бодрый», «Безупречный» и «Беспощадный». Уже в базе отряд получил приказ вице-адмирала Октябрьского нанести удар по войскам противника в районе сел Свердлово и Визирка. Указанные села на момент получения приказа находились в тылу противника. Возможно, там находились румынские резервы, но стрельба из-за удаления от передовой и невозможности корректировки могла вестись только по площадям и, следовательно, при нахождении противника в полевых условиях, вне стационарных сооружений не могла оказаться высокоэффективной — он просто успевал покинуть зону обстрела.

Проведенный согласно полученному приказу огневой налет полностью это подтвердил. По разным данным, во время обстрела было

выпущено от 490 до 1000 130-мм снарядов, но особого эффекта обстрел не дал. В отряде кораблей Северо-западного района Черного моря за 12 дней его существования уже успели освоить стрельбу с применением корректировочных постов и пользовались только ею. У командования Одесской базой возникло сильное желание использовать неожиданно появившиеся в городе корабли более эффективно, но в наличии не имелось свободных корректировочных постов, так как все имевшиеся средства давно были задействованы для ударов по врагу. (165)

По приказу Жукова было немедленно развернуто создание «резервных корректировочных постов». Меньше чем за сутки такие посты были созданы. «Ташкент» и «Бодрый» ночью по распоряжению командования флотом ушли в Севастополь, а «Беспощадный» и «Безупречный» половину следующего дня провели в Одесском заливе, обстреливая по данным корректировщиков позиции противника. Однако к обеду оба эсминца вернулись в гавань, так как скоро выяснилось, что ни один из них не подготовлен к ведению длительного огня на боевом маневрировании.

У «Беспощадного» начались неполадки в штурманской и электро-механической боевых частях, а у «Безупречного» артиллерия не выдержала темпа стрельбы и нарушилась радиосвязь.

Отправляя корабли обратно в Севастополь, командование базы передало с командиром «Беспощадного» Негодой письмо начальнику штаба флота, в котором просило не ставить больше задач по обстрелу тыловых объектов противника. В письме также сообщалось об организации корпостов, которые уже назывались не резервными, а создаваемыми для обеспечения кораблей флота. При этом особо подчеркивалась необходимость создания корпостов и на всех кораблях флота, которые будут придаваться базе.

Сама Одесская военно-морская база располагала уже 4 резервными постами (166), созданными в результате появления в Одессе кораблей 2-го дивизиона. Одесские корректировочные посты впоследствии оказались лучшими на флоте. Возглавляли их только профессиональные артиллеристы со значительным опытом, в звании не ниже старшего лейтенанта. Пост, специально предназначенный для корректировки огня тяжелых кораблей, возглавил флагманский артиллерист базы, капитан 2-го ранга Филиппов.

Каждый корпост имел в своем составе 12 человек, что в 2—3 раза превышало численность корабельных корпостов. По сути они представляли из себя корректировочное отделение, способное в слу-

чае необходимости эффективно прикрыть отход артиллерийского офицера-корректировщика. Каждый из постов имел двух радистов, и был обеспечен в качестве дополнительной еще и телефонной связью, использовавшейся в местах, где можно было проложить кабель. Это делалось для облегчения маневра огнем, так как телефонная связь в ООР подключалась в единую сеть, по которой можно было связываться и с разными командными пунктами, и переключаться на различные батареи. Таким образом, корректировочные пункты Одесской военно-морской базы имели возможности, не доступные армейским и флотским корректировщикам. Впоследствии корректировочные посты базы уже по образцу флотских стали вооружаться автоматическим оружием и пулеметами, что еще более повысило их боевую устойчивость.

Письмо возымело действие. Военный совет Черноморского флота решил привлечь к огневой поддержке крейсеров «Червона Украина», «Красный Крым» и «Красный Кавказ», а также лидеров — «Харьков» и только что вступивший в строй «Ташкент». Правда, при этом корабли должны были одновременно решать и задачи конвоирования идущих в Одессу и из нее транспортов и сами осуществлять доставку пополнений и военных грузов, а также эвакуацию раненых. Поэтому огневую поддержку корабли могли оказывать в основном только во время пребывания конвоируемых ими транспортов в порту, а иногда, и находясь под разгрузкой. (167) Поэтому для экономии драгоценного времени, в течение которого корабль мог вести по противнику огонь из своих орудий, Одесская военно-морская база нередко высылала корректировочные группы, снабженные рациями, еще до прихода корабля в порт. На подходящий к Одессе корабль по радио передавались координаты целей, и корабельная артиллерия открывала огонь, как только противник оказывался в зоне досягаемости ее орудий.

Такая тактика не отличалась высокой эффективностью: боевые корабли грузовых трюмов не имеют, и в результате удавалось разместить на них не очень много груза, который мешал работе экипажа во время боя и снижал остойчивость корабля при волнении моря, ухудшая его маневренность. Еще одним фактором, снижавшим эффективность огневой поддержки, оказалась недостаточная довоенная подготовка команд части боевых кораблей. Некоторые корабли не имели опыта стрельбы по указаниям корректировочных постов и на учениях освоили лишь метод стрельбы по площадям, который мог использоваться только при налетах на вражеские базы, а при стрельбе по технике и живой силе противника был малоэффективен и совершенно не годился для ведения огня по войскам противника с больших дистанций и для подавления вражеских батарей.

22 августа в Одессу прибыл первый отряд кораблей, приданных базе исключительно для осуществления огневой поддержки. В него входили крейсер «Красный Крым» и эсминцы «Фрунзе» и «Дзержинский». Теперь на всех кораблях уже имелись корректировочные посты. Тогда же в связи с неудачным опытом стрельб «Беспощадного» и «Безупречного» впервые была введена проверка боевых кораблей, придаваемых базе на боевую готовность. Крейсер и эсминцы получили задачи по огневой поддержке войск. При этом крейсеру выделили корпост базы, а корпосты эсминцев стали проходить практику под руководством корректировщиков базы.

Ввиду сложности обстановки огневая поддержка не прекращалась и с наступлением темноты. Правда, корректировщики кораблей с этим справиться пока еще не могли, поэтому корабли получали целеуказания по радиосвязи от корректировщиков базы. При этом с учетом ночных условий огонь сначала двух, а потом и трех кораблей был сосредоточен на одном участке. И результаты стрельбы в этот раз оказались высокими. Весь следующий день противник в районе, обстреливавшемся накануне кораблями, больше не предпринимал атак. После этого крейсер, сопровождаемый «Дзержинским», ушел в Севастополь, а «Фрунзе» остался в Одессе.

25 августа произошла смена кораблей. В Одессу, охраняя очередной конвой, прибыл эсминец «Беспощадный», вооруженный новыми 130-мм орудиями, а «Фрунзе» ушел в Севастополь.

Вместе со сменой кораблей произошел и обмен письмами между штабами ЧФ и Одесской ВМБ. Флагарт эскадры кораблей Черноморского флота капитан 1-го ранга Руль, которому командир «Красного Крыма» кавторанг Зубков доложил о результатах дневных и ночных огневых налетов, просил прислать документацию по организации и использованию корректировочных постов базы. Штаб базы подготовил и отправил требуемые документы.

На подходе к Одессе эсминец пробовал подавить вражеские батареи, ведшие огонь по охраняемым им транспортам. В районе Новой Дофиновки «Беспощадный» поставил дымзавесу между транспортами и обнаруженной им по вспышкам батареей и вступил с ней в огневую дуэль.

Но румынам с первых залпов удалось добиться накрытия эсминца, и «Беспощадному» пришлось уйти в собственную завесу. В районе Фонтанки, где находилась еще одна вражеская батарея, имевшая, по данным разведки 120-мм орудия, командир эсминца, капитан-лейтенант Негода, возможно решил взять своеобразный «реванш».

Когда конвой подошел в темноте к месту ее нахождения, Негода отдал приказ вести огонь по предполагаемому месту ее расположения. Особой необходимости в этом не было, так как конвой, шедший в темноте, вряд ли мог быть обнаружен противником. Обнаружив эсминец по вспышкам, батарея открыла ответный огонь. Эсминец, уточнив координаты батареи, повел по ней беглый огонь из всех орудий. Но батарея противника оказалась способной быстро пристреляться, несмотря на темноту. Эсминец вынужден был перейти на зигзаг, но снаряды продолжали падать все ближе. После того как осколки стали обсыпаться палубу, «Беспощадный» выставил дымзавесу и отправился догонять успевшие уйти за время боя вперед транспорты.

После того как транспорты добрались до порта, эсминец был оставлен до утра в распоряжении командования базы. В полночь на нем приняли радиogramму от командующего ООР контр-адмирала Жукова: *«Нанести артиллерийский удар по скоплению техники и живой силы противника в районе Гильдендорф, Визирка — поддержать морскую пехоту»*. Получив радиogramму, в которой не указывалось время нанесения удара, Негода связался с главным корректировочным постом базы. С него передали: *«Ждать до утра»*. Опасаясь, что утром эсминец может подвергнуться налету авиации, Негода снова связался с корректировочным постом и в результате имел разговор уже с командиром 1-го морского полка. Осипов сообщил командиру эсминца координаты и раздраженно ответил: *«Огонь откроете по моему приказу»*. Приказ об открытии огня поступил на рассвете. В этот раз «Беспощадный» стрелял успешнее и продолжал обстрел берега до тех пор, пока на транспорт «Армения» не погрузили около тысячи человек раненых. Конвоируя транспорт, эсминец отправился в Новороссийск.

А 26 августа впервые был применен метод использования в качестве корректировочных постов и самих кораблей. Во время очередного обстрела порта сигнальщик-наблюдатель крейсера «Коминтерн», находившегося на территории порта, сообщил: *«Вижу несколько выделяющихся орудийных вспышек»* Возможно, обнаружению дальнотбойных орудий противника способствовала и погода — висевшие над горизонтом облака усиливали вспышки отблесками. Взятые по компасу пеленги на вспышки не менялись. Хронометраж показал, что от момента вспышки до разрыва проходит 24 секунды, что было типичным для ведения стрельбы дальнотбойной батареей. Пеленги, взятые с крейсера и с Жеваковой горы, где находился главный корпост базы, которым командовал флагманский артиллерист базы Филиппов, сошлись на высоте 65,9, расположенной в 17 км от порта.

После доклада флагарта командир базы принял решение подавить дальнобойную батарею противника огнем 180-мм береговой батареи № 411 капитана Никитенко. После третьего залпа батареи вражеские снаряды перестали рваться в порту. Случай произвел на командование ООР сильное впечатление. Начальник гидрографической службы базы, капитан 3-го ранга Слободник, получил распоряжение инструментально засекал стрельящие батареи. Для этого на трех наиболее высоких зданиях города были установлены теодолитные посты, снабженные телефонной связью. Недостатка в практике у них не было, и поэтому очень скоро вражеские батареи стали засекаются уже после второго залпа.

27 августа в Одессу пришел эсминец «Смышленный», сменивший «Беспощадный». Такая частая смена эсминцев объяснялась параллельным выполнением ими задач по конвоированию транспортов. Корабли вели огонь только в течение времени, необходимого для разгрузки с транспортов доставленных грузов и погрузки на них раненых и эвакуируемых.

На борту «Смышленного» находился корректировочный пост, подготовленный уже в соответствии с рекомендациями базы. Для экономии времени обучение состава поста проводилось прямо на борту эсминца, во время его следования к Одессе. Однако готовность и самого эсминца, и корректировочного поста к проведению боевых стрельб оказалась низкой.

Под руководством осуществлявших проверку офицеров штаба базы были проведены дополнительные тренировки комендоров, изменен состав корректировочного поста, а его командиру, старшему лейтенанту Афанасьеву *«разъяснены требования стрельбы по берегу»*.

После всего этого штаб базы не рискнул брать на себя ответственность, и допуск эсминца к стрельбе был утвержден заменившим Жукова (после его назначения командующим ООР) на должности командира базы контр-адмиралом Кулешовым.

28 августа в Одессу вернулся «Фрунзе». Второй раз эсминец действовал со значительно большей эффективностью — сказался накопленный во время почти четырехдневных непрерывных стрельб опыт и обучение корректировочного поста артиллеристами базы, имевшими солидную боевую практику. В полдень с эсминца в штаб базы пришла радиограмма от командира корабля капитан-лейтенанта Бобровникова: *«Привел к молчанию батарею противника, которая вела огонь по мне. Готов к выполнению следующей задачи»*. Для корабля, периодически привлекаемого к решению задач по огневой поддержке наземных во-

йск, это было серьезное достижение. В эти дни подготовка корректировочных постов на кораблях, находившихся в Севастополе и Новороссийске, еще только разворачивалась, и одних рекомендаций, присылаемых из Одесской ВМБ, было недостаточно, требовался еще и боевой опыт, и высокий уровень подготовки команды.

До этого момента присланные в Одессу корабли, попадая под огонь румынских батарей, обычно оказывались не в состоянии эффективно бороться с ними и просили подавить их огнем береговых батарей. И обычно в штаб базы поступали радиограммы примерно такого содержания: *«Попал под обстрел батареи противника, с первого залпа накрытие, вышлите катера-дымзавесчики»*. Поэтому контр-адмирал Кулешов написал радистам прямо на принесенном ему тексте сообщения: *«Молодец Бобровников. Пошлите ему благодарность»*. Впрочем, успехи «Фрунзе» были в немалой степени связаны и с незаурядными способностями самого Бобровникова, который не только первым из кораблей ЧФ, не входящих в отряд Северозападного участка, освоил контрбатарейную борьбу, но и отказался от воздушного прикрытия, хотя возможности «Фрунзе» по сравнению с более современными эсминцами были ограничены. В своем отчете о действиях «Фрунзе» под Одессой он писал: «При своевременном обнаружении самолетов противника и открытии огня с применением грамотного маневра самолеты или отказываются от атак, или они безрезультатны».

С потерей 412-й береговой батареи ситуация еще ухудшилась, и Военный совет ЧФ стал изыскивать новые способы повышения эффективности огневой поддержки.

ОГНЕВОЙ НАЛЕТ «ТАШКЕНТА» (29—30 АВГУСТА)

На рассвете 29 августа в Одессу пришли крейсер «Червона Украина» в сопровождении эсминцев «Смышленный», «Фрунзе» и «Шаумян» и конвой в составе транспорта «Абхазия» и танкера «Москва» под охраной лидера эсминцев «Ташкент», двух тральщиков и трех малых охотников. С отрядом прибыли заместитель наркома ВМФ вице-адмирал Левченко, державший свой флаг на «Червоной Украине», ЧВС ЧФ Кулаков, а также командир бригады крейсеров капитан 1-го ранга Горшков и военком бригады полковой комиссар Прокофьев. На борту лидера «Ташкент» находился помощник флагманского артиллериста эскадры, капитан-лейтенант Сидельников, и лидер

имел задачу отработать приемы стрельбы по наземным целям с использованием выносного корректировочного поста. В дальнейшем этот опыт предполагалось применить для обучения других кораблей эскадры стрельбе с использованием корректировочных постов.

Стрельба по береговым целям хотя и входила в довоенную программу боевой подготовки, но не считалась главной задачей, и поэтому ее приемы совершенно не соответствовали реалиям современной войны, особенно на Черном море, где такой вид боевой работы в условиях незначительной активности румынских, итальянских и немецких военно-морских сил неизбежно становился основным. А при активных действиях противника на прибрежных театрах и возникновении с начала августа непосредственной угрозы для баз Черноморского флота огневая поддержка собственных войск становилась не только основной, но и жизненно важной. Ведение огня по площадям — единственный метод стрельбы по наземным целям, которому были обучены команды всех крупных боевых кораблей Черноморского флота — подходил только для нанесения ударов по базам и оборонительным позициям противника. Для ведения огня по полевым войскам противника и особенно для поражения его техники и артиллерии он совершенно не годился.

И события первых месяцев войны это ясно показали. Так, 19 августа «Ташкент» вместе с другими кораблями второго дивизиона эсминцев при возвращении из рейда *«по поиску и уничтожению кораблей и транспортов противника в западной части Черного моря»*, в районе деревень Мешанка, Михайловка и Визирка с дистанции в 90 кабельтовых обстрелял наземные войска противника, ведя огонь по площадям и не добившись заметных результатов.

Опыта ведения огня с использованием выносных корректировочных постов корабли Черноморского флота не имели, так как до войны никто не мог предположить, что возникнет необходимость в ведении широкомасштабных оборонительных действий, тем более при поддержке флота.

Первыми к использованию корректировочных постов на Черноморском флоте прибегли там, где это больше всего требовалось, — в Одессе. После успешных корректировок огня, проводившихся в отряде кораблей Северо-западного района, этот метод решено было как можно быстрее освоить и новыми кораблями Черноморского флота, обладавшими и более высокой маневренностью, и более значительной дальностью орудий. Под наблюдением помощника флагманского артиллериста эскадры такие стрельбы, которые должны были

явиться образцовыми, было решено провести на лидере «Ташкент» и применить полученный опыт на других новых кораблях флота.

Корректировочный пост был подготовлен на «Ташкенте» еще во время перехода. В его состав вошли командир группы управления БЧ-2 лейтенант Борисенко, два радиста, Фишич и Скворцов, и выделенный для огневого прикрытия краснофлотец Чашин, имевший ручной пулемет Дегтярева. Корректировщики были еще затемно высажены корабельным баркасом и скрытно вышли в назначенную им точку побережья.

По прибытии корабли перешли в оперативное подчинение командира отряда кораблей Северо-западного района Черного моря контр-адмирала Вдовиченко, который в середине дня сам поднялся на борт «Ташкента», чтобы понаблюдать за применением новых оружейных башен «Б-2ЛМ», установленных на лидере накануне войны. В 15.40 лидер покинул внешний рейд Одесского порта и направился в район Дофиновки в сопровождении одного из эсминцев. Эсминец занял позицию в 65 кабельтовых от берега и приступил к боевому маневрированию на артиллерийском зигзаге.

Получив от корректировочного поста исходные данные, в 16.00 лидер произвел первый залп. От корректировочного поста по радиации поступило сообщение что *«залп упал в расположении противника»*.

После двукратного внесения поправок «Ташкент» с четвертого залпа перешел на поражение целей беглым огнем. Ведя интенсивную стрельбу с 15-секундными промежутками между залпами, благо 130-мм 2-орудийные башенные артустановки лидера (168) могли при необходимости развить и втрое большую скорострельность.

Беглый огонь оказался довольно эффективным — на корабль поступили донесения об уничтожении 6 вражеских автомашин, прежде чем румынская техника с похвальной быстротой успела эвакуироваться из зоны обстрела.

После этого лидер перешел на стрельбу шрапнелью, так как в зоне действия осталась только вражеская пехота. Румыны как могли начали противодействовать работе корректировочного поста. Район его предполагаемого места нахождения был обстрелян из минометов, а в эфир вышел лжекорректировщик, который стал передавать на «Ташкент» не верные координаты. Корпост вынужден был передать что *«действительны только сообщения с фамилиями своих радистов»*. После этого каждая корректура сопровождалась импровизированным «паролем»: *«Королеву... Мухину... Козленке... Айзину...»*. Исчерпав все знакомые фамилии, радисты корпоста в конце концов перешли на

свои собственные: «*Фишичу... Скворцову...*», но к этому времени вражеский радист уже прекратил свои передачи.

В 16.34 вблизи лидера разорвались два снаряда желтоватого дыма, которые командиром БЧ-2 старшим лейтенантом Новиком были классифицированы как «*снаряды бризантного действия, калибр дюйма четыре-пять*». Из второй башни доложили, что огонь ведется из лесопосадки, но обнаружить батарею наблюдательные посты лидера не смогли. Лидер артиллерийским зигзагом вышел из зоны обстрела. По приказу контр-адмирала Вдовиченко эсминца «Смышленный» и два малых охотника поставили дымзавесу.

После этого лидер предпринял попытку обнаружить батарею, маневрируя в 80 кабельтовых от берега. Однако батарее удалось пристреляться по лидеру раньше, чем наблюдатели успели ее засечь. «Смышленный» опять выставил завесу, и «Ташкент», выйдя из зоны обстрела, снова повторил попытку, подойдя к берегу теперь уже на 70 кабельтовых.

На этот раз румыны не успели добиться накрытия лидера. Их снаряды еще продолжали ложиться с недолетом, когда отсветы залпов батареи были обнаружены дальномерщиком Подгорным и командиром БЧ-2 «Ташкента», старшим лейтенантом Новиком. После того как батарея была обнаружена, ее стал наблюдать и корректировочный пост. Лидер сократил расстояние до 54 кабельтовых и повел беглый огонь из всех башен. В 17.03, после 97 снарядов, выпущенных с начала переноса огня на район действия батареи, румынские артиллеристы перестали отвечать, и лидер прекратил стрельбу, после чего «Ташкент» ушел в Одессу, не рискнув в виду неприятеля снимать корректировочный пост.

Ход боя произвел сильное впечатление на командира Северо-западного района Вдовиченко. Контр-адмирал объявил благодарность экипажу лидера и приказал передать семафором на все корабли соединения: «*Учитесь стрелять и вести себя под огнем противника у лидера "Ташкент"*». Личный состав корректировочного поста, не понеся потерь, к ночи смог вернуться на лидер.

Однако уверенности в том, что батарея противника подавлена, у командования не было, и эсминца «Фрунзе» как имевший наибольшие успехи в контрбатареинной борьбе получил задание установить точное местоположение батареи, обстрелявшей «Ташкент», и направился в район, из которого ушел лидер. При приближении эсминца румынская батарея снова возобновила огонь. Командир «Фрунзе», капитан-лейтенант Бобровников, никогда не запрашивавший в подоб-

ных случаях поддержки одесских береговых батарей, отдал приказ лечь на курс сближения с целью. Эсминец завязал с батареей огневой бой, и вскоре румыны прекратили огонь. Однако позднее огонь по эсминцу был открыт снова, теперь уже с другой позиции. Открыла ли огонь еще одна батарея или противник сменил позицию на запасную, осталось невыясненным, так как один из первых же снарядов попал в эсминец на стыке борта и палубы в районе машинного отделения. В месте попадания снаряда образовалась пробоина, но повреждений внутренних механизмов корабля при проведенном осмотре обнаружено не было. Осколками снаряда был убит один краснофлотец и ранено еще четыре члена экипажа, в числе которых оказался и сам Бобровников. Осколок снаряда залетел на мостик, попав в спину командиру эсминца.

«Фрунзе» прекратил бой и, поставив дымзавесу, ушел в базу. За ночь пробоина была заделана, а в полночь из военно-морского госпиталя, как доложил в штаб базы его начальник Харитонов, *«сбежал раненый командир эсминца Бобровников»*. Утром Бобровников позвонил в штаб базы и, не вдаваясь в подробности, доложил о готовности эсминца к выходу в бой. О своем ранении он говорил лаконично: «На мостике ранило, на мостике и вылечусь». Опасаясь за судьбу эсминца, капитан-лейтенант продолжал командовать кораблем до его возвращения в Севастополь, не желая никому доверить «Фрунзе» в сложных условиях непрерывных налетов авиации противника и артиллерийских обстрелов. Уже в Севастополе Бобровникову стало хуже, и он снова попал в госпиталь, в котором пробыл на этот раз уже почти 4 месяца.

По иронии судьбы, во временное командование «Фрунзе» вступил именно командир «Ташкента», капитан 3-го ранга Ерошенко, корабль которого в это время находился на ремонте и довооружении. Ерошенко, под командованием которого на 30 августа не были вовремя обнаружены самолеты противника, повредившие «Ташкент», и командуя «Фрунзе», поставил эсминец в уязвимое положение, остановив его в момент возможного появления вражеской авиации. В результате рокового стечения обстоятельств корабль, ради которого Бобровников рисковал своей жизнью, был потоплен немецкими пикировщиками через несколько недель после того, как он снова попал в госпиталь.

Вечером на главном корректировочном пункте базы, расположенном на Жеваховой горе, было проведено совещание командующего ООР Жукова с командирами корпостов базы. Командиры постов доложили, что в течение дня противник перешел к активным радиопо-

мехам и *«на русском языке передает микрофоном ложные цифровые данные по корректировке»*. Начальник связи базы Баратов роздал всем постам запасные волны и позывные, а всем радистам было дано указание по примеру «Ташкента» предварять разговор именем или отчеством командира или артиллериста корабля либо корпоста.

На следующий день батарею противника, действующую в перелеске в районе Дофиновки (которая, судя по калибру снарядов, скорей всего являлась полевой), решено было уничтожить. Утром 30 августа лидер вышел на прежние позиции. Правда, в этот раз на нем не пошел не только Вдовиченко. Командир 2-го дивизиона эсминцев капитан 2-го ранга Пермский, обычно державший свой флаг на «Ташкенте», накануне, как вспоминал впоследствии командир «Ташкента» Ерощенко, решил, *«что пойдет завтра не с нами, а на одном из эсминцев»*.

Впрочем, вначале события развивались вполне благополучно: лидер начал вести огонь по предполагаемому месту нахождения батареи, которая через 10 минут ответила, и началась артиллерийская дуэль. Однако румынская батарея и лидер вели друг по другу беглый огонь совсем не долго. Приблизительное ее местонахождение уже было известно, и поэтому после нескольких залпов снаряды лидера упали в расположении орудий противника. 130-мм фугасно-осколочные снаряды дают радиус разлета осколков до 300 м, поэтому после достижения накрытий румынские орудия стали отвечать сначала двухорудийными залпами, а потом и вовсе прекратили огонь, после чего дальномерный пост лидера сделал вывод, что *«две вражеские пушки уничтожены, а две другие, по-видимому, повреждены»*.

Обрадованный командир лидера приказал переносить огонь на другие цели. Лидер продолжал обстрел противника, поддерживая своим огнем погранполк в Восточном секторе и маневрируя на малом (169) ходу. При этом корабль, хотя и находился в готовности №1, фактически не был готов к эффективному отражению воздушного налета. Это объяснялось тем, что в машинном отделении лидера работали только 2 котла — 2-й и 3-й, а еще 2 котла — 1-й и 4-й находились в холодном состоянии, а главные турбозубчатые агрегаты работали на экономической группе сопел и могли обеспечить «Ташкенту» скорость не выше 24 узлов. В случае боя с авиацией противника корабль лишался своего главного преимущества — маневрирования на высокой скорости.

Но дальше случилось то, что не раз бывало летом 1941 года на кораблях Черноморского флота. Скорей всего во время боя по гром-

кой связи велась трансляция докладов с боевых постов, в то время это практиковалось часто, и такая трансляция велась и в предыдущий день, 29-го августа, и весь экипаж увлеченно слушал ее, забросив наблюдение за воздухом — как это позже случилось с «Беспощадным».

Лидеру опять удалось добиться успехов — под его огневым прикрытием погранполк смог оторваться от румын, организованно отойти и закрепиться на новых позициях. Как вскользь упоминает в своих мемуарах ЧВС ООР Азаров: «*Стрельба велась интенсивно и успешно, все увлеклись ею*». В результате три «Ю-88», зашедшие со стороны солнца, получили возможность внезапно атаковать лидер с горизонтального полета под курсовым углом 90° на высоте 4000 м. Самолеты противника были обнаружены с большим опозданием. С задержкой была объявлена и «воздушная тревога».

Командир корабля Ерошенко в 15.45 получил доклады о том, что «*самолеты противника в зените*» от командира отделения старшины 2-й статьи Цепина и сигнальщика Гордиенко не за 3 минуты до сброса ими бомб, как это указывается в официальных документах, а одновременно с открытием зенитного огня. Услышав сопровождающийся грохотом зенитных автоматов доклад, Ерошенко сразу поставил рукоятки машинного телеграфа на «полный вперед» и выскочил на левое крыло мостика.

Огонь корабельных зенитчиков был не особенно эффективен. Экипаж корабля еще не имел достаточного боевого опыта, а до войны методы обучения сильно отставали от требований современного боя. Расчеты орудий обучались стрельбе по целям, летящим на относительно небольшой высоте и с низкой скоростью. Немцы же летали и выше, и гораздо быстрее. Но даже при таких упрощенных условиях ведения огня требования к расчетам постоянно занижались, что сильнее всего ощущалось в оценке результатов учебных стрельб. Сами стрельбы также проводились в недостаточном количестве, так как корабль покинул док только 22 июня.

Если разрывы снарядов проецировались на буксируемом рукаве, за стрельбу уже ставилась хорошая оценка. Если же в конусе обнаруживались пробоины, стрельба получала отличную оценку. Стрельба же по противнику, выполняющему какие-либо боевые маневры, не отрабатывалась вообще.

Увидев, в каком направлении ведут стрельбу зенитки, Ерошенко отдал команду «право руля». Корабль стал увеличивать ход, корма пошла влево. «Юнкерсы» уже сбрасывали бомбы. Уклониться от всех сброшенных на него бомб «Ташкент» уже не успел. Одна из

12 250-кг бомб разорвалась вблизи кормы корабля по правому борту в районе 192—205 шпангоутов, между корпусом лидера и местом выхода гребного вала.

Корпус «Ташкента» получил сильнейшее сотрясение от мощного гидродинамического удара. Лидер резко отбросило влево, а на верхнюю палубу обрушились мощные потоки забортной воды. Погасло освещение, стала плохо действовать рулевая машина, начал резко нарастать дифферент на корму, увеличившись сразу на 0,15 м. Тяжело поврежденный корабль почти остановился, и если бы немцы смогли повторить налет, то «Ташкент», скорей всего, был бы потоплен. Но разгрузившаяся тройка «юнкерсов» улетела, а нового налета не последовало.

Началась борьба за живучесть корабля, основная тяжесть которой в основном легла на наиболее пострадавшую при взрыве электромеханическую боевую часть (170) лидера.

На КП-1 БЧ-5 после взрыва из энергопоста начали поступать доклады о том, что по правому борту в районе 192—205 шпангоутов образовалась пробоина, о полном затоплении кубриков № 4 и № 5, а также о начинающемся поступлении воды из кубрика № 4 в помещение старшин и оттуда — в артиллерийский погреб № 3 через люк. Часть личного состава БЧ, находившаяся в кубриках, покинула затпливаемые помещения через верхний люк, часть — через помещение старшин. Скоро выяснилось, что в кубриках погибли два машиниста-турбиниста, несколько человек ранено, один пропал без вести — машиниста Лаушкина выбросило взрывной волной через пробоину из кубрика № 4 за борт. Нахождение части личного состава БЧ в момент разрыва бомбы в кубриках также указывает на то, что боевая тревога, скорей всего, была объявлена с опозданием.

Правда, как оказалось позже, Лаушкин не только остался жив, но даже не пострадал. Выброшенный за борт взрывной волной, он очутился в водовороте и, вынырнув из него, обнаружил, что лидер медленно движется в сторону порта. Сгоряча матрос попытался догнать корабль, но когда понял, что это бесполезно, сбросил с себя все, кроме тельняшки и трусов, и оставив сумку с противогозмом, не торопясь, поплыл в сторону берега. Однако через три часа матрос устал и стал просто держаться на воде, ожидая, когда восстановятся силы и он сможет плыть дальше. В это время его обнаружил шедший мимо малый охотник, подобрал из воды и доставил на «Ташкент». На вопрос, почему он не бросил противогоз, матрос ответил, что боялся потерять боевое имущество...

Корабль плохо слушался руля — как выяснилось позже, сильным гидродинамическим ударом был поврежден гидравлический привод. Нарастал дифферент на корму.

При взрыве в носовом машинном отделении у щита турбогенератора № 2 выбило два максимальных автомата, вследствие чего погас свет. Автоматы были быстро включены вахтенным электриком. У некоторых электромеханизмов (171), питавшихся от этого щита, выбило минимальные автоматы. На щитках значительно нагруженных турбогенераторов № 1 и № 2 наблюдалось сильное искрение. У маслооткачивающего электронасоса в правом коридоре валопроводов были оторваны крышки электромотора, произошло короткое замыкание и начала гореть изоляция. Только быстрое снятие питания предотвратило пожар.

При взрыве бомбы пострадали и насосы откачки масла от подшипников главных турбозубчатых агрегатов, судовая вентиляция, кормовой и носовой швартовные шпили, автоклавные и нефтеперекачивающий насосы и различное электрооборудование. Внешний осмотр «Ташкента» показал, что на полубаке появился поперечный гофр: сталь собралась в складки, когда корму подбросило взрывом, в этом месте оказалась деформирована и палуба. Это грозило надломом корпуса корабля. Также в месте взрыва бомбы оказалась повреждена и часть надстроек.

Прежде всего восстановили питание рулевой машины, переключив ее на левый телемотор, а управление перенесли на запасной командный пункт на кормовом мостике. Электрики переключили автоматы на щите турбогенератора № 2, обеспечив освещение корабля. На боевых постах восстановили давление пара, включили главный и два переносных эжектора для осушения погреба № 3. Но осушить его не удалось из-за поврежденной переборки на 176 шп., и уровень воды в погребе не опустился ниже половины высоты. По распоряжению командира БЧ-5 личный состав, подкрепил переборки в румпельном, дизель-генераторном отделениях, в кормовом машинном отделении и в помещении коридора валопроводов. Полностью затопленными оставались трюм в районе повреждения и кубрик № 5, частично — кубрик № 4 и погреб № 3. Из-за опасности повреждения гребных валов ход смогли дать не более 12 уз.

Командир БЧ-5, инженер-капитан 3-го ранга Сурин, доложил на ГКП о состоянии корабля и о возможности следовать своим ходом. Командир лидера Ерошенко решил возвращаться в Одессу самостоятельно, и в 17.30 лидер, шедший 12-узловым ходом, добрался до Воронцовского маяка.

Помимо доклада о повреждении лидера, сделанного штабу базы его командиром Ерошенко, о бомбежке лидера доложил и рейдовый наблюдательный пост, лаконично сообщив: «*Самолеты бомбят "Ташкент"*». У входа в гавань лидер уже встречали спасательное судно «Шахтер» и высланные командованием базы буксиры, с ближайшего из которых был передан семафор: «*Прошу застопорить ход, будем вводить в гавань*».

На это Ерошенко приказал ответить: «*Благодарю. Входить буду сам. На всякий случай держитесь поблизости*». Отказавшись от помощи буксиров и в базе, Ерошенко медленно подвел поврежденный лидер к причалу.

К борту лидера сразу же подошел водолазный бот спасательного отряда Одесской ВМБ, направленный командованием базы для осмотра лидера после получения доклада его командира. Осмотрев подводную часть корабля, водолазы доложили, что рули, гребные винты и валопроводы «Ташкента» находятся в неповрежденном состоянии. В обшивке правого борта обнаружена вмятая пробоина размером два на четыре метра, а палуба кубрика № 4 разорвана и поднята вверх на половину высоты.

К этому времени о случившемся было доложено командованию Черноморского флота, которое, как и командование других флотов, несло персональную ответственность за все новые корабли. В ответ из Севастополя последовал запрос, сможет ли «Ташкент» своим ходом прийти в главную базу флота. После чего на лидер прибыли находившийся со вчерашнего дня в Одессе заместитель наркома ВМФ вице-адмирал Левченко, командующий Одесским оборонительным районом контр-адмирал Жуков, ЧВС ЧФ Кулаков, ЧВС ООР Азаров, командир отряда кораблей северо-западного района Черного моря, контр-адмирал Вдовиченко и флагманский инженер-механик отряда кораблей Северо-западного района, инженер-капитан 3-го ранга Селихов.

Левченко поинтересовался у командира «Ташкента» об обстоятельствах повреждения лидера:

«— Так с какой высоты вас бомбили?

— Не меньше четырех тысяч метров. Может быть, больше.

— По самолетам стреляли?

— Да.

— И что дало?

— Ничего...»

Затем Ерошенко доложил Жукову, что главным повреждением корабля является пробоина в кормовой части размером 8—10 м².

Жуков заслушал и доклад водолазов о повреждениях подводной части корабля, убедившись, что величина пробоины командиром «Ташкента» несколько завышена. Заслушав также доклады командира электромеханической боевой части и флагманского механика отряда, высокое начальство, посоветовавшись, пришло к выводу, что корабль сможет дойти до Севастополя, так как *«пострадали лишь вспомогательные механизмы и арматура»*. Официально решение «Ташкенту» на переход дали командующий Одесским оборонительным районом контр-адмирал Жуков и флагманский инженер-механик Северо-западного района инженер-капитан 3-го ранга Селихов.

Несмотря на то что впоследствии выяснилось, что объем повреждений, полученных кораблем, значительно увеличился за время перехода в Севастополь, решение ВС ЧФ провести ремонт лидера в Севастополе на Севморзаводе все-таки было оправданным, так как ремонтные возможности Одесской военно-морской базы были сильно ограничены и не годились для устранения подобных повреждений корпуса корабля. Оба одесских судоремонтных завода также не могли выполнить подобный ремонт, так как их оборудование уже было в значительной степени эвакуировано. Лидер начали срочно готовить к переходу в главную базу: на пробоину завели пластырь, укрепили старые и установили новые подпоры, установили дополнительные насосы для откачки воды. С трудом удалось повернуть кормовую и носовую турбины при двойной мощности валопроводного устройства. Было исправлено рулевое управление и установлено наблюдение за соленостью в цистернах котельной и пресной воды.

К 23 часам аварийные работы на лидере были закончены. К этому времени на корабль вернулись корректировщики, которые после ухода лидера не смогли вернуться также благополучно, как вчера, и имели в этот раз раненых. В 23 часа 10 минут лидер «Ташкент» был выведен буксирами из базы на внешний рейд и в сопровождении эсминца «Смышленный» и малых охотников МО-4 пошел в Севастополь. Эсминец шел головным, а справа и слева от «Ташкента» следовали малые охотники. Быстроходные корабли выдавала во тьме фосфоресцирующая кильватерная струя, и для маскировки с кораблей бросали в воду дымовые шашки. В 20 часов 09 минут 31 августа «Ташкент» благополучно добрался до Севастополя, где после получения радиogramмы из Одессы о предполагаемом времени прибытия корабля для него уже готовили сухой док.

ПОХОД «ЧЕРВОНОЙ УКРАИНЫ» (26 АВГУСТА—1 СЕНТЯБРЯ)

26 августа командир бригады крейсеров Черноморского флота, капитан 1-го ранга Горшков вызвал командира крейсера «Червона Украина», капитана 2-го ранга Басистого, и приказал готовить крейсер к походу в Одессу, дав на подготовку 2 дня.

Бригада крейсеров в это время находилась в Новороссийске, куда перешла еще в начале июля в соответствии с планом частичного расщедоточения кораблей эскадры из-за постоянной угрозы воздушного нападения. В Новороссийске воздушные налеты были редкими, активного участия в боевых действиях корабли бригады не принимали, и у команды было достаточно времени для усиленной боевой подготовки.

Командир крейсера Басистый практически не имел опыта командования кораблями — ни большими, ни малыми, но зато был одним из немногих, имевших значительный боевой опыт. В течение года находясь в Испании, он последовательно занимал должности советников командира полуфлотилии миноносцев, начальника морского штаба и командующего флотом.

Во время нахождения крейсера в ремонте, в течение полутора лет Басистый при каждой предоставлявшейся возможности стажировался на однотипном крейсере «Красный Крым» у его командира, капитана 2-го ранга Зубкова, выполняя различные задачи и приобретая опыт управления крейсером в различных условиях.

Крейсер к 1 мая 1941 г. закончил ходовые испытания после капитального ремонта, и к началу войны его команда уже успела приобрести некоторый опыт, освоив выполнение стандартных учебных задач и упражнений. С началом войны Басистый уже имел возможность приступить к отработке более сложных задач. Лидер «Ташкент», вступивший в строй только 22 июня, до прихода в Одессу подобных возможностей не имел, так как все время уходило на базовую подготовку и освоение стандартной программы боевой учебы.

Басистый же, используя свой боевой опыт, тратил все свободное время для подготовки крейсера к действиям в реальных боевых условиях.

Артиллеристы учились вести огонь сокращенными расчетами и при выходе из строя командных пунктов проводили специальные тренировки на выносливость расчетов и механизмов при длительном и интенсивном ведении огня. В результате, как показал в дальнейшем опыт боевых действий, подготовка орудийных расчетов оказалась на-

столько высокой, что даже расчет носового орудия крейсера, на который в силу конструктивных особенностей «Червоной Украины» выпадали наибольшие нагрузки при ведении огня, не имел пропусков залпов. А этим не могли похвастаться команды крейсера «Красный Крым», многих эсминцев и лидеров, также вооруженных 130-мм орудиями. Аварийные команды тренировались в тушении различных видов пожаров и заделке любых пробоин. Результатом такой учебы, выходявшей за рамки стандартных программ, являлось не выставление оценок и доклады проверяющим, а корректировка боевых расписаний и пересмотр внутренних инструкций и наставлений.

После получения задачи Басистый, вызвав к себе военкома, старпома и командиров всех боевых частей, определил с ними задачи по подготовке к походу, которые следовало решить за оставшиеся двое суток.

Был подобран комплект свежих карт, отражавших все произошедшие изменения обстановки (особенно это касалось размещения минных полей и нахождения батарей противника), изучены все последние инструкции, поступившие из штаба Черноморского флота по кораблевождению в районах боевых действий, и был проложен наиболее безопасный вариант курса. Была проверена исправность артиллерийских установок и пригодность запасов артиллерийских погребов, все необходимые в боевой обстановке механизмы и в заключение, проведено общекорабельное учение.

Вечером 28 августа крейсер покинул Цемесскую бухту в сопровождении трех эсминцев. До захода солнца крейсер прикрывали истребители из района Новороссийской ВМБ, а с рассветом их заменили истребители, поднявшиеся с аэродрома Тендровой косы, сопровождавшие «Червону Украину» до самой Одессы.

Приблизившись к гавани, крейсер получил разрешение швартоваться у 24-го причала в районе холодильника. Басистый решил, войдя в гавань, отдать якорь и развернуться вокруг него на 180°, после чего поставить крейсер у бетонной стенки носом к воротам гавани, чтобы в случае необходимости покинуть ее с максимальной быстротой.

Поворот в гавани для такого крупного корабля является большой проблемой, даже если он выполняется с отдачей якоря — на него уходит слишком много времени. Командир «Красного Крыма» Зубков в такой ситуации во время своего прихода в Одессу поступал иначе — он швартовался кормой вперед без отдачи якоря и в случае необходимости за 5 минут реверсом покидал базу. Но «Красный Крым» ставили с левой стороны Платоновского мола — т. е. прямо напротив ворот

в гавань. «Червоной Украине» же отвели место значительно дальше, полагая, что холодильник будет служить укрытием от вражеских снарядов. Теперь до этого укрытия еще предстояло добраться.

По закону подлости в самый разгар процесса швартовки румыны возобновили обстрел порта. Вместо того чтобы пойти вправо, приткнуться под холодильник и переждать там обстрел, Басистый отдал якорь сразу за входом в гавань и медленно поворачивал крейсер вокруг него среди падающих снарядов, работая машинами «враздрай». Находившиеся на борту крейсера заместитель наркома ВМФ, вице-адмирал Левченко и командир бригады крейсеров, капитан 1-го ранга Горшков, стоя на мостике, хранили олимпийское спокойствие, ни единым словом не вмешиваясь в действия командира корабля.

Для вице-адмирала Левченко такое поведение не было типичным — бывали случаи, когда он в критических ситуациях своими недобдуманными командами нервировал экипажи кораблей, на которых находился. Так, месяцем позже, когда торпедный катер, доставлявший его на западный берег Крыма, потерпел аварию, вице-адмирал несколько опередил командира катера, сгоряча отдав команду: «Приготовить спасательные средства», после чего услышал в ответ от выбравшегося на палубу старшины: «Какие на хрен средства? У нас тут не крейсер».

Однако все кончилось благополучно, и крейсер отправил на берег свой корректировочный пост под командованием командира дивизиона главного калибра старшего лейтенанта Рабиновича, который, как и все подобные посты крейсеров, имел большой состав и выглядел весьма внушительно. В состав поста входили 8 человек, в том числе 2 радиста с ультракоротковолновой радиостанцией. Матросы, охранявшие радистов и корректировщиков, кроме винтовок имели пулемет и гранаты.

Действовать крейсер должен был в интересах Восточного сектора, ведя огонь по району Ильинки как одному из наиболее удаленных, и поддерживать там 5-й кавполк по заявкам базового корпоста. Корпост крейсера направлялся туда же, но в порядке стажировки должен был обеспечивать огонь поддерживавшего полк эсминца, а обслуживавший его базовый корпост — наоборот, наводить крейсер. В результате командир 5-го кавполка Блинов, совершенно неожиданно для себя заполучивший в качестве средства огневой поддержки впридачу к эсминцу еще и крейсер, звонил в штаб базы и благодарил за проявленное внимание. Высадив корпост и доставленный из Новороссийска разведотряд моряков, крейсер покинул гавань и располо-

жился на внешнем рейде, стараясь держаться поближе к Восточному сектору.

Здесь уже находился лидер «Ташкент», который сопровождали старые эсминцы «Фрунзе», «Незаможник» и «Шаумян». При подходе крейсера «Фрунзе» занял позицию между ним и берегом, что оказалось нелишним, так как корабли, поддерживающие Восточный сектор, вели то затухающий, то снова разгорающийся перманентный бой с румынскими батареями, прилагавшими все усилия, чтобы уменьшить интенсивность их огня по войскам и по возможности втянуть в артиллерийские дуэли.

Такая ситуация повторялась под Одессой изо дня в день и являлась одной из неизбежных особенностей боевой работы кораблей всех типов, действовавших под городом. Если во время боя преимущество оказывалось на стороне батареи и она успевала пристреляться, корабль прекращал огонь и, выставив дымзавесу, менял позицию. Если удача сопутствовала Черноморскому флоту и снаряды накрывали расположение батареи, то последняя прекращала огонь, меняла позицию, и все повторялось сначала.

В этот раз не повезло «Фрунзе». Около эсминца встали близкие всплески разрывов, он выставил завесу и под ее прикрытием отошел подальше, сменив позицию. Тем временем на «Червоной Украине» установили связь с корпостом базы и, находясь в 125 кабельтовых от цели, повели пристрелку одной башней. После второго залпа корпост радировал: «Снаряды ложатся точно, просим усилить огонь». Тогда крейсер перешел на беглый огонь из всех орудий одного борта, развив максимальный темп стрельбы. Через 15 минут с корпоста передали что задача выполнена. В это же время по «Червоной Украине» стала пристреливаться вражеская батарея. Выполнивший задачу крейсер не стал вступать в дуэль и увеличив ход быстро покинул зону обстрела.

Во второй половине дня корпост «Червоной Украины» успели перебросить в 1-й морской полк, откуда он прислал заявку на поражение противника в районе Свердлово.

Крейсер лег на курс параллельно берегу и, пристрелявшись, перешел на беглый огонь из носового и всех бортовых орудий. Но на этот раз одна из румынских батарей среагировала быстрее и сумела пристреляться по крейсеру во время выполнения задачи, пытаясь вынудить крейсер начать активное маневрирование и этим снизить точность и интенсивность стрельбы.

Крейсер имел устаревшее расположение орудий, сохранявшееся с момента его дореволюционной постройки. В отличие от однотипного

«Красного Кавказа», «Червона Украина», как и «Красный Крым», модернизации не прошла. 14 130-мм орудий крейсера, сгруппированные в 4 батареи, имели смешанное палубно-казематное расположение. В период его проектирования Морской генеральный штаб Российской империи считал такую компоновку оптимальной для борьбы с высокоманевренными эсминцами — главными противниками легких крейсеров в то время.

Но при выполнении задач огневой поддержки наземных войск, и особенно при контрбатарейной борьбе, такое расположение орудий создавало значительные трудности, затрудняя маневрирование огнем. Крейсер не мог сосредоточить огонь всех своих орудий на один борт и вынужден был вести бой с использованием орудий только правого или левого борта, при этом стараясь держаться на таком курсовом угле, чтобы противник находился в пределах досягаемости и носовых, и кормовых батарей.

Поэтому крейсер при обстреле наземных целей вынужден был ложиться на курс, параллельный берегу, и через какое-то время менять его на противоположный, чтобы сохранять цель в пределах досягаемости всех бортовых орудий.

Румынские батареи использовали эту особенность крейсера, зная, что смена курса ставит его в невыгодное положение. Вести бой с батареей крейсеру было трудно, так как при смене курса он не только вынужден был прекращать обстрел цели, но и стрелять 3—4 орудиями вместо 8. Однако прекращать обстрел не пришлось. Теперь «Червону Украину» прикрыл эсминец «Смышленный». Имея современные приборы управления огнем и 130-мм орудия, он смог успешно подавить румынскую батарею, несмотря на то что одновременно был атакован и авиацией противника. Неудивительно, что за этот бой эсминцу была объявлена благодарность командующего Приморской армией.

30 августа крейсер работал по району между Старой и Новой Дофиновками. На двух боевых курсах, имея малый ход, крейсер выпустил по цели 80 фугасных снарядов. Один раз крейсер даже попробовал подавить открывшую по нему огонь береговую батарею. Действовала при этом «Червона Украина» предельно осторожно. Попав под обстрел, крейсер выставил дымзавесу, ушел в нее, после чего, выйдя из дыма в другом месте, дал залп носовой батареей правого борта, использовав при этом и 3 казематных орудия, и снова ушел за завесу. По докладам наблюдателей, темп огня батареи после этого значительно снизился. После обеда крейсер вновь стрелял

по району Старой Дофиновки, а также по району Чеботаревки—Ильинки в Восточном секторе обороны.

В 15.45 крейсер «Червона Украина», находившийся недалеко от «Ташкента» стал свидетелем атаки Ю-88 на лидера и попытался прикрыть того огнем своих 100-мм зенитных орудий. После того как бомбы разорвались рядом с лидером и он заметно сбавил ход, Басистый приказал запросить семафором: *«Не нужна ли помощь?»*

Ерошенко ответил: *«В борту пробоина, рули не работают, управляюсь машинами»*, но от помощи отказался. Случай произвел на Басистого сильное впечатление. Командиру зенитного дивизиона поручено было устроить разбор «неудачной стрельбы», хотя никакой вины артиллеристов и наблюдателей крейсера, который, в отличие от «Ташкента», находился в полной боевой готовности, здесь, конечно, не было. Чтобы улучшить наблюдение за воздухом, Басистый разрешил части наблюдателей следить за воздухом, лежа на открытых наблюдательных площадках, и пользоваться при этом затемненными очками.

Такое нововведение оказалось полностью оправданным — именно лежащие наблюдатели сумели обнаружить пикирующие бомбардировщики, пытавшиеся атаковать крейсер со стороны солнца. Перед своевременно обнаруженными самолетами противника была выставлена плотная завеса заградительного огня, преодолеть которую они не смогли, сбросив бомбы со значительным недолетом.

В этот день крейсеру пришлось выполнить и довольно необычную стрельбу, до этого еще ни разу не практиковавшуюся под Одессой. Под вечер командир погранполка Кудряшев доложил в штаб армии, что видит со своего наблюдательного пункта движение колонны противника по Приморскому шоссе в сторону фронта. Начальник артиллерии Приморской армии полковник Рыжи обратился к командованию ОВМБ с просьбой поразить эту колонну огнем морской артиллерии как наиболее мощного огневого средства — чтобы противник понес наибольшие потери до того, как успеет покинуть зону обстрела.

Наиболее подходящим для выполнения такой задачи оказался крейсер «Червона Украина». Его 130-мм орудия имели в боекомплекте снаряды со шрапнелью, разлет которой составлял около полукилометра. Кроме того, с его формарсовой площадки просматривалось движение колонны противника и можно было корректировать огонь. Подобный способ корректировки уже был применен 26 августа крейсером «Коминтерн», но тогда огонь велся не по колонне противника, а по вражеской батарее.

Главный корпост базы передал на крейсер координаты цели, и крейсер дал по колонне 8 орудийных залпов, после чего, самостоятельно корректируя огонь, до темноты прижимал пехоту противника к земле, ведя по ней беспокоящий огонь двумя орудиями.

Вообще у базовых постов, имевших солидный опыт, лучше получалось корректировать стрельбу кораблей, чем это пока могли делать корабельные корректировщики, весь опыт которых не превышал двух-трех дней. Наибольшие сложности у корабельных корпостов возникали при приходе в Одессу сразу нескольких боевых кораблей. Вместе с переговорами кораблей Северо-западного района это создавало значительную путаницу в эфире, и неопытный корректировщик среди 5—9 активно переговаривающихся кораблей иногда не мог сразу найти «свой».

У корпоста «Червоной Украины» возникла отдельная проблема — противник сумел запеленговать ее рацию и повел минометный обстрел корпоста. Один человек был ранен. Проблему частично решили, расположив рацию в укрытии, отдельно от корпоста, и поддерживая с ней связь по телефону. Тем не менее после каждой стрельбы крейсера ей теперь приходилось менять позицию.

В связи с продолжавшимся продвижением румын вдоль побережья возникла и еще одна проблема: корабли, поддерживающие войска огнем, часто скупивались на огневых позициях в каком-то одном участке и без того небольшого Одесского залива, затрудняя друг другу боевое маневрирование под огнем противника и при налетах вражеской авиации. В результате командирам кораблей после получения задач приходилось согласовывать друг с другом и штабом базы предполагаемые районы маневрирования.

31 августа «Черовона Украина» пыталась продолжить обстрел румынских войск в районе Свердлово, но румынская батарея из района Новой Дофиновки, снова начав обстрел, отогнала крейсер, не позволив ему держаться на боевом курсе.

В течение дня крейсер еще 4 раза пробовал провести боевые стрельбы, поддерживая погранполк, но румынская батарея, действующая из района Новой Дофиновки, последовательно пресекала все попытки обстрела побережья. Командиру корабля Басистому пришлось отправить в штаб базы радиограмму о невозможности вести огонь по войскам противника из-за противодействия его батарей.

Один раз одновременно с артиллерийским обстрелом крейсер атаковали и 5 бомбардировщиков Ю-88. Вовремя обнаруженные наблюдателями крейсера, они также не имели никакого успеха, и корабль даже не был задет осколками.

Для нейтрализации вражеской батареи, которая не только мешала вести обстрел противника в Восточном секторе, но и препятствовала разгрузке транспортов в Одесском порту, 1 сентября с разрешения командира бригады крейсеров Горшково, находившегося на «Червонной Украине», было решено провести специальную операцию, с привлечением нового эсминца «Сообразительный», имевшего лучшие средства управления огнем. На всякий случай вражеская батарея была классифицирована как 150-мм и имеющая шесть орудий, но достоверность этих данных вызывает сомнение, так как все три дня крейсер попадал под обстрел на дистанциях не больше 90 кабельтовых от предполагаемого места нахождения батареи противника. Решение о подавлении батареи было принято не случайно. На следующий день к городу должен был подойти очередной конвой транспортов, который мог понести потери от огня тяжелых батарей румын. Ситуация осложнялась и тем, что на борту транспортов находились боеприпасы, которые могли сдетонировать при удачном попадании вражеского снаряда. В случае невозможности подавить противника корабли должны были хотя бы отвлечь его огонь на себя.

Утром 1 сентября к Одессе подошел конвой, в состав которого входили транспорты «Березина» и «Василий Чапаев», охраняемые эсминцем «Беспощадный» и двумя тральщиками. Транспорты под обстрелом прошли в порт и стали под разгрузку, во время которой они представляли из себя неподвижные цели. Так как во время разгрузки вероятность поражения транспортов артиллерийским огнем резко увеличивалась, время начала операции по подавлению батарей было привязано к моменту, когда транспорты должны стать под разгрузку. «Беспощадный», после того как транспорты вошли в гавань, был направлен на помощь «Червонной Украине» и «Сообразительному».

Разгрузка транспортов началась в 10 утра. К этому времени «Сообразительный» и «Червона Украина» заняли огневые позиции, а флагхим базы Букач отдал распоряжение задымить порт. А «Сообразительный» на средних ходах начал обстрел предполагаемого места нахождения батареи. Несколько минут румыны не вели ответного огня, но потом эсминец почти сразу был накрыт шестиорудийным залпом. «Сообразительный» поставил дымзавесу и, выйдя из нее, продолжил огонь по батарее уже на новом курсе. Тогда эсминец стала обстреливать еще одна батарея, расположенная восточнее первой. Переносить огонь эсминца, пристреливавшегося по первой цели, на новую было нецелесообразно. В это время в бой вступил «Беспощад-

ный», открывший огонь по второй батарее. Румынская батарея вынуждена была переключиться на него.

«Червона Украина» во время дуэли эсминцев с румынскими батареями некоторое время держалась в стороне, не вступая в бой, и выжидала, не обнаружат ли себя другие батареи противника. Однако в бой с румынской стороны больше никто не вступал, и командир крейсера Басистый решил вступить в бой, поддержав «Беспощадного». Пользуясь тем, что батарея была занята перестрелкой с эсминцем, крейсер приблизился к батарее на 62 кабельтова и открыл огонь обеими батареями одного борта.

Теперь против двух противников пришлось сражаться уже румынским артиллеристам. Под огнем 12 130-мм орудий крейсера и эсминца они смогли продержаться 18 минут, после чего вынуждены были прекратить огонь. Такая высокая живучесть румынской батареи на своей позиции скорей всего объяснялась тем, что батареи противника находились в этом районе не первый день и, скорей всего, были очень хорошо защищены земляными укрытиями.

Чтобы уничтожить хотя бы одно орудие в такой ситуации, требовалась только прямое попадание. До этого подобная ситуация часто возникала на Дунае при огневых дуэлях береговых батарей Дунайской флотилии с румынскими батареями. Осколки от близких разрывов буквально обсыпали орудийные дворики, но орудия, произведя незначительный ремонт, через несколько часов вновь открывали огонь.

Первая румынская батарея, оставшись наедине с тремя кораблями, сочла за лучшее выйти из боя, не дожидаясь, пока ее подавят. После того как вражеские батареи замолчали, корабли продолжали оставаться на позициях, ожидая возможного возобновления огня. «Червона Украина» на всякий случай снова отодвинулась подальше от берега. Через некоторое время от командования базы поступила заявка на поддержку сухопутных войск. В Восточном секторе в это время продолжались попытки румын захватить мыс Е, дающий возможность прицельно обстреливать причалы Одесского порта. Крейсер же находился слишком далеко от расположенных за мысом районов. Подойдя же к берегу, можно было снова попасть под обстрел румынских батарей.

Командир крейсера принял решение попробовать, в случае очередной попытки румын сорвать обстрел, решить обе задачи одновременно. Носовым и кормовым батареям были поставлены соответствующие задачи, и крейсер направился к берегу. Едва крейсер начал стрельбу по заявке корпоста, как одна из румынских батарей

возобновила огонь, но в этот раз он был недолгим и неэффективным. Отбиваясь от батареи крейсер, не прекращал и обстрел берега. В итоге румыны вызвали авиацию. После этого «Червона Украина» вынуждена была прекратить стрельбу и начать маневрировать курсом и скоростью, отбиваясь от самолетов зенитной артиллерией. Семерка Ю-88 так и не смогла найти благоприятного момента для прицельного бомбометания, и бомбы опять были сброшены в стороне от корабля. Воздушные налеты на крейсера почти всегда оказывались неэффективными в случае, если самолеты противника обнаруживались своевременно, а корабль находился на ходу.

Около двух часов дня одна из вражеских батарей снова начала обстрел гавани. Крейсер, закончивший обстрел берега, смог обрушиться на батарею всеми орудиями одного борта, при поддержке приблизившегося «Сообразительного». На этот раз стрельба двух кораблей привела батарею к молчанию уже за 10 минут. При этом в расположении вражеской батареи был зафиксирован хорошо наблюдаемый взрыв, сопровождавшийся большим облаком дыма. Вероятно, взорвались боеприпасы или емкости с горючим для тягачей. Батарея замолчала, но бой не прекратился. Он продолжался до самого вечера, то затухая, то разгораясь с новой силой. Вражеские батареи, хорошо закопанные в землю, произведя незначительный ремонт, снова открывали огонь. Корабли ушли с позиций только когда поступило сообщение, что транспорты закончили разгрузку.

В ночь на 2 сентября крейсер покинул Одессу, увозя в Севастополь около 70 тяжелораненых, 100 эвакуируемых гражданских лиц, золотые слитки Одесского отделения госбанка и члена Военного совета Черноморского флота Кулакова. Всего за 4 дня нахождения под Одессой крейсером было выпущено 832 снаряда.

ИСТОРИЯ ОДНОГО КОНВОЯ (2 СЕНТЯБРЯ)

Организация эвакуации из Одессы раненых и мирного населения всегда была головной болью командования Одесского оборонительного района. Первые проблемы с эвакуацией начались еще до подхода румынских частей к городу, когда пароход «Ленин», везший из Одессы, по разным версиям, от 1200 до 4000 человек эвакуируемых и призывников, 27 июля при неясных обстоятельствах затонул под Севастополем от сильного взрыва. Была ли это торпеда, выпущенная подводной лодкой, или транспорт подорвался на mine, осталось не-

выясненным. Учитывая, что виновными в катастрофе были признаны военные лоцманы — приговоренный 12 августа военным трибуналом Черноморского флота к расстрелу лейтенант Свистун и старший лейтенант Штепенко, приговоренный «к 8 годам тюремного заключения с отбытием наказания после войны», трибунал скорей всего склонялся к версии подрыва на mine. Сколько человек погибло в этой катастрофе, так и осталось невыясненным. Как записал в своем дневнике командующий Черноморским флотом, вице-адмирал Октябрьский: «29 июля. Принял у себя на БФКП капитана П.Х. “Ленин” тов. Борисенко и нашего военного лоцмана тов. Свистуна. Оба остались живы после той ужасной катастрофы. Очень много погибло женщин, стариков, детей. А сколько? Капитан не знал, сколько на борту у него было людей. Это непостижимо, но это так. Будут уточнять в Одессе. 31 июля. Наконец кое-что уточнили в связи с походом из Одессы на Кавказ ПХ “Ленин”. Все шло по линии гражданской и Морфлота. П.Х. “Ленин” взял на борт около (точно никто не знает) 1250 пассажиров и 350 тонн груза (цветные металлы в слитках). На борт прибыл наш военно-морской лоцман тов. Свистун, и П.Х. “Ленин” вышел из Одессы. По всем данным, ориентировочно погибло до 900 человек...»

Для сопровождения транспортов постоянно не хватало боевых кораблей, которых с увеличением интенсивности налетов вражеской авиации требовалось все больше. В августе штаб Черноморского флота попытался частично решить эту проблему, направив в Одессу отряд шхун под командованием капитан-лейтенанта Корнеева для эвакуации населения в ближайшие не занятые противником порты побережья, в основном в Крым. Командование Одесской военно-морской базы отменило эвакуацию по этим направлениям, сочтя крымские порты не приспособленными для приема эвакуируемых, и предпочло продолжать эвакуацию на Кавказ большими транспортами.

В дальнейшем к эвакуации шхунами и сейнерами все-таки вернулись, но произошло это уже позже, во время обороны Севастополя, когда налеты вражеской авиации приняли крайне ожесточенный характер. Как показала практика, такой способ эвакуации все-таки оправдал себя, так как маленькие верткие суда меньше привлекали к себе внимание авиации противника и гораздо реже становились ее жертвами.

Если в июле транспорты, следуя в составе конвоя из нескольких вооруженных судов, могли обходиться без прикрытия боевых кораблей, то в августе транспорты могли следовать из Одессы в Севасто-

поль и на Кавказ, только имея сильное охранение. Однако обеспечить такое охранение по мере ухудшения обстановки становилось все более непросто.

2 сентября из Одессы должен был отправляться очередной крупный конвой в составе транспортов «Крым», «Армения» и «Василий Чапаев», вывозивших 7 тысяч человек. Организовать его прикрытие оказалось сложнее, чем обычно. Накануне вечером в Севастополь ушел крейсер «Червона Украина» в сопровождении эсминца «Шаумян» и канонерской лодки «Красный Аджаристан», отправлявшихся на ремонт.

В связи с полученным предупреждением командующего флотом о появлении вражеских торпедоносцев тихоходные перегруженные транспорты отправлять с крейсером не стали, чтобы не ограничивать его подвижность, и теперь возник вопрос: какие силы Одесская военно-морская база может выделить для их прикрытия? Положение усугублялось еще и тем, что в связи с опасностью торпедных атак Октябрьский требовал и особого усиления охранения судов с пассажирами (как поступающих пополнений, так и эвакуируемых).

Командование базы, учитывая возросшую угрозу от вражеской авиации, решило выделить в охранение эсминцы «Сообразительный» и «Беспощадный» как имеющих сильную зенитную артиллерию. Однако эсминцы отличались не только зенитной артиллерией. Они имели и мощные 130-мм орудия, осколочно-фугасные снаряды которых с радиусом разлета осколков около 300 м легко прижимали пехоту противника к земле. Такое решение неожиданно вызвало многочисленные возражения. Первым забеспокоился флагманский артиллерист базы, капитан 2-го ранга Филиппов и, придя к заместителю начальника штаба базы Деревянко, сообщил, что возможностей береговых батарей не хватит для обеспечения стабилизации фронта в такой обстановке.

Договориться с Филипповым, отвечающим только за огневую поддержку пехоты, оказалось довольно просто. Деревянко успокоил Филиппова, сообщив ему, что *«у Вас две канлодки, эсминец и дадим еще крейсер “Коминтерн” и сторожевой корабль “Кубань”»*. Флагманский артиллерист базы дальше возражать не стал, но присутствовавшим при разговоре начальнику штаба Приморской армии Крылову и командующему артиллерией армии Рыжи этих аргументов оказалось недостаточно.

Начальник штаба армии, лучше флотских штабистов знавший обстановку, складывающуюся на передовой, был предельно резок в своих суждениях:

«Вы, товарищ Деревянко, за эти полдня оторвались от сухопутного фронта. Три часа назад противник крупными силами ударил встык морского и пограничного полков и вклинился в нашу оборону, продвинувшись на километр. Это в районе злополучной высоты 53,0, с которой враг прорвался на 21-ю батарею. Все может повториться. Фланги полков открыты, и их нечем сомкнуть. Резервов нет. А Вы со своим предложением вроде второго удара по командованию армии».

Теперь, в свою очередь, не выдержал Филиппов, недавно сам протестовавший против решения командования базы:

«Но это Вы неудачно, товарищ Крылов, выразились. Вы просто не представляете, какая угроза появилась на море — торпедоносная авиация. А на судах тысячи беспомощных...»

Крылов не дослушал Филиппова до конца, предложив:

— *«Идемте к командарму».*

Однако командарм Софронов, к которому прибыли все заинтересованные стороны, ничего решать не стал, а отправился к командующему ООР контр-адмиралу Жукову. Пока командование армии согласовывало этот вопрос с командованием ООР, Деревянко отправился к командиру ОМВБ контр-адмиралу Кулишову, сообщив ему о произошедшем разговоре и своем плане организации огня на завтра. Выслушав его, Кулишов сказал только: *«Мы очень рискуем, снимая с фронта сразу два новых эсминца»*, однако решения никакого не принял и связался по телефону с Жуковым. Жуков, которому на этот момент были уже известны мнения и армии, и флота по поводу снятия эсминцев с передовой и отвечающий как за удержание сухопутных рубежей, так и за отправку конвоев, решения, тем не менее, принимать не стал и решил, что по такому вопросу необходимо решение Военного совета.

Но и Военный совет не торопился брать на себя ответственность в вопросе, неверное решение которого легко могло обернуться крупной катастрофой на море или не менее серьезным прорывом противника на суше. Член Военного совета, дивизионный комиссар Воронин был за то, чтобы задержать оба эсминца на сутки, а другой член Военного совета, секретарь Одесского обкома, бригадный комиссар Колыбанов заявил, что полагается на решение Жукова.

Жуков, впрочем, решения по существу вопроса так и не принял, резюмировав, что в этом вопросе командиру базы надлежит действовать самостоятельно, обязательно обеспечив поддержку пехоты. Таким образом круг замкнулся на Кулишове. В конце концов его реше-

нием были сформированы три конвоя (172). В охранение двух конвоев были назначены по новому эминцу, а третий охраняли 4 малых охотника. Командование первыми двумя конвоями было возложено на командиров эсминцев Воркова и Негоду. А третьим командовал командир дивизиона малых охотников Гнатенко.

Эсминцы были отозваны с позиций. На конференции командиров боевых кораблей и капитанов транспортов, проведенной капитаном 3-го ранга Деревянко, был дан подробный инструктаж по вопросам уклонения от атак торпедоносцев и выпущенных торпед и по отражению налетов противника огнем.

С наступлением темноты конвои вышли. Отразив в пути несколько незначительных атак авиации противника, все они благополучно прибыли в кавказские порты.

Однако опасность нападений торпедоносцев была абсолютно реальной, и не всем транспортам удалось ее избежать. Почти через месяц, 3 октября самый крупный и быстроходный из всех черноморских транспортов «Днепр» вышел из Новороссийска в Севастополь, откуда он должен был направиться дальше в Одессу, чтобы принять участие в эвакуации частей Приморской армии. Транспорт следовал в составе конвоя вместе с транспортами «Абхазия» и «Чехов» под охраной эсминца «Смышленный» и тральщика «Якорь».

Перед отправлением конвоя командиры всех кораблей возражали против порядка его следования, утвержденного штабом Новороссийской военно-морской базы. Капитаны просили разрешения выходить из порта не северным фарватером, как им это предписывалось, а южным — подальше от зоны действия торпедоносцев, и не во второй половине дня, а с заходом солнца, чтобы к рассвету быть вне опасного района. Командир «Днепра» (173) капитан 3-го ранга Моргунов, кроме того, просил разрешения не включать его в общий конвой вместе с тихоходными транспортами, а используя большую скорость судна, выйти вместе с эсминцем «Смышленный» с наступлением темноты южным фарватером и на полном ходу проскочить за ночь подальше от опасной зоны. В этом был свой резон, так как «Днепр», значительно превосходивший по размерам остальные корабли и способный за один рейс перевозить 5—6 тыс. человек, неизбежно привлекал внимание вражеской авиации.

Однако к мнениям командиров в штабе не прислушались, и конвой покинул базу в точном соответствии с принятым планом. В сумерках, в 19 часов 20 минут юго-западнее мыса Утриш транспорт был атакован шестью торпедоносцами противника, атаковавшими

на малой высоте с дистанции около 1000 м. Заградительный огонь эсминца в таких условиях оказался неэффективным. Командир корабля Моргунов на полном ходу сумел уклониться от 5 торпед, но последняя попала прямо в среднюю часть транспорта. Через 10 минут «Днепр», получивший тяжелые повреждения, ушел под воду. Тральщик «Якорь» подобрал из воды 163 человека. При взрыве торпеды на транспорте погибло 40 моряков, в числе которых оказались командир корабля Моргунов и комиссар корабля Бубличенко.

ЗЛОКЛЮЧЕНИЯ «БОЙКОГО» И «КРАСНОГО КАВКАЗА» (4—11 СЕНТЯБРЯ)

4 сентября в Одессу впервые пришел эсминец «Бойкий», доставивший в Одессу 50 пулеметов, 500 автоматов и отряд моряков-добровольцев — целое богатство по меркам испытывавшей значительные трудности с оружием и людьми Приморской армии.

Командир корабля капитан-лейтенант Годлевский, ставший впоследствии одним из самых опытных и заслуженных командиров эсминцев на Черноморском флоте, на тот момент еще не имел достаточного опыта боевых действий. Эсминец подошел к Одессе уже после восхода солнца, был обнаружен румынскими батареями, вызвавшими авиацию, и в итоге попал еще на фарватере и под обстрел, и под бомбежку авиации.

После этого штаб базы устроил эсминцу придирчивую проверку, но ничего кроме мелких недостатков не обнаружил и допустил к ведению огня. Годлевский направил корпост под командованием лейтенанта Беленького в район межклиманья и вскоре доложил в штаб базы: *«Мой корпост с фронта вызывает меня для ведения огня в поддержку Осипова».*

Однако получить разрешение выйти на позицию эсминцу не позволили совершенно неожиданные трудности. В штаб базы поступила радиограмма командующего флотом вице-адмирала Октябрьского, адресованная командиру базы Кулишову и — в копии — начальнику ООР Жукову, выдержанная в довольно резких тонах. В радиограмме говорилось, что нельзя превращать корабельную артиллерию в полковую и ставить ей задачи по поддержке пехоты.

Сам факт получения подобной радиограммы скорей всего был связан с персональной ответственностью командующего за новые корабли, которую несли перед Ставкой командующие всеми флотами.

Поэтому современные корабли использовались крайне ограниченно и с большими предосторожностями, любой их ввод в бой всегда тщательно обосновывался.

Вопреки сложившейся практике радиограмма не была подписана ЧВС Черноморского флота Кулаковым и косвенно противоречила решению Военного совета флота биться за Одессу до последнего снаряда. Пока работники штаба базы разбирались во всех этих нюансах и решали, с кем следует связаться для решения подобного вопроса, в штаб базы неожиданно позвонил командующий ООР контр-адмирал Жуков и поинтересовался: «Почему *“Бойкий”* отстает в гавани?», на что услышал следующий ответ заместителя начальника штаба базы:

«У меня на руках только что полученная радиограмма комфлота на Ваше имя, содержание которой исключает разговор на эту тему», после чего был немедленно вызван в штаб ООР вместе с радиограммой.

Прочитав радиограмму, Жуков не стал принимать по ней какого-либо решения, а передал ее для ознакомления находившемуся в это время в Одессе заместителю наркома ВМФ вице-адмиралу Левченко. Левченко оставил в силе распоряжение о поддержке пехоты, пояснив, что решение об использовании кораблей эскадры ЧФ, придаваемых базе, по-прежнему остается в компетенции ее командования и заодно приказал вынести выговор начальнику штаба базы, усмотрев в его действиях по выполнению приказа командующего флотом превышение власти.

Пока высокое начальство решало, что делать с радиограммой командующего флотом, командир «Бойкого» Годлевский по собственному почину делал все от него зависящее, чтобы сэкономить время после получения разрешения на открытие огня. Связавшись по телефону с корпостом, он запросил координаты цели и приказал приготовить расчетные данные для открытия огня от Воронцовского маяка.

Получив разрешение вступить в бой, эсминец в течение пяти минут снялся со швартовов и уже в воротах порта произвел первый залп по врагу — впервые за всю историю Одесской обороны. Вступив в бой, «Бойкий» не выходил из него 4 дня, хотя и получил за это время 18 пробоин.

6 сентября свидетелем стрельбы эсминца стал сам командующий флотом, прибывший в Одессу на лидере «Харьков». Лидер, у которого во время перехода вышел из строя один котел, вынужден был уменьшить ход и не успел добраться до базы затемно. На рассвете в

ворота порта, хорошо пристрелянных румынами, лидер был накрыт огнем батарей противника, получил повреждения, и на нем появились раненые. Катерам пришлось прикрывать «Харьков» дымзавесой, а эсминцам — подавлять румынские батареи огнем.

Во время пребывания в Одессе Октябрьский несколько изменил свое мнение об огневой поддержке новыми кораблями войск Одесского оборонительного района. После «Бойкого» в Одессу пришел еще более современный эсминец — «Способный», закончивший государственные приемные испытания только 22 июня. Эсминец пробыл в базе 6 дней, правда, применялся он довольно осторожно: за все время пребывания под Одессой им было выпущено всего 77 130-мм снарядов — примерно столько, а иногда и больше выпускали лидер или эсминец всего за один день.

10 сентября те же проблемы снова возникли с приходом в Одессу крейсера «Красный Кавказ». «Красный Кавказ» благодаря глубокой модернизации был значительно более современным кораблем, чем остальные крейсера типа «Светлана», и командование флота оберегало его наравне с лидерами и крейсерами предвоенной постройки. Октябрьский запретил вводить его в гавань. Для такого распоряжения имелись две причины: ворота в гавань были уже хорошо пристреляны румынской артиллерией, и при входе и выходе из нее корабли часто получали пробоины, особенно если это происходило в светлое время суток. Так были повреждены лидер «Харьков» и эсминец «Дзержинский». Кроме этого, с 7-го сентября начались ночные бомбежки порта.

Другие боевые корабли во избежание риска повреждений также старались держаться на рейде, входя в гавань лишь в случае крайней необходимости. Топливо и продовольствие им стали подавать прямо на рейд. Координаты района стрельб, номер и позывные корректировочного поста и приказы на конвоирование судов также отдавались в основном по радию. Все это несколько снижало риск получения повреждений от артиллерийского огня, но почти не уменьшало опасность поражения вражеской авиацией в светлое время суток. Крейсер же своим заметным за многие мили силуэтом неизбежно привлекал внимание румынских наблюдателей.

Чтобы его не разбомбили, пришлось отвлечь с фронта часть и без того немногочисленных истребителей. Авиационным прикрытием «Красный Кавказ» приходилось обеспечивать постоянно, так как противник немедленно устроил за ним охоту. Несколько налетов противника были отражены совместными действиями истребителей

и зенитчиков крейсера, но потом одиночный хейнкель-охотник сумел прорваться к кораблю.

Несмотря на то что самолет противника приближался на встречном курсе и на большой высоте (4700 м), его успели вовремя обнаружить, и крейсер выставил завесу заградительного огня. Немецкие одиночные бомбардировщики-охотники являлись грозным противником из-за высокой квалификации и большого опыта их экипажей. Невзирая на плотный огонь, хейнкель упрямо шел боевым курсом и ушел вверх только после того, как снаряды начали рваться в нескольких метрах от самолета, успев сбросить все свои 4 бомбы.

Командир крейсера капитан 2-го ранга Гушин не имел еще опыта уклонения от бомбометания, и ему сложно было рассчитать скорость, необходимую для ухода от точки сброса. Поэтому он отдал команду: *«Вперед, самый полный, право на борт!»*, стараясь как можно быстрее увести крейсер в сторону. Впоследствии он сам признавал, что подобный прием, называемый «описание координат», был в той ситуации достаточно рискованным, так как он отнимает несколько секунд — как раз столько, сколько падает бомба, и зависит как от правильности расчета, так и от точности выполнения. Как оказалось, через эти секунды, в расчетах ошиблись обе стороны — и немецкий летчик, и командир корабля. Бомбы упали еще до завершения маневра, но с недолетом около 100 м.

Всю первую половину дня крейсер отбивался от авиации противника, не получив при этом никаких боевых задач. В конце концов Гушин направил в штаб базы радиограмму: *«Почему держите на внешнем рейде и не даете целей?»*. База действительно не давала целей... она просто не могла их найти. Уже полдня начальник штаба Приморской армии полковник Крылов и начальник артиллерии армии полковник Рыжи подыскивали подходящие цели для 180-мм орудий крейсера.

Неизвестно, чем и когда завершился бы этот процесс, если бы в него не вмешался флагманский артиллерист Черноморского флота, капитан 1-го ранга Руль, пришедший в Одессу на «Красном Кавказе». В штабе базы Руль дипломатично заметил: *«Пришел организовать стрельбу “Красного Кавказа”. Но сперва хочу поучиться. Расскажите о ваших сложностях»*. Вместе с флагманским артиллеристом ОВМБ, капитаном 2-го ранга Филипповым Руль выехал на центральный корректировочный пост на Жеваховой горе.

Корректировочный пост крейсера, возглавляемый командиром дивизиона главного калибра, старшим лейтенантом Мартыновым, тем

временем выдвинулся на передовую, но оказался слишком громоздким. Обремененному запасной рацией, стереотрубами и пулеметами целому отделению моряков сложно было незаметно выдвинуться на нужное расстояние. Огонь было решено корректировать с помощью корпостов базы.

Первые цели для 100-килограммовых снарядов крейсера нашлись в Восточном секторе. «Красный Кавказ» открыл огонь по скоплению румынских войск у Ильинки, которое менее дальнобойными орудиями достать с моря было бы сложно. Вообще-то такое решение об использовании крейсера можно было принять и значительно быстрее, так как оно являлось уже «традиционным» — точно так же использовали перед этим и «Червону Украину». Но командование базы и штаб Приморской армии, очевидно, пытались найти иные, более выгодные варианты применения 180-мм орудий крейсера. Стрельба на такое расстояние велась неспешно, с введением после каждого залпа поправок, передаваемых корректировочным постом.

Румыны довольно быстро разобрались, что к чему, и попытались организовать огневое противодействие крейсеру, используя расположенную у Дофиновки батарею тяжелых орудий. Скоро ее снаряды стали падать вокруг крейсера. Гушин решил не прерывать обстрел берега и уклониться от огневой дуэли с батареей, максимально используя возможности главного калибра крейсера, дальность стрельбы которого составляла 206 кабельтовых. Крейсер отошел подальше от берега и после того, как снаряды батареи стали падать с большим недолетом, продолжил обстрел.

Однако вскоре крейсеру пришлось попробовать себя и в выполнении более сложной задачи. В Южном секторе румыны, начав контратаки, стали вклиниваться у Дальника в боевые порядки 2-й кавдивизии. Вести огонь 180-мм снарядами в непосредственной близости от позиций своих войск было довольно рискованно, поэтому огонь на этом участке лично корректировал начальник штаба 42-го артдивизиона Приморской армии Терехов со своим корректировщиком Ишковым. Всего за время ведения огня крейсером было выпущено 80 снарядов главного калибра — не много по сравнению с «Червонной Украиной», выпустивший в десять раз больше, но значительно больше, чем «Способный», выпустивший столько же за 6 дней. И эффективность такой стрельбы, за исключением последних часов, была высокой.

В течение ночи крейсер продолжал редкий огонь по заявкам корпостов. С рассветом темп стрельбы по указанию с берега был увели-

чен. Румынское командование снова вызвало авиацию. Вчерашний опыт был учтен, и теперь самолеты атаковали с разных углов, что запутывало прикрывающие истребители. В результате противнику удалось снизить эффективность стрельбы — крейсер вынужден был вести огонь на активном маневрировании. Избежать этого не удалось даже при массированном использовании катеров-дымзавесчиков, которые ставили завесы вокруг «Красного Кавказа» так часто, что их постоянно приходилось менять.

В конце концов истребители прикрытия не выдержали давления противника, и в штаб базы стало поступать от командира 69-го авиаполка Шестакова и его начальника штаба Никитина *«много горьких сетований о том, как измотана авиация в барражах над крейсером»*, как вспоминал зам. начальника штаба базы Деревянко. Командир базы сообщил о докладах истребителей командующему флотом, и крейсер был отозван в главную базу, не пробыв в Одессе и двух дней. По впечатлениям Деревянко, *«на второй день крейсер ушел, и мы облегченно вздохнули»*.

ФЛАНГОВЫЕ НАСТУПЛЕНИЯ, ВОСТОЧНЫЙ СЕКТОР

СИНХРОННЫЕ УДАРЫ (22—23 АВГУСТА)

Проведя за ночь перегруппировку своих сил, утром 22 августа противник начал крупное наступление на правом фланге Восточного сектора, главной целью которого являлась Ильинка. После часовой артподготовки, начатой в 8 часов, части 15-й ПД перешли в наступление, нанося основной удар на Ильинку, а вспомогательные — по высотам 69,7 и 52,4. (174)

Несмотря на длительность проведенного обстрела, у командования ООР не возникло опасений за прочность обороны на этом участке, и через час, в 10.00 части левого фланга сектора, в свою очередь, сами перешли в наступление на противника. 1-й морской полк имел задачу овладеть Булдинкой, погранполк — высотой 41,7.

Морякам удалось продвинуться на 1 км, после чего около 12 часов они были остановлены у высоты 37,5. Попытка обойти высоту с фланга успеха не имела, они были остановлены огнем с соседней высоты 59,8, правда, при этом им удалось уничтожить не успевшую удрать батарею противника. Румыны стали подтягивать к месту удара свежие силы и потеснили моряков обратно к Шицли. Чтобы удержать село, Монахову пришлось ввести в бой 249-й конвойный батальон и 150-й батальон связи.

Однако к этому времени обстановка осложнилась и на правом фланге сектора, в районе Ильинки. После упорного боя румынам удалось сбросить с одной из высот занимавший ее батальон 136-го запасного полка, не имевший тяжелого вооружения. Командир сектора комбриг Монахов вынужден был отправить к Ильинке одну роту 150-го батальона связи, а две остальные бросил в бой на участке 1-го морского полка. Отправленное на правый фланг сектора подкрепление оказалось недостаточным. Положение осложнилось еще и тем, что командование ООР в связи с ухудшением положения в Западном секторе, в свою оче-

редь, было вынуждено перебросить туда из Восточного сектора бронепоезд №22. (175)

В результате положение на левом фланге удалось стабилизировать, а на правом — нет. К Ильинке дополнительно перебросили 3-й батальон 54-го СП, но находившиеся на этом участке подразделения понесли за день слишком большие потери, и с прибытием батальона положение не изменилось. (176) Ночью обстановка резко ухудшилась на всем протяжении сектора, и особенно в районе Ильинки. Румыны захватили подступы к селу и теперь непрерывно атаковали саму Ильинку, в которой закрепился 3-й батальон 54-го полка. Ночные атаки были предприняты и в центре, и на левом фланге, хотя там они не носили столь интенсивный характер. Моряки Осипова сумели удержать свои позиции, в основном это удалось и пограничникам. Только одна рота 3-го батальона 26-го погранполка, не удержав позиций, начала беспорядочно отходить, но была остановлена заградотрядом, выставленным на южной окраине Старой Дофиновки, и возвращена на прежние позиции. (177)

Днем 23 августа атаки противника продолжались с неослабевающей силой. Командованию сектора пришлось провести перегруппировку сил, чтобы усилить оборону в районе Ильинки. Теперь туда были дополнительно переброшены 2-й батальон 26-го погранполка и 2-й батальон 54-го СП. (178)

Спасать положение пока удавалось за счет мощной огневой поддержки кораблей Черноморского флота. Крейсер «Красный Крым» и эсминцы «Дзержинский» и «Фрунзе» обстреливали румынские части, находившиеся в районе Булдинки и Свердлово. 20 машин 69-го ИАП штурмовали противника с воздуха, хотя основную часть вылетов им приходилось делать для штурмовки частей противника, перебрасывавшихся в Южный сектор. Для отвлечения внимания противника в Восточном секторе привлекли даже партизан — в районе Яски-Троицкое они сожгли два склада и автодорожный мост. Однако положение в секторе продолжало ухудшаться, а резервов у комбрига Монахова больше не было. (179)

Пока в районе Ильинки шли тяжелые бои, все внимание командования ООР было приковано к ним. Поэтому удар, нанесенный 23 августа румынами встык 54-го стрелкового и 1-го морского полков, явился для командующего Приморской армией определенной неожиданностью. Сначала атакам противника не придали серьезного значения, но как вспоминал позднее член Военного совета ООР Азаров: *«Надежда на то, что к вечеру наступательный порыв противника иссякнет, не оправдалась».*

Прорвав оборону на стыке полков и вклинившись между их боевыми порядками, румыны смогли приблизиться к 412-й батарее на расстояние 2 км и, обходя минное поле, находившееся под обстрелом, стали охватывать батарею с флангов. Начальник Восточного сектора обороны комбриг Монахов доложил командующему войсками Одесского оборонительного района контр-адмиралу Жукову о критической обстановке, сложившейся в районе 412-й батареи.

Парировать этот удар противника командованию ООР было нечем. Оба полка были связаны боем и не могли перебросить на угрожаемый участок достаточно бойцов. Ни командование Приморской армии, ни командование ООР резервов на этот момент также не имели. Как сообщалось в оперсводке штаба армии за этот день: *«Обученные резервы исчерпаны полностью, необученных имеется 400 человек».*

В числе этих «необученных» были две только что прибывшие невооруженные маршевые роты, предназначавшиеся, ввиду своей полной неподготовленности, для пополнения 2-го морского полка, занимавшегося охраной военно-морской базы. О том, как было принято решение о введении их в бой, подробно рассказал в своих мемуарах бывший член Военного совета ООР Азаров.

Договорившись с командующим авиацией ООР комбригом Катровым о выделении истребителей для штурмовки наступающего противника, контр-адмирал Жуков, вызвав к себе начальника штаба ОВМБ Иванова и члена Военного совета ООР, бригадного комиссара Азарова, стал выяснять, какими резервами для ликвидации прорыва противника располагает база. Иванов доложил, что в 1-м батальоне 2-го морского полка есть две прибывшие на пополнение маршевые роты, но они не вооружены. По телефону связались с полком. Комиссар батальона Бондаренко подтвердил, что винтовок для вооружения рот в полку не имеется. На вопрос командующего «Как они владеют гранатой?» Бондаренко ответил: *«— Бросали болванку, а настоящую гранату никто еще не бросал... Устройство гранаты и обращение с ней большинство знают.*

— *Что будем делать?* — спросил Жуков, выжидательно посмотрев на Азарова.

— *Нужно посылать тех, кто умеет обращаться с гранатой. Другого выхода нет»,* — ответил Азаров.

Жуков приказал Бондаренко готовить людей и сообщил, что через час придут машины для отправки на передовую. Азаров сообщил Бондаренко о своем желании выехать в батальон. Присутствие в батальоне Члена военного совета ООР показалось излишним и командующему ООР, и даже комиссару батальона.

«— Я прошу Вас остаться в штабе, — сказал Жуков. — Члену Военного совета подменять комиссара батальона или политрука роты — этого еще не хватало!

— Шахтеры народ хороший. Немало коммунистов. Справимся и сами, — поддержал его по телефону Бондаренко, добавив: — Нам бы оружие...»

Но взять стрелковое оружие в Одессе на тот момент было неоткуда. 2-й морской полк, несший охранные функции, давно имел уже одну винтовку на несколько человек. Все «лишнее» оружие было изъято из штабов и тыловых подразделений, органов НКВД и любых других организаций, в которых оно когда-то имелось. За счет внутренних резервов был вооружен 1-й морской полк и истребительные батальоны.

Теперь эти резервы были исчерпаны. Командование ООР уже запросило у Ставки 5000 винтовок, но их еще нужно было получить. Шахтеров вооружили гранатами, саперными лопатками и кинжалами — все это производилось в Одессе в достаточном количестве. Командиром сводного отряда был назначен старший лейтенант Силин, комиссаром — политрук Пронин. Отряд на машинах был переброшен на участок 1-го морского полка Осипова.

Сведения о бое довольно противоречивы и мне известны только по воспоминаниям очевидцев событий. Документальных подтверждений пока обнаружить не удалось. По воспоминаниям Азарова, отряд шахтеров перешел в атаку на стыке 1-го морского и 54-го полков, куда румыны к расширившемуся к этому времени участку прорыва успели подтянуть роту пехоты, усиленную минометными расчетами. Командовавший отрядом Силин был убит, его заменил политрук Пронин, который был ранен в живот. Командир полка Осипов доложил по телефону о том, что «у них очень большие потери». Раненых шахтеров, в том числе и Пронина, удалось вынести только с наступлением темноты.

Однако попытка ввода в бой не вооруженных стрелковым оружием людей не была единственной. На следующий день в ОВМБ для отправки на тот же участок, к Монахову, был сформирован сводный отряд, в который было включено свыше 150 человек. Людей снова отправили бы в бой без винтовок, если бы не вмешательство командира эсминца «Фрунзе» Бобровникова, отдавшего им 50 винтовок со своего эсминца.

Сейчас трудно судить, насколько такие шаги были оправданы и необходимы. Героическая гибель шахтеров, конечно, не решила

судьбы города. Через день Чебанка была сдана и румыны получили возможность обстреливать город. Но образовавшееся вклинение противника в Восточном секторе, если бы его вовремя не остановили и если бы румыны, расширив его, успели ввести в стык между полками значительные резервы, могло бы привести к значительно более тяжелым потерям на этом участке и к гораздо более кровопролитным боям, как позднее это произошло под Ленинталем.

КРИЗИС. ПОПЫТКА ПРОРЫВА НА ПЕРЕСЫПЬ (24—25 АВГУСТА)

24 августа центр румынских ударов окончательно сместился в Восточный сектор. Атаки начались еще ночью, чтобы избежать противодействия береговой артиллерии и огня кораблей Черноморского флота. Сосредоточив значительные силы между Куяльницким и Хаджибейским лиманами, в ожесточенном ночном бою румынской пехоте удалось выбить 3-й батальон 54-го Разинского полка из села Ильинка и с хутора Черевичный. (180) Однако продолжать наступление на узком перешейке после восхода солнца противник не рискнул, опасаясь понести потери от огня береговой и корабельной артиллерии. (181)

Утром румыны произвели перегруппировку и несколько изменили направление удара, нанося его теперь в полосе между Куяльницким и Большим Аджалыкским лиманами. Поддерживаемой танками пехоте удалось вклиниться в стык между 54-м СП и 26-м полком НКВД.

Батальон 26-го полка НКВД и 2-й батальон 54-го СП, понеся тяжелые потери, начали отходить, и румыны, развивая успех, стали продвигаться в сторону Лузановки, создавая угрозу обхода 1-го морского полка.

Брошенная на участок прорыва рота 1-го морского полка под командованием одного из самых опытных офицеров полка, капитана Ламзина попала в окружение. Ламзин, уже попадавший в похожую ситуацию 12 августа, сумел занять выгодные позиции, на которых рота отбивалась от противника в течение всего дня, понеся значительные потери, главным образом от минометного огня противника.

По району вклинения открыли огонь 21-я береговая батарея, 726-я морская подвижная батарея, а позже и два корабля — эсминец «Фрунзе» и канонерская лодка «Красная Грузия». В основном им приходилось поддерживать огнем 54-й полк, попавший в наиболее трудное положение. После того как 3-й батальон понес большие потери в ночном бою, полк отражал наступление противника фактиче-

ски двумя батальонами. Погранполк ничем не мог помочь своему соседу, так как сам подвергался значительному давлению противника. Это было частью новой тактики, примененной румынами в попытке нейтрализовать огонь береговой и корабельной артиллерии. Одновременно с давлением на полк НКВД противник в пространстве между Аджалыкскими лиманами вел наступление и на 1-й морской полк, а в Межлиманье силами пехоты и кавалерии теснил 249-й отдельный батальон НКВД. Командование 1-го морского полка сообщало, что полк атакован двумя полками пехоты противника. Для поддержки морского и пограничного полков были выделены 2 подвижные батареи ОВМБ и 4 корабля из отряда контр-адмирала Вдовиченко — устаревшие эсминцы «Незаможник» и «Шаумян» и канлодки «Красный Аджаристан» и «Красная Армения».

Поэтому больше огневых средств для поддержки 54-го полка командование ООР выделить не смогло. Как не раз бывало в подобных случаях, последней попыткой стабилизировать положение стало применение авиации. Флотская авиация пришла из Крыма и нанесла удар по основной группировке румын, наступающей на 54-й полк. В этот день впервые в бой была введена 1-я эскадрилья 40-го авиационного полка пикирующих бомбардировщиков, имевшего на вооружении самолеты ПЕ-2. После удара авиации румынский натиск ненадолго ослабел, а затем возобновился с новой силой.

Через несколько часов упорного боя советские части стали отходить с занимаемых позиций почти по всему фронту Восточного сектора. (182)

Морской полк отошел из Новых Беляр, а пограничный оказался прижат к Александровке. В Межлиманье 249-й конвойный батальон, понеся большие потери, был отброшен к Августовке.

Хуже всего ситуация сложилась на участке 54-го полка. Понеся большие потери, полк не только оставил позиции на побережье Куяльницкого лимана, но и отошел с северных окраин поселка Гильдендорф и усадьбы совхоза Ильичевка. Румыны стали угрожать и Корсунцам.

Во второй половине дня румынская пехота прорвала оборону и 1-го батальона полка юго-восточнее хутора Шевченко. Начальник сектора комбриг Монахов ввел в бой свои последние резервы, несколько замедлив продвижение противника. Находившийся в окружении капитан Ламзин уловил этот момент и воспользовался им для попытки прорыва к основным силам. Понеся потери, роте тем не менее удалось выйти из окружения.

Но использование малочисленного резерва не смогло изменить

ход боя. Румыны к ночи заняли Корсунцы и отбросили пограничный полк от Александровки. Теперь следующим поселком, который можно было бы использовать в качестве опорного пункта, становилась Лузановка, расположенная на 4 км ближе к Одессе. А ее от Пересыпи отделяла только станция Сортировочная.

Похожая ситуация, хотя и не настолько напряженная, начинала складываться и на участке конвойного батальона, потерявшего большую часть личного состава и находившегося на грани утраты управляемости и боеспособности. И там противник также мог выйти к Пересыпи, правда, для этого ему потребовалось бы захватить еще два населенных пункта: Прицеповку и Повары.

Таким образом, возникала непосредственная угроза прорыва противника в город и порт. В такой ситуации огневой поддержки береговой артиллерии, кораблей и авиации становилось уже недостаточно — так как обстрел наступающего противника приходилось вести на слишком большом участке фронта. Требовалось изыскание и срочное введение в бой хоть каких-то резервов. В ситуации развивающегося в течение 4-х дней кризиса все боеспособные части уже были задействованы на передовой. Где взять резервы?

Ни командующий Одесским Оборонительным районом Жуков, ни командующий Приморской армией Софронов не могли сразу дать ответа на этот вопрос. Все командование обороной Одессы, включая Жукова, Софронова, Воронина и Шишенина, выехало в Восточный сектор, пытаясь решить, с каких наименее угрожаемых, хотя и тоже атакованных противником участков войска можно перебросить на более угрожаемые.

Одновременно Жуков отдал командующему Одесской ВМБ контр-адмиралу Кулишову распоряжение еще раз «прочесать» все находящиеся в его распоряжении корабли и части и набрать хоть сотню бойцов, которых можно было бы перебросить на участок 54-го полка.

К концу дня для отправления в отряд комбрига Монахова было отобрано более 150 человек. При этом ввиду чрезвычайности ситуации матросов решено было отправить на позиции без стрелкового оружия, с одними гранатами, как и шахтерскую роту. Положение неожиданно спас командир эсминца «Фруззе» Бобровников, корабль которого в этот момент зашел в гавань для устранения мелких повреждений, полученных от огня румынской артиллерии. Узнав, что набранные для фронта моряки не имеют ни одной винтовки, Бобровников подошел к штабному офицеру с предложением: *«Да разве ж можно в бой и без винтовок? Забирайте наши, мы в Севастополе*

отчитаемся и пополнимся». И он убедил штабиста загрузить в его легковую машину 50 винтовок, с которыми морской отряд и отправился на передовую.

Критическая ситуация требовала принятия мер, невозможных в другой обстановке. Самому Жукову уже приходилось поступать почти так же, как и Бобровникову. Командующий ООР приказал командиру бригады ПВО Шиленкову направить в распоряжение Монахова два зенитных артдивизиона. Тот возразил: *«Вы с меня строго спрашиваете за покрытие города. Сегодня отбиваем уже четвертый налет. А вы оголяете меня»*. На что Жуков ответил: *«А если враг пролетает в город через Пересыль, кому тогда понадобится ПВО?»*

Однако мер, принимаемых для стабилизации положения, было недостаточно. Фронт Восточного сектора протяженностью 30 км был уже слишком велик для занимающих его войск.

Нужно было срочно уплотнить боевые порядки, иначе они оказались бы прорванными. Все войска, оборонявшие Восточный сектор, располагались в одноэшелонном порядке и каких-либо резервов для предотвращения возможного прорыва уже не имели. Угроза того, что румыны, прорвав фронт в Восточном секторе, сумеют отрезать прибрежный участок от остальной его части и, возможно, ворвутся на окраины города, становилась все более реальной.

Румыны активно развивали наметившийся успех. В районе Чебанки образовывался выступ в линии фронта, который, если его не срезать, мог быть использован противником как для фланговых ударов по обоим участкам Восточного сектора, так и для прорыва к Пересыпи.

К вечеру командующий Приморской армией сообщил начальникам штабов ООР и Приморской армии Шишенину и Крылову, что пришел к выводу о том, что *«надо переводить морской полк на усиление 54-го»*.

Из всех компромиссных решений, которые пришлось принимать командованию ООР в этот день это было самым сложным. В тылу 1-го морского полка у Чебанки находилась 412-я стационарная батарея береговой обороны, вооруженная 180-мм орудиями — одно из самых мощных огневых средств оборонительного района. Батарея имела целый комплекс бетонных оборонительных сооружений, а изношенные из-за частой стрельбы стволы ее орудий несколько дней назад были заменены на новые.

Для принятия такого решения потребовалось провести 2 совещания членов Военного совета ООР. Военный совет Черноморского

флота и сам нарком ВМФ в этой ситуации помочь Одессе также не могли. Позиция Кузнецова была сформулирована в присланной им телеграмме:

«Новой дивизии для Одессы выделено быть не может. Оружием будет оказана посильная помощь... Вам поставлена задача при имеющихся средствах удерживать Одессу, и здесь должно быть проявлено упорство, мужество и умение. Примите все меры к удержанию противника на этих позициях, не допускайте ближе к городу. Кузнецов».

После обсуждения всех возможных вариантов было решено участок между Большим Аджалыкским и Аджалыкским лиманами оставить, правофланговые части Восточного сектора отвести на линию Вапнярки и Александровки, после их отхода 412-ю батарею взорвать, а личный состав сосредоточить в Одессе.

Таким образом, части Восточного сектора оставляли узкую полосу вдоль побережья Одесского залива восточнее Большого Аджалыкского лимана, сокращая фронт обороны и укрепляя позиции Разинского полка. Правда, возможность прикрыться Большим Аджалыкским лиманом неизбежно должна была привести к смещению центра боевых действий на 12-километровый участок между Большим Аджалыкским и Куяльницким лиманами и дальнейшему сужению периметра обороны, позволяющему противнику начать артиллерийский обстрел Одессы, но других возможностей стабилизировать фронт у командования ООР 24 августа не было.

В конечном итоге ВС ООР отправил донесение Военному совету Черноморского флота, в котором сообщалось, что *«ввиду прорыва противника в направлении Гильдендорф—Повары и угрозы потери станции Сортировочная (183) участок между Аджалыкскими лиманами оставляется, 412 батарея подрывается, морской полк направляется на ликвидацию прорыва»*, после чего командир Восточного сектора получил приказ использовать морской полк для восстановления положения на участке 54-го полка.

Когда начальник артиллерии ОВМБ, полковник Николаев и инженер-полковник Цигуров ночью прибыли на 412-ю батарею с письменными полномочиями руководить ее подрывом, командир батареи капитан Зиновьев стал звонить Жукову, выясняя, нет ли здесь какой-нибудь ошибки.

Командиру Одесской военно-морской базы контр-адмиралу Кулишову вместе с его начальником штаба поручили подготовить к утру не менее трех тральщиков и шести сторожевых катеров для снятия

личного состава 412-й батареи в случае, если противник будет мешать отходу по суше и держать миноносцы «Фрунзе», «Смышленный» и «Беспощадный» в готовности прикрыть отход огнем.

С батареи были эвакуированы семь 45-мм орудий, три установки счетверенных пулеметов, минометная батарея и захваченные румынские танкетки, использовавшиеся для корректировки огня. Орудия батареи всю ночь вели непрерывный огонь по противнику, как вспоминает большинство участников событий, до полного израсходования боеприпасов, правда, по другой версии, часть боеприпасов вместе с ремонтной мастерской батареи были вывезены по Николаевской дороге.

Личный состав батареи позднее вошел в морской полк. В связи с острой нехваткой постоянно выбиваемого в боях командного состава командиры орудий батареи стали командовать отделениями и взводами, а некоторые старшины — и ротами, командир батареи капитан Зиновьев был назначен командиром батальона.

Потери, понесенные частями Восточного сектора в дневном бою 24 августа, были настолько велики, что командование ООР затруднялось с решением их дальнейшей судьбы. В 2.30 ночи Военный совет даже принял поспешное решение *«(в) связи с большими потерями личного состава частей и в соответствии с указаниями Ставки... остатки 249-го конвойного батальона, морполк, 150 ОБС, 1/26 погранполка отвести (в) р-он свх. им. Ворошилова, влить как пополнение в 54-й СП с дальнейшей задачей восстановить положение участка 54-го СП. Рубеж (54-го СП)... восстановить и удерживать во что бы то ни стало».* (184)

Одновременно Военный совет принял и решение *«(в) р-не свх. им. Ворошилова иметь артиллерию для подавления батарей противника, могущих вести огонь по порту и городу Одесса»*, что расплывало огонь и без того немногочисленной артиллерии Восточного сектора. В дальнейшем оба эти решения себя не оправдали. морской и пограничный полки были сохранены как самостоятельные единицы, хотя в течение нескольких дней именовались приданными 54-му СП остатками отрядов моряков и НКВД, а для подавления дальнобойной артиллерии противника более эффективным оказалось использование артиллерии береговой обороны и Черноморского флота.

В ночь на 25 августа противник возобновил ночные атаки на 54-й полк, еще больше потеснил его и к утру полностью занял Гильдендорф. Морской полк, осуществлявший в это время отход с позиций, помочь ему пока ничем не мог, так как находился на марше, с

большим трудом отрываясь от противника. Для огневого прикрытия его отхода были выделены 3 корабля и 2 береговые батареи. Для непосредственного прикрытия отхода батальонов командир полка Осипов приказал оставить на позициях от каждого батальона по взводу с пулеметами.

Отход с позиций 2-го батальона, находившегося в середине участка, должен был занять, по сделанным расчетам, около полутора часов. Командир полка оставил для прикрытия взвод под командованием сержанта Оболадзе, служившего до формирования 1-го морского полка инструктором в школе старшин базы.

Оболадзе, успевший приобрести за 10 с лишним дней боев значительный опыт и командовавший сначала отделением, а потом и взводом, получил задачу прикрывать одним взводом в течение полутора часов участок протяженностью в полтора километра. Однако поставленная задача не только не смутила сержанта, но напротив, он предложил командиру батальона оставить для прикрытия всего одно отделение из 7 человек.

Батальон перед рассветом скрытно отошел. Сержант, обладавший незаурядными командными способностями, выбрав выгодную позицию и установив на ней станковый пулемет, расставил бойцов таким образом, что в течение полутора часов боя отделение не потеряло ни одного человека, а противник, так и не сумев приблизиться к его позициям, вынужден был начать их обход. В этот момент приказ об отходе отдал и Оболадзе. Отход отделения получился менее удачным, чем сам бой. Отделение потеряло нескольких человек, был тяжело ранен в голову и Оболадзе. До боевых порядков батальона уцелевшие моряки, несшие раненых, смогли добраться только к вечеру.

За свой подвиг сержант был награжден орденом Красного знамени. Второе «Красное знамя» он получил за участие в обороне Севастополя. В дальнейшем Оболадзе было присвоено звание лейтенанта, и он вступил в командование ротой.

Морской полк занял позиции между Разинским и пограничным полками, его огневую поддержку стала осуществлять 21-я батарея Кузнецова, направившая в полк для постоянного нахождения свой корректировочный пост.

В 5.30 утра 54-й полк при поддержке 150-го отдельного батальона связи, погранполка, 1-го морского полка и остатков конвойного батальона перешел в наступление, имея конечной целью захватить Ильинку и Чеботаревку. Через час после начала наступления подержавшая его последними снарядами 412-я батарея была взорвана.

В это же время, чтобы затруднить продвижение противнику, взорвали и часть гати Большого Аджалакского лимана.

Весь день 25 августа прошел в попытках восстановить утраченное положение. (185)

К 13 часам пограничники вышли к северной окраине Александровки, моряки — к агрокомбинату Ильичевка, а 54-й СП — к южным окраинам Гильдендорфа, на которых завязались тяжелые бои. Гильдендорф дважды переходил из рук в руки. Подтянув два батальона из резерва, румыны к 19 часам окончательно выбили 54-й СП из Гильдендорфа, но для упрочнения своего положения на других участках сектора сил у них уже не было.

На участках моряков и пограничников наступление развивалось успешней. В результате контратак при поддержке авиации, корабельной и береговой артиллерии румын удалось вытеснить из Александровки, Корсунцов и агрокомбината Ильичевка, что снова повлекло большие потери.

Во многом исход боя определили активные действия авиации и артиллерии. 69-й ИАП совершил за день больше 80 боевых вылетов, что составило примерно по 4 вылета на машину, и даже 82 ОАЭ была введена в бой, бомбя противника с гидросамолетов МБР-2.

Румыны оказали активное противодействие, особенно гидросамолетам. Чтобы избежать потерь, МБР-2 старались наносить удары в темное время суток, и румыны решили в 9 часов утра обстрелять гидроаэродром в Хаджибейском лимане. Возможно, противнику удалось при этом осуществить корректировку огня своей артиллерии. Обстрел оказался исключительно эффективным. Два самолета затонули, еще один разбился при посадке, а сама эскадрилья немедленно перебазировалась на крымское озеро Донзулав. В этот день гидросамолеты больше не летали, успев сделать за сутки 14 вылетов. (186)

К вечеру румыны установили в районе Чебанки дальнобойную батарею и начали обстрел порта. Несмотря на то, что огонь велся не прицельно и обстрел был ожидаем, он вызвал большое беспокойство командования ООР. (187)

Срочно предпринятые береговой артиллерией попытки подавить батарею результата не дали, так как обнаружить ее в складках местности так и не удалось, после чего был сделан вывод, что противник «часто меняет позиции». В итоге часть береговой артиллерии и боевых кораблей была на какое-то время выключена из системы огневой поддержки частей Приморской армии и стала вести огонь по площадям.

Ухудшение обстановки в Восточном секторе привлекло к ситуации внимание Ставки.

Начальник Генерального штаба маршал Шапошников от имени Ставки Верховного Главнокомандования направил командующему Черноморским флотом вице-адмиралу Октябрьскому телеграмму, в которой выражалась тревога по поводу хода боевых действий на фронте под Одессой, где советские войска за последнюю неделю отошли на разных участках на расстояние от 4 до 20 км от линии, указанной в директиве Ставки от 19 августа как основной рубеж обороны.

«Сужение пространства оборонительного района, — указывалось в телеграмме, — чревато опасными последствиями для обороны Одессы. Необходимо: 1. Потребовать от войск большей устойчивости в обороне. 2. Проявлять исключительную настойчивость и до конца использовать людские ресурсы района на пополнение боевых потерь. 3. Не допускать потери оружия бойцами, учитывая затяжной характер боев... При этом всегда иметь в виду затруднения снабжением оружия. 4. Максимально развернуть работы на глубину района, включая территорию города, полностью использовать силы местного населения, средства и возможности Одессы». Военный совет Черноморского флота на сложившуюся ситуацию и телеграмму Ставки отреагировал весьма своеобразно, доведя ее указание до сведения командования оборонительного района в следующей форме: *«Вы еще не только можете, а обязаны, — говорилось в директиве Военного совета Черноморского флота, — набрать и послать на передовые позиции до 6—7 тысяч. Возьмите все войска НКВД, милиции, где два писаря, кока, делопроизводителя, кладовщика, казначея и т.д., оставьте одного, а где пять — три отправить на фронт. Вы не взяли еще все, что можно взять».*

Тем не менее Военный совет флота, не имея значительных людских резервов, направил в Одессу очередной отряд моряков-добровольцев численностью 1600 человек и решил частично компенсировать ситуацию, усугубившуюся с потерей 412-й батареи направлением в Одессу новых эсминцев, вооруженных 130-мм орудиями. Их осколочно-фугасные снаряды при разрыве давали несколько сотен осколков, имевших разлет до 300 м и являлись эффективным средством борьбы с вражеской пехотой, находящейся вне укрытий, какой бы боевой порядком она ни занимала.

Помимо этого, ВС Черноморского флота, после того как один отряд моряков был брошен в бой совсем без винтовок, а другой лишь

благодаря вмешательству командира эсминца «Фрунзе» Бобровникова смог избежать этой участи, сообщил в базу, что высылает с ближайшим конвоем 3250 винтовок. «Лишних» винтовок в таком количестве в Севастополе, формировавшем собственные части морской пехоты, тоже не было, и они были доставлены в главную базу флота авиацией.

Войска Восточного сектора уже поддерживало максимальное количество кораблей, которые могла выделить Одесская ВМБ без ущерба для конвоирования и периодической поддержки других секторов, — четыре эсминца и три канлодки. Каждый полк непрерывно поддерживали два корабля, еще один вел огонь по Межлиманью. База и флот к этому времени имели уже достаточно корректировочных постов, чтобы огонь каждого корабля велся только с корректировкой, что значительно повышало его эффективность. Интенсивная огневая поддержка кораблей замедляла наступление противника. Чтобы избежать потерь от огня морской артиллерии, румыны вынуждены были активно применять ночные атаки. Но в ночное время снижалась эффективность и румынских средств усиления, и огневой поддержки. Поэтому противник активно искал другие возможности понизить эффективность действий кораблей Черноморского флота. По мере приближения противника к городу все больше сил кораблям и Одесского отряда, и присылаемым на его усиление из других баз флота приходилось тратить на контрбатареиную борьбу и отражение атак вражеской авиации.

Продвижение противника в Межлиманье окончательно лишило Одессу поддержки гидроавиации. Румыны получили возможность обстреливать гидроаэродром в Хаджибейском лимане. В условиях постепенного сужения оборонительного периметра другой подходящей базы, пригодной для действия двух гидроэскадрилий найти не удалось. Гидросамолеты вынуждены были перебазироваться в Крым.

Чтобы не уменьшать поддержку частей ООР с воздуха, и так имевшую весьма скромные размеры, в Одессу было переброшено небольшое количество штурмовиков Ил-2 и истребителей Як-1. 40-й авиаполк пикирующих бомбардировщиков подполковника Морковкина наносил удары уже 22 машинами. Все базирующиеся в ООР машины, независимо от их типа, использовались с максимальной интенсивностью как бомбоштурмовые, совершая до 7 штурмовок за день.

Сокращение линии фронта в Восточном секторе, сопровождавшееся увеличением силы ударов, наносимых кораблями и авиацией Черноморского флота, несколько стабилизировало обстановку в сек-

торе, но положило начало непрерывным обстрелам Одесского порта, так как его гавань, после того как от линии фронта ее отделяло только 15 км, стала досягаема для румынской артиллерии. Возможностей для действенной контрбатареинной борьбы у Одесской ВМБ и приданных ей кораблей в целом было достаточно, как и артиллерии, способной подавлять дальнобойные румынские батареи, но вся имевшаяся артиллерия была необходима для огневой поддержки войск ООР, с трудом сдерживавших натиск противника.

КРИЗИС ВТОРОЙ ПРОРЫВ (26—28 АВГУСТА)

После жестоких двухдневных боев румынские войска, понесшие значительные потери, особенно в кровопролитных ночных схватках под Гильдендорфом, а также от ударов авиации и огня артиллерии, временно утратили пробивную способность. Больше суток противник занимался перегруппировкой, выдвинув теперь в первую линию 15-ю дивизию и части 5-й дивизии. (188) Поэтому широких наступательных действий румыны вести пока не могли. Что не помешало им, впрочем, к вечеру захватить агрокомбинат Ильичевка. (189)

Командование ООР использовало возникшую относительную передышку для укрепления обороны, понимая, что это всего лишь «защиты перед бурей». В сектор из армейского резерва был переброшен 5-й кавалерийский полк. (190)

Воспользовавшись временным прекращением атак противника, 3-й батальон 54-го СП захватил южную окраину Ильинки. (191)

Вечером 26 августа, с наступлением темноты, впервые за все время обороны города была опробована и ночная корректировка — на случай возобновления противником массированных ночных атак. Корректировщики, выдвинувшиеся в передовые окопы, хорошо наблюдали разрывы и оказались в состоянии вносить поправки. Командованием базы метод был утвержден для постоянного применения, но как показало время, высокую эффективность он имел только при использовании опытных корректировочных постов и для широкого применения годился мало. Сомнений, что румыны будут пытаться развить успех в этом направлении, не было — части противника здесь находились на самом близком расстоянии от города.

27 августа атаки противника в Восточном секторе возобновились с новой силой. Для предотвращения переброски сил с других участ-

ков оборонительного периметра и отвлечения части кораблей от Восточного сектора отвлекающие удары наносились румынами и в Западном и Южном секторах. (192)

В Западном секторе румынские части атаковали позиции 161-го стрелкового полка, но контратакой были отброшены на исходные позиции. Советские подразделения захватили в качестве трофеев два миномета, два пулемета и 20 винтовок, взяли 18 пленных. Подтянув подкрепления, румыны снова атаковали позиции полка. На этот раз им удалось потеснить батальоны полка и занять хутора Октябрь и Важный. Однако закрепить успех противнику не удалось.

На помощь 161-му полку были переброшены 13-й отдельный разведывательный батальон и одна батарея 97-го отдельного артдивизиона. Положение на этом участке было восстановлено, хутора Октябрь и Важный вновь были заняты советскими частями. Однако восстановление положения было достигнуто дорогой ценой. При захвате хуторов, не имевших важного значения, разведбат 95-й стрелковой дивизии, имевший хорошую подготовку и значительный боевой опыт, понес большие потери. В бою был смертельно ранен его командир, старший лейтенант Долгий. 241-й полк успешно отразил все атаки противника, пытавшегося прорвать его оборону вдоль железнодорожной линии Выгода—Одесса.

В Южном секторе румынские части в первой половине дня без особого успеха пытались атаковать советские подразделения на разных участках. Во второй половине дня румыны значительными силами (193), сосредоточившись в районе Фрейденталя, после усиленной артиллерийско-минометной подготовки предприняли наступление на позиции 287-го полка 25-й Чапаевской дивизии, которым командовал (194) капитан Ковтун-Станкевич. Части дивизии также смогли удержаться на занимаемом рубеже и отбросить противника назад собственными силами.

Значительных успехов эти действия не имели, и целей, для которых они были предприняты, в результате достигнуто не было. Из Восточного сектора не был снят ни один из 7 кораблей поддерживающих его огнем.

Но в самом Восточном секторе обстановка снова стала осложняться.

Силами до трех дивизий румыны с утра возобновили наступление на рубежи обороны по обе стороны Куяльницкого лимана. Потеснив подразделения 54-го полка на участке восточнее Куяльницкого лимана, противник снова захватил Александровку, а также Гильдендорф,

хутор Шевченко и, непрерывно атакуя, продолжал продвигаться по направлению к морскому побережью в районе села Фонтанка. Снова создалось критическое положение. Противник сумел верно определить направление главного удара. Рядом с Фонтанкой была расположена береговая батарея № 21 (195), которая играла важную роль в огневой поддержке войск Восточного сектора. Значение этой батареи особенно возросло после потери 412-й у Чебанки. В случае захвата неповрежденной батареи противником он мог использовать ее орудия для обстрела города, а выбивать его оттуда было бы уже нечем.

Нескольким мелким группам противника удалось просочиться через линию обороны и приблизиться к месту расположения 21-й батареи, но они были уничтожены бойцами 26-го погранполка НКВД. Тем не менее Фонтанка и батарея оставались под сильной угрозой захвата неприятелем. Осложнилось положение и на участке между Куяльницким и Хаджибейским лиманами. Противник прорвал фронт в районе Ильинки и бросил в брешь свежие силы. Державший здесь оборону 3-й батальон 54-го полка вынужден был оставить село.

Комбриг Монахов, снова израсходовавший все резервы, был вынужден ввести в бой присланный ему на помощь 7-й кавполк, сменивший пробывший в секторе всего сутки, но уже понесший большие потери 5-й. (196) Его командир майор Лебедев исключительно грамотно командовал полком в сложной обстановке, успевая поддерживать и 54-й полк слева и 1-й морской полк справа. Он не предпринимал ненужных контратак, но когда этого требовала обстановка, ходил в них и сам, и при этом его полк не понес таких тяжелых потерь, как его соседи, хотя для его поддержки штабом базы не было выделено ни одного корабля. Не имевший еще телефонной связи со штабом базы Лебедев во второй половине дня отправился на КП своего соседа справа — морского полка

После его появления на КП в штаб Одесской ВМБ позвонил командир 1-го морского полка Осипов и без особого энтузиазма сообщил: *«Пришел ко мне новый сосед слева, пешая конница. Сперва пытал у меня, кто поддерживает меня огнем, а сейчас хочет что-то доложить вам».*

Лебедев взяв трубку сразу перешел к делу: *«Я вижу в море много кораблей. Осипова поддерживают три корабля. Может, уважите один? Ведь у меня только полковая батарея».*

С разрешения командира базы, контр-адмирала Кулишова Лебедеву выделили канонерскую лодку «Красная Грузия», находившуюся

на ремонте. Канонерская лодка вышла из порта с бригадой ремонтников на борту, которые продолжали устранение повреждений уже на огневой позиции, во время ведения огня.

Однако румыны продолжали усиливать натиск, вводя в бой свежие силы и по сути снова навязывая частям сектора бой на уничтожение. Противник снова ворвался в Александровку, но выбить из нее пограничников не смог. Устоять погранполку помогло перенацеливание на его участок огня кораблей и береговой артиллерии.

Морской полк также оказался прижатым к недавно отбитому им у противника агрокомбинату Ильичевка и снова понес тяжелые потери. Чтобы сохранить его боеспособность, в полк срочно влили 200 человек, спешно собранных в тылах базы.

Положение 7-го кавалерийского полка и после ввода в бой румынских резервов оказалось лучшим, чем у его соседей. Кавполк единственный из частей Восточного сектора удержался на занимаемом им рубеже, при минимальной огневой поддержке, оказываемой ему кораблями флота. Для стабилизации положения на его участке оказалось достаточным поддержать его огнем еще одной канонерской лодки — «Красная Армения». Весь день полк держался без поддержки эсминцев и береговых батарей. При этом Лебедев, ранее ухитрившийся как-то поддерживать обоих своих соседей, и теперь сумел помочь Разинскому полку отбить атаку противника.

В течение дневного боя противнику не удалось ни опрокинуть советские части, ни выдавить их с занимаемых позиций. (197)

Напротив, к вечеру румын выбили с хутора Шевченко. С наступлением темноты противник попытался не снижать интенсивности наносимых ударов, а напротив, через 10 минут после захода солнца перешел в наступление, пытаясь нанести полкам сектора до получения ими пополнения такие потери, чтобы они физически оказались не в состоянии оборонять позиции, с которых не отступали.

Атаки продолжились по всей линии обороны, при этом румыны пытались активно поддерживать свои части огнем артиллерии. Советские корабли и береговые батареи, опробовавшие накануне метод ночной корректировки, также приняли активное участие в бою. Поле боя, по которому одновременно били советская и румынская артиллерия, непрерывно озарялось разрывами десятков снарядов разного калибра и сильно напоминало кромешный ад, в котором, невзирая на артиллерийский огонь, наступали и оборонялись солдаты обеих сторон, продолжали работать минометы и по-прежнему полосовали воздух пулеметные очереди. Огонь советской артиллерии, имевшей

большой опыт корректировки, оказался в ночных условиях значительно эффективнее румынского. В журнале боевых действий Приморской армии за этот день сделана запись, лаконичная, но тем не менее исчерпывающе передающая то, что творилось тогда на участке между Корсунцами и хутором Черевичный: *«Бой продолжался до 22.00 27.8.41 г. с неослабевающей силой».*

Если днем сил на контрбатареиную борьбу не хватало, так как все огневые средства были задействованы для поддержки своих войск, то ночью советские береговые батареи при помощи специально созданных для этого штабом базы теодолитных постов смогли переключиться на подавление вражеских батарей.

После того как по докладам теодолитных постов две батареи противника прекратили огонь, интенсивность огня румынской артиллерии заметно снизилась. Оставшись без эффективной огневой поддержки и находясь под непрерывным огнем корабельной артиллерии, румынские войска около полуночи были вынуждены прекратить атаки, и так не отличавшиеся особой эффективностью.

Ночное наступление румын войскам сектора удалось отразить, не понеся при этом значительных потерь, но с восходом солнца противник возобновил атаки. Против войск сектора действовали части трех румынских дивизий, имевших еще достаточно сил для нанесения мощных ударов. Стараясь по возможности нейтрализовать воздействие советской артиллерии, румынское командование прибегло в этот день к максимальному усилению своих наступающих войск всеми имеющимися в наличии средствами.

В бой была введена бронетехника, в том числе и танки, активно использовались артиллерия и авиация.

Сил на мощное наступление по всему фронту у румын уже не было, поэтому против ослабленного накануне 54-го полка активных действий уже не велось. Все силы противник сосредоточил на участках пограничного, морского и кавалерийского полков.

Румынам удалось верно определить направления своих ударов. (198)

Наиболее угрожаемым направлением советское командование считало участок 54-го Разинского полка, непосредственно прикрывавшего Пересыпь. Прорыв на этом направлении давал противнику возможность не только выйти к порту, но и возможность отсечь все три полка, занимающих правый фланг оборонительного периметра. Поэтому на других участках оборона была значительно слабее. Но румыны не стали наносить удары по кратчайшему,

но сильно укрепленному направлению, а стали атаковать на более уязвимых участках.

Резервов ни Приморская армия, ни Одесская ВМБ практически не имели. Из тылов базы и армии было взято все возможное, большая часть людей из плохо вооруженного 2-го морского полка, несшего охранные функции, была влита в 1-й. Из 73-го зенитно-артиллерийского полка ЧФ были взяты шесть 85-мм зенитных орудий и три счетверенных пулеметных установки, образовавшие резервный отряд, пополненный 120 бойцами. Командующий Приморской армией Софронов и командующий ООР Жуков, больше всего опасавшиеся прямого прорыва на Пересыпь, решили не передвигать этот свой единственный резерв к пограничникам а оставить его за Разинским полком.

Части 15-й румынской дивизии, уже несколько дней пытавшиеся захватить Александровку, на этот раз смогли добиться значительного успеха. Занимавший ее батальон 26-го погранполка был разгромлен во время жестокого боя и начал отходить. Командир батальона Фурсов погиб во время отхода и в батальоне возникло замешательство. Соседний батальон капитана Шейкина смог фланговым ударом остановить продвижение противника только у самой Вапнярки. Контратака позволила разгромленному батальону закрепиться на окраинах села.

Над полком нависла реальная угроза оказаться сброшенным в Одесский залив — до уреза воды оставалось не больше трех километров. Румыны усилили натиск и стали вклиниваться в боевые порядки полка. Командир полка майор Маловский, выдвинув пулеметную и стрелковую роты, восстановил положение. Понесшие большие потери батальоны полка все время сбивались румынами с занимаемых позиций и начинали отход. Командир полка, переходя из батальона в батальон и беря командование на себя, восстанавливал положение, часто возглавляя контратаки.

Во время одной из таких контратак, уже в самом селе, Маловский был тяжело ранен в обе ноги, но продолжал руководить боем, пока бойцы не сумели закрепиться. Командование полком принял командир одного из батальонов, капитан Рубцов.

Морской полк румынам удалось потеснить гораздо меньше. Румыны ворвались на северную окраину агрокомбината Ильичевка, но взять его не смогли — моряки закрепились на южной. Из-за того, что погранполк отошел на значительное расстояние, румыны на его стыке с 1-м морским полком смогли прорваться к Фонтанке, заняли ее и стали продвигаться к расположенной за ней 21-й батарее.

Когда пехота противника приблизилась к проволочному заграждению, личный состав батареи контратаковал ее и отбросил огнем стрелкового оружия и гранатами. Однако последние несколько дней батарея, ввиду усиливающейся угрозы захвата противником, вела практически непрерывный огонь по противнику, поддерживая то пограничный, то 1-й морской полк, стараясь успеть израсходовать весь имеющийся боезапас.

От непрерывной стрельбы стволы орудий раскалялись, и их приходилось поливать водой. От непрерывного огня нарезка стволов орудий стерлась и точность стрельбы ухудшилась. К концу дня, по израсходованию боезапаса, бойцы батареи были сведены в батальон под командованием комбата Кузнецова, влитый в 1-й морской полк. Саму батарею было решено пока не взрывать. Ее законсервировали, оставив для охраны хорошо вооруженный отряд из 20 моряков, имевший несколько пулеметов.

Несмотря на то, что морской полк был усилен батальоном, сформированным из личного состава 21-й батареи, его командир Осипов вечером позвонил в штаб Одесской военно-морской базы и поинтересовался, нельзя ли наскрести еще хоть сотню бойцов. Просьбу Осипова, пользовавшегося особым доверием командующего ООР контр-адмирала Жукова, как это случалось почти всегда, немедленно удовлетворили.

Командир базы контр-адмирал Кулишов приказал сократить состав подразделений охраны береговых объектов. На двери всех объектов повесили амбарные замки, оставив для их охраны двух человек, один из которых, вооруженный винтовкой, нес охрану, а второй, имевший ключ отпирал двери посетителям. Также в формируемый отряд были влиты команда обслуживания гидроаэродрома, эвакуируемого в Крым, и команда обслуживания базы железнодорожной батареи. Когда численность отряда достигла 100 человек, он был передан под командование майора Похидько и отправлен в распоряжение Осипова.

К вечеру атаки начались и на участке 54-го полка, который не смог удержать занимаемых позиций, оставил Ильичевку и снова отошел к Корсунцам. В Межлиманье конвойный батальон, усиленный пулеметной ротой, не смог удержать участок протяженностью 5 км, который вынужден был оборонять, и был выбит из Августовки. Батальон смог закрепиться на окраинах села Прицеповки и, несколько сузив фронт, занял прочную оборону. Бой, как и накануне, не прекратился с наступлением темноты и был таким же яростным. (199)

Румыны предприняли попытку решить судьбу боя ночным ударом. В донесениях, поступавших из Восточного сектора, сообщалось что

«противник автомашинами подбрасывает новые части, которые тут же вводятся в бой». Командование сектора также ввело в бой все наличные силы. (200) 54-й СП всю ночь отражал *«непрерывные яростные атаки врага».*

ТРЕТИЙ ПРОРЫВ (29—30 АВГУСТА)

Однако несмотря на то, что ночные атаки хотя и продолжались до рассвета и назывались командованием армии в донесениях в штаб Южного фронта «яростными», они не были особенно интенсивными и носили в основном беспокоящий характер.

А вот с утра румыны повели наступление сразу во всех секторах, чтобы лишить командование оборонительного района возможности маневрировать по фронту огнем и резервами. Это говорило о том, что противник подготавливает главный удар и делает все, чтобы обеспечить ему успех. (201)

И ждать главный удар, конечно, следовало в Восточном секторе. В этом, в общем, никто не сомневался, мнения командования ООР не сходились лишь в том, на участке каких именно полков Восточного сектора он в этот раз будет нанесен. Сомнения разрешил начальник штаба Восточного сектора Захарченко, который, позвонив на ФКП Одесской ВМБ, сообщил, что наступление, по данным разведки сектора, ведут части 5-й, 13-й и 15-й дивизий, а главный удар наносится по пограничному и морскому полкам.

Впрочем, скоро определить направление главного удара противника стало совсем не трудно — по полкам велся исключительно сильный для румынских возможностей артогонь и наносились удары авиации. В ответ, как это бывало в особо кризисные моменты, из Крыма пришла бомбардировочная авиация Черноморского флота.

К ночи погранполк понес такие потери, что получил разрешение от командующего ООР отойти от Вапнярки и, развернув правый фланг вправо, закрепиться у Макогонки.

Морской полк при активной поддержке эсминцев, ценой огромных потерь сумел в этот раз в основном удержаться на занимаемых позициях, потеряв, однако, важную высоту, расположенную к северу от Николаевской дороги. Потери, понесенные полком в этот день, были одними из самых больших за все время боев. В 1-м батальоне осталось в строю 42 человека, в 2-м — 80.

Потеря высоты могла привести к значительному ухудшению ситуации на всем правом фланге сектора — она вклинивалась в наши по-

зиции между участками 1-го морского и 5-го кавалерийского полков, и из быстро установленных на ней легких орудий противник легко простреливал их боевые порядки. Самостоятельно захватить высоту полк уже не мог.

Отбивать высоту пришлось при помощи кавалерийского полка и при огневой поддержке крейсера «Червона Украина». 2-й эскадрон полка в пешем порядке повел наступление на зацепившегося за высоту противника. Румыны успели частично окопаться и окопать орудия, и хотя окопы были открыты не в полный профиль, огонь 130-мм орудий крейсера не наносил противнику особого ущерба.

Бой за высоту быстро принял крайне упорный характер. После того как стороны сблизилась на несколько сотен метров, «Червона Украина» вынуждена была перенести огонь на обратный скат высоты, а потом и глубже в тыл противника, так как осколочно-фугасные снаряды такого калибра дают разлет осколков до трехсот метров. Кавалеристы оказались наедине с румынскими пулеметами и неподдавленными пушками противника. В бою погибли сначала командир эскадрона, старший лейтенант Котенков, получивший смертельное ранение, а затем и принявший командование комиссар эскадрона Петренко.

Румыны обороняли высоту до последнего. Их легкая батарея не стала отходить с позиций, когда еще была такая возможность, и продолжала вести огонь практически в упор до тех пор, пока ее не забросали гранатами. Стойкость румынских артиллеристов произвела впечатление и на советское командование. Позднее было объявлено, что в окопах за позициями артиллеристов размещались немецкие автоматчики, выполнявшие роль «заградотряда». Как писал в своих воспоминаниях об этом случае начальник штаба Приморской армии Крылов, *«так обеспечивало гитлеровское командование “стойкость” своих союзников»*.

Однако о принадлежности этих мифических «автоматчиков» к какой-либо конкретной воинской части, установленной по захваченным при них документам, так и не было сообщено ни в соответствующих донесениях, ни в каких-либо послевоенных исследованиях.

Несмотря на то что движение вдоль берега имело успех, противник нес большие потери от огня корабельной артиллерии, и румыны решили, что более перспективным станет направление Межлиманья.

После того как центр тяжести румынского наступления переместился влево, положение 136-го запасного батальона (он был сформирован вместо разгромленного под Беляевкой полка) стало быстро ухудшаться. Батальон отошел из Прицеповки. Натиск на перешеек усилился до та-

кой степени, что возникла необходимость в организации заградительного огня.

Расположенные за позициями батальона батареи 134-го гаубичного полка выставили перед батальоном завесу разрывов тяжелых снарядов.

С высокого западного берега Хаджибейского лимана по прижатой к земле румынской пехоте открыли огонь батареи, находившиеся в распоряжении начальника артиллерии Восточного сектора, полковника Пискунова. Однако румыны, пользуясь численным преимуществом, сумели выйти из-под огня броском вперед. Батальон оказался смят раньше, чем артиллерия успела перенести огонь. Начальник штаба артиллерии сектора майор Васильев принял на себя командование остатками батальона и в конце концов сумел закрепиться в противотанковом рву перед Протопоповкой. На этой позиции остатки батальона смогли продержаться до подхода брошенного на ликвидацию прорыва 3-го батальона Разинского полка. После подхода подкреплений положение на перешейке стабилизировалось. Румыны продолжали атаки до вечера, но имевшихся у них сил, чтобы оттеснить оба батальона, было явно недостаточно. (202)

54-й Разинский полк, получивший с утра усиление в виде двух прибывших из Севастополя отрядов моряков и двух зенитных дивизионов, снятых с системы ПВО города, с их помощью уверенно отражал непрекращающиеся атаки противника, и его 3-й батальон даже попытался во второй половине дня в очередной раз отбить Ильичевку, которую занимали незначительные силы противника, но встреченный сильным пулеметным огнем, вынужден был залечь, а затем и отойти, после чего в связи с прорывом противника в Межлиманье был переброшен под Протопоповку. На участок, занимаемый переброшенным батальоном, был направлен подвижный резерв Софронова в количестве 120 бойцов 73-го морского зенитного полка, имевших шесть 85-мм орудий и три счетверенные пулеметные установки. На этом неудачи полка не закончились. Один из прибывших отдельных зенитно-артиллерийских дивизионов, 19-й, был быстро обнаружен противником. Румыны стянули к месту появления дивизиона все находившиеся «под рукой» огневые средства и открыли сильный минометно-пулеметный огонь по орудиям и прислуге раньше, чем те успели укрепиться. В результате дивизион понес большие потери, главным образом ранеными. (203)

Во второй половине следующего дня, после полуторачасовой артподготовки, в Восточном секторе начали наступление все три дивизи-

зии противника, которые поддерживались танками, артиллерией и авиацией. Удары наносились сразу на всех участках сектора. (204)

В Межлиманье на этот раз противнику не удалось достичь никаких результатов. 136-й запасной батальон полка, ранее усиленный пулеметной ротой и 3-м батальоном Разинского полка, смог при поддержке огня крейсера «Червона Украина», лидера «Ташкент» и эсминцев удержать Прицеповку, обороняясь от двух румынских полков.

Правее два других батальона 54-го полка, опершись на Корсуницы и Соляные Мельницы, удержались на восточном берегу Куяльницкого лимана. В полк была влита часть матросов-добровольцев, прибывших из Севастополя.

Расположенные правее 54-го 5-й кавполк и 1-й морской полк также смогли отбить все атаки противника. морской полк после отхода погранполка вынужден был ввиду большого разрыва между ним и соседом загнуть свой правый фланг вправо и даже несколько назад. Но и воюя фронтом на север и на восток, полк смог отбить все атаки противника.

Однако пограничный полк из-за понесенных накануне потерь, которые не удалось полностью восполнить (так как на весь сектор пополнения из прибывших маршевых батальонов было получено всего 1500 человек), снова не смог отразить натиск противника и, несмотря на поддержку корабельной артиллерии, был вытеснен из Макогонки и прижат к Фонтанке. (205) Чтобы избежать обхода правого фланга, морской полк также был вынужден начать частичный отход. Начальник штаба морского полка Сталюков позвонил в штаб Одесской ВМБ, отвечавшей за действия флотских подразделений, и доложил:

«Пограничный опять отошел. Правый фланг оголен. В разрыв просочились подразделения противника и заняли высоту 53,0».

Высота 53,0 находилась рядом с законсервированной 21-й батареей, которую прикрывало всего 20 человек охраны. В нескольких сотнях метров за батареей находился стратегически важный мыс Е, а в двух километрах западнее — Крыжановка, прорвавшись через которую, противник опять мог получить возможность выхода к Лузановке и к Пересыпи.

Так как связь с батареей еще действовала, заместитель начальника штаба ОВМБ, капитан 3-го ранга Деревянко связался с батареей по телефону. Дежуривший на аппарате телефонист батареи доложил:

«Слева и справа отходят подразделения морского и пограничного полков. Пехота противника наступает густыми цепями. Наши двенадцать человек с пулеметами у проволочного заграждения в окопах».

Нас семь человек на позиции у орудий, какие будут указания по орудиям?»

Деревянко отдал распоряжение немедленно заложить подрывные заряды в стволы орудий.

Телефонист доложил, что *«заряды заложены. На батарею движется много солдат противника. Многие подорвались на наших минах и запутались в проволочных заграждениях. Ползут к орудиям».*

На этом связь с батареей прервалась. Обеспокоенный Деревянко доложил о прорыве командиру базы. Контр-адмирал Кулишов лично позвонил в морской полк, чтобы выяснить обстановку.

«Товарищ Осипов, доложите обстановку. Что с батареей?»

«Противник прорвался между морским и пограничным, атаковал батарею, продвигается к мысу Е и в направлении Крыжановки, отсекая пограничников. Комиссар полка Митраков с двумя ротами и взводом пулеметов бросились на ликвидацию прорыва. Обстановка не ясна».

Обстановка прояснилась только спустя полчаса, когда в штаб базы перезвонил телефонист батареи и, извинившись, сообщил, что *«отлучался в рукопашную».*

Как выяснилось, напоровшись на колючую проволоку и мины, противник начал обходить батарею с двух сторон. Двенадцать матросов, отбивавших противника от батареи, вынуждены были перенести огонь на фланги, и румыны, воспользовавшись ослаблением огня перед батареей, стали преодолевать проволочное заграждение и минное поле. Выскочившие из казематов оставшиеся 8 матросов отбросили противника за заграждение, выиграв немного времени, необходимого для подрыва орудий.

Практически одновременно во фланг румынам ударили и матросы, посланные Осиповым. Теперь пришла очередь румын откатываться назад. Удар моряков, поддержанный пулеметным огнем с двух направлений, был настолько сильным, что матросам удалось не только отбросить противника, но и сомкнуть фланг с погранполком. Во время этого боя погиб и бывший командир батареи, командовавший батальоном морского полка, капитан Кузнецов.

ОДЕССКАЯ ДИВИЗИЯ (30 АВГУСТА — 11 СЕНТЯБРЯ)

В самый разгар боев в Восточном секторе командование оборонительного района приняло решение создать новую стрелковую дивизию, которая получила наименование Одесской. Решение это носило

в основном формальный характер. Командование ООР, получившее морем в течение последних трех дней 10 000 человек пополнения в составе маршевых батальонов, могло бы сформировать из них новую дивизию, хотя бы и половинного состава, оставив для этих целей хотя бы половину прибывшего пополнения, но не имело для этого ни нужного количества техники и вооружения, ни командных кадров.

Поэтому все прибывшие подкрепления были распределены по секторам, хотя нигде, кроме Восточного сектора, крайней необходимости в принятии такого решения не было. Поэтому создание Одесской дивизии по сути свелось лишь к реорганизации структуры управления Восточным сектором обороны. Теперь правый фланг оборонительного сектора должна была защищать не сводная группа, а дивизия, как это и было принято в остальных двух секторах.

Создание новой дивизии было решено начать с вопроса о ее командире. Кандидатура командовавшего сектором с самого начала труднейших боев за него комбрига Монахова была в последний момент отклонена командующим ООР Жуковым и, соответственно, командующим Приморской армией генерал-лейтенантом Софроновым.

В приказе командования ООР №9 о создании дивизии уже впечатанная фамилия Монахова была зачеркнута и заменена на фамилию другого кандидата на эту должность. (206)

Вместо отклоненного Жуковым комбрига была предложена кандидатура полковника Коченова. Кто именно предложил его на эту должность, неясно. Жукову Коченов был хорошо известен, так как являлся начальником гарнизона Одессы, обязанности которого до него исполнял сам Жуков. Генерал-лейтенант Софронов знал Коченова не менее хорошо, так как до назначения начальником гарнизона тот являлся комендантом ТИУР, состав которого был влит в Приморскую армию. В любом случае Жуков его кандидатуру одобрил, и в ночь на 30 августа Коченов был вызван на КП Приморской армии к ее командующему Софронову. Кроме генерал-лейтенанта на КП находились начальник штаба Приморской армии Крылов, члены Военного совета ООР Азаров и Воронин и член Военного совета Приморской армии Кузнецов.

Командующий армией поинтересовался у Коченова, сможет ли он командовать дивизией в Восточном секторе. Коченов ответил, что *«пока там не дивизия, а некий конгломерат»*, на что ЧВС ООР Воронин заметил, что *«командовать нормальной дивизией всякий сумеет»* и пояснил что наступательные действия от дивизии не требуются: *«Там, между лиманами и морем, нам нужен новый укрепрайон. Пусть не по названию укрепрайон — по существу! С обыкновенной*

полевой фортификацией вместо дотов. Но с очень продуманной системой огня».

Организовывать «укрепрайон» Коченову было не из чего: все артиллерийское и пулеметное вооружение ТИУР давно было распределено по частям Приморской армии в качестве усиления, но согласие на командование Коченов, естественно, дал. Военкомом дивизии был утвержден бригадный комиссар Аксельрод, начальником штаба — полковник Захарченко. Комбриг Монахов (207) был назначен начальником гарнизона города вместо Коченова.

Во вновь создаваемую дивизию включались в качестве стрелковых полков 26-й пограничный, 1-й морской и временно — 54-й Разинский (который после замены его еще не сформированным 1327-м стрелковым полком надлежало вернуть 25-й Чапаевской дивизии, которая без него была способна только к оборонительным действиям) и 1-й батальон 136-го запасного полка — т. е. части, уже находившиеся на позициях. Также в дивизию вошли 64-й отдельный пулеметный батальон (208) и остатки 249-го конвойного батальона. Крайне обескровленные предыдущими боями полки дивизии были пополнены 1500 бойцов из прибывших маршевых батальонов и одесскими ополченцами. 1327-й СП было решено передать дивизии после того, как он будет сформирован.

Артиллерии у новоиспеченной дивизии имелось явно недостаточно — всего лишь подвижная батарея на тракторной тяге, ранее входившая в состав Дунайской флотилии. Поэтому Приморская армия собиралась передать дивизии 983-й артполк, с 36 орудиями.

Однако передача обоих полков сильно затянулась. 11 сентября, когда дивизия была переименована, согласно предписанию заместителя Наркома обороны Щаденко в 421-ю стрелковую, оба полка только значились в ее штатном расписании.

Одновременно с переименованием дивизии была изменена и нумерация части входивших в нее полков. 1-й полк морской пехоты стал 1330-м стрелковым, а 26-й полк погранвойск НКВД — 1331-м стрелковым. Проведенные переименования затронули и кавдивизию, ставшую 2-й кавалерийской. Окончательно формирование новой дивизии было завершено только после операции по высадке Григорьевского десанта.

ПЛАН ЭКСТРЕННОЙ ЭВАКУАЦИИ (30 АВГУСТА)

Прорыв противника на позиции 21-й батареи произвел сильное впечатление на все командование Одесского оборонительного района. Имевшиеся в распоряжении противника силы были неизвестны,

но они могли оказаться вполне достаточными для того, чтобы, прорвавшись через Пересыпь к порту, отрезать от него войска Западного и Южного секторов. За подобные предположения говорил и случай, произошедший уже во время заседания Военного совета. Оператор штаба армии, направлонец по Восточному сектору (209) капитан Харлашкин, прервав доклад начальника штаба Приморской армии полковника Крылова, доложил:

«Командир погранполка Кудряшев сообщает, что видит со своего наблюдательного пункта движение колонны противника по Приморскому шоссе в сторону фронта. Просит ударить артиллерией».

Колонна противника была разгромлена огнем крейсера «Червона Украина».

Было собрано совещание членов Военного совета, на котором командующий Приморской армией Софронов оценил создавшееся в Восточном секторе положение как критическое. Командир базы Кулишов по поручению командующего ООР Жукова приказал начальнику штаба базы Иванову и коменданту порта Романову к утру приготовить расчеты на экстренную эвакуацию Приморской армии.

Подобные расчеты были сделаны исходя из того, что в случае экстренной эвакуации тяжелую технику и тыловое имущество придется бросить и уничтожить. Во второй половине ночи расчеты на экстренную эвакуацию были вчерне закончены и представлены командиру базы. Без тылов армию и базу можно было эвакуировать за три ночи с высадкой на мысе Тендра и в районе Ак-мечети — т.е. в ближайших пунктах, не занятых противником и пригодных для выгрузки войск.

Старшим по приему войск предполагалось назначить командира отряда кораблей Северо-западного участка Черного моря, контр-адмирала Вдовиченко.

На следующий день начальник штаба военно-морской базы, по повторному поручению Жукова ознакомившегося с содержанием расчетов, стал готовить на их основе соответствующий план. Работа над планом шла в обстановке полной секретности. Кроме командующих ООР и базой, начальника штаба базы, его заместителя и коменданта порта о подготовке плана не знал вообще никто. Ни командование Приморской армии, оперативно подчиненное Жукову, ни командование Черноморского флота, которому подчинялся он сам, не подозревали о подготовке подобного документа.

Кроме появления возможных панических слухов, командующий ООР, возможно, опасался и ответственности за инициативу по раз-

работке подобного плана, на всякий случай слово «эвакуация» было убрано совсем, так чтобы весь документ был выдержан в духе требований Ставки и наркома ВМФ оборонять Одессу до последней возможности. В результатеготавливаемый документ получил длинное название: *«План выхода из окружения частей Приморской армии и Одесской военно-морской базы после боя на последнем рубеже Оборонительного района»*.

В итоге план включил в себя помимо необходимых расчетов схему расстановки судов по гаваням и расписание экстренной посадки частей Приморской армии с графиком их вывоза. Этот план имел одну интересную особенность, которая отличала его от всех подобных планов, принимавшихся как на Черноморском флоте (210), так и на других флотах. Он не имел законченного характера. Заместителю начальника штаба Одесской ВМБ, капитану 3-го ранга Деревянко было вменено ежедневно приезжать на ФКП к начальнику штаба базы Иванову (из соображений абсолютной секретности план не выносился из флагманского командного пункта) и корректировать и план, и схему, исходя из наличия судов, которые в это время находились в распоряжении ОВМБ.

Несмотря на то, что вопрос об эвакуации никто открыто не поднимал, он постоянно витал в воздухе, даже после того как обстановка несколько стабилизировалась. 7 сентября даже начальник Генерального штаба маршал Шапошников, неоднократно напоминавший в своих радиogramмах о необходимости обороны Одессы до последней возможности, как это требовала Ставка, тем не менее заметил что *«если Одесса будет эвакуироваться, необходимо взять с собой крупных ученых-медиков»*.

Основной задачей плана являлся вывод живой силы войск обороны из-под ударов противника при наличии угрозы полного ее разгрома и уничтожения.

Все эвакуируемые силы делились на три эшелона.

В 1-й включались тылы Приморской армии и ОВМБ — всего около 14 500 человек. 2-й эшелон образовывали части боевого обеспечения, запасные части, полевое управление армии и часть личного состава партийных и советских организаций г. Одесса — около 18 000 чел.

3-й эшелон — полевые части общей численностью около 37 000 человек.

Эвакуация первого эшелона предусматривалась вне плана в распорядительном порядке до начала общей эвакуации по особым приказаниям ВС ООР. В качестве перевозочных средств должны были

использоваться транспорты, выполняющие перевозки оборудования заводов и армимущества.

Сам план предполагалось ввести в действие *«в момент отхода сил обороны на основной оборонительный рубеж по всему фронту»*. С момента введения плана в действие должно было начаться сосредоточение в пунктах посадки частей 2-го эшелона.

Пункты посадки в зависимости от обстановки планировалось развернуть в Одесском порту, используя для этого баржи на буксирах, парусно-моторные суда порта и *«стоящие в данный момент в порту транспорты»*.

В случае невозможности организации посадки в порту планировалась эвакуация с побережий Малого Фонтана и Аркадии.

После погрузки людей суда должны были двигаться в ближайший «свободный порт», которым на момент составления плана являлся м. Тендра. После перевозки второго эшелона суда должны были вернуться за первым. Моментом начала эвакуации третьего эшелона являлся момент отхода сил обороны по периметру на внешнее кольцо баррикад города.

Предполагалось, что все посадочные средства, прибывающие к кораблям с последними группами людей, после приема людей на борт берутся на буксир и уводятся в пункт высадки. По окончании посадки все тихоходные суда должны были строиться в две кильватерные колонны и двумя отрядами, под конвоем боевых кораблей следовать в пункт высадки. Пунктами высадки для 3-го эшелона назначались Ак-мечеть и Ярылгачь.

Так как при таком способе эвакуации большое значение приобретала не только скорость погрузки, но и скорость выгрузки, в пунктах высадки создавались командные группы, руководящие ею, аналогичные таковым в пунктах погрузки.

Части Тендровского оборонительного района и Каракинитского сектора должны были содействовать выгрузке, а их командиры, полковники Костюченко и Просянов должны были распоряжаться ими по указаниям Военного совета ООР.

Общее руководство отводом войск должен был осуществлять ВС ООР. С начала посадки штаба армии на корабль на него должен был переместиться и ВС Приморской армии. С момента начала посадки 2-го эшелона руководство эвакуацией переходило к командиру ОВМБ.

Прикрытие посадки первого эшелона должно было осуществляться силами ПВО ООР, отрядом кораблей ОВМБ и дозорными судами.

Прикрытие посадки второго и третьего эшелонов осуществлялось в дневных условиях с моря, воздуха и суши, в ночных — с моря и суши.

Прикрытие с моря осуществлял отряд контр-адмирала Вдовиченко, на него же возлагалось и прикрытие посадки эшелона с воздуха. Поэтому во время погрузки он должен был занимать места по *«диспозициям, допускающим наиболее полное прикрытие места посадки огнем корабельной ЗА от атак авиации противника, от атак с моря (главным образом подводных лодок противника), а также допускающим поддержку артогнем сил обороны на основном оборонительном рубеже».*

Предполагалось, что авиация ООР, *«обеспечивая посадку людей от атак авиации противника, в то же время находится в готовности для оказания поддержки силам ООР, находящимся на основном оборонительном рубеже».* (Как это предполагалось делать одновременно, неясно, видимо, авиация, по замыслу командования ОВМБ, должна была барражировать над участком посадки с полными подвесками либо штурмовать войска противника только пулеметно-пушечным вооружением.)

От действий противника с суши посадка второго эшелона прикрывалась *«упорной обороной полевых войск на основном оборонительном рубеже».*

Посадка третьего эшелона, т. е. собственно войск, являлась самым слабым местом плана.

Предполагалось, что *«при наличии возможности»* ее желательно произвести ночью. Последовательность отхода дивизий на посадку не была разработана, никаких планов на этот счет не существовало, и считалось, что она будет установлена в последний момент указаниями ВС в соответствии с текущей обстановкой.

Прикрытие посадки третьего эшелона с моря осуществлялось также силами отряда кораблей ООР и — по возможности — боевыми кораблями ЧФ.

При отходе боевых частей ООР на посадку их прикрытие с суши, которое сначала вообще хотели поручить истребительным отрядам в итоге решили осуществлять *«арьегардными батальонами, выделяемыми командирами частей, занимающими оборону на баррикадах».*

На переходе караваны тихоходных каботажных судов должны были прикрываться кораблями ЧФ. На всякий случай было максимально увеличено число дымзавесчиков (211), которые должны были прикрывать места посадки и высадки для затруднения ведения противником прицельного огня.

В целом план весьма напоминал авантюру, был сильно недоработан и вполне мог кончиться катастрофой. Подписал план замначштаба ООР и начштаба ОБМБ каперанг Иванов 4 сентября, но предусматривалось, что одобрить его в письменном виде должны были командующий ООР и члены Военного совета, для чего были сделаны соответствующие графы.

И даже после ликвидации непосредственной опасности на плане имелась карандашная пометка: *«Передать в оперотдел штаба Приморской в личный сейф начштаба» 11.10.41.* (212)

Однако план экстренной эвакуации так и остался неустраиваемым. Несмотря на то, что судьба осажденного города еще два дня висела на волоске, необходимости покинуть город из-за давления противника так и не возникло. Вовремя доставленные подкрепления и мужество бойцов, сумевших продержаться до их ввода в бой, переломили ход сражения в тот момент, когда казалось, что шансов на это уже нет.

Но непригодившийся план, при всем его несовершенстве, все же не был составлен зря. Он подстраховал Приморскую армию от полного уничтожения в случае неблагоприятного исхода боев за город. Командующий Одесским оборонительным районом своевременно подготовился к ситуации, с возможностью возникновения которой не желало считаться ни командование Черноморского флота (213) ни сама Ставка Верховного Главнокомандования.

НА ВОЛОСКЕ. ПОСЛЕДНИЕ УДАРЫ (31 АВГУСТА — 1 СЕНТЯБРЯ)

На рассвете 31 августа в Одессу в сопровождении эсминца «Сообразительный», тральщика и трех малых охотников пришел транспорт «Днепр», доставивший еще 3000 человек пополнения. В это время враг продолжал теснить советские части в Восточном секторе. Румыны продолжали наступать силами 13-й и 15-й дивизий. (214)

Противник ворвался в Фонтанку и продолжал теснить погранполк, отошедший за несколько суток с начала румынского наступления почти на 14 км, к мысу Е, одной из самых стратегически важных точек, способных заметно повлиять на ход всей дальнейшей обороны города. (215)

Захват этого мыса, с которого просматривались причалы Одесского порта, позволил бы эффективно корректировать огонь вражеской

артиллерии непосредственно по разгружающимся кораблям, организовать артиллерийскую блокаду и разрушение порта, что привело бы к сокращению снабжения армии. Захват же самого порта означал бы отсечение от него войск армии и частей базы, что привело бы к неминущей катастрофе.

В Межлиманье, где румыны накануне захватили Прицеповку, батальоны запасного и 54-го полков были вынуждены отойти в Протопоповку. Во второй половине дня батальоны были выбиты и из Протопоповки, и из Поваров и оказались прижаты к высоте 52,5, рядом с Жеваховой горой, в трех километрах от Пересыпи. При потере этой точки с нее также становилась возможной корректировка огня по порту. Просматривался порт и с крыш занятой румынами Фонтанки.

Уже во второй половине дня, подтянув тяжелые батареи, противник пристрелял вход в порт, чтобы иметь возможность поражать проходящие через него суда, даже если они будут прикрыты дымзавесой. Вскоре начался прицельный обстрел и стоящих в гавани кораблей. Командование базой в спешном порядке стало укрывать их за высокими сооружениями — складами и холодильником, — там они пока не просматривались противником и поэтому поразить их даже при ведении огня с разных направлений было труднее.

Выбранная румынами тактика принесла успех уже на следующий день, когда эсминец «Шаумян», входя в гавань для ремонта, получил прямое попадание снаряда в мостик.

О сложившейся ситуации было доложено Военному совету ЧФ, который в свою очередь поставил в известность наркома ВМФ. В ответ замнаркома ВМФ адмирал Галлер и Военный совет ЧФ прислали радиogramмы с рекомендациями создавать резервные причалы в районе Аркадии. Строительство таких причалов, в соответствии с полученными указаниями, было развернуто немедленно.

На оба участка прорыва тут же было направлено подкрепление, но на всякий случай командующий Приморской армией приказал перевести штаб Восточного сектора из Лузановки на завод им. Красина, расположенный на восточной окраине Одессы. Завод был расположен как раз напротив Межлиманья, и руководить оттуда боевыми действиями, приблизившимися к городу, было удобно. Таким образом Восточный сектор установил своеобразный печальный «рекорд»: его штаб, единственный из штабов секторов, отступил непосредственно на окраины города.

Погранполк откатился на высоту 47,4, расположенную в полутора километрах от мыса Е. Захват этого мыса, с которого просматрива-

лись причалы Одесского порта, позволил бы эффективно корректировать огонь вражеской артиллерии непосредственно по разгружающимся кораблям.

Помимо этого, румыны могли просто уничтожить полк на позициях — правый его фланг упирался в море, а в тылу находился берег залива: возможностей для отхода больше не было.

В качестве немедленных мер по стабилизации обстановки было решено усилить артиллерийскую поддержку погранполка и батальонов, находящихся в Межлиманье. На оба участка добавили по одному кораблю и береговой батарее. Для поддержки 26-го погранполка, находившегося в наиболее угрожаемом положении, был выделен крейсер «Червона Украина», также его дополнительно поддержали огнем один из дивизионов артиллерии Приморской армии и часть береговой артиллерии.

Два крейсера, пять эсминцев и две канонерские лодки, сосредоточившись в Одесском заливе в районе Пересыпи, повели непрерывный огонь по противнику. Под прикрытием непрекращающегося огня девяти кораблей, задачей которого было не дать противнику сосредоточиться для перехода в наступление, измотанные части поспешно закреплялись на высотах, к которым им пришлось отступить.

Командующий армией генерал Софронов сообщил комбригу Монахову, что утром, с приходом маршевых батальонов, выделит сектору тысячу штыков. Чтобы части смогли продержаться до их подхода, командующий ООР отдал распоряжение кораблям и береговой артиллерии вести огонь в течение всей ночи. Огонь велся по заявкам командиров полков, которые всю ночь провели на позициях, маневрируя огнем приданной артиллерии по угрожаемым участкам. В целях максимального повышения эффективности огня корректировочные посты, уже имевшие определенный опыт ночных действий, всю ночь корректировали огонь по указываемым им целям. Как сказал начальнику штаба Приморской армии полковнику Крылову начальник штаба ОВМБ Иванов, *«корпосты в Восточном секторе предупреждены, что от них может зависеть судьба Одессы»*.

Из всех ночей осажденной Одессы эта, пожалуй, была наиболее тревожной. До самого рассвета со стороны рейда доносился грохот канонады 8 боевых кораблей (эсминец «Фрунзе» с наступлением темноты ушел с конвоем), а через город в восточном направлении летели снаряды береговой артиллерии.

Конвой в составе трех транспортов — «Березины», «Чапаева» и «Армении», доставивший, помимо боеприпасов и вооружения, ожи-

даемое очередное пополнение в количестве 2 тыс. человек, задержался в пути и в результате был обстрелян целых три раза — в море, при входе в порт и непосредственно у причалов. При поддержке огня «Червоной Украины» и «Сообразительного», пытавшихся подавлять вражеские батареи, транспорты удалось разгрузить, избежав потерь.

Оставшиеся корабли продолжали поддержку полков, помогая своим огнем отражать румынские атаки, которые возобновились с рассветом. Однако силы противника после недели непрерывных боев тоже были на исходе. Командиры морского и пограничного полков Осипов и Кудряшев в утренних докладах в штаб базы сообщили, что интенсивность атак противника значительно слабее, чем накануне, и занимаемые позиции удерживаются надежно. (216)

Еще более оптимистичный доклад поступил из Межлиманья.

Оттуда сообщили, что батальоны не только больше не отойдут, но и в состоянии вернуть часть потерянных позиций. Командующий ООР Жуков и член Военного совета ООР Воронин немедленно выехали на Жевахову гору, чтобы разобраться в реальности таких перспектив на месте. Командовавший батальоном 54-го полка, старший лейтенант Волошко заверил командующего, что батальон в состоянии перейти в контратаку. Адмирал приказал перенацелить на поддержку участка, прикрываемого уже двумя эсминцами, и третий — вооруженный 130-мм орудиями «Беспощадный». К 16.00 батальон Волошко действительно смог взять Протопоповку, овладев участком от нее до высоты 66,3. (217)

Теперь настал черед румын пытаться восстановить положение. В последующие два дня Протопоповка несколько раз переходила из рук в руки. В конце концов Волошко, видя, что силы противника окончательно исчерпаны, стянув с селу большую часть занимавших участок подразделений, смог в нем надежно закрепиться, а через неделю смог захватить и Прицеповку. За эту неделю сентябрьских боев старший лейтенант был награжден орденом Красного Знамени.

К исходу дня во всем Восточном секторе наконец установилось затишье. Командиры полков впервые доложили, что противник оккупается, а в районе Фонтанки, где перед этим шли наиболее жестокие бои, даже сооружает проволочные заграждения. (218)

Через день захваченные в ходе разведпоисков пленные покажут, что части противника, находящиеся в Восточном секторе испытывают некомплект до 50 % личного состава. Это была победа — скромная, почти незаметная, но победа. Четыре полка Восточного сектора, три из которых были обескровлены предыдущими боями, смогли

в течение недели выдержать натиск трех вражеских дивизий, одна из которых, 15-я, являлась свежей. Румынам так и не удалось ни захватить мыс Е, ни удержать позиции у Жеваховой горы.

Бои конца августа в Восточном секторе явились одними из самых драматичных за все время Одесской обороны, знавшей немало жестоких сражений. Ситуация, возникшая здесь, несмотря на несравненно меньший масштаб событий, напоминала сложившуюся позднее в Сталинграде. Прорыв румын к мысу Е был для защитников Одессы примерно тем же, чем для сталинградцев — полный выход немцев к Волге. Позиции в Восточном секторе из-за своей близости к гавани являлись ключевыми, так как потеря их могла привести к отсечению Приморской армии от порта и сделать невозможным снабжение и эвакуацию войск.

Неделя боев показала относительную слабость 4-й румынской армии. У противника не хватало сил вести мощное наступление сразу в нескольких оборонительных секторах. В первую очередь для этого не хватало артиллерии. Тяжелые и полевые батареи румын не могли на равных конкурировать с береговыми батареями ООР и артиллерией кораблей ЧФ. Основную массу своей артиллерии противник вынужден был сосредоточивать на направлении главного удара. Непрерывный обстрел порта и частей Восточного сектора, например, осуществлял лишь 11-й тяжелый артиллерийский полк, что в такой ситуации, конечно, было недостаточным. Поэтому действительно мощные удары у румын так и не получилось наносить в нескольких секторах сразу. В результате в течение всей обороны города центр наступательных действий несколько раз смещался из одного сектора в другой. При этом значительно пополнить части, понесшие потери в наступательных боях, румыны тоже не могли.

Поэтому в такой ситуации после прекращения наступательных операций в Восточном секторе оставшиеся в нем 13-я и 15-я румынские дивизии сами оказались в уязвимом положении. Несмотря на то, что румыны максимально укрепили занятые ими позиции, и особенно Фонтанку, дальнейшие события показали, что проявить в обороне стойкость, подобную той, которую проявляли противостоявшие им советские войска, потеряв до половины своей численности, они не смогли, несмотря на высокий профессионализм их кадрового состава.

До самого окончания обороны города румыны так и не смогли больше перейти здесь в значительное наступление. Более того, героическая оборона защитников Восточного сектора, перемоловших

здесь значительную часть двух вражеских дивизий, сделала возможным и последующий контрудар, и во многом способствовала успеху высадки Григорьевского десанта.

Не случайно, что и Ставка Верховного Главнокомандования, выделившая в конце концов Одессе свежую дивизию, сделала это целевым назначением, оговорив, что задачей этой дивизии является именно исправление положения в Восточном секторе — жизненно важном для обороны города.

ФЛАНГОВЫЕ НАСТУПЛЕНИЯ, ЮЖНЫЙ СЕКТОР

ЛЕНИНТАЛЬСКИЙ КЛИН (27 АВГУСТА — 3 СЕНТЯБРЯ)

27 августа румынские войска, ведшие в Южном секторе наступление на части 25-й стрелковой Чапаевской дивизии, сосредоточили свои усилия на участке 287-го стрелкового полка, которым после ранения полковника Султан-Галиева командовал капитан Ковтун-Станкевич. (219)

После полудня румыны начали наносить последовательные удары на участке полка, постепенно наращивая их силу.

В 12.30 противник силами до батальона попробовал атаковать в направлении высоты 63,3, но артиллерийским огнем был рассеян.

В 15.30 противник начал сильную артподготовку по переднему краю, на участке между высотами 63,3 и 80,0. Через полчаса противник численностью до полка перешел в наступление в направлении высоты 63,9, одновременно до батальона румын вело наступление на высоту 80,0.

Сосредоточенным огнем всей артиллерии дивизии при поддержке авиации и эта атака была отбита. (220)

Эти первые удары, нанесенные во второй половине дня 27 августа, дивизии удалось отбить с большими потерями для противника. После чего румыны прекратили атаки до наступления темноты. (221)

Ночью противник возобновил наступление на позиции 287-го полка, непрерывно атакуя в течение двух часов, но успеха снова не имел, так как командовавший сектором Петров добился разрешения на ввод в бой 3-го кавалерийского полка, находившегося в армейском резерве.

Полк вступил в бой незадолго до полуночи, что явилось полной неожиданностью для противника. Кавалеристы наголову разбили батальон 13-го пехотного полка 14-й ПД. Около 100 солдат противника было убито, 20 захвачено в плен. (222)

Однако днем румыны ввели в бой первый эшелон свежей 8-й пехотной дивизии, 8-й егерский и 29-й пехотный полки, которые подержали потрепанные полки 14-й пехотной дивизии.

Противник рассчитывал ударом частей 8-й дивизии прорваться на Дальник и, выйдя к Сухому лиману, переломить ситуацию в Южном секторе, отрезав его войска от основных сил оборонительного айона. (223)

После артподготовки, продолжавшейся более двух часов, румыны двумя полками 21-й пехотной дивизии перешли в наступление из района Фрейдентала, пытаясь сбросить 287-й полк с высот 80,0 и 3,9, расположенных восточнее поселка. Бой за высоты длился в течение всего дня.

Все атаки 1-го пехотного полка, штурмовавшего высоту 63,3, удалось отбить. Отразить же натиск 2-го пехотного полка, атаковавшего высоту 80,0, оказалось сложнее. Высота неоднократно переходила из рук в руки. На ее склонах завязывались многочисленные рукопашные хватки. Боевые порядки подразделений перемешивались, обе стороны неоднократно захватывали пулеметы противника и тут же пускали их в ход. Переброшенный сюда 7-й КП не смог изменить ход боя.

К вечеру 28 августа подразделения обоих полков, понеся большие потери, оставили высоту 80,0. На этот момент в 7-м кавалерийском полку осталось всего 200 сабель, и он был отведен в район хутора (альницкий, «где приводился в порядок»). 287-й СП сохранил боеспособность, несмотря на то, что потерял в бою половину личного состава. Прорваться на этом участке противник так и не смог. (224)

В целом положение Приморской армии в этот день значительно сложилось. (225)

К кризису в Восточном секторе, с которым с трудом справлялись войска ООР, теперь добавилось и ухудшение обстановки в Южном секторе. Введя в бой 3-й КП, командование армии опять осталось без резервов, о чем была сделана соответствующая запись в журнале боевых действий: *«Армрезерва нет. Подготовленного запаса для пополнения вместо убитых нет».*

В следующие два дня румынское наступление продолжилось. При поддержке авиации и огня береговых батарей 287-й полк, медленно ятаясь, в целом все-таки удерживал свои позиции, не допуская обвала фронта на своем участке. (226)

Наиболее тяжелая ситуация сложилась 29 августа. В этот день, по казанию Генерального штаба 1-я КД была переименована во 2-ю, также была изменена нумерация двух из трех ее полков: 5-й стал

15-м а 3-й — 20-м (227), что поначалу создавало некоторые трудности с управлением.

К 23 часам 29 августа румынам удалось наконец занять и высоту 63,3. К вечеру в 287-м стрелковом полку, по докладу штаба армии, *«осталось 740 штыков»*. Еще хуже было положение в 15-м КП, также отведенном с фронта. Вместо него в бой был снова введен 7-й полк. 20-й кавполк решением командующего армией был выделен в резерв начальника Южного сектора. (228)

Кавалерийские полки несли в боях еще большие потери, чем стрелковые, даже если действовали в пешем строю — сказывался недостаток тяжелого вооружения. Во время тяжелейших боев конца августа стало обычным, если кавалерийскому полку удавалось провоевать на передовой всего один день.

Ночью две роты противника прорвали оборону 287-го стрелкового полка в районе высоты 76,3, но были отброшены ударом полкового резерва.

Днем 30 августа боевые действия велись уже в районе хутора Красный Переселенец — на полпути между Фрейденталем и Дальником. (229)

В полдень он был захвачен румынами, но после того как истребители 69-го ИАП нанесли по противнику штурмовой удар, подразделениям 287-го полка удалось выбить противника из хутора. Но к вечеру, подтянув резервы, румыны смогли снова захватить Красный Переселенец и, продолжив наступление, в 18.30 вышли к кургану, расположенному восточнее хутора. В районе кургана 287-му стрелковому полку наконец удалось остановить продвижение противника. Но перевес в силах был явно на стороне румын, и исход боя являлся только вопросом времени. Полк уже потерял треть от своего и без того немногочисленного состава и сдерживал натиск румын из последних сил. Вместе с тем командование армии настойчиво требовало *«восстановить положение»*. (230)

Хорошо представляя себе возможности полка, начальник Южного сектора генерал-майор Петров бросил на его поддержку 80-й отдельный разведывательный батальон, счетверенные зенитно-пулеметные установки и сам выехал к месту боя. В присутствии Петрова полк, при поддержке бронетехники разведбата и огня счетверенных пулеметов, *«дважды переходил в контратаки с целью восстановить положение, но под натиском превосходящих сил противника отходил в исходное положение»*.

Лишь ночью Петров смог убедить командование армии в том, что полк окончательно утратил способность к наступательным действи-

ям, и получил через начальника штаба армии указание командующего *«для восстановления положения используйте 20-й КП»*. (231)

287-й полк, в котором уже оставалось всего около 500 бойцов, был наконец сменен на передовой 20-й кавалерийский и отведен в Дальник для приведения в порядок и доукомплектования. Одновременно был выведен из боя и 7-й КП, который, провоевав после «приведения в порядок» всего один день, уже снова нуждался в пополнении. На доукомплектование отправили и 15-й КП, со вчерашнего дня также выведенный в тыл, благо доукомплектовывать в этот раз было чем.

Утром 31-го августа в Одессу прибыло так долго ожидаемое маршевое пополнение в количестве 5000 человек. Ввиду тяжелых боев, развернувшихся в Южном секторе, Восточный, считавшийся в эти дни приоритетным, не получил, как это ожидалось, большей части прибывших. В него, как и в Западный сектор, было направлено по 1500 человек, а 2000 были направлены в Южный. Пополнение было поровну поделено между 25-й стрелковой и 2-й кавалерийской дивизиями. Во 2-й КД пополнение было поровну распределено между 7-м и 15-м полками, хотя 15-й КП нуждался в доукомплектовании в значительно большей степени. Накануне он понес большие потери, чем кто-либо из кавалерийских полков за все время их применения под Одессой, установив своего рода печальный рекорд — в нем осталось всего 20 % личного состава.

В 25-й СД пополнение в основном было направлено в 287-й СП.

Появление маршевого пополнения в Одессе именно в этот день было не случайным. Накануне из Севастополя прибыл последний отряд моряков. Больше направлять подкрепления главная база флота уже не могла, так как ее резервы были исчерпаны до критической величины. Состав этого первого армейского пополнения был лучшим за все время поступления маршевых рот и батальонов в Одессу. В пополнении было много коммунистов и комсомольцев, донецких шахтеров и сталинградских металлостроителей. Бойцы были неплохо обучены, хорошо экипированы и полностью вооружены. К сожалению, в дальнейшем подобные пополнения поступали в Одессу крайне редко. А основная масса прибывающих состояла из необученных людей, с плохой экипировкой, часто не имевших патронов, а иногда и винтовок.

Противник не замедлил воспользоваться проведенной перегруппировкой. Сначала события утра 31 августа не представляли особой угрозы: с рассветом противник начал вялые атаки на стыке 20-го КП с 90-м СП, безуспешно пытаясь захватить Вакаржаны.

Но в 11 часов румыны атаковали юго-западнее Дальника, от хутора Красный Переселенец, и довольно быстро захватили высоту 67,5, откуда стали наносить удары встык между 20-м кавполком и 31-м стрелковым, прорвав наскоро оборудованный здесь дополнительный оборонительный рубеж. (232)

20-й кавалерийский полк начал откатываться назад, и передовые части румын стали приближаться к Татарке. Подразделения 31-го стрелкового полка в меньшей степени пострадали от удара противника, основная тяжесть которого пришлась на кавполк. 1-й батальон 31-го полка капитана Петраша при поддержке 36-й батареи 40-го морского подвижного артдивизиона нанес неожиданный удар во фланг наступавшей румынской пехоте.

Батарея имела на вооружении трехдюймовые орудия, чего в подобных случаях обычно оказывалось недостаточно. Поэтому командир батареи лейтенант Бойко приказал вести по противнику огонь с максимальной интенсивностью, развив предельную скорость стрельбы. От частого огня на стволах орудий загоралась краска, и расчеты, скидывая с себя одежду, смачивали ее водой и бросали на стволы, чтобы орудия не вышли из строя из-за перегрева. Во время этого боя произошел редчайший случай, подобные которому на фронтах Второй мировой войны исчислялись единицами — румынский снаряд попал в ствол орудия, где и разорвался.

Противник вынужден был залечь и развернуть фронт против батальона. Пока румыны занимались отражением атаки батальона 31-го СП, подразделения 20-го кавполка сумели закрепиться и при поддержке артиллерийского огня следующую атаку противника отбили собственными силами.

Изменение обстановки в Южном секторе обеспокоило командование Одесского оборонительного района. Начальник штаба ООР Шешенин выехал на КП 25-й дивизии в Дальник для организации помощи оборонявшимся там частям. Командовавший сектором и 25-й дивизией генерал Петров, не имея резервов, мотался по передовой и, по выражению зам. начальника штаба ОВМБ Деревянко, *«итопал и латал расползавшийся фронт»*, перебрасывая с участка на участок наспеш сколоченные сводные отряды, оголяя при этом более спокойные участки и прикрывая наиболее угрожаемые. В результате ему удалось выиграть время, и противник, имевший на отдельных участках 3—5-кратное превосходство, так и не смог развить наступление на Татарку.

К району прорыва противника был подтянут 15-й кавполк Блинова, в разрыв между полками 25-й дивизии бросили 7-й кавполк Ле-

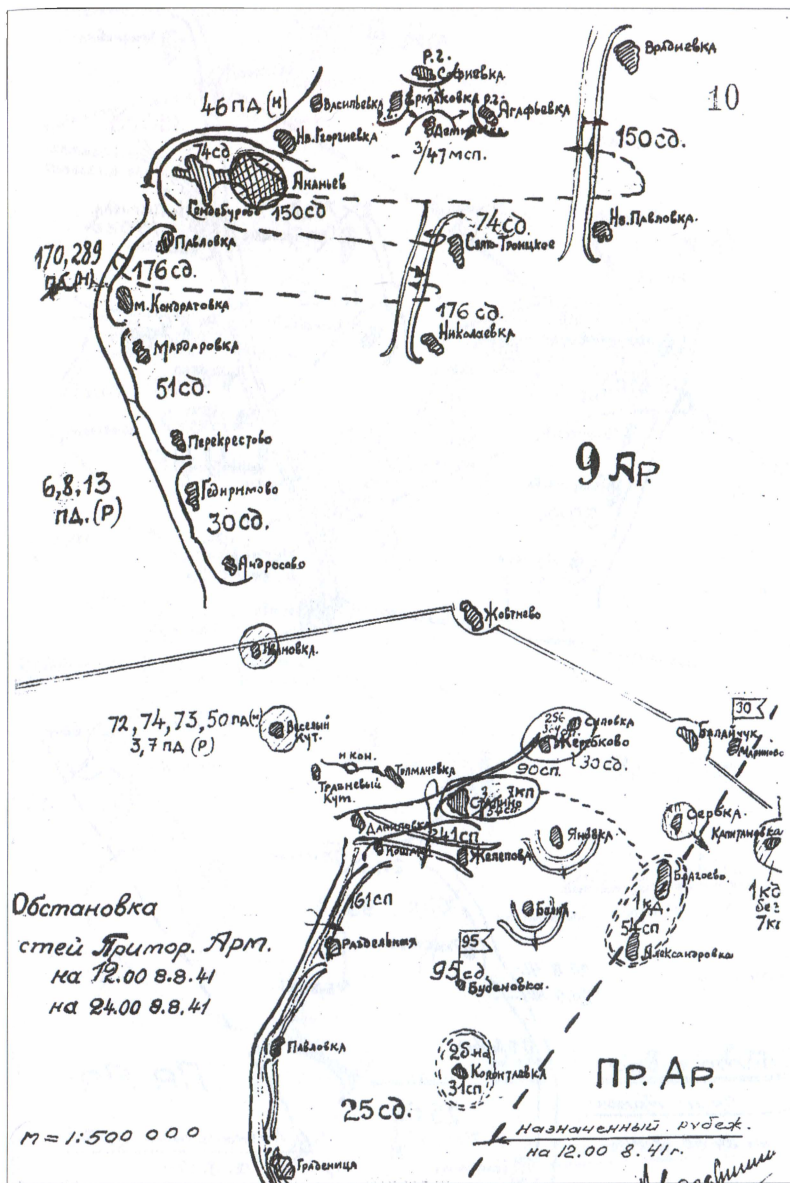

Схема 1. Положение на Одесском направлении на 8.08.41 г.

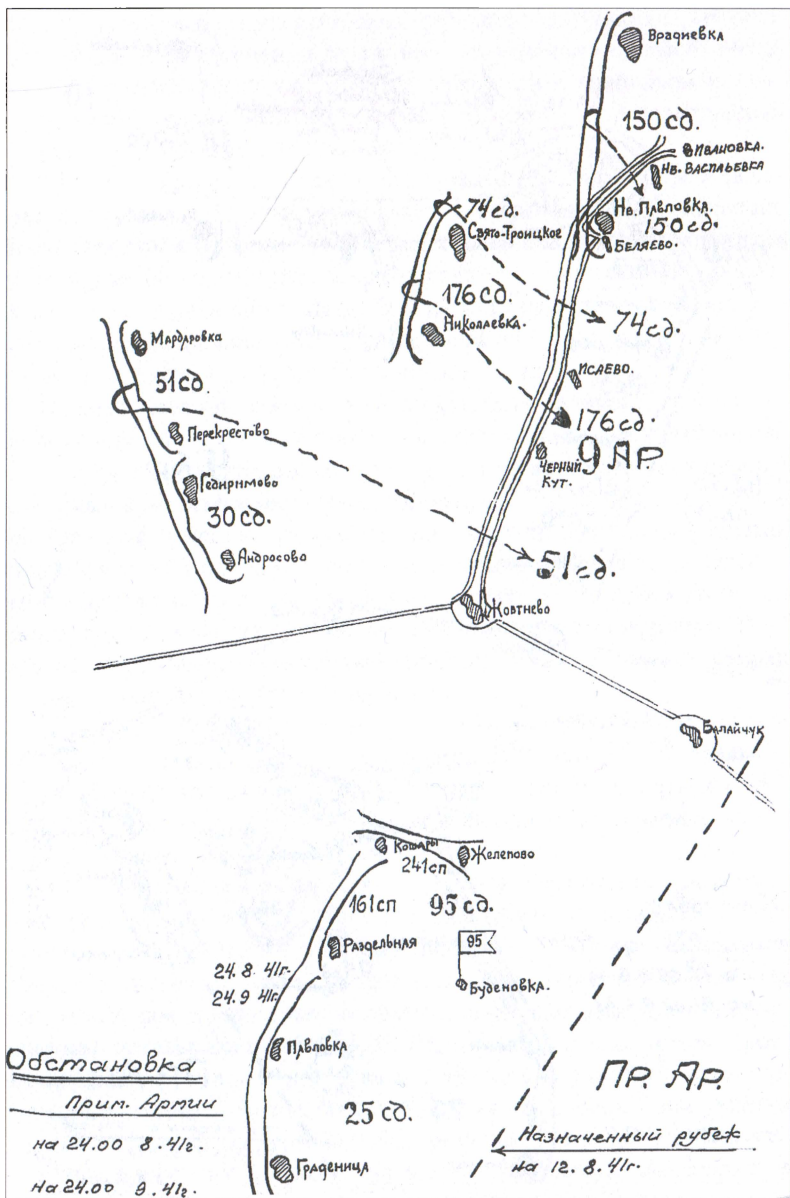

Схема 2. Положение на Одесском направлении на 9.8.41 г.

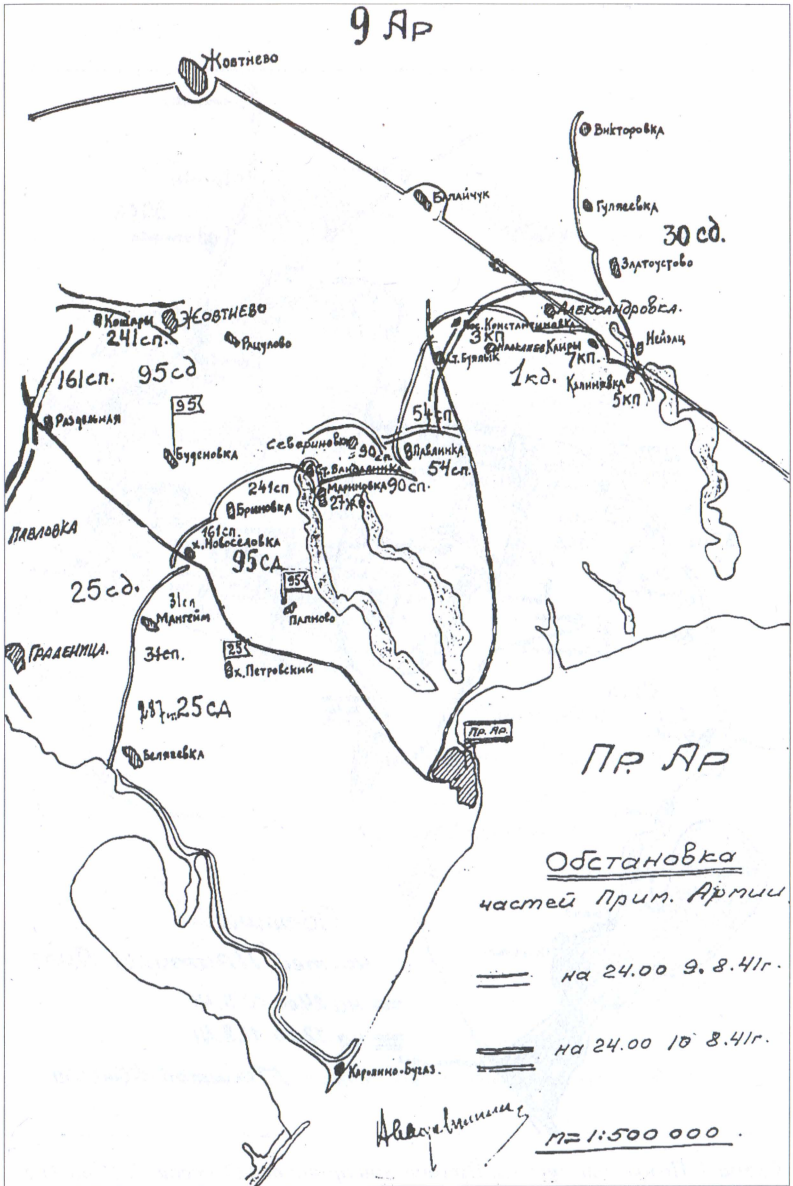

Схема 3. Положение частей Приморской армии под Одессой на 10.08.41 г.

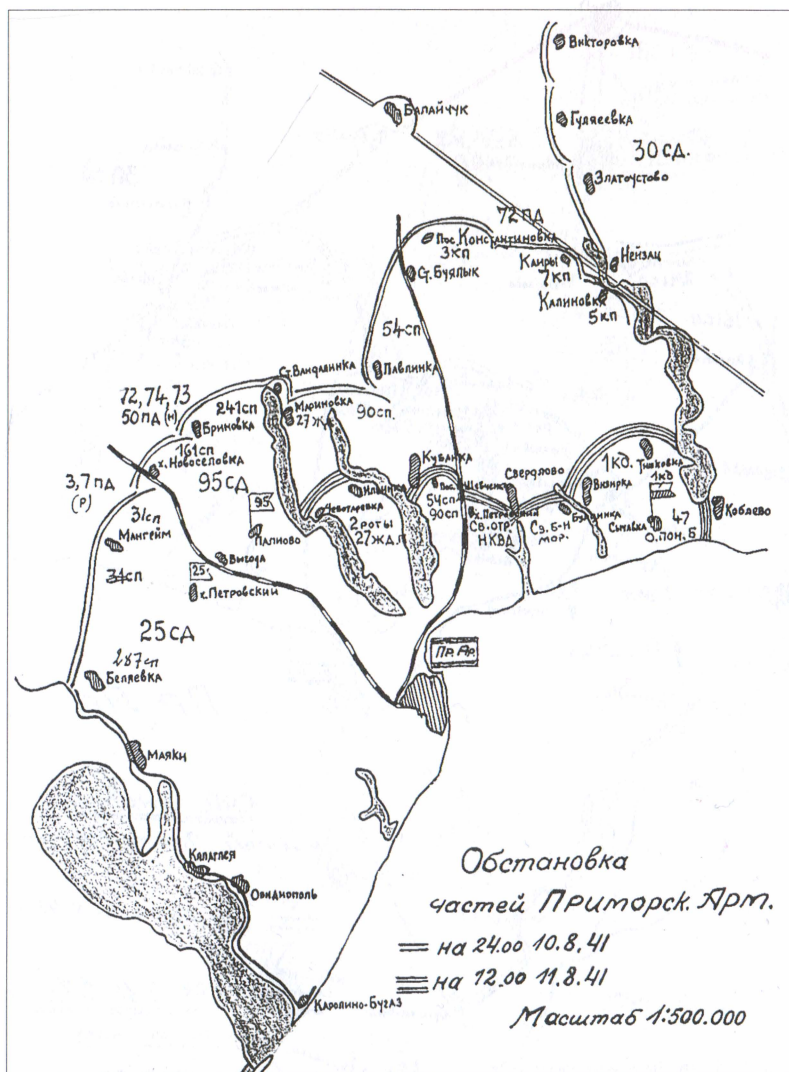

Схема 4. Положение частей Приморской армии под Одессой на 11.08.41 г.

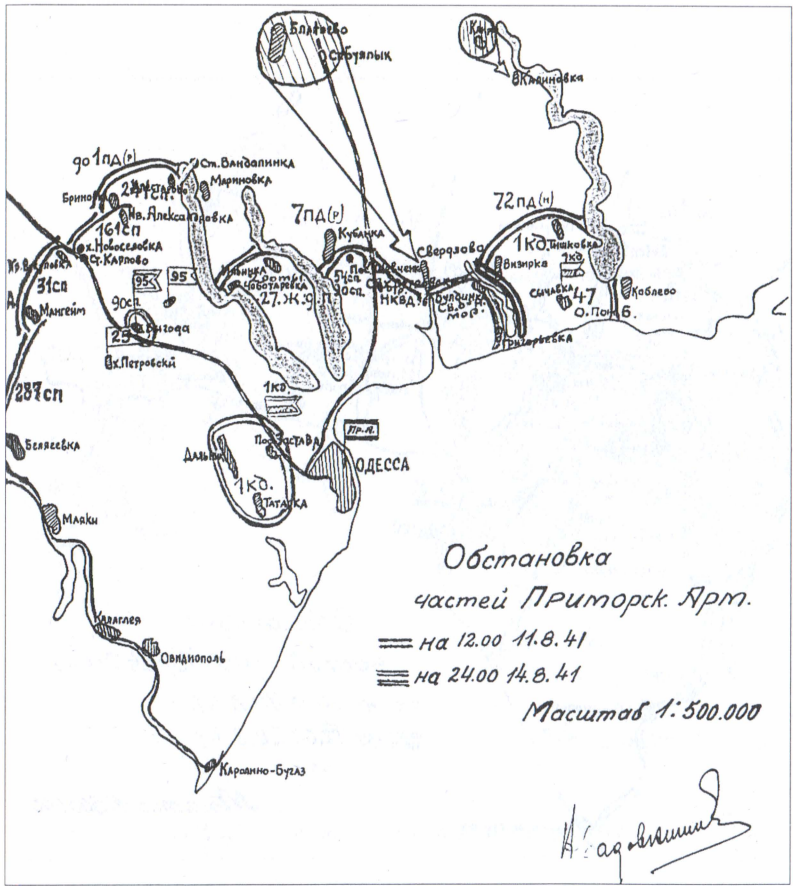

Схема 5. Положение частей Приморской армии на 14.08.41 г.

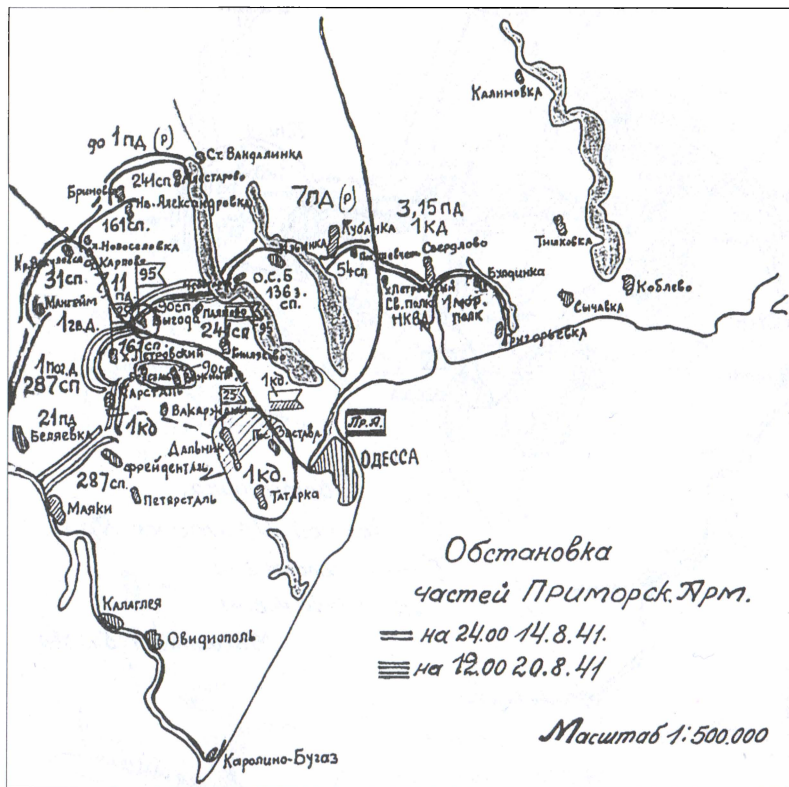

Схема 6. Положение частей ООР на 12.00 20.08.41 г.

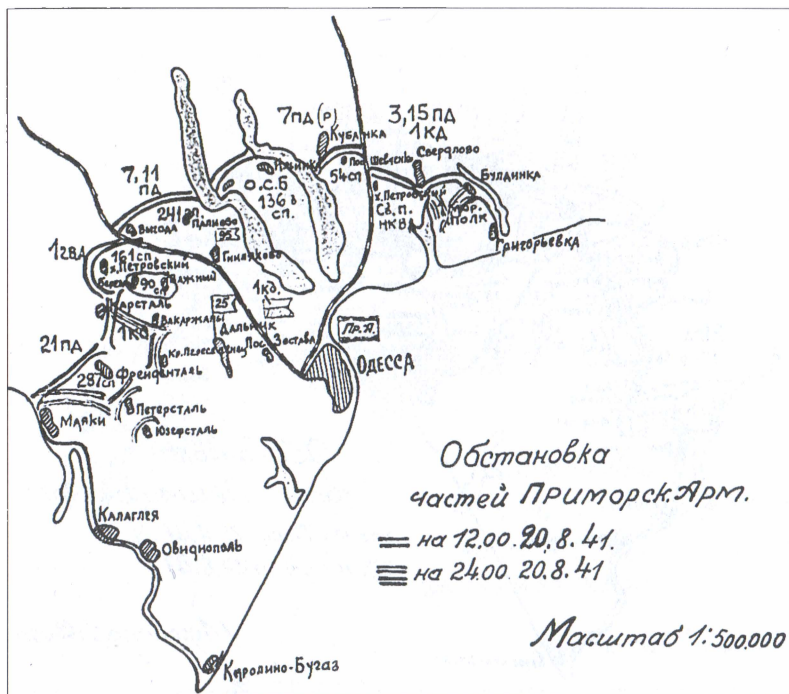

Схема 7. Положение частей ООР на 24.00 20.08.41 г

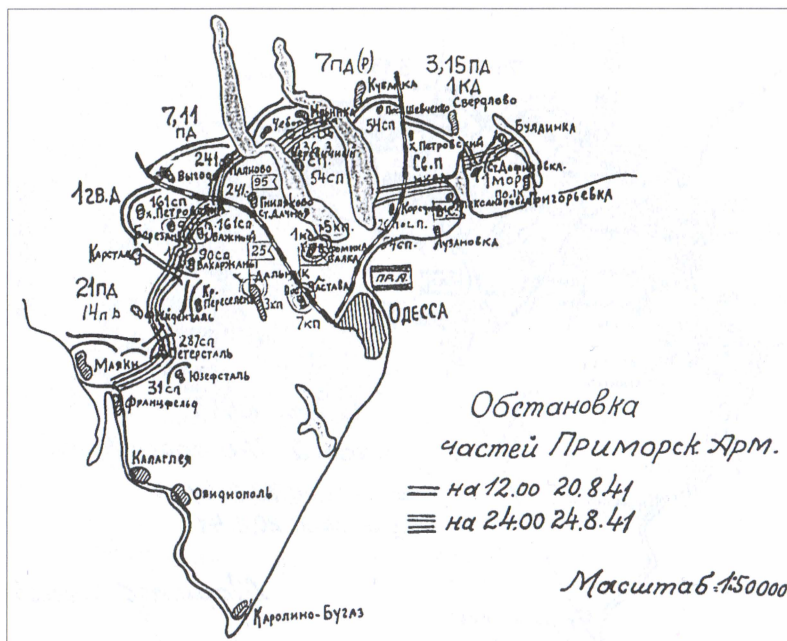

Схема 8. Положение частей ООР на 24.08.41 г.

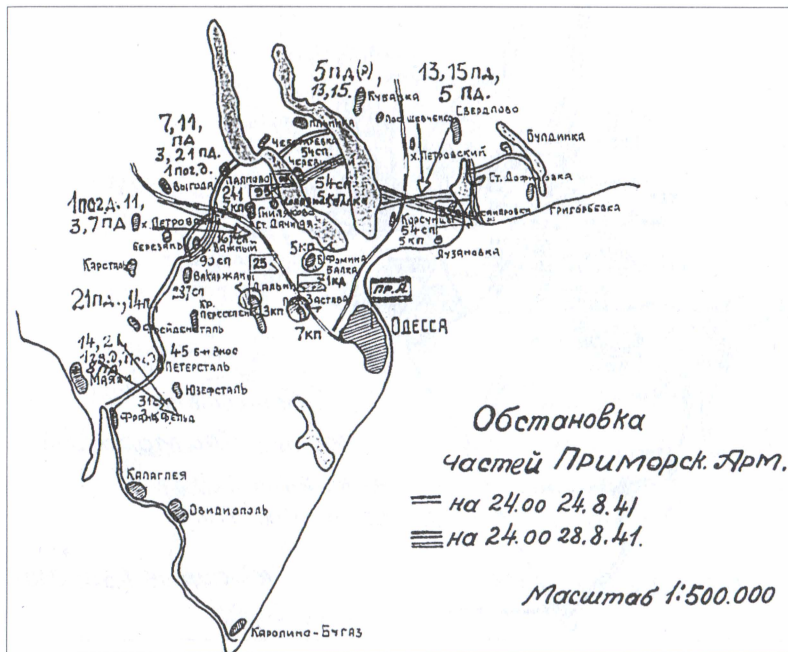

Схема 9. Положение частей ООР на 28.08.41 г.

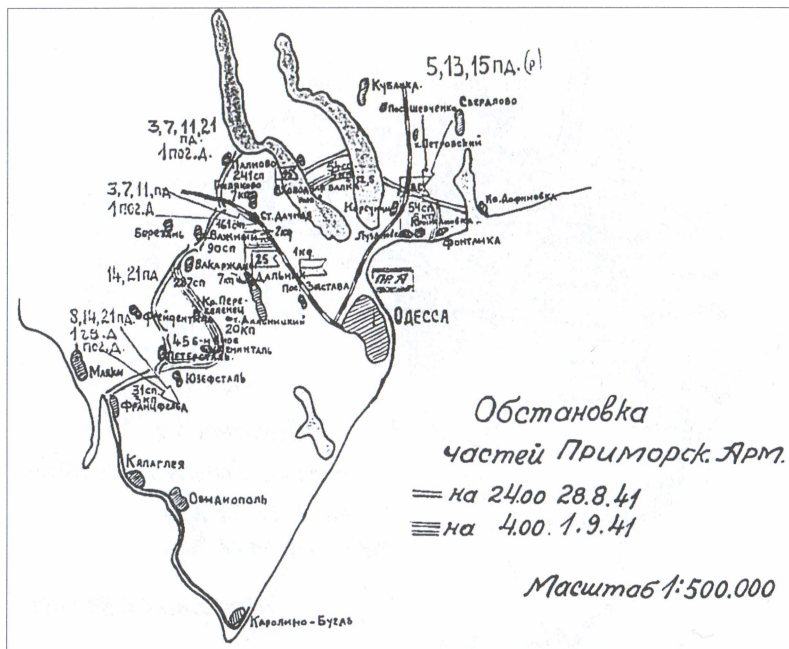

Схема 10. Положение частей ООР на 1.09.41 г.

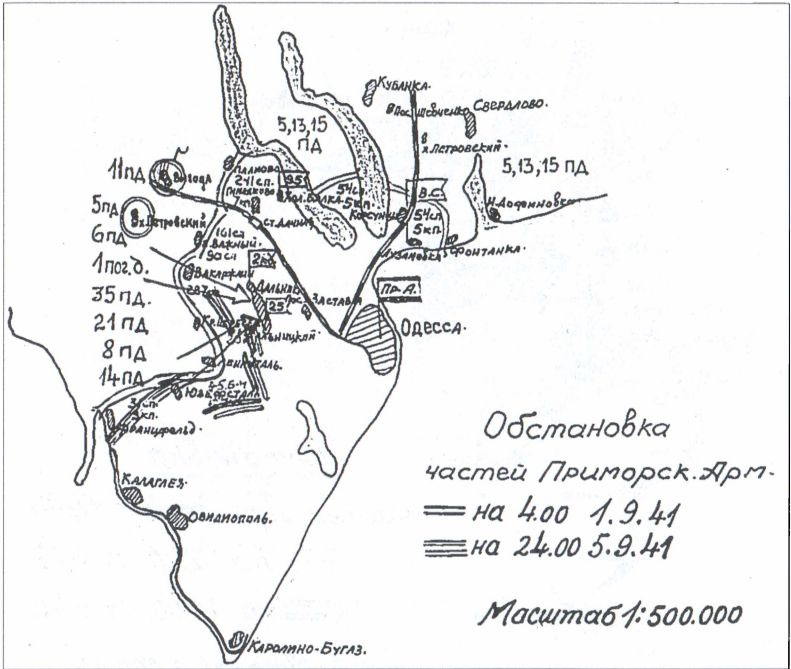

Схема 11. Положение частей ООР на 5.09.41 г.

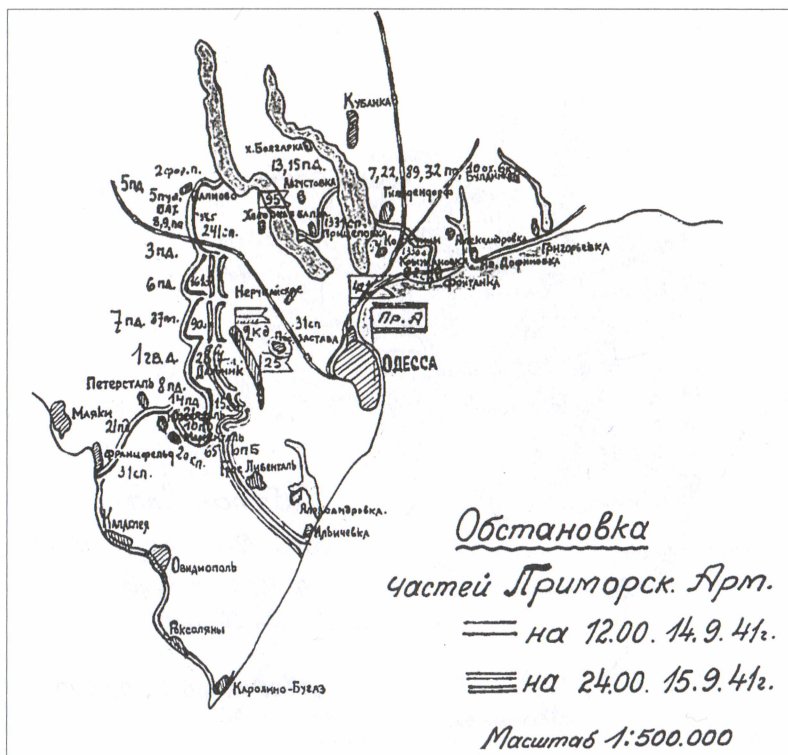

Схема 12. Положение частей ООР на 15.09.41 г.

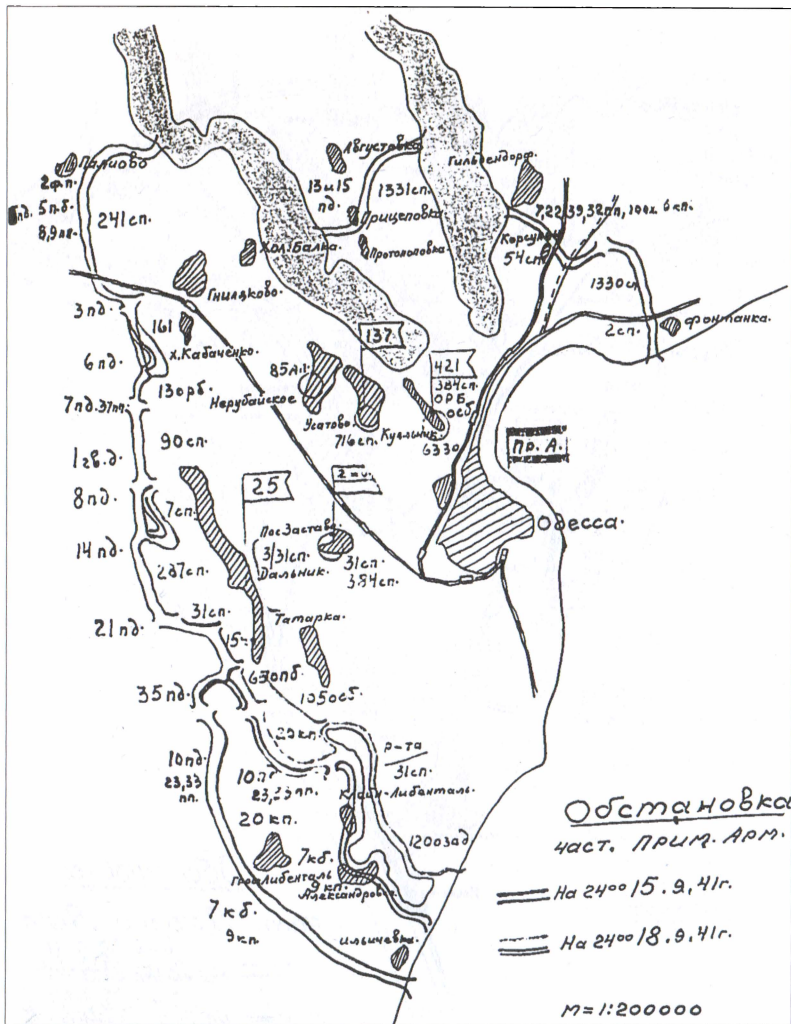

Схема 13. Положение частей ООР на 18.09.41 г.

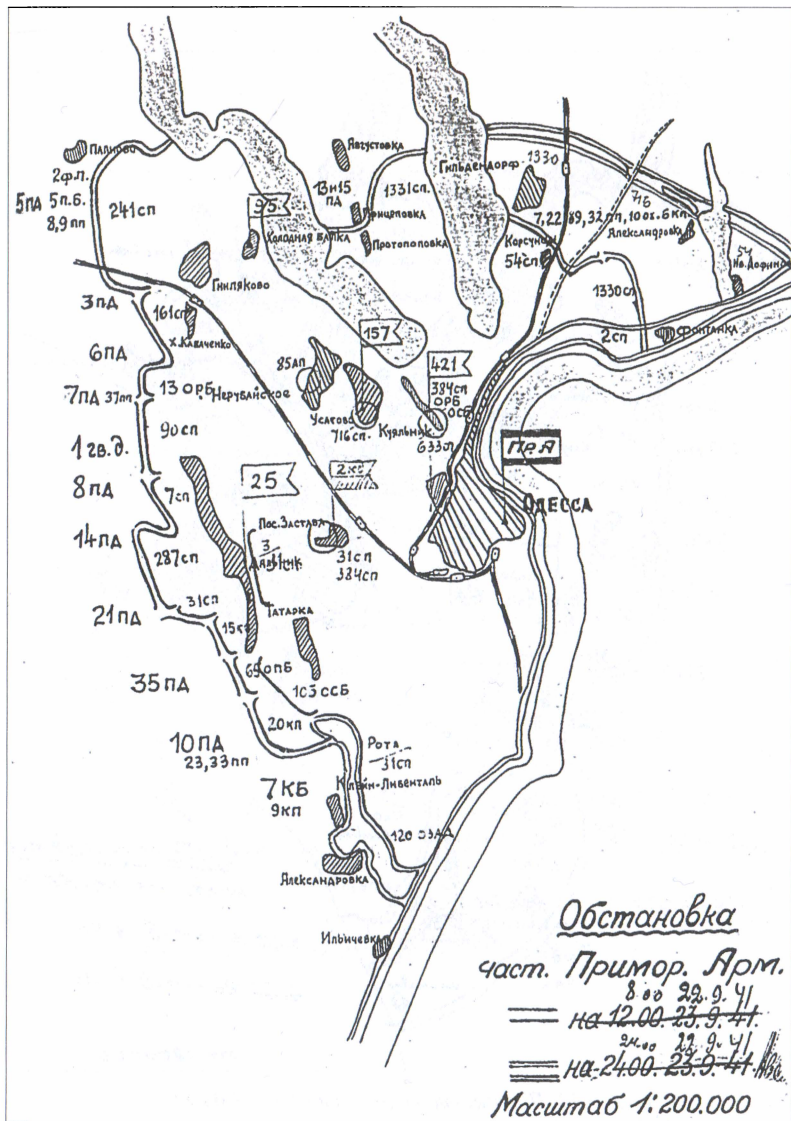

Схема 14. Положение частей ООР на 22.09.41 г.

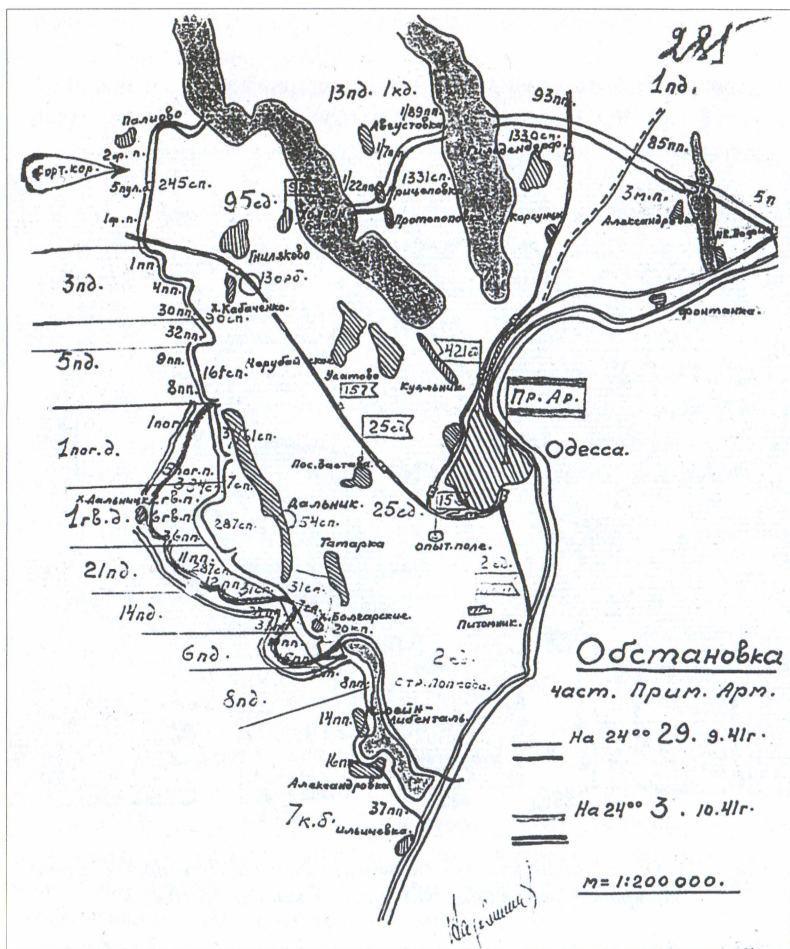

Схема 15. Положение частей ООР на 3.10.41 г.

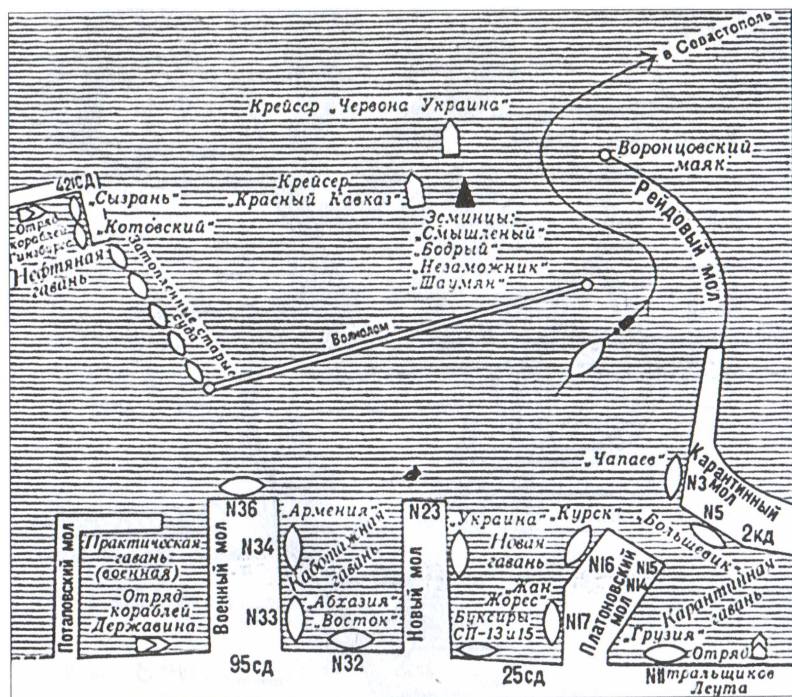

Схема 16. Организация посадки главных сил дивизий Приморской армии на транспорты в Одесском порту в ночь на 16.10.41 г.

бедева. Таким образом, вся 2-я кавдивизия снова оказалась введена в бой в Южном секторе, где впоследствии и оставалась на передовой до самого окончания обороны города. Прибывавшие в город морем маршевые батальоны было решено направлять в первую очередь на пополнение 25-й и 2-й кавалерийской дивизий, несших в боях с противником наибольшие потери. (233)

В Южный сектор были направлены артдивизионы ПВО и сводные отряды пограничников и моряков. Командующий ООР Жуков приказал командиру Одесской военно-морской базы Кулишову повернуть в Южный сектор всю морскую артиллерию, какую только возможно.

На КП генерала Петрова теперь постоянно находился флотский представитель — начальник штаба 42-го морского артдивизиона, капитан Терехов с корректировочными постами 411-й и 39-й батареей. Особенно полезной для обороны сектора оказалась 39-я батарея. Батарея имела опытный корпост под командованием лейтенанта Задорожного, а командовал ею один из самых грамотных комбатов капитан Шкирман. Эта батарея могла обеспечивать большую точность огня при сохранении высокой скорострельности, чего никак не удавалось добиться 411-й, поэтому Петров чаще старался посылать заявки именно ей.

Вклинение румын оказалось довольно глубоким — они смогли захватить село Ленинталь, высоту 68,3 и, продвинувшись за день на 1,5 км, к 23 часам уже вели бой за высоту 75,8.

В оборонительных позициях 25-й СД образовался опасный выступ, направленный в сторону Одессы и называемый в штабе ООР «Ленинтальским клином», а чаще просто «языком». Захватив село и прекрасно понимая, что советское командование будет пытаться восстановить положение, румыны не стали развивать успех, а сразу приступили к укреплению захваченных позиций. Для этой цели была дооборудована часть захваченных советских окопов и открыты новые, в полный профиль. В районе села румыны сосредоточили до двух полков пехоты и большое количество минометов. Одновременно всю ночь румыны наносили удары на северном фланге выступа, пытаясь захватить Вакаржаны и расширить клин.

После того как о вклинении противника было доложено командующему флотом, а он сообщил об этом в Москву, из Ставки последовало категорическое указание восстановить утраченные позиции в Южном секторе.

В 17 часов 1 сентября на этот «клин», как и ожидал противник, начались яростные атаки обеих советских дивизий, занимавших Южный сектор, в которых применялись и бронетрактора.

287-й полк, который, пополнив, спешно вернули на передовую, также принял участие в наступлении в составе своей дивизии, а 20-й кавполк, понесший большие потери, опять вывели в тыл. (234)

Так началась долгая череда кровопролитных многодневных боев за «Ленинградский клин», в которых атаки сменялись контратаками, попытки советских частей восстановить положение — попытками румынских расширить плацдарм, и в которых заметных успехов не суждено было добиться ни той, ни другой стороне.

2-я кавдивизия по-прежнему принимала участие в боях лишь в качестве средства усиления — так как ее полки даже в таком качестве при подавляющем превосходстве противника в тяжелом вооружении и живой силе несли большие потери.

Успевшие укрепиться румыны до темноты отражали атаки частей 25-й стрелковой дивизии, пытавшихся выбить противника из Ленинграда и Красного Переселенца. В темное время суток наступление не велось, так как атаки хорошо укрепленных румынских позиций без поддержки бронетехники были сопряжены со слишком большими потерями. (235)

В 5.30 2 сентября наступление было возобновлено, и к 8 часам утра частям сектора удалось значительно потеснить противника на всем протяжении выступа и завязать бои на южных окраинах Ленинграда. Но наступление развивалось неравномерно — наибольшего продвижения удавалось достигнуть там, где пехота продвигалась при поддержке танков. (236)

Как докладывал командованию ООР штаб Приморской армии, *«в результате наступления получились большие разрывы между частями, которые противник использовал и мелкими партиями просачивался в район выс. 61,8, где, используя кукурузные поля, укрывался и производил налеты на наши тыловые подразделения и транспорт».*

Партизанской тактики румыны придерживались до второй половины дня, а затем, в 14 часов, сами перешли в контр наступление. (237) 7-й КП оказался отброшенным к хутору Дальницкий, где, ведя упорный бой, *«с трудом сдерживал противника на этом рубеже».*

287-й полк сумел отбить несколько контратак противника, но после 20 часов также начал отход в направлении исходных позиций. 15-й кавалерийский и 31-й стрелковый полки сумели отразить все атаки противника и удержаться на занимаемых позициях. (238)

Несмотря на то что части сектора за день частично утратили занимаемые позиции, а на остальных вели ожесточенные бои, с трудом удерживая прежнее положение, начальник штаба армии полковник

Крылов в 3 часа 20 минут 3 сентября передал по телеграфу генерал-майору Петрову распоряжение командующего Приморской армией о возобновлении наступления:

«25 СД выйти на рубеж 76,3, склоны высот, что 700 м вост. Кр. Переселенец, выс. 67,5, выс. 73,4, 15-й КП по выполнению задачи отвести в дивизионный резерв. К 9.00 сформировать 20 КП и сосредоточить его в армрезерв — сев. окр. Дальник».

Выполняя приказ командующего, с рассветом части Южного сектора возобновили наступление. (239) Наступающие полки 25-й стрелковой и 2-й кавалерийской дивизии на этот раз поддерживали все огневые средства, которые только удалось стянуть к этому участку. Огонь вели батареи береговой артиллерии и корабли Черноморского флота, а с воздуха по противнику наносили удары бомбардировочная авиация флота и самолеты 69-го ИАП.

Однако несмотря на значительную огневую поддержку, захватить Ленинталя опять не удалось, хотя части дивизий сумели продвинуться вперед на 1,5—2 км. (240)

После того как обескровленные двухдневным наступлением части 25-й СД потеряли способность к наступательным действиям, очередную попытку улучшить свои позиции на плацдарме предприняли румыны. (241) Противник нанес два одновременных удара на Дальник, в восточном и южном направлениях, пытаясь пробиться к поселку с запада и с северо-запада. Однако сил для наступления и у противника также оказалось недостаточно. (242)

После того как румынское наступление захлебнулось, возобновить наступательные действия уже не могла ни одна из сторон. На короткое время бои под Ленинталем затихли.

КЛИН ПЫТАЮТСЯ СРЕЗАТЬ (4—10 СЕНТЯБРЯ)

В последующие дни обе стороны приводили в порядок и пополняли обескровленные части. На всем протяжении клина происходили лишь мелкие стычки с целью прощупывания противника. При этом обе стороны, приобретшие большой опыт боев, действовали достаточно изобретательно.

Об одном из таких столкновений, произошедшем 5 октября под хутором Вакаржаны и типичном для тех дней, подробно рассказывалось в телефонном докладе штабу армии командования 25-й СД:

«В районе выс. 94,5 в 5.00 румыны начали петь наши песни (шумел камыш). В это время из района 1 км севернее выс. 87,9 началось

наступление пр-ка до 2 рот ползком. Наша артиллерия открыла огонь по ползущим и рассеяла их». (243)

Но время работало на противника.

Как доложил 4 сентября командованию Приморской армией командир 25-й СД генерал-майор Петров, за 5 дней потери дивизии составили 1600 человек, фронт обороны дивизии составил 30 км, при этом не прикрытые промежутки между полками достигали 6 км. И на этом фронте против дивизии сосредоточивалось до 8 полков противника.

Однако через 2 дня, 6 сентября обе советские дивизии Южного сектора возобновили наступление. (244) Ни артиллерии, ни живой силы у Петрова для решительного прорыва хорошо укрепленной обороны противника не было и части медленно продвигались вперед, буквально по метру выдавливая противника с занятой им территории. Продвижение частей к концу дня составило не более 600—700 м на всей протяженности клина. (245) При этом части несли большие потери от огня противника. Санитары одного только 65-го отдельного пулеметного батальона вынесли с поля боя более ста человек.

Поздним вечером 6 сентября по телеграфу начальник штаба Приморской армии полковник Крылов обсудил с начальником Южного сектора генерал-майором Петровым перспективы ликвидации Ленинтальского клина, подчеркнув, что несмотря на понесенные потери, недостаток живой силы и огневых средств, поставленная задача останется в силе и выполнять ее Южному сектору придется собственными силами:

«К: Задача ликвидации языка остается в силе... Доложить ваши предложения о ликвидации языка имеющимися (в) вашем распоряжении силами, на большее не рассчитывайте.

П: Из состава артиллерии два дивизиона три дня стоят в резерве без снарядов. 6.9 выведен третий дивизион.

Малое преимущество артиллерией утратилось. Наступление показало необходимость средств подавления выше тех, что мы предполагаем, подтвердило серьезную сопротивляемость обороны противника.

(На) участках прорыва противник имеет окопы и организованную систему огня.

При данной обстановке считаю: в течение одного дня 287-й и 31-й СП сомкнуть свои фланги не смогут. А 15 и 20 КП (с) приданными средствами недостаточно для ликвидации противника, занимающего район Ленинталь.

Решение вопроса, по моему мнению, может быть в следующих направлениях.

Первое: обороняя 66,8 и Болгарские хутора, оставив без внимания возможность прорыва на юг, в течение 7—8-го сентября продолжать наступление силами 287 и 31-го СП, чтобы сомкнуть фланги и после этого, освободив часть сил с фронта и усилив 15 и 20 КП, заняться ликвидацией противника, вошедшего в прорыв.

Вся операция потребует 4—5 дней при условии нормального выполнения боеприпасами и своевременного пополнения людьми.

Второе: в целях сохранения живой силы и повышения сопротивляемости обороны сократить протяжение фронта, отведя войска на новый рубеж, примерно по линии Вакаржаны—х. Дальницкий—65,1—66,8—Грослибенталь.

К: Приказываю частям на 7 сентября выполнять задачу, поставленную приказом.

Данная оценка будет обсуждена.

П: У меня, Николай Иванович, все.

К: Доклад неутешительный и в оценках обстановки, и в особенности в перспективах на будущее.

П: Это трезвая оценка и личное глубокое убеждение поможет нам дольше удержат Хорпино.

К: Доложу Военному совету. Решение сообщу по аппарату». (246)

Предложения Петрова так и не были приняты Военным советом. Командование Одесского Оборонительного района шло на сокращение линии фронта лишь в тех случаях, когда этому участку фронта угрожал полный обвал и прорыв противника к окраинам города становился делом одного-двух дней.

Ночь и большая часть следующего дня ушла на приведение частей в порядок. (247) Хотя по плану возобновление наступления планировалось в 16 часов, части контратакующей группы смогли сделать это лишь в 17.00.

287-й полк двумя батальонами наступал на высоту 67,5, 15-КП, поддерживаемый ротой 65-го ОПБ на высоту 68,3, а 31-й СП одним батальоном штурмовал Ленинталь. Хотя в наступлении участвовали меньшие силы, чем это предлагал Петров, задача им была поставлена значительно более категоричная: в плане предусматривалось, что «31-й СП одним батальоном овладевает Ленинталь и соединяет фронт с 287 СП». Таким образом, то, что начальник сектора, в котором проводилось наступление, считал возможным сделать за несколько дней, командование Приморской армии решило выполнить за несколько часов.

Через час после начала боя батальон 31-го полка ворвался в Ленинталь и завязал бои на его южной окраине. (248) Остальные части атакующей группы, несмотря на поддержку береговых батарей, продвигались вперед еще медленнее, чем накануне. Передвигаться по полю боя фактически можно было лишь ползком. До темноты батальоны 287-го СП и 15-й кавполк смогли продвинуться лишь на 400—500 м в направлении высот, и то не на всех участках.

Не имея ни поддержки от соседей, ни подкреплений от собственного командования, батальон 31-го СП полка, атакуемый превосходящими силами противника, вынужден был через несколько часов оставить село и отойти на исходные позиции. (249) С заходом солнца командование армии решило наступление не прекращать, надеясь, что наступившая темнота позволит уменьшить потери от минометного и пулеметного огня. Теперь части сектора уже не наступали на несколько высот сразу, а сосредоточили все усилия на взятии высоты 67,5. Однако румыны успели перебросить на угрожаемый участок достаточно сил, и продвижение ночью получилось таким же медленным, как и днем. Взять высоту так и не удалось. (250)

Утром Петров ввел в бой все имевшиеся у него резервы и осуществил маневр по фронту — теперь главный удар был нанесен в направлении высоты 68,3, занять которую удалось довольно быстро. (251) Но продвинуться дальше части сектора в этот день уже не смогли — румыны уже успели сосредоточить на угрожаемом направлении силы, достаточные для парирования ударов 25-й СД, которые были не столько мощными, сколько неожиданными. (252) (253)

В 9 часов 30 минут 9 сентября части сектора в очередной раз возобновили наступление. Теперь удар снова наносился в направлении высоты 67,5. Продвижение частей шло еще медленнее, чем в предыдущие дни, — сил у скупо пополняемых частей сектора оставалось все меньше. Румынские части успели к этому времени организовать эффективную систему минометно-пулеметного огня, грамотно разместив огневые точки на соседних высотах 62,7 и 63,9.

Обстреливаемые сразу с трех высот полки смогли продвинуться лишь на 200—300 м, после чего завязали с противником огневой бой, пытаясь подавить хотя бы часть пулеметов противника.

Добиться дальнейшего продвижения не удалось, но наступление теперь стало развиваться в направлении, предложенном Петровым — дивизии перестали атаковать противника по всему фронту Ленинтальского клина и пытались последовательно занять господствующие высоты. (254)

Несмотря на то, что такая тактика оказалась более эффективной, имевшихся у Южного сектора сил было явно недостаточно для ликвидации опасного выступа. За три дня боев, в которых погиб командир 2-й кавдивизии полковник Рябченко, удалось продвинуться менее чем на полтора километра. Силы частей сектора были на исходе, и противник это видел.

В 15 часов румынский батальон с высоты 63,9 атаковал залегший перед ней 15-й кавалерийский полк. Кавалеристы отбили атаку стрелковым оружием, удержав занимаемые позиции.

Через час последовал еще один удар, южнее занятой советскими частями высоты 68,3. В этот раз румыны двумя батальонами снова атаковали одно из самых слабых мест в боевых порядках дивизии — отряд моряков и пограничников, также имевший слабое вооружение. Отбросив отряд, румыны незначительно вклинились в передний край 25-й СД, после чего были остановлены артиллерийским и пулеметным огнем. (255)

Обе атаки румын вызвали большой переполох в штабе ООР. Дело в том, что, несмотря на все усилия Петрова, наступление в секторе из-за недостатка сил, помимо крайне незначительного продвижения, еще носило и совершенно хаотичный характер. (256) Как указал Крылов Петрову во время очередных телеграфных переговоров, в боевых порядках войск сектора имелось довольно много *«промежутков, незанятых частями»*, вклинившись в которые, противник мог отсечь части сектора друг от друга. В связи с этим командующий Приморской армией генерал-лейтенант Софронов приказал *«20 КП занять и оборонять»* несколько наиболее значительных высот, находившихся на линии боевых порядков сектора.

В штаб 25-й СД для контроля за обстановкой срочно выехал сам начальник штаба ООР, генерал-майор Шишенин — при всей приверженности к наступательной тактике Военный совет ООР хорошо помнил обвал фронта под Беляевкой и старался исключить возможность его повторения.

Однако отказаться от наступления командование ООР не смогло даже при наличии признаков возрастания активности противника. Ночью Петров и Шишенин получили по телеграфу приказ командующего ООР контр-адмирала Жукова: *«Не дать возможности пр-ку подвести пополнения в р-н выс. 63,9. Завтра необходимо срезать этот клин, используя для этой цели все имеющиеся у Вас средства»*. (257)

Остаток ночи части Южного сектора готовились к возобновлению наступления. Петров с Шишениным напряженно искали возможно-

сти выполнить приказ командования, избежав при этом полной катастрофы. Присутствие в штабе 25-й СД, откуда Петров управлял войсками сектора Шишенина, несколько расширяло возможности наступающих. Связавшись с начальником Западного сектора, генерал-майором Воробьевым, Шишенин добился участия в наступлении 90-го СП 95-й СД. Было решено наносить удар практически всеми войсками сектора, наступать на противника с разных сторон, но не на всем протяжении сектора, а только на критических участках, и максимально использовать возможности артиллерии.

В 10 часов утра 10 сентября на участке Ленинтальского клина началась артподготовка, носившая на этот раз необычный характер. Артиллеристы имели приказ не заниматься, как обычно, только подавлением огневых точек противника, а бороться с батареями противника на участке прорыва.

В течение часа удалось уничтожить минометную батарею противника в районе высоты 68,3 и подавить две артиллерийские батареи в районе высоты 63,9. (258)

В 11 часов части Южного сектора и 90-й СП перешли в наступление. Румынским частям, занимавшим высоты 67,5, 63,9, 62,7 и 60,3, пришлось занять круговую оборону. У всех высот завязался упорный бой. В этот раз продвижение вперед шло несколько более высокими темпами, чем в предыдущие дни, но все равно очень медленно. (259) Наибольших успехов добился 7-й СП (бывший 7-й кавалерийский) — к 18 часам он продвинулся более чем на километр, успешно отразил атаку румынского батальона и стал закрепляться на занятом рубеже. 90-й СП, наступая в плохом знакомом его командованию направлении, понес большие потери, но сумел продвинуться на 300—400 м, после чего немедленно закрепился. (260) 20-й КП, усиленный 65-м отдельным пулеметным батальоном, сильно поредевшим в последних боях, пытался наступать на высоту 63,9. Однако из-за недостатка тяжелого вооружения, который пулеметный батальон компенсировал лишь частично, продвинуться вперед он не смог — превосходство противника стало очевидным еще в огневом бою, после чего полк отошел на исходные позиции. (261)

31-й СП вышел правогофланговым батальоном к южной окраине Ленинталья и, столкнувшись с хорошо организованной системой огневых точек, перешел к обороне. 1-й батальон полка под командованием капитана Петраша уже в темноте обошел Ленинталь с юго-запада и попытался ворваться в деревню с запада, но был встречен

сильным пулеметным огнем из домов, после чего стал окапываться перед окраиной села. (262)

В целом такое развитие наступления можно было бы считать удачным, если бы не одно обстоятельство, вскрывшееся уже во время боя. Захваченные пленные показали, что в район клина противник подтягивает свежую дивизию, 10-ю пехотную, с вводом которой в бой планирует расширить прорыв.

ПО ПРИКАЗУ СТАВКИ (11 СЕНТЯБРЯ)

Теперь и командованию ООР стало ясно, что дальнейшее продолжение наступления бесперспективно. Как сказал вечером командующий ООР Жуков Шишенину: *«Наше сопротивление растет, но и не ослабевает натиск противника. К сожалению, мы не только не можем восстановить заданную Ставкой линию обороны, но не можем даже оттеснить противника настолько, чтобы порт и город оказались вне артиллерийского обстрела»*. У частей Южного сектора не хватало сил взломать оборону противника. Регулярно прибывавшие в начале сентября маршевые батальоны только восполняли постоянную убыль в живой силе. Потери, понесенные за 10 дней боев под Ленинталем, точно неизвестны. Военный совет ООР докладывал в Ставку о том, что *«за последние 10 дней... имел только ранеными, размещенными в госпиталях, 12 тыс. Местные людские ресурсы исчерпаны. Имеем большие потери людей, особенно в командном составе. В связи с этим снижается боеспособность»*. Военный совет ООР также сообщал, что *«имеющимися силами ООР не в состоянии отбросить противника от Одессы»*.

После обнаружения введения в клин частей свежей 10-й пехотной дивизии Военный совет немедленно доложил об этом в Ставку, подчеркнув, что *«5-дневные бои по восстановлению положения в районе Ленинталя успеха не дали»*. При этом Военный совет в телеграмме даже несколько сгустил краски, сообщив что *«противник продолжает с боем двигаться в направлении Дальника»*. Далее командование ООР пыталось убедить Ставку, что для восстановления положения нужна как минимум одна свежая дивизия.

Однако в Ставке на вещи смотрели по-иному.

В тот же день командующим Черноморским флотом была получена директива Ставки следующего содержания:

**«ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК
КОМАНДУЮЩЕМУ ЧЕРНОМОРСКИМ ФЛОТОМ
О МЕРАХ ПО УКРЕПЛЕНИЮ ОБОРОНЫ ОДЕССЫ**

Копия: народному комиссару ВМФ.

10 сентября 1941 г. 17 ч. 10 мин.

Части Одесского оборонительного района свыше трех недель успешно сковывают до двенадцати дивизий противника, нанося им значительные потери.

Однако оборона рубежей, непосредственно прикрывающих Одессу с северо-востока и юго-запада, не имеет достаточно упорного характера. В результате противник, овладев районами Гильдендорф и Ленинталь, держит Одессу под артогнем, что значительно ухудшает условия обороны района.

По имеющимся данным, противник группирует крупные силы артиллерии для наступления с запада на Одессу.

Необходимо:

Организовать два-три мощных налета авиации ЧФ, артиллерии кораблей и БО и во взаимодействии с этими средствами поставить войскам задачу — вернуть утраченные позиции в районе хут. Вакаржаны—Фрейденталь—Ленинталь, уничтожив противника, просочившегося в направлении Дальника.

Потребовать от войск предельного упорства в обороне каждого метра пространства, повседневно укрепляя и совершенствуя занимаемые позиции.

Использовать все возможности Одессы для постройки на передовых позициях прочных перекрытий из металла, бетона, подручных материалов. Привлечь непосредственно к полевым оборонительным работам все силы населения, кадры специалистов флота, сухопутные войска, тыловые учреждения.

4. Пополнить убыль в командном составе за счет всех ресурсов района. Ваши распоряжения прошу сообщить.

Б. ШАПОШНИКОВ». (263)

Военный совет ООР долго размышлял над тем, как «возвратить утраченные позиции», но не имея в своем распоряжении никаких резервов, реальный план выработать, естественно, не смог. Впрочем, и имевшимися возможностями руководство ООР распорядилось не самым лучшим образом.

Вместо организации комбинированного огневого налета силами морской авиации, флота и береговой артиллерии Военный совет ООР,

в интересах требуемого Ставкой наступления попросил ВС ЧФ вместо этого нанести авиаудар по Бухаресту, с разбрасыванием листовок с заголовками «за многострадальную Одессу».

Как потом объяснял ЧВС ООР Азаров:

«Мы надеялись, что ответные удары по Бухаресту в какой-то мере повлияют на правителей фашистской Румынии и вынудят их воздержаться от варварского разрушения города и убийства мирных жителей. Мы были удовлетворены, когда получили ответ Военного совета флота: “Вашу просьбу выполним”».

Вообще, наспех готовя требуемое Ставкой наступление, командование ООР вело себя довольно противоречиво. Военный совет полностью отказался от комбинированного огневого налета силами морской авиации, боевых кораблей флота и береговой артиллерии. Морская авиация ЧФ по просьбе Военного совета ООР бомбила Бухарест, а только что пришедший в Одессу крейсер «Красный Кавказ» командование ООР полдня опасалось вводить в бой, опасаясь, что он будет уничтожен ответными налетами авиации противника.

В части Южного и Западного секторов 10-и 11 сентября вновь влили только что прибывшее маршевое пополнение, часть бойцов из которого вынуждена была вступить в бой сразу после марша. Наступление планировалось вести во всех трех секторах, чтобы дезорганизовать противника и затруднить ему переброску подкреплений на направление главного удара.

На рассвете 11 сентября в наступление должны были перейти относительно свежие части Западного сектора, которые и должны были в течение дня нанести главный удар. Понесшие большие потери в последних боях части Южного сектора имели довольно скромную задачу — овладеть высотой 60,3 и должны были начать атаки только в час дня, раньше они просто не успевали подготовиться к наступлению. В 2 часа дня должно было начаться и наступление частей Восточного сектора.

В этот день, согласно предписанию заместителя Наркома обороны Щаденко, была переименована еще одна дивизия ООР. Одесская дивизия стала именоваться 421-й стрелковой. Новую нумерацию получили и ее полки: 1-й морской полк стал именоваться 1330-м стрелковым, 26-й полк НКВД — 1331-м стрелковым полком. До сформирования третьего полка 421-й дивизии (ему предназначался номер 1327-й) в ее составе продолжал временно оставаться 54-й полк 25-й Чапаевской стрелковой дивизии.

Части свежеепеченной дивизии должны были *«в частичной атаке на Ильинском направлении овладеть к исходу 11.9.41 г. выс. 77,9 (и) х. Черевичный».*

Наступление, как и планировалось, начали части Западного сектора, перешедшие в 5.50 утра в атаку после короткой пятнадцатиминутной артподготовки, проведенной силами артиллерии Приморской армии и береговых батарей. (264)

Только 241-й СП 95-й СД смог слегка потеснить противника, но румыны, легко отбив слабые атаки на соседних участках, сосредоточили на нем огонь практически всей имевшейся на участке Ленинтальского клина артиллерии. Полк прекратил дальнейшее продвижение и залег, пытаясь закрепиться на занятых позициях. Неся большие потери от артогня, полк смог удержаться на занятом рубеже, но после того как румыны перешли в контратаку, вынужден был отойти в исходное положение. И 31-му полку, опять самоотверженно выручавшему своих соседей, также не удалось в этот раз переломить ход боя, хотя его бойцы, имевшие к тому времени значительный опыт и в меньшей степени, чем части Южного сектора, пострадавшие в последней череде безрезультатных атак, делали для этого все, что было в их силах. (265)

Наиболее тяжелые потери понесла 9-я рота полка. Когда ее командир после полученного ранения выбыл из строя, политрук роты Корниенко, приняв командование, смог отбросить противника у села Красная Юхимовка и одновременно, как мог, корректировал огонь артиллерии 256-го артполка по хутору Красный Переселенец.

Запланированное на 14 часов наступление частей Восточного сектора пришлось отложить на 2 часа из-за запоздавшего пополнения 1331-го СП.

Задержалось и наступление в Южном секторе. 25-я СД из-за понесенных накануне потерь перейти в наступление уже не могла. 2-я кавалерийская дивизия находилась в ненамного лучшем состоянии, и из ее состава в наступлении принял участие только один 20-й полк, который поддерживали сводный отряд моряков, один батальон 31-го СП и новый бронепоезд «За Родину», подошедший на минимально возможное расстояние к переднему краю. Продвинуться вперед не удалось почти никому. (266)

Но общий ход боя был предрешен с самого начала нехваткой наличных сил, явно недостаточных для решения поставленных задач. Во второй половине дня румыны все чаще стали переходить в контратаки. Чтобы ослабить нарастающий натиск противника в Южном секторе, командование ООР предприняло отвлекающий удар в Восточном, как это периодически делали в таких случаях румыны.

В 16 часов 1331-й стрелковый полк при поддержке все-таки введенного в бой крейсера «Красный Кавказ» наконец перешел в наступление

в направлении Августовки. За остаток дня части сектора смогли продвинуться примерно на километр. Встретив упорное сопротивление противника, полк закрепился на рубеже *«один километр южнее хутора Болгарка — один километр юго-восточнее Августовки — северная окраина Протопопова»* и окопались перед высотой 55,5. (267)

Однако контратаки в Южном секторе не ослабевали, румыны постепенно продвигались вперед, находясь уже в 3 км от Дальника, и крейсер переключили на поддержку Южного сектора. Противник в это время находился в непосредственной близости от медленно отходивших подразделений, и 100-килограммовые снаряды крейсера были опасны для своих войск не меньше чем для чужих, поэтому крейсер, огонь которого для избежания потерь корректировал лично начальник штаба 42-го артдивизиона Приморской армии Терехов, выпустил всего несколько десятков снарядов. Поэтому основную поддержку войскам сектора осуществлял 42-й отдельный артдивизион Одесской военно-морской базы. Его огонь оказался настолько эффективным, что вечером командовавший сектором генерал-майор Петров попросил командира дивизиона майора Денненбурга передать командирам батарей Гушину и Коровкину благодарность за поддержку.

Вечером Шишенин доложил по телеграфу Софронову, что *«части сектора отразили атаки и уничтожили до двух ПП, успеха же в продвижении не имели»*. На что Софронов дал указание *«продолжать выполнение задачи — громить противника в этом треугольнике»*. (268)

Командование Южного сектора подобного оптимизма, конечно, не питало. Продвижение противника удалось остановить, но все понимали, что установившееся в конце дня в Южном секторе затишье является затишьем перед бурей.

Противник убедился в полной небоеспособности частей Южного сектора и был в этом уверен до такой степени, что, отразив их слабый натиск, немедленно попытался перейти в контрнаступление и развить достигнутый успех. Спонтанные контратаки с трудом, но удалось отразить. Однако парировать серьезный контрудар, если противник решил бы нанести его после быстрой перегруппировки, было уже нечем.

КЛИН РАСШИРЯЕТСЯ (12—15 СЕНТЯБРЯ)

Установив, что части Южного сектора практически утратили боеспособность после 10-дневных наступательных боев, румынское командование решило как можно быстрее воспользоваться сложившей-

ся ситуацией и не дать советским войскам времени на пополнение частей.

Утром 12 сентября противник после сильного артиллерийско-минометного обстрела в 4.30 батальонами первого эшелона 23-го, 33-го и 50-го пехотных полков перешел в наступление по всей полосе обороны Чапаевской дивизии. (269)

Еще до рассвета двум румынским батальонам удалось оттеснить 15-й кавполк к высоте 61,8.

Но с наступлением дня полк при поддержке 65-го пульбата смог более успешно отбиваться от противника. Все последующие атаки были отражены, а к концу дня полк даже сумел восстановить прежнее положение.

287-й полк, так и не успевший полностью восстановиться после потерь, понесенных в августовских боях, с трудом сдерживал натиск противника, и его правый фланг стал пятиться назад уже в первые часы боя. (270)

К 8 часам правофланговый батальон полка отошел на 1 км в восточном направлении. Когда отступавшие подразделения полка отошли настолько, что противник приблизился к наблюдательному пункту 8-й батареи 99-го гаубичного артдивизиона, ее командир, старший лейтенант Плевако, приказал выкатить гаубицы на прямую наводку и открыть беглый огонь по приближавшейся румынской пехоте. Огнем батареи удалось прижать противника к земле, а после того как Плевако поддержала и соседняя 6-я батарея этого дивизиона, противник начал откатываться назад, выходя из-под огня.

На поддержку полка был переключен огонь обоих находившихся в секторе бронепоездов, часть береговых батарей и 265-й корпусной артиллерийский полк майора Богданова, из Крыма была срочно вызвана бомбардировочная авиация. Крейсер «Красный Кавказ», как и вчера, вел огонь по противнику в районе Ленинталя, в ответ румыны опять попробовали атаковать его с воздуха. Крейсер вынужден был вести обстрел на активном маневрировании, и точность его огня резко снизилась. Воздушное прикрытие корабля с трудом справлялось с налетами бомбардировщиков, заходивших на цель с разных сторон, и к концу дня с разрешения командующего флотом крейсер ушел из Одессы. 1-й батальон 31-го СП также отошел на 1 км.

20-й КП тоже частично не удержал занимаемых позиций и отошел левым флангом в южном направлении — за дорогу на Дальник, где и закрепился на высоте 54,6, ведя упорный бой с пытающимся ворваться на высоту противником.

Тяжелое положение сложилось и на участке 287-го СП, который был ослаблен в предыдущих боях и сдерживал противника из последних сил. В распоряжении Петрова в этот момент находился лишь разведбат 25-й СД — других резервов в Южном секторе уже не было. Начальник сектора попал в сложное положение — и 287-й СП, и 20-й КП находились на грани потери боеспособности. На чашу весов нужно было срочно бросать свежие силы, а их не было.

Введя в образовавшийся прорыв батальоны второго эшелона, румынские полки, непрерывно атакуя, пытались развить успех в направлении Дальника и Болгарских хуторов. (271)

В сложившейся обстановке Петров, тщательно взвесив все за и против, решился на крайне рискованный шаг — нанести удар «растопыренными пальцами». Начальник сектора принял решение о разделении 80-го отдельного разведывательного батальона и ударе его подразделениями по частям.

Бронерота батальона была *«выброшена для усиления»* 15-го КП, где, используя удобный рельеф местности, поддерживала эскадроны полка огнем, не неся больших потерь от противотанковых средств румын. (272)

Мотострелковая же рота батальона нанесла удар на участке 287-го СП. Для усиления ее удара командир полка Ковтун-Станкевич бросил в бой полковую разведку и комендантский взвод. Не ожидавший контратаки противник был опрокинут и оставил на поле боя 12 пулеметов и 3 миномета.

7-й полк смог удержаться на занимаемых позициях.

Для отражения наступления противника с максимальной интенсивностью использовалась авиация. 69 ИАП, *«имея большое перенапряжение»*, произвел 104 самолетовылета и налетал 71 час, в основном штурмуя войска противника. Румынская авиация оказывала яростное сопротивление. В воздушных боях один истребитель полка был потерян и были сбиты два румынских истребителя.

Ночью в бой были брошены и ПО-2 гражданского воздушного флота, пытавшиеся бомбить позиции румынской артиллерии.

На следующий день давление противника на левый фланг оборонительного района значительно усилилось. Основной удар румыны наносили восточнее Дальника, как это часто бывало, встык между полками: на этот раз между 31-м и 287-м, нанося удар в направлении Болгарских хуторов и Дальника. Вспомогательные удары наносились по высоте 63,3 и по позициям 7-го полка. Атаки противника были отбиты почти на всем протяжении Южного сектора, но сделать это

удалось лишь ценой больших потерь. В 287-м СП после дневного боя в батальонах осталось по 50—55 человек.

На участке 7-го полка, где румыны нанесли удар встык с Западным сектором, удержать позиции не удалось. Румыны заняли высоту 76,5. Полк отошел правым флангом к высоте 71,5. В строю в нем оставалось 300 человек, и восстановить положение он уже не мог, хотя и получил такую задачу. Перспектива еще одного прорыва беспокоила и командование сектора, и командование армии. (273)

Начальник штаба ООР генерал-майор Шишенин по-прежнему находился в Южном секторе без права что-либо решать самостоятельно и вынужден был бороться с командованием Приморской армии за каждый батальон, выделяемый сектору.

Оценку итогов этого дня в переговорах по телеграфу с начштаба Приморской армии полковником Крыловым он делал крайне осторожно, прекрасно понимая, что ситуация в секторе находится на грани катастрофы.

Тактика румын, наносивших на одном участке удары полками разных дивизий, озадачивала обоих начальников штабов, не знавших, присутствуют на участке сектора остальные полки этих дивизий или нет. В конце концов было решено, что *«показания пленных приводят к выводу, что в языке действует сводная 8-я ПД, укомплектованная за счет других дивизий и 10 ПД два ПП, один ПП -14 ПД, а также на подходе 6 ПД возможность действия ее — 14.9.41»*, что в общем было сильным преувеличением — ввод в бой такого количества частей на самом деле не фиксировался.

Сектор, как обычно, имел только наступательные задачи, хотя решать их был уже не в состоянии. Поэтому Шишенин сообщил, что части сектора будут в готовности перейти в наступление к 14.00 одним батальоном 287-го СП и 20-м КП, но *«необходимо подбросить 76 и 122-мм снарядов, иначе едва ли будет целесообразным начинать наступление»*. На всякий случай начальник штаба ООР пояснил, что такое решение принято начальником Южного сектора генерал-майором Петровым. (274)

Несмотря на серьезность положения, командование армии изъясло из подчинения Южного сектора сводный отряд пограничников и моряков и снова передало его начальнику Западного сектора Воробьеву. (275)

Положение у высоты 71,5 начальники штабов расценили как очень серьезное, не исключая *«возможность, что противник будет стремиться расширить прорыв»*, но выводы из этого сделали абсолютно различные:

«Ш: Считаю положение 25 СД стократ серьезнее, чем Воробьева.

К: Командарм ни в коем случае не соглашается отдать Вам свой последний резерв, и тем более сейчас, (когда) доложено, что пр-к прорвался (в) направлении выс. 71,5, до двух б-нов. Таким образом, между 7-м КП и 90 СП образовался разрыв, который нужно пред-ложить Воробьеву ликвидировать». (276)

Такое решение было все же лучше, чем ничего — Южный сектор избавлялся от необходимости ликвидации прорыва на стыке с соседом, но проблему в целом оно не решало и угрозу катастрофы не предотвращало.

И если прорыв к Дальнику был еще относительно дальней перспективой, то занять Болгарские хутора противник мог уже в любой момент, а это означало окружение 31-го стрелкового полка, находившегося на левом фланге Чапаевской дивизии. Командовавший сектором генерал-майор Петров лично доложил Софронову о возможной угрозе окружения.

— Что Вы предлагаете? — поинтересовался командарм.

— Надо чем-то поступиться. Прошу вашего разрешения отвести левый фланг на рубеж Сухого лимана. Сократится ширина фронта, и я его смогу еще некоторое время удерживать. Будет более эффективным огонь не только поддерживающей меня артиллерии, но и береговых батарей.

Принять такое решение самостоятельно Софронов не мог, так как это означало постоянный обстрел города и порта с южной стороны, и доложил об угрозе прорыва Жукову. Но и командование ООР не могло самостоятельно решить вопрос о переносе линии обороны ближе к городу.

Создавшееся положение было изложено в телеграмме, которую в силу важности сложившейся ситуации Военный совет ООР в ночь на 14 сентября решил послать не только Военному совету Черноморского флота, но и наркомун ВМФ, и в Ставку Верховного Главнокомандования:

«Противник получает пополнение. Подбрасывает новые дивизии. Под давлением его превосходящих сил создается опасность отхода наших частей на рубежах Гниляково, Дальник, Сухой лиман. Население, аэродромы, город, порт, корабли будут нести огромные потери от артогня противника. Наша авиация вынуждена будет перебазироваться в Крым. Созданная из местных ресурсов 421-я стрелковая

дивизия имеет недостаточное количество пулеметов, артиллерии. Остальные дивизии также нуждаются в пополнении пулеметами и артиллерией. Все стрелковые части имеют 42 % недокомплекта начсостава. Полученные маршевые батальоны влиты в части полнотью. За месяц обороны потери только ранеными — 25 тыс. За 12 сентября только ранеными (учтенными в госпиталях) потеряно 1900 человек. Для обеспечения от прорыва и от артиллерийского обстрела аэродромов, города и порта необходима одна стрелковая дивизия, а также дальнейшее пополнение маршевыми батальонами и вооружением».

На всякий случай Военный совет ООР опять несколько сгустил краски — отход на линию Сухого лимана не грозил перебазированием авиации ООР в Крым. По сути, телеграмма являлась криком о помощи, но Ставка и ее оставила без ответа. Поэтому 14 сентября Военный совет ООР самостоятельно принял решение об отводе левофланговых частей Южного сектора на рубеж Сухого лимана. Помимо этого было решено максимально укрепить главный рубеж обороны на участке Южного сектора, чтобы ни в коем случае не допустить его прорыва.

Как об этом говорилось в журнале боевых действий Приморской армии: *«Ввиду непрерывных боев, больших потерь в частях, отсутствия пополнений, отсутствия резервов в частях и армии прорыв пр-ка на Дальник парировать быть не мог, и тем самым создавалась угроза городу. Военный совет армии еще 13.9.41 г. дал телеграмму тов. Сталину с просьбой выслать для пополнения частей маршевые б-ны и на усиление Армии одну стрелковую дивизию, что и было быстро удовлетворено (15.9.41 а.ю.) 14.9.41 г., было принято окончательное решение — занять новый оборонительный рубеж, отведя 31-й СП (в) армрезерв поселок Застава».*

14 сентября командующий Приморской армией отдал приказ об отходе частей Южного сектора с занимаемых позиций:

БОЕВОЙ ПРИКАЗ № 0023 ШТАРМ ПРИМОРСКОЙ

г. ОДЕССА 14.9.41 г. 15.00

карта 50 000

1. Пр-к, продолжая вводить в бой новые части, пытается развить прорыв на фронте 25 СД и выйти в р-н х-ра БОЛГАРСКИЕ, целью разобить фронт и отрезать 31 СП.

Попытки 25 СД и 2 КД ликвидировать Ленинтальскую группировку пр-ка успеха не имели.

2. Армия, продолжая оборонять занимаемые позиции, к утру 15.9.41 г. своим левым крылом переходит рубеж: 68,3—56,4—55,4—52,8—36,4—15,9 юж. Окр. КЛЯЙН—ЛИБЕНТАЛЬ—БУРЛАЧЬЯ БАЛКА—ПЕРЕСЫПЬ—РЫБАЧЬИ КУРЕНИ.

3. 421 СД, продолжая оборону занимаемого рубежа, ликвидировать противника, укрепившегося ПРИЩЕПОВКА.

Один б-н 54 СП к 24.00 14.9.41 г. сосредоточить армрезерв НЕ-РУБАЙСКОЕ.

Штадив — ПЕРЕСЫПЬ. ЛЕСОЗАВОД ИМ. КРАСИНА.

Граница слева (искл.) ДОБ. ЛЕЧ. ГРЯЗИ. 47.0—30.7.

4. 95 СД ликвидировать пр-ка, просочившегося р-н выс. 76,5, оборонять занимаемый рубеж.

Прибывающим отрядам моряков занять заблаговременно подготовленный оборонительный рубеж на участке:

х. КАБАЧЕНКО, выс. 70,3.

Дивизионный резерв сосредоточить ГНИЛЯКОВО.

Штадив разв. 1 км южнее ДОБ. ЛЕЧ. ГРЯЗИ.

Граница слева 76,3—72,5—61,7—55,6—68,8 искл. ВОРОНЦОВСКИЙ МАЯК.

5. 25 СД оборонять рубеж искл. 76,3—искл. 76,6—68,3—высота без названия 1,0 км сев.-вост. 62—7.

В ночь на 15.9.41 г. под прикрытием арьергардов отойти р-н пос. ЗАСТАВА — АРМ резерв 7СП див. резерв — сев. окр. ТАТАРКА.

КАРОЛИНО-БУГАЗСКИЙ отряд в составе одной ср. 31 СП и батареи к рассвету 15.9.41 г., занять для обороны ПЕРЕСЫПЬ, РЫБАЧЬИ КУРЕНИ.

Овидиопольский истребительный отряд НКВД рассвету 15.9.41 г. сосредоточить пос. ЗАСТАВА, где влить усиление 31 СП.

Штадив — пос. ЗАСТАВА.

6. 2 КД действует в составе 25 СД, оборонять рубеж, занимаемый 15 КП, и далее — 56,6—55,4—15,9—КЛЕЙН—ЛИБЕНТАЛЬ.

Штадив свх. УЛЬЯНОВКА.

7. Артиллерию армии и дивизии в ночь на 15.9.41 г. перегруппировать согласно особых указаний, заняв ОП рубеже ГНИЛЯКОВО—ДАЛЬНИК.

8. ЗА и ЗП, занимающие ОП морском побережье, привести в готовность к отражению морских десантов пр-ка.

9. Бронепоезда придать №21 — 421 СД, №22 — 95 СД. «За Родину» — 2 КД.

10. На всем фронте частям армии перейти к длительной жесткой обороне. Непрерывно развивая и совершенствуя оборонительные

сооружения. На каждое подразделение кроме основных оборудовать по две запасных позиции.

Получение, исполнение приказа донести.

*КОМАНДУЮЩИЙ ВОЙСКАМИ ПРИМАРМИИ КОМИССАР
АРМИИ
ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ БРИГАДНЫЙ КОМИССАР
СОФРОНОВ КУЗНЕЦОВ*

*НАЧШТАРМ
ПОЛКОВНИК КРЫЛОВ (277)*

Отход левого фланга сектора был проведен в ночь на 15 сентября. 31-й стрелковый полк получил приказ отойти с участка Юзефсталь—Францфельд в резерв к поселку Застава. 20-й кавалерийский полк, прикрывая отход 31-го СП, отводился на рубеж села Кляйн-Либенталь и прилегающих к нему высот. 105-й ОБС, являвшийся резервом командира дивизии, сосредоточился в районе Болгарских хуторов. Одновременно были выведены Овидиопольский истребительный отряд НКВДВ и местные органы власти. Вся территория западнее Сухого лимана была занята противником.

ЗА СУХИМ ЛИМАНОМ (15—20 СЕНТЯБРЯ)

Отход на рубеж Сухого лимана дал войскам сектора некоторые тактические преимущества. Полосу обороны Чапаевской дивизии удалось значительно сократить. Боевые порядки были уплотнены, большую часть огневых средств удалось сосредоточить на угрожаемых участках, значительно увеличив на них плотность артиллерийского огня, а 31-й СП полк был выделен в армейский резерв.

Но в оперативном отношении преимущество получал противник. Береговая линия плацдарма суживалась до 30 км, что затрудняло маневрирование кораблей на подступах к Одессе и практически исключало возможность захода судов в порт в дневное время. Продвинувшись вперед, противник также получал возможность обстрела города и с южного направления, правда, огонь румыны могли вести только по площадям — возможности осуществлять корректировку, как это делалось в Восточном секторе, у противника пока не было.

Однако главная проблема заключалась в том, что принятые меры не исправляли положения, а только давали незначительный выигрыш времени, замедляя продвижение противника, но не останавливая его.

С утра 15 сентября части 95-й СД, поддерживаемые 7-м полком и группой из 10 танков, начали наступление, имея целью восстановить положение на участке 7-го полка, и не только занять высоту 76,5, но и захватить еще две высоты и занять скаты третьей. (278) Однако румыны неожиданно ответили мощным контрударом, начатым без какой-либо артподготовки, атаковав не только 90-й и 7-й полки, но и находившийся левее и не принимавший участия в наступлении 287-й. (279) В наиболее тяжелом положении оказался 7-й полк, наступление которого к этому времени уже было остановлено упорно оборонявшимся на выгодных позициях румынским батальоном. 2 румынских батальона, поддерживаемых легкими танками, обошли полк с фланга и нанесли по нему удар, поддержанный атакой батальона, находившегося перед его фронтом. Полк оказался в полуокружении противника, превосходившего его как по численности, так и по вооружению и огневой мощи.

Возможно, быстрый отход полка мог бы еще спасти положение, но тогда оголились бы фланги его соседей — 287-го и 90-го СП, что, учитывая их и без того трудное положение, было уже чревато катастрофическими последствиями для всего левого фланга обороны города. Полк держался в течение всего дня, пока полностью не утратил боеспособность и не исчерпал все возможности дальнейшего продолжения боевых действий. Командир полка Лебедев погиб в бою. К вечеру полк, понеся большие потери, был фактически разгромлен, потерял управляемость, и его остатки мелкими группами отошли в район высоты 72,5, расположенной в 2 км западнее Дальника. В 7-й полк для его укрепления пришлось временно влить 3-й батальон 90-го СП — мера довольно необычная.

287-й СП, отразив днем фронтальную атаку двух румынских батальонов, поддерживаемых танками, до конца дня вел тяжелые бои на своих флангах — отбивая атаки двух румынских батальонов неполного состава на правом фланге и одного на левом. (280) 15-й КП и 65-й ОПБ смогли удержать занимаемые позиции, однако пулеметный батальон при этом понес такие большие потери, что на следующий день приказом по армии его решено было расформировать.

Однако начальник сектора генерал-майор Петров не торопился с расформированием батальона, и, несмотря на то, что тут же отдал рас-

поражение о включении его остатков в состав 25-й стрелковой и 2-й кавалерийской дивизий, батальон провоевал еще несколько дней. (281)

На левом фланге сектора противник к новому рубежу обороны не подошел. (282)

Овидиопольский и Белявский истребительные отряды, имевшие весьма условную военную подготовку и занимавшиеся в основном охраной побережья, были влиты в состав 25-й СД и брошены в бой. Для усиления Южного сектора из Восточного были переброшены батальоны моряков и пограничников, взятые из 421-й СД. В бой, как и в августе, стали вводиться бойцы отдельного батальона выздоравливающих, из которого за 4 последующих дня было выписано 1700 человек.

Положение удалось снова стабилизировать при помощи массивного огня береговых батарей, благо недостатка боеприпасов в Одесской ВМБ в середине сентября не ощущалось. Снарядов, после того как 1 сентября в результате специально разработанной операции по подавлению огня румынской дальнобойной артиллерии с огромными трудностями удалось провести разгрузку транспортов «Березина» и «Чапаев», было достаточно.

39-я батарея вела практически непрерывный огонь, вынеся корректировочный пост на передовые позиции. Также постоянно подерживала дивизию и шестидюймовая 1-я береговая батарея.

Уже с утра в Ставку было отправлено донесение, сообщавшее, что противник проник к Дальнику и контролирует всю территорию к западу от Сухого лимана. В полдень офицер штаба базы капитан Миньков доложил начальнику штаба ОВМБ капитану 3-го ранга Дервянку, что «...через наш штаб идет проходящая радиogramма из Москвы, трепетованная комфлотом Жукову».

Этой радиogramмой была знаменитая директива Ставки № 001981:

**ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 001981
КОМАНДУЮЩИМ 51-й АРМИЕЙ
И ЧЕРНОМОРСКИМ ФЛОТОМ С ОБРАЩЕНИЕМ
К ЗАЩИТНИКАМ ОДЕССЫ**

15 сентября 1941 г. 04 ч. 45 мин.

Передайте просьбу Ставки Верховного Главнокомандования бойцам и командирам, защищающим Одессу, продержаться 6—7 дней,

в течение которых они получают подмогу в виде авиации и вооруженного пополнения.

Получение подтвердить.

И. СТАЛИН
Б. ШАПОШНИКОВ

Впрочем, свое мнение Ставка пересмотрела спустя всего 2 часа. Уже в 7 ч. 05 мин. дивизия для переброски в Одессу нашлась:

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 001988

КОМАНДУЮЩЕМУ ОДЕССКИМ ОБОРОНИТЕЛЬНЫМ РАЙОНОМ О ПЕРЕБРОСКЕ 157-й СРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ В ОДЕССУ

Копии: командующему Черноморским флотом, народному комиссару ВМФ.

15 сентября 1941 г. 07 ч. 05 мин.

Решением Ставки Верховного Главнокомандования на усиление Одесского оборонительного района с сегодняшнего 15 сентября будет перевозиться 157-я стр. дивизия.

По поручению Ставки Верховного Главнокомандования начальник Генерального штаба Б. ШАПОШНИКОВ

(283)

Однако несмотря на то что дивизия была выделена и уже начала погрузку в Новороссийске, Одессе нужно было как-то держаться до ее прибытия. Ночью в Южный сектор было решено перебросить часть городских милиционеров и пожарников.

К концу дня пришлось взорвать Воронцовский маяк, служивший ориентиром для румынской артиллерии, что позволило снизить точность огня, который противник вел по порту.

С утра 16 сентября атаки противника возобновились. (284)

В этот критический момент, когда каждый человек на оборонительных рубежах был на счету, положение защитников города относительно облегчалось тем, что во время этого, второго уже за время обороны кризиса, в отличие от ситуации, сложившейся в августе, у защитников города не было проблем с боеприпасами к стрелковому оружию так же, как у войсковой и береговой артиллерии их не было со снарядами. Бойцы сводного отряда милиции, насчитывавшего около тысячи человек под командованием майора Барышникова, заняли оборону северо-западнее Дальника.

Противник, сосредоточивавшийся в кукурузных полях, вынужден был наступать по открытой местности, неся большие потери

от огня стрелкового оружия. Милиционеры, подпуская врага на сотню метров, открывали беглый огонь, который вели с такой интенсивностью, что пулеметы выходили из строя. Продвинуться на этом участке румыны так и не смогли, но в целом части сектора продолжили под нажимом противника медленное движение к окраинам Дальника. (285)

У противника также уже не хватало сил. Румыны не могли больше позволить себе массированных атак, направленных на решительный прорыв советской обороны, также сил уже не хватало и на широкомасштабные ночные действия. 17 сентября румынское командование ввело в бой последние имевшиеся у него на этом участке резервы. (286)

После исключительно сильной, хотя и всего 20-минутной, артподготовки румыны начали наступление на всем фронте Южного сектора. (287)

Возможности фланговых обходов у румын уже не было, а лобовые атаки были сопряжены с большими потерями, поэтому румынское командование пробовало отжимать советские части и сосредоточенным артиллерийским огнем. Главный удар противника опять принял на себя 287-й стрелковый полк, оказавшийся в эпицентре боя. Его поддерживала вся артиллерия сектора, и румынское командование также сосредоточило на его участке огонь всех доступных огневых средств. Как показали приблизительные подсчеты, за день на участке полка разорвалось около 15 тыс. вражеских снарядов и мин.

Полку пришлось отойти центром — случай сам по себе довольно редкий. Огнем с флангов, на которых подразделениям полка удалось удержать свои позиции, продвижение противника было быстро остановлено, и румынам удалось продвинуться всего на 300 м.

Но южнее Дальника румыны сумели вклиниться в советскую оборону и на большее расстояние. Прорвав силами 2—3 батальонов фронт 15-го КП, румыны продвинулись на 800 м вглубь обороны. (288)

Тяжелые бои развернулись буквально за каждый метр территории. Противник за последнюю неделю боев постепенно приблизился к тылам Южного сектора настолько, что они оказались в огневом мешке и простреливались насквозь. В таких условиях любая потеря пространства становилась угрожающей, так как приводила еще и к скупиванию тыловых подразделений, находящихся под постоянным обстрелом румынской артиллерии, ведшей огонь по площадям.

20-й КП атаковали еще большие силы противника, но занимая исключительно выгодные позиции, опиравшиеся сразу на 3 высоты, полк смог удержать занимаемый участок. (289)

Ночью командование сектора получило очередное указание командарма: *«Рубеж высота 66,8—Сухой Лиман—Рыбачьи курени удерживать во что бы то ни стало»*. Для усиления частей сектора при 25-й СД была сформирована огнеметная рота. На усиление также передавался отряд в 500 человек, который предписывалось *«использовать целиком, не дробя»*.

На следующий день в сектор были переброшены до 900 человек из отдельного батальона выздоравливающих. 18 сентября румынам удалось еще сильнее вклиниться в советскую оборону южнее Дальника. (290)

В участок намечающегося прорыва были введены подразделения 1-й кавалерийской дивизии, занявшие Татарку и насчитывавшие, по данным разведки, около 500 человек. Командовавший Южным сектором генерал-майор Петров приказал выдвинуть ей навстречу 5-й кавалерийский полк капитана Блинова. Перед рассветом полк выдвинулся к Татарке с юга в конном строю, имея в первом эшелоне 3-й эскадрон, а во втором — 1-й и 2-й. Дорогу из Татарки на Дальник оседлал 31-й СП, поддерживаемый действовавшими в пешем строю кавалеристами сильно поредевшего за 2 недели боев 7-го полка. (291)

Противник, заняв село, не создал на его окраинах линию обороны, очевидно, не собираясь удерживать его в отрыве от основных сил. Уточнив обстановку, Блинов принял решение атаковать противника в конном строю. 3-й эскадрон, в котором было больше опытных кавалеристов, атаковал первым, применяя в основном гранаты, в которых в ООР никогда не ощущалось недостатка. Сняв охранение, всадники проскакали вдоль села, кидая в окна домов и во дворы, в которых находились лошади, гранаты.

Выскакивавшие из домов румыны попали под удар 1-го и 2-го эскадронов, рубивших саблями тех, кто оказался на улице. После внезапного удара полк отошел на исходные позиции, и по противнику нанесла удар артиллерия 25-й дивизии. Окончательно прорвавшуюся кавалерию разгромили пехотинцы 31-го стрелкового полка. На месте боя были взяты 2 станковых пулемета, 7 ручных и до 100 штук винтовок и карабинов.

Совершив внезапный налет на село, 5-й полк понес меньшие потери, чем остальные полки 2-й кавдивизии, но и в нем уже было не больше 150 бойцов, способных атаковать противника в конном строю. Бойцы из прибывшего пополнения не годились для выполнения такой задачи, так как не могли уверенно владеть оружием и лошадьми в условиях конного боя.

В эту ночь небольшую активность проявили и румыны. Внезапной ночной атакой с применением огнеметов они попытались захватить высоту 66,8, удерживаемую 65-м ОПБ, но успеха не имели.

19 сентября румыны уже не рисковали атаковать на участке 287-го СП и тем более 31-го СП и наносили удары лишь по полкам 2-й кавалерийской дивизии. На этот раз свои позиции удалось удерживать только 7-му полку. (292) На участке 15-го КП румынам снова удалось продвинуться на 800 м. После неоднократных атак румыны смогли занять и одну из высот, обороняемых 20-м КП, но кавалеристы контратакой отбили ее обратно. (293) (294)

20-го сентября румыны начали последнее значительное наступление в направлении Дальника. (295) Утром, после 2-часовой артиллерийской подготовки противник перешел в наступление при поддержке своей авиации, штурмовавшей позиции 287-го СП. 25-я дивизия к этому времени была снова пополнена маршевым пополнением и хотя имела в Южном секторе всего 2 полка, уже была в состоянии отразить натиск противника без посторонней помощи — за оба дня развернувшихся боев в сектор не пришлось больше перебрасывать дополнительных сил.

Оба полка 25-й СД, поддерживаемые 20-м и 7-м полками 2-й кавдивизии, отражали атаки противника при поддержке огня береговых батарей и штурмовавшей противника истребительной авиации. Румынам удалось незначительными силами прорваться через боевые порядки батальонов 287-го СП к тылам 287-го и 7-го полков, а также к позициям 42-го артдивизиона, но воспользоваться успехом они не смогли, так как и в тылах немедленно завязался ожесточенный бой.

Видя, что противник теснит подразделения 1-го батальона 287-го СП, которые могут своим отходом обнажить фланг полка, командир 2-го батальона капитан Захарченко, собрав небольшую группу связистов, писарей, санитаров и всех, кто еще не участвовал в бою, сам атаковал с нею румын во фланг, после чего атака противника захлебнулась. На участке 7-го полка в бою также участвовали все тыловые подразделения. Его комендантский взвод, окруженный большой группой противника и оставшийся без командира, штыковым ударом прорвал окружение и вырвался к своим под управлением принявшего командование на себя красноармейца Орлова.

Батареи 42-го артдивизиона находились под таким сильным огнем противника, что для его подавления прямой наводкой выделяли толь-

ко добровольцев. Трое таких добровольцев, действовавших на 1-й батарее дивизиона, — Синицын, Хорошилов и Феокистов — смогли подавить и частично уничтожить даже одну из румынских легких батарей. (296) Развивать успех румынам было уже нечем, и, встретив упорное сопротивление, противник откатился назад.

На участке 15-го КП дела у румын, как и в предыдущие дни, шли значительно лучше.

К 13 часам, после неоднократных атак противника эскадроны полка были сбиты с занимаемых позиций и, понеся большие потери, вынуждены были отходить по расходящимся направлениям. Правый фланг полка отошел к отметке 0,7, а левый отступил еще дальше, на 1,5 км к южной окраине Дальника, где при поддержке так и не сформированного накануне 65-го ОПБ противника удалось остановить в 500 м от села.

Маячившие в каком-то полукилометре окраины Дальника подешивали на румын, считавших его ключом к Одессе, как красная тряпка на быка. К Дальнику стало перебрасываться все, что только можно было под него стянуть на этом участке фронта, а атаки противника приняли крайне ожесточенный характер.

Пулеметный батальон потерял до 70% своего состава, но смог сохранить боеспособность, и оставшаяся треть его бойцов по-прежнему ухитрялась держать фронт. И когда все-таки пришлось начать отход, батальон выполнил его абсолютно организованно, сохраняя боевые порядки и сдерживая натиск противника. Правый фланг батальона совместно с частью 15-го КП отошел еще ближе к южной окраине Дальника, а левый, сбитый противником с вершины высоты 66,8, вел бой на ее скатах. Не сумев даже теперь продвинуться на участке батальона, румыны стали пытаться обойти его справа, но огонь пулеметов не давал им это сделать. Ночью батальон удалось отвести в тыл, передав его участок 20-му КП. (297)

На следующий день румыны возобновили наступление более значительными силами и, атакуя на участках 15-го и 20-го кавполков, смогли наконец ворваться в Дальник. (298)

Но после прибытия в город 157-й СД этот прорыв уже не являлся катастрофой. Петров перебросил к селу все, что можно было снять с других участков сектора. Части 2-й кавалерийской дивизии, закрепившись в юго-восточной части села, упорно дрались за каждый дом, не давая противнику возможности продвинуться дальше.

На крайний случай командование Приморской армии держало наготове в поселке Застава, расположенном между Дальником и Одес-

сой, один из полков 157-й стрелковой дивизии — 384-й, который был в армейском резерве. Не исключалась возможность ввода его в бой в Южном секторе раньше, чем начнется операция в Восточном, но командование и сектора, и армии надеялось поправить положение ударом 31-го СП, не понесшего в последние дни значительных потерь.

31-й СП *«проявил медлительность с выходом на исходное положение»* и контратаку вместо 6.00 начал около 14.00, однако смог, наступая фронтом на юг, в течение 2 часов продвинуться на 2 км.

В 16 часов командарм в разговоре по прямому проводу с начальником Южного сектора потребовал от Петрова форсировать наступление 31-го СП и приказал 384-му СП быть готовым к переходу в наступление по особому распоряжению. Такое стремление продолжить наступление любой ценой противоречило указанию Ставки, переданному накануне в телеграмме Шапошникова: не распылять дивизию на второстепенные задачи.

Пока 31-й полк своим наступлением пытался улучшить положение 15-го, румынам удалось отдельными группами просочиться в стыке между 15-м и 20-м кавполками в ложину, расположенную южнее Дальника, и 3-й батальон 31-го полка пришлось отвлечь от наступления для их уничтожения. Бой продолжался до наступления темноты, но развить успех не удалось. (299) Румыны также не смогли улучшить своего положения, хотя периодически предпринимали подобные попытки. В 23.00 до батальона румын, скрытно приблизившись к позициям 15-го КП, попытались *«перейти в атаку без выстрела»* и выбить его с южной окраины Дальника в ближнем бою, но были своевременно обнаружены и успеха не имели. (300)

После начала контрудара в Восточном секторе противник окончательно утратил способность к наступательным действиям. Трехнедельные жестокие бои на Ленинтальском клине завершились, не дав особых тактических преимуществ ни одной из сторон. Линия фронта здесь практически замерла до начала октября, когда советскому командованию удалось отбросить противника до Ленинталя.

Но Приморская армия получила в этих боях другой выигрыш, являвшийся гораздо более важным: было выиграно время, необходимое для получения резервов Ставки. В Одессу прибыли свежая дивизия и новые маршевые пополнения. В Восточном секторе заканчивались последние приготовления к контрудару, парировать который теперь было нечем уже румынской стороне.

О ЗАПАСНЫХ ПРИЧАЛАХ И ЛОЖНЫХ АЭРОДРОМАХ (15—22 СЕНТЯБРЯ)

Приближение линии обороны к городу было неожиданным для Ставки, где несколько предвзято относились к докладам, поступавшим из ООР, и переоценивали оборонительные возможности Одесского оборонительного района.

Само же командование ООР осознавало возможность отхода в Южном секторе еще с момента возникновения Ленинтальского клина и заранее готовилось к тому, что территория города, порт и аэродромы могут оказаться под интенсивным обстрелом вражеской артиллерии. К 10 сентября были срочно закончены работы по строительству запасного командного пункта ООР в Аркадии, после чего помощник командующего ООР Жукова по оборонительному строительству генерал-майор Хренов получил от командующего указание о строительстве запасных причалов для Одесского порта:

«Противник, как вы знаете, может улучшить свои позиции, и порт окажется под интенсивным прицельным огнем. Нынешние обстрелы покажутся тогда цветочками. А мы не можем допустить, чтобы коммуникация с Большой землей подвергалась таким испытаниям. Нужно строить запасные причалы. Место для них определяет оперативная обстановка: Золотой берег и Аркадия. Знаю, мелко там, неудобно. Одно слово — пляжи для купальщиков. Но другого выхода нет».

Подобная мера являлась крайней. Место было мелким, суда не могли подходить близко к берегу, а времени на дноуглубительные работы не оставалось, и пирсы приходилось делать очень длинными. Дело было в середине сентября, и море штормило. Паровой копер не мог забивать сваи из-за «сильного волнения», а люди их забивали вручную.

Запасные пирсы и подъездные пути к ним на обоих пляжах были построены меньше чем за две недели. Некоторые участники этого строительства, несмотря на то что шел третий месяц войны и награды раздавались более чем скупно, были награждены за него орденами Красной звезды.

Но еще более важным, чем вопрос о строительстве запасных причалов, был вопрос о строительстве запасного аэродрома. Военный совет ООР только в телеграммах в Ставку допускал возможность перебазирования 69-го ИАП в Крым. На самом деле такая возможность, конечно, абсолютно исключалась. ООР была необходима своя

авиация, способная оперативно прикрывать объекты в городе и порту, отражать воздушные налеты и производить регулярную штурмовку наземных целей. По мере продвижения противника к городу обстрел аэродрома становился все более интенсивным, и самолеты стали получать повреждения, даже находясь в капонирах.

Поэтому 15 сентября Хренов был снова вызван к Жукову. На этот раз при разговоре присутствовали начальник штаба ООР Шишенин и заместитель командующего по военно-воздушным силам Катров.

«— Вот что товарищи, — обратился Жуков к Хренову и Катрову, — нужно решать вопрос с аэродромом. У летчиков участились потери на земле, это никуда не годится. И мы будем виноваты, если не сумеем перенести аэродром в более безопасное место».

Однако место, годящееся для размещения аэродрома, со всем его вспомогательным хозяйством, в условиях уже произошедшего продвижения противника в Восточном секторе и продолжавшегося продвижения в Южном секторе и вполне возможного продвижения и в Западном, найти было не так-то просто. Сооружение аэродрома — процесс довольно длительный, занимающий не меньше недели, и при неправильном выборе места город при очередном продвижении противника мог остаться без аэродрома.

«— Вроде есть на примете одно местечко, — с некоторым сомнением произнес комбриг (301) Катров. — Не знаю, как с точки зрения инженеров...»

Смотреть указанный участок, находившийся у 4-й станции Большого фонтана, отправились оба заместителя командующего. Участок Хренову не понравился, он был слишком оживленным. При строительстве аэродрома в пределах досягаемости вражеской авиации большую роль играла секретность проводившихся работ. Важно было, чтобы противник, обнаружив проводившиеся работы, не смог своевременно установить их характер и не сорвал их ударами своей авиации.

Соответствующая этим требованиям площадка была найдена у 6-й станции Большого фонтана. Там находился небольшой пустырь, окруженный обезлюдившими дачными домиками, густым кустарником и узловатыми старыми деревьями. Место было неприметное. Правда, пустырь оказался в буграх и рытвинах, что потребовало бы дополнительных затрат на выравнивание при устройстве летного поля. Машины можно было размещать под маскировочными сетями прямо меж домиков, служивших дополнительной маскировкой. Будущий аэродром имел и еще один недостаток — взлетать и садиться

можно было только в одном направлении, но в сложившейся ситуации фактор скрытности приобретал решающее значение.

Из тех же соображений на городском стрельбище было решено оборудовать ложный аэродром — значительно больших размеров, на площадке, допускавшей взлет и посадку в нескольких направлениях.

Строить оба аэродрома было решено силами местного населения. Одесский горком партии и горисполком за два дня мобилизовали на строительство этих объектов около 20 тыс. работоспособных женщин — других ресурсов в таких количествах у осажденного города уже не было.

18 тысяч одесситок строили основной аэродром и около 2 тысяч — ложный. Работы велись в предельно высоком темпе и не прекращались даже во время бомбежек; как вспоминал впоследствии сам Хренов, *«избежать потерь не удалось»*.

Ложный аэродром удалось закончить через 5 дней, настоящий — через неделю. Судьба всего с таким напряжением построенного за первые 3 недели сентября сложилась по-разному. Оба аэродрома активно эксплуатировались до самой эвакуации Одессы. Ложный аэродром полностью справился со своей задачей, прочно приковав к себе основное внимание противника, а вот построенные причалы оказались практически не востребованными.

Противник после уничтожения Воронцовского маяка не смог вести огонь с достаточной точностью, и порт продолжал функционировать. Но строительство причалов, как и все жертвы, понесенные при возведении этих дополнительных объектов-дублеров, были не напрасными — важнейшие элементы инфраструктуры оборонительного района были надежно продублированы на случай возможного ухудшения быстро меняющейся обстановки.

СТАБИЛЬНАЯ ОБОРОНА

БОИ ЗА ВЫГОДУ (20—24 АВГУСТА)

Возникшая 19 августа необходимость отхода 95-й СД была обусловлена фактически полным разгромом ее левого соседа, а не положением на ее участке. Дивизия, полностью сохранившая боеспособность, была в состоянии и дальше удерживать свои прежние позиции. Командовавший дивизией генерал-майор Воробьев, связавшись с командармом, пытался возражать против отхода, доказывая, что позиции дивизии, которые за последние дни были сильно укреплены, способны выдержать не только фронтальные, но и фланговые удары противника. Однако после отхода 25-й СД румыны получали возможность наносить удары не только во фланг, но и в тыл Западного сектора, и отвод его частей становился неизбежным. (302)

Отход частей 95-й СД на новый оборонительный рубеж проходил гораздо организованнее, чем 25-й. Выставив сильные арьергарды, опиравшиеся на хутор Виноградарь и Васильевку, дивизия в полном порядке отошла на назначенный рубеж и приступила к производству оборонительных работ. 241-й СП двумя батальонами занял рубеж от Палиово до ст. Выгода, 161-й СП, усиленный справа 1-м батальоном 241-го СП, а слева — 2-м батальоном 90-го СП, занял участок от Выгоды до высоты 97,4, а 1-й и 3-й батальоны 90-го СП укрепились на рубеже от высоты 97,4 до высоты 82,8. (303)

Однако закрепиться на новых, необорудованных рубежах дивизия не успела. Противник использовал преимущество, возникшее у него после неудачного наступления ее левого соседа — 1-й кавдивизии. Отброшенные румынским контрударом кавалерийские полки не смогли удержаться и на исходном рубеже, отойдя к хутору Вакаржаны.

На рассвете 21 августа румыны атаковали оголенный левый фланг 95-й СД, потеснив сначала 90-й, а затем и 161-й стрелковые полки, что в свою очередь создало угрозу и правому флангу дивизии, на котором находилась станция Выгода, являвшаяся важным опорным пунктом. Стянув к Выгоде, обороняемой одним батальоном 241-го СП, до полка пехоты, обеспечив себе на этом участке почти трехкратное превос-

ходство и сковав боем остальные батальоны полка, румыны, нанеся удар вдоль железной дороги, после часового боя полностью заняли станцию, захватив ее фактически с ходу. (304)

К этому времени 90-й и 161-й полки смогли стабилизировать свое положение и сами перешли в контратаку, к 14 часам сумев снова занять высоту 97,4. Но они опоздали с контрударом — станция уже была занята противником.

Однако пока противник не успел закрепиться на этом участке и не подтянул резервы, существовала надежда отбить станцию обратно, тем более что контрудар на левом фланге и в центре позиций дивизии отвлекал силы румын от ее правого фланга. Но отбивать станцию дивизии было нечем — все возможные силы уже были задействованы в контрударе на левом фланге, который тоже нельзя было останавливать, чтобы не дать противнику перебросить силы на правый.

К 16 часам командарм отправил в 95-ю дивизию пулроту, входившую раньше в состав ТИУРА — последнюю не направленную на передовую. Рота, имевшая 26 станковых пулеметов и являвшаяся достаточно мощным огневым средством, была передана под личное командование начальника штаба 95-й СД, майора Чинова, влившего в нее всех бойцов, которых можно было взять из штаба и тыловых служб дивизии. Образованная на базе пулроты ударная пулеметная группа получила задачу восстановить положение в районе станции, нанеся удар со стороны высоты 92,9.

В 17 часов позиции противника начали штурмовать истребители 69-го ИАП, а в район станции было решено выслать бронепоезд. К 24.00 в районе станции сосредоточили и дивизионный разведбат, который должен был также наступать вдоль железной дороги, совместно с правым флангом 161-го СП. Руководить боем на этом участке должен был заместитель начальника штаба дивизии, начальник оперативного отделения капитан Сахаров.

После полуночи все части дивизии перешли в общее наступление, которое должна была поддерживать и 1-я кавдивизия, но из-за понесенных накануне потерь существенной помощи она оказать не смогла. (305)

Наибольшего успеха удалось добиться 241-му СП, который занял высоту 103,7. 161-му СП пришлось тяжелее всех — на его участке противник опирался сразу на 4 населенных пункта, и продвинуться вперед он не смог. 90-й СП смог ворваться на западную окраину хутора Дубиново, где и вел ожесточенный бой. В 5.00, придя к выводу, что все силы противника связаны боем, командир дивизии приказал на-

нести удар на главном для дивизии направлении — на Выгоду. Пульрота и разведывательный батальон начали наступать на станцию.

Однако сил для наступления оказалось недостаточно. С рассветом противник начал контратаки по всей полосе наступления дивизии. 241-й полк, несмотря на поддержку пулеметной группы, вынужден был оставить только что занятую высоту 103,7 и начал пятиться назад, оголяя фланг своего левого соседа — 161-го СП. Находившийся на этот момент в дивизии работник политотдела Приморской армии батальонный комиссар Бойко по просьбе командира дивизии отправился в полк. Прибыв на командный пункт полка в момент, когда румыны пытались обойти полк с левого фланга, Бойко собрал все прикрывавшие КП пулеметы и с небольшой группой бойцов бросился в левофланговый батальон, который оказался в угрожаемом положении. Сосредоточенный огонь пулеметов помог бойцам батальона остановить атаку противника. Не давая противнику опомниться, батальон перешел в контратаку, в которой Бойко принял участие, идя в боевых порядках 3-й роты. В самом начале атаки он получил ранение в руку, но из боя не вышел, и только после второго ранения — в ногу — решил вынести себя в тыл. Во время эвакуации с поля боя батальонный комиссар был ранен в третий раз. Сдерживая противника, полк в течение всего дня медленно отходил назад, пока не смог закрепиться, опершись на удобную линию из трех высот. (306)

161-й СП ценой больших потерь смог удержать свои позиции, но при этом оказался обойденным с правого фланга. Его правофланговый батальон с большими потерями отошел вдоль полотна железной дороги до второй от Выгоды железнодорожной будки, но это не могло полку избежать полуокружения.

Подразделения 90-го СП атаковало два свежих пехотных батальона, отбросивших полк от окраины Дубровино. Подразделения полка отошли к высоте 82,8 и, опершись на нее, на какое-то время остановили продвижение противника.

Перегруппировавшись, румынские цепи короткими перебежками, а местами и ползком, стали медленно, но верно подбираться к скатам высоты 82,8, являвшейся теперь ключевой для обороны полка. Учитывая, что отход полка может в такой ситуации привести к отступлению всей дивизии, командир полка полковник Соколов взял две машины взвода ПВО с установленными на них зенитными пулеметами и сам бросился с ними на высоту. Укрываясь, насколько это было возможно, за гребнем высоты, зенитчики открыли беглый огонь по румынской пехоте из счетверенных «Максимов», опустошая все

имевшиеся запасы патронов. Румыны не смогли подавить установки и вынуждены были отступить за пределы их действенного огня.

После этого желание штурмовать высоту в лоб у румын больше не возникало — так как подвижные установки, грамотно прячущиеся за гребнем высоты, было сложно подавить огнем не только стрелкового оружия, но и минометов, и полевой артиллерии — за этим бдительно следил сам командир полка, не имевший в этот момент больше никаких резервов.

К 13 часам румыны изменили направление ударов, обошли высоту справа и нанесли удар встык между 90-м и 161-м стрелковыми полками. Если 90-й СП еще мог отражать натиск противника, медленно пятясь к высоте, то для 161-го полка, с утра сражавшегося в полуокружении, обход левого фланга мог обернуться катастрофой. (307)

Командир дивизии приказал ввести в бой всех, кого можно было еще взять из тыловых и штабных подразделений — таких набралось 100 человек. Это был последний резерв дивизии — все штабные и почти все тыловые командиры и бойцы уже сражались на наиболее опасных участках обороны. Передав этот сводный отряд под командование капитана Сахарова, руководившего до этого боем на правом фланге 161-го СП, Воробьев направил его на угрожаемый участок и доложил в штаб армии, что *«резервы абсолютно все исчерпаны»*, (308)

Отряд Сахарова, конечно, не смог бы переломить ход боя, так как румыны смогли сосредоточить на стыке полков, как и при атаке высоты, снова не меньше двух батальонов. Но участок стыка был прикрыт огнем почти всей дивизионной артиллерии. При этом ближайшие к участку намечающегося прорыва батареи были выведены на прямую наводку.

Угрозу прорыва удалось ликвидировать, но к концу дня дивизии все же пришлось начать отход к позициям, более пригодным для обороны. 241-й СП занял оборону, опершись на 3 высоты: 94,5, 87,9, 85,6 161-й СП оперся на хутора Березень и Ново-Беляевка, а 90-й СП — на Дубинино и Вакаржаны. (309)

Только к концу дня на участок дивизии прибыл переброшенный из восточного сектора бронепоезд № 22. Бронепоезд занял позицию на почтительном расстоянии от переднего края, в районе станции Дачная, откуда и поддерживал части дивизии огнем, но заметного влияния на ход боя он не оказал.

В качестве подкрепления штаб армии в течение дня смог направить в дивизию только один истребительный батальон, состоявший из одесских ополченцев. Если подготовка прибывших одесситов была несколько выше, чем у контингента маршевых рот, то положе-

ние с оружием в присланном истребительном батальоне было просто катастрофическим: 572 бойца имели всего 100 винтовок, правда, отряд был усилен тремя станковыми пулеметами.

Наступившая ночь не принесла передышки, хотя накал боевых действий значительно ослабел. Румыны продолжали атаковать по всей полосе обороны дивизии, пытаясь осуществить ночную наступательную операцию, но румынские подразделения оказались не готовы к такого рода действиям. Атаки противника носили вялый характер, поддержка огнем почти не велась. Основные удары наносились по флангам дивизии.

На правом фланге 17-й пехотный полк румын пытался прорвать оборону дивизии на стыке 241-го и 161-го СП, нанося отвлекающие удары по позициям 241-го СП. Его подразделения, отбив все атаки, несколько раз сами контратаковали с занимаемых высот, отбрасывая противника в исходное положение. Удар на стыке отражался в основном подразделениями 161-го СП, который, не будучи так связан боем, как 241-й СП, смог перебросить туда достаточно сил. На левом фланге, на участке 90-го СП основные бои шли за хутор Вакаржаны, захватить который румынам также не удалось.

Уже ночью в сектор был переброшен на машинах крупный отряд из 1300 ополченцев, именовавшийся Одесским полком, и один из двух прибывших из Севастополя отрядов моряков. По разным данным, численность отряда составляла от 300 до 400 человек, вооруженных самозарядными винтовками и имевших пулеметы. Отряд, которым командовал бывший преподаватель одного из военно-морских училищ майор Потапов, было решено не дробить, а использовать в качестве ударного кулака, для чего его передали в подчинение командира 161-го СП полковника Сереброва. Если вооружение моряков позволяло использовать их в качестве самостоятельной ударной единицы, то Одесский полк был боеспособен весьма условно — половина его бойцов не имела винтовок.

С рассветом румыны продолжили атаки на прежних направлениях, но так продолжалось недолго. Получив хоть и скудные, но подкрепления, дивизия получила и задачу перейти в наступление на всем протяжении своих позиций. Удар оказался для румын неожиданным, и они сразу начали отход на всем участке обороны дивизии. Однако продвижение полков дивизии оказалось непродолжительным. Через 1—2 км на всех участках, кроме направления на Выгоду, румыны при поддержке ударов авиации и артиллерийского огня смогли остановить продвижение полков. (310)

Удар, наносившийся вдоль линии железной дороги 161-м СП и морским отрядом, был наиболее сильным, и быстро остановить его противнику не удалось. Атака моряков оказалась даже более успешной, чем это предусматривалось планами командования. К 14 часам ими был захвачен хутор Калишин, овладение которым планом наступления не предусматривалось. Во избежание потерь моряки должны были обойти хутор и окружить его, соединившись с наступающим по другую сторону железной дороги батальоном 161-го СП, но так как тот отстал, сделать это не смогли. Окрыленный успехом, командир отряда майор Потапов не стал ждать соседа, а решил продолжить наступление, надеясь взять Выгоду в одиночку. (311)

Однако во второй половине дня румыны, остановившие к этому времени уже и продвижение 161-го СП, в свою очередь перешли в контрнаступление против всех полков дивизии. Отряд моряков не успел вовремя отойти назад и оказался отрезанным за линией фронта. Однако сплошной линии окружения вокруг него пока не было, и Потапов двинулся по тылам противника, ища место, подходящее для прорыва к своим.

Одновременно с моряками вперед пошел и бронепоезд № 22. Бронепоезд ворвался на станцию Выгода, но его командиру это показалось недостаточным, и бронепоезд двинулся дальше, к Карпово. Ворвавшись на станцию и отогнав на почтительное расстояние пулеметным огнем с обоих бортов румын, находившихся на станции, команда бронепоезда обнаружила на путях эшелон с невывезенными советскими танками, которые, как выяснилось позднее, были отправлены для ремонта на крупных заводах. Прихватив платформы с 17-ю танками, бронепоезд двинулся в обратный путь и благополучно выбрался за линию фронта.

Впоследствии часть этих танков удалось восстановить, и они вошли в состав созданного в Одессе отдельного танкового батальона Приморской армии.

Части дивизии тем временем вели отчаянный бой, попятившись назад и стараясь удержать хотя бы исходные позиции. Против 95-й стрелковой дивизии действовали все три полка 11-й пехотной дивизии румын, понесшие в последних боях значительные потери и поэтому дополнительно усиленные егерским полком 3-й пехотной дивизии и 14-м пехотным полком 7-й пехотной дивизии.

Все офицеры штаба 95-й дивизии со вчерашнего дня находились на передовых позициях, а все командиры полков и батальонов, на самых опасных участках, пытаясь хотя бы таким путем переломить ход

боя и не допустить отступления своих частей. Бой принял предельно ожесточенный характер. Дивизия вцепилась в свои позиции, не уступая противнику ни метра территории. Все исходные позиции были удержаны за исключением хутора Березень на участке 161-го СП. (312)

Во время этого боя части дивизии понесли беспрецедентные потери в командном составе. Были ранены и выбыли из строя: командир 161-го СП полковник Серебров, командир 90-го СП полковник Соколов, начальник штаба дивизии майор Чинов, начальник артснабжения дивизии и были ранены или убиты все комбаты. Всего за этот день дивизия потеряла около 1000 человек. Наибольшие потери понес 241-й СП, в котором осталось всего 260 активных штыков.

Ночь на 24 августа прошла относительно тихо — 19-й, 2-й и 3-й полки 11-й пехотной дивизии румын получили пополнение по 500 человек на полк и вливали новичков в свои части.

Утром 24 августа румыны предприняли еще одно наступление. Сил наносить удары на всем протяжении участка обороны дивизии у противника уже не было. Поэтому противник решил нанести один главный удар, который должен был решить судьбу боя, а все остальные действия носили отвлекающий характер. (313)

Наступать румыны решили вдоль железной дороги, как это сделали накануне и советские части. Но удар с этого направления являлся ожидаемым. И командование дивизии, и командование армией больше всего опасались прорыва вдоль железной дороги. Все ориентиры перед позициями 241-го и 161-го стрелковых полков, занимавших позиции по обе стороны от полотна железной дороги, были пристреляны дивизионной артиллерией и береговыми батареями. Сначала румынское наступление развивалось успешно, и противнику при поддержке танков удалось захватить высоту 82,8. Но затем на наступающего противника обрушился сосредоточенный огонь артиллерии, ведшийся на всю глубину его боевых порядков. Наступающие румынские части по существу оказались в огневом мешке — хотя именно такая операция и не планировалась. Поддержанные артогнем, части дивизии контратаковали противника, отбросив его на исходные позиции. Как указывалось в донесении штаба дивизии, при осмотре места боя была обнаружена *«по линии ж.д. масса румынских трупов и раненых»*. (314)

Однако противник не отказался от планов прорыва вдоль железной дороги и повторил попытку с наступлением темноты. Однако ночной удар привел на этот раз к еще более плачевным ре-

зультатам, чем дневной. Понеся днем большие потери, румынское командование решило ввести в бой 14-й пехотный полк 7-й пехотной дивизии, до этого лишь поддерживавший части наступавшей на этом участке 11-й пехотной дивизии. При поддержке танков полк пытался захватить хутор Октябрь. Но плохо зная местность, командование полком не смогло скоординировать в ночном бою действия своих батальонов. (315)

161-й СП в дневном бою потерял своего командира полковника Соколова, раненного осколком снаряда, и командование полком принял подполковник Опарин. Новый командир полка сумел быстро оценить обстановку и, используя сложившуюся ситуацию, завязал маневренный бой, быстро стягивая то к одному, то к другому участку больше сил, чем имел там противник. Полк стал переходить в контратаки и бить противника по частям. В течение ночи все три батальона противника были разгромлены и один за другим поспешно вышли из боя. Хотя число убитых, оцененное в донесении Воробьева в тысячу человек, было сильно завышенным и совершенно не соответствовало подобранным на поле боя винтовкам, румыны, несомненно, понесли значительные потери. 161-й стрелковый полк захватил в качестве трофеев 6 станковых пулеметов и 4 миномета, брошенных противником при отступлении, и 1 подбитый танк. (316)

Ночью в расположение частей дивизии неожиданно пробился из румынского тыла отряд Потапова, который все уже считали погибшим. Моряки понесли большие потери, сам Потапов был ранен в руку. У многих моряков давно закончились патроны, и они воевали оружием, захваченным у противника — как выразился командир дивизии Воробьев — *«притащили порядочно трофейного оружия»*. За допущенное нарушение приказа, которое могло привести к гибели всего отряда, Потапов особых неприятностей не имел, а за проявленные мужество и героизм был награжден орденом Ленина.

После понесенных во время дневных и ночных боев потерь румынские части утратили способность к наступательным действиям. Так как основные боевые действия разворачивались на флангах Одесского оборонительного района, румынские войска, находившиеся перед фронтом обороны Западного сектора, в течение всех многодневных боев под Выгодой оставались в прежней группировке. Без получения пополнений их дальнейшее наступление становилось невозможным. В Западном секторе установилось короткое затишье.

ВОЗОБНОВЛЕНИЕ НАСТУПЛЕНИЯ (25 АВГУСТА—1 СЕНТЯБРЯ)

В течение следующих двух дней румыны проводили перегруппировку своих сил, пополняли находившиеся перед сектором дивизии (317) и подтягивали некоторые свежие части.

Утром 27 августа разведка зафиксировала признаки готовящегося наступления: в районе Выгоды было установлено передвижение значительных масс пехоты, автомашин и большие скопления конницы. Проведенная в конце дня авиаразведка подтвердила эти данные. Стало ясно, что противник готовит очередное наступление. Но из-за тяжелого положения на флангах никаких подкреплений в сектор переброшено не было. (318)

Проведенная утром 28 августа еще одна авиаразведка снова отметила наличие крупных сил противника в районе Выгоды, Мангейма и Петровского. Но командование дивизии выжидало дальнейшего развития событий, полагая, что противник не в состоянии нанести значительных ударов даже на самом угрожаемом направлении — вдоль железной дороги.

Последовавшая около 10 часов атака 2-х румынских батальонов неполного состава на участке 161-го полка как будто подтвердила эти предположения. Противник, явно не рассчитавший силу удара, был легко отброшен назад, причем один батальон вынужден был спасаться бегством, бросив 2 миномета и 2 пулемета. 18 человек из его состава было захвачено в плен. (319)

Однако после короткой перегруппировки румыны нанесли на том же участке значительно более мощный удар, на этот раз силами уже не менее четырех батальонов. Подразделения 161-й СП были выбиты из хуторов Октябрь и Важный и отойдя на 1—2 км заняли оборону восточнее, опираясь на высоты 84,3 и 83,6. К месту прорыва были переброшены 13-й отдельный разведывательный батальон и одна батарея 97-го отдельного артдивизиона, а из армейского резерва к месту прорыва был переброшен на автомашинах в спешном порядке 7-й кавалерийский полк. (320) Ценой огромных усилий и больших потерь части 161-го СП, поддерживаемые плавающими танками, броневыми автомобилями и автоматчиками 13-го ОРБ, а также спешенными кавалеристами, смогли захватить обратно оба хутора. При этом 7-й кавалерийский полк потерял до половины личного состава. В 13-м ОРБ был смертельно ранен его командир, старший лейтенант Долгий. (321)

Одновременно румыны нанесли удары и по флангам дивизии. 241-й СП удержал занятые позиции, а 90-й СП правым флангом отошел до позиций, занятых его соседом. (322)

Ночью на участке 161-го СП противник стал вводить в действие части из состава свежей 5-й пехотной дивизии, только что переброшенной на этот участок. На следующий день самые ожесточенные бои снова развернулись на этом участке. К полудню румынам опять удалось захватить оба хутора. 161-й СП совместно с 7-м кавалерийским отошли на рубеж высот 85,6, 83,6 и хутора Дубиново. (323) (324)

Во время боя в пульроге, переданной 21 августа в подчинение дивизии из резерва армии, выбыли из строя все командиры, и до вечера ее возглавлял принявший командование на себя сержант Джангиоров.

30 августа румыны изменили тактику и предварили наступление длительной артподготовкой. Обстрел начался с рассветом и продолжался до 11 часов, после чего началось наступление на участке от станции Выгоды до хутора Важный. Теперь в бой была введена 6-я пехотная дивизия, наступавшая в двухшелонном порядке. Один из ее полков снова попытался занять хутор Важный, другой же атаковал высоту 87,9. На этот раз командование ООР не стало ожидать, пока ситуация разовьется до критической. В сектор были направлены 2 бронепоезда «За Родину» и № 21, а также 1000 человек из только что прибывшего в город маршевого пополнения. Оба наступавших румынских полка понесли тяжелые потери, а один из них, 15-й, утратил боеспособность и был выведен в резерв. (325)

В последующие два дня в секторе установилось очередное долгое затишье. Но в этот раз ему было суждено стать затишьем перед бурей. События, произошедшие в конце августа в Восточном и Южном секторах, изменили отношение румынского командования к Западному. Теперь ему предстояло не на одну неделю стать ареной долгих, изматывающих и кровопролитных боев, о которых еще предстоит рассказать.

«ЧАСТНЫЕ АТАКИ» (2—11 СЕНТЯБРЯ)

К началу сентября румынское наступление в Восточном секторе окончательно захлебнулось, а находившиеся в нем румынские части, обескровленные жестокими 10-дневными боями, вынуждены были перейти к жесткой обороне.

Противник пока не имел сил для организации еще одного наступления подобных масштабов. Достигнутый успех в Южном секторе под Ленинталем румынам было развивать нечем. В оборонительных боях на Ленинтальском клине они перемалывали подкрепления, получаемые 25-й стрелковой и 1-й кавалерийской дивизией, копя силы и выжидая благоприятного момента для перехода в наступление.

Находившийся с 22 августа на фронте под Одессой Антонеску искал участки, на которых можно было перейти пусть и в небольшое, но наступление, с целью воспрепятствовать накоплению сил Приморской армией для осуществления контрудара на каком-нибудь из участков, где румынские войска перешли к вынужденной обороне.

Постепенно диктатор пришел к выводу, что наиболее подходящим участком для проведения демонстрационного наступления, носящего локальный характер, является Западный сектор, обороняемый частями 95-й стрелковой дивизии. 1 сентября Антонеску выехал на передовую в район Выгоды, где убедился в правильности принятого им решения.

2 сентября около 10 часов утра после длительной артподготовки противник перешел в наступление в центре и на левом фланге боевых порядков дивизии. Первые удары были нанесены в центре, по позициям 2-го батальона 161-го СП, занимавшего высоту 83,6. В течение двух часов ожесточенного боя, в ходе которого батальон потерял 90 человек, остатки рот, насчитывавших по 50 человек, отошли на 800 м юго-восточнее, обнажив фланг 3-го батальона.

Сковывая 3-й и 2-й батальоны полка ударами с фронта, во второй половине дня румыны нанесли удар в левый фланг 3-го батальона. Для восстановления положения командир дивизии генерал-майор Воробьев около 15.00 ввел в бой на участке вклинения противника роту 13-го отдельного разведывательного батальона, поддерживаемую бронированными тягачами «Комсомолец» и бронеавтомобилями.

Развивать здесь наступление румыны больше не могли и, перегруппировавшись, через два часа нанесли по 3-му батальону еще один удар, теперь уже с фронта. Понеся большие потери, батальон начал отходить, но сделать это удалось не всем. 8-я рота, попытавшаяся удержать занимаемые позиции в течение часа, была уничтожена полностью, до последнего человека. После выхода из боя в батальоне осталось 85 человек. 1-й батальон полка сумел удержаться на занимаемых позициях.

90-й стрелковый полк, занимавший позиции на левом фланге дивизии, сумел частично удержаться на занимаемых позициях. После

боя, продолжавшегося весь день, отошел на 500 м только 3-й батальон полка, от которого к этому времени оставалось всего 43 человека.

Находившийся на правом фланге дивизии 241-й СП занимал значительно более выгодные позиции, чем остальные полки дивизии. Правый фланг полка опирался на Хаджибейский лиман, а левый прикрывался насыпью железной дороги. Все фронтальные атаки на позиции полка оказались неэффективными, хотя при их отражении полк и потерял две машины со счетверенными зенитными установками (326) и румыны сделали попытку обойти полк с левого фланга, нанеся удар через железнодорожную насыпь, но и это наступление удалось отбить, хотя румыны и предприняли его в полной темноте, после 23.00. (327)

После полуночи румыны прекратили атаки на позиции правого флангового 241-го полка и сосредоточили все усилия на центре и левом фланге дивизии. Ночной бой, без поддержки дивизионной и армейской артиллерии, оказался для измотанных и обескровленных дневными атаками 161-го и 90-го СП крайне тяжелым.

Отдельные роты полков вели бой в полном окружении. Пулеметы ночью были малоэффективны, и бойцам часто приходилось отбиваться от противника огнем в упор, гранатами и штыками. К концу боя оба полка откатились на расстоянии 1—1,5 км. Обе стороны понесли во время боя на короткой (не более 100 м) дистанции тяжелые потери. Румыны так и не смогли уничтожить части, но к утру в батальонах обоих полков осталось по 40—60 человек. (328)

Положение становилось катастрофическим. Парировать удары противника было уже нечем. Воробьев доложил о ситуации в штаб армии, сообщив, что «резервов никаких нет», и попросил «немедленно выслать пополнение в количестве 5000 человек». (329).

В течение следующего дня 95-я дивизия не получила ни одного человека, и Воробьев весь долгий день 3 сентября с тревогой ждал возобновления вражеского наступления, которое в этот момент оказалось бы фатальным. Но румыны так и не смогли в этот день перейти в наступление. (330)

Лишь в ночь на 4 сентября в дивизию прибыло пополнение в количестве 500 человек, т. е. ровно в 10 раз меньше запрошенного, которое было необходимо для доведения состава дивизии до минимальной штатной численности.

По двести человек были влиты в наиболее обескровленные 161-й и 90-й СП и 100 человек — в 241-й СП. Но положение осложнилось тем, что присланное пополнение прибыло невооруженным и необу-

ченным и спешно вооружалось оружием, которое удалось подобрать на поле боя, а его хватило далеко не всем.

Спешно довооружая и обучая людей, в дивизии готовились к очередному бою, хорошо понимая, что в сложившейся обстановке он будет как минимум не менее тяжелым и кровавым, чем предыдущий.

В течение всего 3 сентября, ночи на 4 сентября и первой половины 4-го сентября обе стороны, практически утратившие боеспособность, приводили части в порядок, подтягивали подкрепления и переформировывались. (331)

Румыны из состава 6 и 11-й ПД, поредевшие части которых находились перед фронтом 95-й дивизии, в основном были опытными кадровиками. Почувствовав, как дерется дивизия, они без лишней спешки, обстоятельно готовились к следующему наступлению.

До 2-х батальонов пехоты накопилось в районе х. Важный на участке 161-го СП, до 2-х — у хутора Дубиново на участке 241-го и до 2-х — в районе х. Вакаржаны на участке 90-го СП. По количеству батальонов противник даже уступал частям дивизии, численность этих батальонов после трех недель боев тоже была значительно ниже штатной, но это были кадровые батальоны, из обученных и обстрелянных солдат, многие из которых служили в румынской армии десятилетиями на профессиональной основе.

До 1 батальона пехоты выдвинулось с запада в направлении высоты 79,3 и до 2 рот — от сторожки на высоте 79,8. В 14.00 румыны с двух сторон атаковали высоту 79,3. Пока это была только разведка боем. После открытия сильного артогня противник отошел.

Румынские офицеры спешно наносили на карты последние огневые точки вскрытой системы минно-артиллерийского огня дивизии.

После этого румыны начали наступать всерьез. На правом фланге 241-й СП, усиленный мотобатальоном майора Воскобойникова, укрепившийся на высоте 94,5 и за насыпью железной дороги и имевший больше 200 ручных и станковых пулеметов, доставшихся ему после расформирования Тираспольского УР, а также 19 50-мм минометов и 14 огнеметов, отразил 5 румынских атак, не понеся при этом значительных потерь и, как указывалось в донесении командира дивизии, полк (332) остался *«вполне боеспособен»*. Румыны понесли при этом настолько большие потери, что в течение следующего дня на этом участке больше не атаковали.

На участке 161-го СП положение вновь оказалось более тяжелым. Румыны быстро нащупали слабое место в обороне полка и, как и 2 сентября, снова нанесли удар встык — на этот раз между 2-м и 3-м

батальонами. И снова прорыв был ликвидирован вводом в бой мотороты 13 ОРБ. После боя полк насчитывал 491 человек, но при этом в нем осталось всего 4 станковых и 5 ручных пулеметов, 1 50-мм миномет и 3 82-мм миномета.

Самая тяжелая ситуация опять сложилась на участке 90-го СП. Полк, почти не имевший пулеметов и минометов и спешно доукомплектованный необученным и частично не вооруженным пополнением, не мог противостоять 2-м батальонам кадровой румынской пехоты, имевшей хорошую подготовку и опыт боевых действий. Полк поддерживала огнем почти вся имевшаяся в распоряжении Воробьева артиллерия: 57-й и 397-й артполки и 1-я батарея 266-го КАП. Несмотря на это, части были оттеснены на 500 м с высоты 79,3. Наиболее ожесточенный бой развернулся за хутор Вакаржаны, который оборонял 2-й батальон полка. Пользуясь недостатком пулеметов у обороняющихся, румыны броском достигли окраины хутора, выйдя из-под артиллерийского огня, и навязали защитникам хутора рукопашный бой. Выдержать этот бой не имевшие опыта и достаточного вооружения бойцы не смогли. Батальон был отброшен от хутора на километр в восточном направлении. После боя в 4-й роте полка насчитывалось 30 человек, а в 5-й — 40. Всего после боя в полку осталось 303 человека при 2 станковых и 2 ручных пулеметах, 1 50-мм миномете, 3 — 82-мм минометах и 1 огнемете.

После боя из 241-го стрелкового полка в 90-й полк были переданы для усиления огневой мощи 6 50-мм и 1 82-мм миномет. Не терявший оптимизма Воробьев снова запросил 4 тыс. человек «пополнения с оружием», 45 пулеметов, 30 минометов и даже 5 танков БТ. (333)

После второй попытки наступления на участке дивизии установилось кратковременное затишье. (334)

Запрошенное подкрепление прибыло через день в количестве 300 человек, причем его не удалось распределить по полкам, так как поступило указание сменить им отряды моряков и пограничников оперативно подчиненные 25-й дивизии и занимавшие оборону на стыке между 25-й и 95-й дивизиями, в районе высоты 76,3.

Однако помимо подкрепления в дивизию, совершенно неожиданно для Воробьева, прибыла и группа контроля при Военном совете ООР. Причиной ее приезда оказалась просьба Воробьева присылать пополнение вооруженным. В Военном совете ООР из нее сделали свои, особые выводы.

Группа провела проверку «учета и сбережения оружия в 241-м полку», обнаружив, что «по учетным данным артснабжения, на

4.9.41 г. числится 3330 винтовок, по сведениям же штаба, на то же число — 1820 винтовок».

Комиссия пришла к выводу, что полку «создана возможность безнаказанного расхищения боевого оружия... а среди отдельных командиров и начальников утвердилось мнение, что в период напряженной боевой обстановки нельзя наладить учет и сбережение оружия. Это противоречит здравому смыслу и вредно сказывается на боеспособности частей и подразделений. Такое положение с учетом и сбережением оружия не может быть далее терпимо».

Попыткам командира дивизии вооружать прибывшее пополнение оружием, подобранным на поле боя, тоже была дана надлежащая оценка:

«Чем напряженнее периоды боев, тем более тщательный требуется уход и сбережение оружия. Иначе оно отказывает в бою и быстро выходит из строя.

В ротах, особенно действующих на фронте, многие винтовки покрыты ржавчиной и без штыков».

На счастье Воробьева, группа контроля предпочитала проводить проверку на наиболее спокойных участках фронта и с положением в 161-м и 90-м стрелковых полках, оставшихся еще и практически без пулеметов, знакомиться не стала.

Далеко идущих выводов из визита группы, правда, не последовало, но Воробьев был предупрежден, что необходимо «оружие, подлежащее списанию с учетных данных, оформлять приказами за подписью командиров и военкомов отдельных частей. Всякое иное списание оружия будет рассматриваться как расхищение боевой техники». (335)

После подведения итогов работы комиссии в соответствующем приказе по войскам ООР обе стороны вернулись к своим повседневным заботам: Воробьев продолжил защищать западный сектор обескровленной дивизии, не имевшей ни людей, ни винтовок, ни пулеметов и минометов, а группа контроля продолжила заниматься «Ликвидацией случаев политической беспечности и повышением революционной классовой бдительности». Об этой стороне ее деятельности будет подробнее рассказано в одной из других глав.

Однако в жестоких боях 2 и 4 сентября были обескровлены не только два полка 95-й дивизии. Румыны также понесли значительные потери и больше не могли уже себе позволить полномасштабного наступления на участке дивизии. Окончательно это стало ясно вечером 7 сентября, когда после двух дней затишья противник перешел к ак-

тивными действиями. На этот раз румынское командование прибегло к совершенно новой тактике.

В 20.15 противник силами до 6 артполков открыл сильнейший артиллерийский огонь по позициям 90-го СП и позициям прибывшего пополнения, которое теперь именовалось «отрядом резерва командира дивизии» и занимало самый слабый участок в системе обороны дивизии — край левого фланга на стыке с 25-й дивизией.

В ответ в бой были введены 9 дивизионов советской артиллерии. Румынская артиллерия вынуждена была прекратить артподготовку и переключиться на контрбатареиную борьбу. На стыке Южного и Западного секторов разгорелся крупнейший за время обороны Одессы артиллерийский бой, носивший, однако, из-за большого расхода снарядов довольно скоротечный характер. После того как бой приобрел дульный характер, интенсивность огня стала быстро ослабевать с обеих сторон. К 21.00 артиллерийская перестрелка окончательно затихла. (336)

Эффективность огня обеих сторон была довольно низкой. По данным штаба Приморской армии, была подавлена одна дальнобойная батарея и уничтожена одна полевая. Однако при этом бой закончился не в пользу румынских артиллеристов — решить поставленные задачи противнику так и не удалось. (337)

С наступлением темноты румынские части начали атаки на левом фланге дивизии. Отряд резерва тут же пришлось поддержать подразделениям 90-го СП. Но и он не смог остановить противника на рубежах, которые теперь занимали левофланговые подразделения дивизии.

Высоту 76,3, нарезанную 5 сентября в полосу обороны дивизии, полк защищал до рассвета, но к утру его подразделения все-таки отошли на 300—400 м, заняв позиции восточнее высоты. (338)

В светлое время суток румыны больше не атаковали, опасаясь огня советской артиллерии, и командира полка обязали восстановить положение на его участке. Однако Воробьев, понимая невозможность восстановления и без того чрезвычайно ослабленных 90-м СП позиций, которые после включения в них высоты слишком растягивали его фронт, не спешил форсировать наступление.

Весь день 8 сентября полк вел на своем левом фланге огневой бой с противником, занимавшим высоту, переодически пытаясь атаковать. (339) С наступлением темноты попытки овладеть высотой были прекращены. (340)

9 сентября румыны снова попробовали перейти в наступление, и опять стало ясно, что натиск противника слабеет. С утра румыны

пробовали наступать на участке 161-го СП в районе высоты 83,6 и на участке 90-го СП в районе высоты 79,8, сумев сосредоточить на одном направлении два, а на другом — всего один батальон. (341)

Оба удара успеха не имели и были легко отражены при поддержке артиллерии. Попыток наступать против занимающего выгодные позиции и наиболее сильного из всех полков дивизии — 241-го — противник больше не предпринимал.

Перегруппировавшись и подтянув резервы, румыны после 14.00 попытались возобновить наступление. При этом на участке высоты 83,6, предварив атаку артподготовкой, румыны попытались перейти в атаку силами 2-х дополнительно переброшенных батальонов неполного состава, но сразу же были рассеяны огнем артиллерии, и атака не состоялась. Повторных атак противник уже не предпринимал. (342)

Высоту 79,8 противник попытался обойти с севера, подтянув еще один батальон, но и 90-й СП полк на этот раз сумел полностью удерживать занимаемые позиции. Наступательные возможности противника явно были исчерпаны. (343)

Взятые 10 сентября 4 пленных из 6, 7, 8 и 13 пехотных полков показали, что они принадлежат к резервным батальонам, находились в Бессарабии на полевых работах, на фронт прибыли в начале сентября, средний возраст пополнения около 40 лет, и боевой подготовки оно не проходило. (344). Теперь по обе стороны фронта находилось много людей, не имевших военной подготовки и опыта боевых действий.

Воробьев, бывший до назначения командиром дивизии начальником оперативного отдела штаба армии, сумел быстро сориентироваться в складывающейся обстановке и пришел к выводу, что дивизия может перейти в наступление и вернуть утраченные в начале сентября позиции.

Согласно отданного им боевого приказа № 058 от 10.9.1941 г., дивизия должна была:

«с 5.55 11.9.41 г. провести частные атаки с целью выравнивания фронта на указанных участках».

Наступление должно было проводиться при поддержке пехоты артиллерийским огнем и штурмовыми ударами авиации. В случае успешного развития операции планировалось вернуть и утраченное в последних числах августа.

Штабу армии план, в отличие от предложенного в этот же день командиром Одесской СД полковником Коченовым аналогичного плана «решения частных задач» в Восточном секторе, понравился.

По мнению начальника штаба, *«конкретно и грамотно были разработаны: таблица взаимодействия пехоты и артиллерии, таблица взаимодействия пехоты, артиллерии и авиации».*

Однако следовать плану удалось только первые 15 минут, отведенные для короткой артиллерийской подготовки. Выделенные для нее силы и отведенное в соответствии с имеющимся числом боекомплектов время оказались явно не достаточными.

Уже через пять минут после начала артподготовки противник начал контрбатареиную борьбу. (345) Из-за недостатка снарядов и незначительности выделенных огневых средств подавить большинство огневых точек противника не удалось.

Румыны открыли интенсивный огонь по всей линии фронта. 241-й СП, на который как на наиболее боеспособный возлагались все надежды, смог перейти в наступление только одним батальоном. Но и в нем потеснить противника сумела только одна рота — лейтенанта Гутовского, поддерживаемая отрядом моряков, которая к 11 часам утра продвинулась на 800 м в направлении северной окраины хутора Октябрь и заняла передовые окопы румын. (346)

Однако рота, заняв выгодные позиции в отрытых в полной профиль румынских окопах, в целом оказалась в крайне невыгодном положении. Оба фланга ее оказались открытыми, так как кроме не сумевших перейти справа от нее в наступление подразделений 241-го СП ее подвел и левый сосед, 161-й СП, 1-й батальон которого отстал от нее почти на 600 м.

В 13.00 румынская рота, обойдя ее с фланга, ударила встык роты Гутовского и 1-го батальона 161-го СП. Румыны открыли по роте сильный пулеметный огонь с фланга, в то время как другие румынские подразделения обстреливали ее с фронта. Оказавшись под перекрестным огнем и не имея поддержки, рота была вынуждена оставить захваченные окопы и отойти на прежние позиции.

161-й СП перешел в наступление на всей линии занимаемых им позиций, но *«встреченный сильным ружейно-пулеметным и арт-миногнем продвинулся в западном направлении всего от 200 до 500 м»* и дальше наступать уже не смог. Правда, попытки противника отбросить полк на исходные позиции успеха также не имели. (347)

К концу дня полк сообщил о потере 138 человек.

В 90-м СП 2-й и 3-й батальоны продвинуться вперед не смогли, а 1-й потеснил противника на 400 м. (348).

К исходу дня положение дивизии улучшилось крайне незначительно — только на участке 161-го стрелкового полка. События следующего дня показали, что за этот успех пришлось заплатить слишком дорогой ценой.

«УЛУЧШАЯ ПОЗИЦИИ...» (12—23 СЕНТЯБРЯ)

Румынская реакция на попытку наступления была неожиданной. На следующий же день, 12 сентября противник в 6.10 утра сам перешел в наступление. Причем общий замысел наступления в корне отличался от советского и очень напоминал тактику, которой румыны придерживались еще 2 сентября. Еще более неожиданным оказалось то, что противник атакует, введя в бой новую для этого участка дивизию — 3-ю пехотную.

Первый утренний удар был нанесен не на всем протяжении линии обороны дивизии, а на участках 90-го и 161-го стрелковых полков. Это позволило сконцентрировать на обоих участках артиллерийский огонь, не ведя его по всей полосе обороны 95-й дивизии. Однако утренние атаки успеха противнику не принесли, батальоны противника рассеивались артиллерийским огнем еще до приближения к позициям полков. (349)

В 14.30, скрытно сосредоточившись на исходных позициях, без артподготовки и совершенно неожиданно для командования 95-й дивизии, румыны нанесли внезапный удар силами двух батальонов вдоль железной дороги по левому флангу 241-го СП. Подразделения полка впервые за все время сентябрьских боев были отброшены от железнодорожной насыпи, прикрывавшей левый фланг полка. Подразделения, оборонявшиеся на этом участке, отошли на расположенную у них в тылу высоту 71,0, где продолжали упорно обороняться.

После этого румыны нанесли удар по оголившемуся правому флангу 161-го СП, угрожая ему глубоким обходом. Одновременно румыны нанесли удар и по его левому флангу, продвинувшись на стыке с 90-м СП. Полк начал отход, чтобы избежать полуокружения. Правый фланг полка отошел на 1,5 км, левый — на километр. В 19.00 по приказу командира дивизии в бой был введен отряд, находившийся в его личном резерве, но восстановить положение не удалось. (350)

90-й СП, будучи атакованным двумя батальонами со стороны отошедшего 161-го полка, отошел правым флангом к высоте 79,3, у которой в бой был введен разведбатальон дивизии, но положение не

удалось восстановить и здесь. В этот раз бои велись с небывалым ожесточением. Боевые действия не прекратились ни с наступлением темноты, ни с рассветом. (351)

На вторые сутки боя румыны сосредоточили свои усилия на наиболее слабых участках обороны, пытаясь отбросить 161-й стрелковый полк. Полк понес большие потери, часть из которых явилась следствием его попыток восстановить положение. В результате полк к концу дня снова начал отход, несмотря на то что его поддерживали резерв командира дивизии и переброшенный сюда разведбатальон. Вслед за 161-м полком правым флангом отошел и 90-й. В результате румыны еще больше углубились в советскую оборону, выйдя к высоте 76,5. (352)

Во время боя 4-й пехотный полк румын, добившийся в этот день наибольших успехов, слишком увлекся наступлением и опасно растянул свои боевые порядки. Один из его батальонов прорвался вглубь оборонительной полосы, где неожиданно для себя сам оказался окруженным подразделениями 161-го полка и был разгромлен. Остаткам батальона удалось вырваться из окружения, бросив все станковые пулеметы. 30 человек были захвачены в плен. 2 остальных батальона полка, пытаясь его разблокировать, чтобы не допустить его уничтожения, предприняли несколько отчаянных атак, во время которых сами понесли настолько большие потери, что полк после выхода остатков батальона из окружения был отведен с переднего края.

Вдохновленный этим успехом, Воробьев поставил задачу 90-му СП уничтожить батальон противника, прорвавшийся к высоте 76,5. (353) Однако полк не имел для этого достаточных сил и не только не уничтожил противника, но и не смог его отбросить. (354).

На следующий день задачу *«ликвидировать пр-ка, просочившегося в р-н выс. 76,5»* получила уже вся 95-я дивизия. (355)

В соответствии с поставленной задачей Воробьев решил 14 сентября предпринять ограниченное наступление на участке высоты 76,5, не связывая противника боем в остальной полосе обороны дивизии. Это объяснялось тем, что, по показаниям пленных, на участке 241-го СП появились 2-й фортификационный полк и 5-й пульбат, переброшенные с реки Сорет. Румыны начали использовать в боях части Фокшанского укрепрайона, как и сама Приморская армия использовала части Тираспольского. (356)

Наступать должен был 161-й СП, 13-й ОРБ со своей бронетехникой и батальон дивизионного резерва. Непосредственное руководство наступлением осуществлял начальник штаба дивизии подполковник

Прасолов, находившийся в боевых порядках наступающих подразделений.

Поддерживаемый дивизионной артиллерией полк без особых проблем и почти без потерь сумел продвинуться на расстояние до полутора километров. (357) Однако такое легкое продвижение, как выяснилось через несколько часов, было частью плана, спешно принятого румынским командованием. Ослабленные в течение предыдущих дней подразделения румын, численно сильно уступавшие атакующим советским частям, отошли, не ввязываясь в серьезные бои. Затем с других участков были переброшены и введены в бой 2 свежих пехотных батальона. 161-й пехотный полк не смог выдержать их натиск и начал быстрый отход. (358)

Основной удар противника пришелся на 13-й разведывательный батальон, бойцы которого прикрывали отход 161-го полка. Моторота батальона была уничтожена почти полностью — от нее осталось всего 20 человек. Командир 13-го ОРБ старший лейтенант Долгий и комиссар 161-го стрелкового полка старший политрук Урушадзе, пытавшиеся спасти положение, получили ранения и выбыли из строя. Потери разведывательного батальона составили 116 человек, также был подбит один бронированный тягач «Комсомолец». Итоги боя и отход полка на прежние позиции были дипломатично сформулированы Воробьевым следующим образом:

«Даны указания о закреплении на достигнутом рубеже и в зависимости от обстановки о занятии прежнего рубежа». (359)

Однако командование армии, опасаясь, что фронт постепенно отодвигается слишком далеко и события могут начать развиваться по типу Ленинтальских, решило на этот раз непременно добиться успеха. За ночь в полосу обороны 95-й СП дивизии на участок 90-го СП для его усиления были переброшены батальон 54-го стрелкового полка и отряд из 10 танков.

Поддерживать удар должен был 7-й полк 2-й кавалерийской дивизии. Группа опоздала с сосредоточением и смогла начать наступление только в 10.30 15 сентября. Румыны ответили контр наступлением (360), в результате которого 90-й СП и поддерживающие его части к 15.00 перешли к обороне. 7-й полк, будучи контратакованным батальоном противника с высоты 76,5 и одновременно с этим двумя батальонами при поддержке легких танков, во фланг попал в полуокружение и, понеся большие потери, мелкими группами отошел к высоте 72,5.

2-й и 3-й батальоны 90-СП полка понесли тяжелые потери. В них осталось по 50—60 человек, и полк *«остатками отошел к высо-*

те 72,5», где занял оборону вместе с 7-м полком, справа от него. И опять бой не прекратился с наступлением темноты и продолжался до утра. (361)

На этот раз почти разгромленному 90-му СП невероятным усилием удалось в ночном бою самому потеснить противника и продвигнуться вперед настолько, что между ним и 7-м полком образовался разрыв. У обескровленных полков уже не хватало бойцов, чтобы расположить на опасном участке хотя бы роту, и поэтому разрыв смогли прикрыть только конным взводом со счетверенной пулеметной установкой. В 7-й полк для его укрепления был временно влит 3-й батальон 90-го СП — случай сам по себе не совсем обычный.

Однако румыны не стали предпринимать попытку прорыва на стыке между 90-м и 7-м полками, а ударили южнее — встык между южным и западным секторами. Со стороны западного сектора стык прикрывал теперь переподчиненный 95-й СД 7-й полк, а со стороны южного сектора — 287-й СП 25-й Чапаевской дивизии. (362)

Удар наносили 2 батальона румынской пехоты, поддерживаемой легкими танками. Полки сумели удержать занимаемые позиции, отбив несколько атак. (363). Один из румынских танков был подбит. Но оба полка понесли большие потери. В 7-м полку был убит его командир, майор Лебедев, в 287-м ранен его военком, старший политрук Балашев. (364)

На следующий день, 17 сентября, наступать начали уже румыны. (365) В 10.15 была начата необычно мощная артподготовка силами 14 артдивизионов. Обстрел позиций дивизии противник продолжал в течение 5 часов, выпустив до 60 тыс. снарядов. Артиллерия сектора не могла оказать противнику значительного сопротивления. Отдельные батареи противника удалось принудить к молчанию, но в целом на интенсивность огня противника, имевшего превосходство и в числе задействованных орудий, и в количестве израсходованных боеприпасов, это значительно не повлияло.

Если бы огонь всей румынской артиллерии был сосредоточен на участке одного-двух полков, возможно, последствия для дивизии оказались бы более тяжелыми. Но румынское командование ставило перед собой в этот день другие задачи. Наступление в Западном секторе было лишь частью общего наступления, предпринятого в этот день на все позиции, обороняемые Приморской армией. Главный удар этого наступления наносился в Южном секторе, в направлении Ленинталь—Татарка, остальные удары преследовали задачу сковать боем максимальное количество сил противника.

В 10.45 противник силами до двух полков начал атаки на позиции 90-го СП. Два батальона нанесли удар в стык между 90-м СП, и его соседом слева. Через три часа боя румынам удалось потеснить 161-й СП и продвинуться к юго-западной окраине хутора Кабаченко. По месту прорыва был открыт сильный артиллерийский огонь. Контратаками фланговых батальонов обоих полков противник был отброшен в район Баштанной балки. Обойденные с фланга батальоном 161-го СП, оба румынских батальона попали в полуокружение, где ожесточенно отбивались до самого вечера.

Одновременно еще два-три батальона пытались прорвать позиции 90-го стрелкового полка, атакуя его с фронта. Правый фланг полка отошел на гребень высоты 71,4, где смог прочно закрепиться.

Ввиду кризиса на участке 90-го полка Воробьев вывел 3-й батальон 90-го СП из состава 7-го и, влив в него часть прибывшего пополнения, ввел в бой на угрожаемом правифланговом участке.

К вечеру атаки противника прекратились. Вклинение противника на участках 161-го и 90-го СП было незначительным. (366) Румынское наступление оказалось ожесточенным, но коротким. (367).

Ситуация медленно, но неуклонно менялась в пользу Приморской армии. Противник еще пытался атаковать, но бои конца второй декады сентября уже не шли ни в какое сравнение ни с крайне ожесточенными боями начала сентября, в которых сама судьба дивизии висела на волоске, ни с изматывающими боями 12—13 сентября, продолжавшимися без перерыва почти двое суток.

18 сентября румыны попытались счастья на участке 90-го СП. (368) Бой шел с 16.00 до наступления темноты. (369) Все атаки противника были успешно отбиты с большими потерями для румын. Потери же полка составили всего 45 человек убитыми и ранеными. (370) 19 сентября румыны предприняли более крупное наступление на том же участке. (371). После двухчасовой артподготовки 2 батальона румынской пехоты попытались перейти в наступление на стыке 161-го и 90-го СП и первый раз за все время сентябрьских боев не смогли это сделать. Еще 2 раза атаковали румыны в этот день, последний раз уже в сумерках, но не добились даже незначительных успехов. (372) (373)

Еще более масштабные атаки, предпринятые румынами 20 сентября на участках Южного и Западного секторов, не явились неожиданностью для советского командования и натолкнулись на наиболее организованный отпор за все время сентябрьских боев.

Еще 18 сентября перебежчик из 13-й ПД румын сообщил, что 20 сентября подготавливается *«решительное наступление на всем*

фронте». (374) Эти показания подтверждались и захваченной перепиской румынских офицеров. Штаб 95-й дивизии заблаговременно подготовил план оборонительных действий, которые одобрили в штабе армии. Для поддержки действий дивизии была выделена часть машин 69 ИАП.

В 8.00 опять на стыке 161-го и 90-го СП — в одном из самых слабых мест в обороне дивизии — противник перешел в наступление, введя в бой свежий 32-й пехотный полк из состава 5-й пехотной дивизии. (375)

Как показали дальнейшие события, это был последний резерв, который румынское командование смогло ввести в бой на этом участке. После нескольких атак два батальона 32-го полка, обстреливаемые дивизионной артиллерией, смогли продвинуться на небольшое расстояние, приблизившись к южной окраине хутора Кабаченко, после чего подверглись штурмовке истребительной авиации. В 14.30 румыны были контратакованы подразделениями обоих полков, после чего откатились на исходные позиции, несмотря на ввод в бой 3-го батальона полка, находившегося в резерве. (376)

На следующий день 32-й полк снова пытался атаковать в том же направлении, нанеся 3 коротких удара силами до одного батальона. Одну из атак удалось отразить огнем дивизионной артиллерии, рассеяв противника еще до подхода к оборонительным позициям, две другие были отбиты огнем и контратаками 161-го и 90-го стрелковых полков. (377)

22 сентября после начала наступления в Восточном секторе румыны перешли к обороне и в Западном, но так как 95-я дивизия активности не проявляла, на следующий день нанесли очередной удар встык 90-го и 161-го полков — попытки наступления на всем протяжении сектора румыны уже давно не могли себе позволить. (378)

Этому удару суждено было стать последним в долгой череде изматывающих сентябрьских боев, не принесших успеха ни той, ни другой стороне. Румынам удалось потеснить 2-й батальон 161-го СП, после чего оба полка, активно пополнявшиеся в последние дни маршевыми ротами, немедленно контратаковали «с целью восстановления положения». (379) Результаты контратак превзошли все ожидания. Полки дивизии не только восстановили положение в районе позиций 2-го батальона 161-го СП, но и погнали противника, захватив первую линию его окопов и отбросив румын на расстояние до полутора километров. Румынам удалось остановить продвижение частей только у высот, на которые опиралась вторая линия их обороны.

Воодушевленные достигнутым успехом, части дивизии с ходу попытались захватить и ее, но встретив упорное сопротивление, остановились и стали окапываться перед передним краем противника. (380)

Так закончились жестокие сентябрьские бои на участке 95-й СД. Румыны окончательно выдохлись и перешли к жесткой обороне, опасаясь контрударов, подобных тому, что был нанесен в Восточном секторе.

Положение частей дивизии в целом не сильно изменилось по сравнению с тем, которое она занимала в начале сентября. Но за три недели боев дивизия прошла колоссальный путь, лежавший между жизнью и смертью, победой и поражением. В начале сентября речь шла о самом существовании дивизии. Каждое неверное решение грозило не только поражением и потерей занимаемых позиций, но и гибелью дивизии. Роты и батальоны, промедлив с отходом, случилось, уничтожались в течение одного часа. В батальонах оставалось по 50—60 человек, а в полках 15—20 % от их штатной численности. Каждое румынское наступление отбрасывало обескровленные части дивизии все дальше на восток, куда она медленно отступала шаг за шагом и метр за метром.

Но в этих тяжелейших боях части дивизии не были объектом истребления. Они ожесточенно сопротивлялись, нанося противнику огромные потери. Продвижение вперед обходилось румынам все дороже. 12—13 сентября бои велись без перерыва в течение двух суток. Румынские части постепенно теряли в этих боях свою боеспособность. У них уже не хватало сил наступать на всем фронте дивизии, и удары наносились уже только по наиболее слабым местам.

Затем они перестали продвигаться вперед, а потом уже не всегда могли и перейти в наступление. В конце концов наступил момент, когда стороны поменялись местами и бойцы дивизии погнали противника назад. У них не было сил и средств самостоятельно прорвать укрепленные оборонительные позиции, но это уже была победа. Дивизия, получая минимальную поддержку, как по сравнению с румынскими частями, так и с другими дивизиями ООР, смогла переломить ситуацию, обескровить противника и перехватить у него инициативу.

К сожалению, то, что происходило в сентябре в Западном секторе, не нашло пока достойного отражения на страницах литературы, посвященной обороне Одессы. Боям на участке 95-й СД уделялось в лучшем случае несколько фраз, сообщавших, что противник принял атаки на позиции дивизии, которые были отражены с большими для него потерями.

Надеюсь, что теперь у читателя сложится хотя бы общее представление о том, что это были за бои, и он почувствует, каких невероятных усилий стоило дивизии совершить то, что обычно укладывается в стандартную формулировку «на фронте ничего существенного не произошло, части оставались на занимаемых ими позициях».

КОНТРУДАР

РАЗРАБОТКА ОПЕРАЦИИ (6 СЕНТЯБРЯ — 20 СЕНТЯБРЯ).

С начала сентября в Восточном секторе ситуация достигла неустойчивого равновесия. Румыны, не имевшие больше возможностей продолжать наступление, перешли к обороне, а у Одесской дивизии не хватало сил для того, чтобы их значительно потеснить.

6 сентября прибывший утром в Одессу на лидере «Харьков» вице-адмирал Октябрьский выехал на командный пункт 421-СД, расположенный на Пересыпи в корпусах завода им. Красина.

Восточное направление не случайно привлекло внимание командующего флотом. Именно здесь противник приблизился к Одессе на кратчайшее расстояние, и именно из Восточного сектора вражеская артиллерия вела постоянный обстрел Одесского порта.

Зная, что находившийся в это время на КП заместитель начштаба базы Деревянко был в составе рекогносцировочной группы округа и базы по определению десантноопасных участков побережья, командующий флотом поинтересовался у капитана 3-го ранга, как он оценивает участок Новая Дофиновка—Григорьевка, расположенный за левым флангом противника, в его тылу, в плане возможности высадки на него тактического десанта. Деревянко доложил, что этот 10-километровый участок удобен для высадки десанта с малых судов, так как вблизи берега есть отмели — загобы. Дивизия может быть высажена в трех пунктах, а если один полк — то только в районе села Новая Дофиновка — это в 6 км от фронта. Такое расстояние обеспечивало огневое и тактическое взаимодействие сравнительно незначительного по силам десанта с войсками, наступающими с фронта, что делало его действия значительно более эффективными.

— *А почему не Григорьевка?* — спросил командующий. Деревянко ответил, что для одного полка это слишком далеко от фронта. Преодолев 16 километров, бойцы выдохнутся до соединения с основными силами Приморской армии, даже если их боевые действия ограничатся мелкими стычками. Десант в таком случае просто не успевал

нанести удар по атакованным с фронта основным силам противника так, чтобы они не успели отойти и попали в окружение.

На собранном по возвращении командующего заседании Военного совета основным, естественно, был вопрос о сужении пространства оборонительного района.

Доклады сделали практически все члены Военного совета, начиная с начштаба ООР генерал-майора Шишенина. Он сообщил, что на фронте ООР действуют 13, 15, 11, 3, 6, 7, 8, 12 и 21-я пехотные дивизии противника. Разведывательные данные, показания пленных офицеров и солдат подтверждают, что взамен убитых и раненых противник регулярно получает пополнения. Количество войск и боевой техники врага под Одессой возрастает, что подтверждается ежедневными непрерывными атаками, интенсивностью налетов авиации и артиллерийского обстрела города и порта. А у частей ООР не хватает резервов, боеприпасы своевременно не доставляются.

Другие члены Военного совета говорили о мерах по мобилизации внутренних ресурсов, о проведенной политорганами работе по повышению устойчивости обороны, но приходили к выводу, что отсутствие резервов ставит обороняющиеся войска в тяжелое положение и вынуждает постепенно отходить. Исключая уход из Одессы, все подчеркивали острую потребность в резервах.

Последним выступил командующий ООР.

«— Нам понятно указание маршала Шапошникова, сделанное по поручению Ставки, — сказал контр-адмирал Жуков. — Мы нарушили директиву Верховного Главнокомандующего, отойдя с основного рубежа обороны. Но иного выхода не было. Больше того, части Восточного сектора снова отошли на четыре — восемь километров между лиманами Большой Аджалыкский и Хаджибейский, хотя совершенно ясно, что новое сужение пространства оборонительного района чревато тяжелыми последствиями...»

От вице-адмирала Октябрьского не последовало никакой критики, напротив, он заявил, что Военный совет флота полностью согласен с докладом ВС ООР и согласился с тем, что оградить город, порт и подходные фарватеры от огня вражеской артиллерии можно только одним путем: для этого надо оттеснить врага на расстояние, которое не позволяло бы ему вести действительный огонь по городу. Согласился Октябрьский и с тем, что такую задачу нельзя решить без усиления оборонительного района свежими силами. Он заверил, что Военный совет флота будет просить наркома и Ставку направить в Одессу стрелковую дивизию.

Он сообщил, что нарком ВМФ Кузнецов приказал ВС ЧФ произвести высадку тактического десанта у Новой Дофиновки, ударить в тыл группировке противника перед Восточным сектором Одесского оборонительного района и обеспечить наступление наших частей в северном направлении, между Аджалыкскими и Куяльницким лиманами. Десант должен быть поддержан сильным артиллерийским огнем с кораблей, авиацией и предварен тщательной разведкой.

Жуков выразил общее мнение Военного совета, сказав, что такая помощь флота приветствуется, но силами, имеющимися в Одессе, такую операцию провести невозможно.

«— Эту задачу можно решить только при условии присылки в Одессу кадровой дивизии, Мы понимаем обстановку в стране и все же считаем, что вопрос о кадровой дивизии для Одессы не может быть снят с повестки дня. Мы просим Военный совет флота поддержать нас в этом...»

Октябрьский и поддержал, подчеркнув, конечно, что вопрос с выделением дивизии ВС флота при всем желании не решает, но полностью поддерживает просьбу ВС ООР о помощи.

После решения Ставки выделить свежую дивизию в штабе ООР сразу приступили к планированию высадки тактического десанта, благо обоснование о необходимости производства высадки в районе Новой Дофиновки, как это предписывалось приказом наркома, было сделано еще после передачи этого приказа вице-адмиралом Октябрьским 5 сентября.

Но штаб ЧФ несколько опередил события.

Прибывший 15 сентября в Одессу начальник оперативного отдела штаба флота капитан 2-го ранга Жуковский доставил ВС ООР директивы Военного совета флота от 14 сентября на контрудар и высадку десанта. В директиве на высадку десанта перед эскадрой Черноморского флота и Одесским оборонительным районом ставилась задача: в ночь на 16 сентября обеспечить высадку на левом фланге восточной группировки противника, в районе прибрежного села Григорьевки, находившегося на этот момент в 16 км от фронта, десанта силой до морского полка, который своим ударом облегчит наступление частей ООР в северном направлении на участке между Аджалыкскими и Куяльницким лиманами. В результате ожидалось полное уничтожение группировки противника и вынесение переднего края Восточного сектора обороны на линию Григорьевка—Мещанка—Свердлово—Кубанка.

Для этих целей ВС ЧФ формировал два отряда кораблей: десантный отряд в составе крейсера «Красный Кавказ» и четырех

эсминцев — «Бойкий», «Безупречный», «Дзержинский» и «Фрунзе» — и отряд поддержки в составе бывшего ледокола а ныне «вспомогательного крейсера» «Микоян», канонерских лодок «Днестр» и «Красная Грузия» и десяти сторожевых катеров.

Директива Военного совета расходилась с более ранней директивой наркома ВМФ, в которой районом высадки десанта указывалась Новая Дофиновка, расположенная всего в 6 км от фронта, что было значительно более приемлемо для малого десанта, осуществляемого силами полка.

В штабе ООР несколько оторопели: на заседании Военного совета командующий флотом согласился, что наступление войск ООР может проводиться лишь при условии усиления их свежей дивизией, — и вдруг предлагает наступать прежде, чем началась перевозка наконец выделенной дивизии из Новороссийска.

Обсудив директиву и изучив имевшиеся возможности, в штабе и в Военном совете ООР пришли к выводу: с силами, имеющимися у ООР, вести наступление ни в коем случае нельзя.

Части оборонительного района не в состоянии даже сдерживать врага и в ряде мест вынуждены отходить. 421-я дивизия, имеющая пять не полностью укомплектованных батальонов, несущая ежедневные потери, была не способна сломить сопротивление врага и перейти в наступление для соединения с десантом, как предписывалось директивой. Против Восточного сектора действовали 13-я и 15-я пехотные дивизии, 32-й пехотный полк и части кавалерийской дивизии, а также (как предполагалось) немецкие батареи и другие войсковые части. Разгром их тремя батальонами 3-го морского полка представлялся явной утопией.

Пункт высадки полка в районе Григорьевки, находившейся в 16 км от фронта, также был выбран значительно дальше возможностей одного полка и совсем не там, где это предписывала первоначальная директива наркома.

Чтобы не расширять круг лиц, посвященных в замыслы командования, и не давать пищу для слухов о противоречиях, возникших между военными советами ООР и Черноморского флота, было решено послать с докладом в Севастополь заместителя начальника штаба ООР капитана 1-го ранга Иванова.

Иванов должен был предложить провести задуманную операцию после прибытия в Одессу 157-й СД, но и тогда не выносить передний край к Свердлово, Мещанке и Кубанке, так как эта задача нереальна, а отнести его лишь на такое расстояние, которое исключало бы обстрел порта и фарватеров.

В ответ из Севастополя пришло извещение, что десантная операция переносится на одни сутки. Это решение не уменьшило беспокойства Жукова: пока не прибыла 157-я дивизия, нельзя было рассчитывать на успех операции, и полк, который высадится, явно обрекался на гибель. ООР не смог бы поддержать его даже чисто символически, минимальными силами: 16 сентября пришлось из Восточного сектора, где ему предстояло высадиться, перебросить часть войск на ликвидацию прорыва в Южном и Западном секторах.

17 сентября ВС ООР телеграфировал Военному совету ЧФ:

«Наступать в направлении Свердлово—Кубанка при явном превосходстве противника невозможно. В Одесской дивизии осталось пять пехотных батальонов, один артполк, мало снарядов... В Западном и Южном секторах идут напряженные бои. Для отражения атак противника брошены части Одесской дивизии, моряки Одесской военно-морской базы и работники НКВД. Просим отменить операцию, 3-й полк незамедлительно направить в Одессу».

Докладывая так, ВС ООР, однако, не прекращал подготовки к десантной операции, в то же время изо всех сил пытаясь оттянуть ее до прибытия 157-й дивизии.

Прибывшие в Одессу начальник оперативного отдела штаба флота капитан 1-го ранга Жуковский, заместитель начальника отдела связи, капитан 2-го ранга Гусев, флагманский артиллерист флота, капитан 1-го ранга Руль и другие командиры усиленно занимались разработкой операции. Штаб ООР активно вел воздушную, наземную и морскую разведку.

Штаб ВВС уточнял группировку пехоты, артиллерии и конницы противника в районе Свердлово, Благодарное, Кубанка, Гильдендорф, передвижение его войск в направлениях Петровское—Свердловостанция Буялык—станция Кремидовка. Штабы дивизий проводили ночные поиски, чтобы выявить нумерацию частей, действующих перед каждым соединением, их смену, перегруппировки и инженерные работы.

Наконец в Одессу начали прибывать части 157-й стрелковой дивизии. Вместе с нею на пополнение поредевших частей переднего края снова прибыли 13 маршевых рот, опять немедленно влитых в части, хотя такая практика отчасти и противоречила строгому указанию Ставки:

«Резерв пополнения усиленно обучать технике ведения ближнего боя и огневой подготовке и ни при каких обстоятельствах маршевые батальоны целиком в бой не вводить».

Первыми прибыли батальоны 633-го стрелкового полка майора Гамилагдашвили.

Комиссар полка Карасев доложил, что полк в первые дни войны пополнился в Новороссийске мобилизованными рабочими цементных заводов, которые прошли уже хорошую подготовку и мало отличаются от кадровых красноармейцев.

Вслед за 633-м корабли доставили в Одессу 716-й и 384-й стрелковые полки, артиллерийский полк (381) и тылы дивизии. На учебном корабле «Днепр» прибыли командир дивизии Томилов и комиссар дивизии Романов. Из доклада Томилова выяснилось, что приданный дивизии 422-й тяжелый гаубичный полк оставлен в Новороссийске и в Одессу направляться не будет.

Как только начали прибывать полки 157-й дивизии, ВС ООР, наученный горьким опытом, начал активные переговоры со Ставкой, чтобы не допустить использования ее по частям и вскоре получил желаемую телеграмму Ставки с указанием: *«157-ю стрелковую дивизию использовать на направлении главного удара, не распыляя ее на решение второстепенных задач».*

Параллельно ВС убеждал Ставку и Генеральный штаб закрепить 422-й тяжелый артиллерийский полк за 157-й дивизией и прислать в Одессу. Результат этих запросов превзошел все ожидания Жукова, привыкшего уже к тому что если ООР еще как-то и пополнялся людьми, то артиллерия в осажденный город не поступает вообще.

Сформированные в Одессе 2-я кавалерийская и 421-я стрелковая дивизии практически не имели артиллерии, а орудия 25-й и 95-й дивизий уже приходили в негодность. У противника же было до 80 орудий на километр фронта против 2,4 — в Восточном секторе, 4,4 — в Западном и в Южном — 5,6 орудия на километр.

По итогам переговоров и просьб пришло сразу две телеграммы из Ставки; в одной сообщалось, что *«в Новороссийск прибыл для Одессы гвардейский дивизион “эресов”... (382), а в другой, что «422-й гаубичный артиллерийский полк будет грузиться для отправки в Одессу».*

Начальник Политуправления флота Бондаренко, прибывший в Одессу, внес некоторую «ясность» в распоряжения Военного совета флота относительно подготовки десантной операции. Оказалось, что проведение ее было отложено до 17 сентября только потому, что 3-й морской полк не закончил в указанное ему время формирование, не был укомплектован командным составом и не успел подготовиться к высадке.

Бойцов набирали как из экипажей кораблей и частей, так и из бывавших на флот запасников. Особые требования предъявлялись к командирам и политработникам: нужны были люди, способные в кратчайший срок подготовить подчиненных к действиям во вражеских тылах, на незнакомой местности. И вдобавок — в ночных условиях. Для тренировок отвели участок берега в районе Казачьей бухты. На подготовку кораблей и личного состава к высадке отводилось 5 суток.

Были установлены нормативы высадки с учетом ожидаемой погоды. Еще одну тренировку решено было провести на траверзе Херсонесского маяка. Крейсер «Красный Кавказ» попробовал произвести посадку десантников в баркасы при свежем ветре, но не уложился ни в какие нормативы. В срок погрузиться смогли только единичные бойцы.

Проведенная там же пробная высадка всего полка показала, что люди подготовлены еще недостаточно, и срок десанта пришлось отодвинуть. Возникали трудности и с вооружением полка — почти все стрелковое оружие, имевшееся на флоте, уже было отправлено в Одессу. Пулеметы десанникам достались немецкие, из захваченных трофеев.

По числу бойцов сформированная десантная часть далеко не соответствовала нормальному полку. В трех стрелковых батальонах и минометном дивизионе насчитывалось 1617 человек. Из них 180 были коммунистами. Командиром полка был назначен капитан Корень, военкомом — батальонный комиссар Слесарев из Политуправления флота.

Кроме того, командование флота настоятельно просьбы Жукова не торопиться с высадкой, доложенные капитаном 1-го ранга Ивановым, вызвавшие недовольство вице-адмирала Октябрьского и члена Военного совета Кулакова, высказавшихся по адресу ВС ООР довольно нелестно.

Но через сутки ВС ЧФ получил еще и телеграмму, подтверждавшую доклад Иванова заявлением, что наступать на Свердлово—Кубанку при явном превосходстве противника невозможно. Она заставила Военный совет флота снова взвесить все обстоятельства и отложить операцию до 21 сентября, когда в Одессе ожидался 422-й арtpолк.

Полк прибыл 20 сентября, имея в своем составе тридцать шесть 152-мм гаубиц и по три боекомплекта к ним. Одновременно прибыл и танковый батальон, приданный дивизии. Численность дивизии после переброски составила 12 600 человек, при 70 орудиях разных калибров.

ПЛАНИРОВАНИЕ ОПЕРАЦИИ (20 СЕНТЯБРЯ)

20 сентября Военный совет ООР слушал доклад генерал-лейтенанта Софронова, отвечавшего за подготовку и проведение наступательной операции в Восточном секторе.

Бригадный комиссар Кузнецов и полковой комиссар Бочаров доложили о проведенной в частях партийно-политической работе. Все с нетерпением ожидали наступления, хотя в замысел его пока не были посвящены.

Утвердив разработанную начальником штаба Приморской армии, полковником Крыловым плановую таблицу боя, в ту же ночь ВС ООР доложил Военному совету флота о том, что начало артподготовки намечено на 7 часов 30 минут, атака — на 8 часов 22 сентября, и просил авиацию флота нанести одновременно бомбовый удар по Гильдендорфу, Александровке и совхозу Ильичевка.

В целом плановая таблица выглядела так:

«21 9.41 г. — проведение рекогносцировки всеми звеньями до б-на, д-на включительно, исх. Положения для наступления и переднего края оборонительной полосы пр-ка организация взаимодействия на местности, выбор и организация КП, НП, организация связи и наводка линий в р-не Свердлово, Кубанка.

22 сентября:

Авиация

в 1.30 — выброска воздушно-парашютного десанта; в 3.00 — начало высадки морского десанта; в 4.00 — удары авиации Черноморского флота по резервам противника...

с 4.00 — беспокоящий огонь по р-нам ОП, арт и НП пр-ка; в 6.00 — атака вражеских аэродромов... авиацией Приморской армии; в 7.00 — удары авиации Черноморского флота по вторым эшелонам противника; с 7.30 до 8.00 — артподготовка; с 8.00 — переход в наступление 421-й и 157-й стрелковых дивизий». (383)

Решение на высадку десанта было разработано штабом эскадры ЧФ под руководством капитана 1-го ранга Андреева при участии прибывшего в Севастополь начальника оперативного отдела штаба ООР Иванова.

Планом операции предусматривалось, что днем 21 сентября и в ночь на 22-е авиация флота ударом по аэродромам и скоплениям войск противника в Восточном секторе парализует немецкую авиацию и сорвет сосредоточение вражеских сил. 3-й морской полк под

прикрытием артиллерийского огня кораблей высадится на пересыпи Малого Аджалыкского лимана у деревни Григорьевка.

После высадки десанта корабли перенесут огонь в глубину расположения противника. 3-й морской полк с рассветом овладевает Чебанкой, Старой и Новой Дофиновкой, закрепляется и переходит к длительной обороне. Наступление полка поддерживается огнем кораблей по заявкам командиров подразделений через корректировочные посты, высаживаемые одновременно с десантом.

Пользуясь тем, что внимание противника будет отвлечено боем десанта по ту сторону Большого Аджалыкского лимана, 421-я и 157-я стрелковые дивизии при поддержке 37-й и 38-й батарей Одесской военно-морской базы, танкового отряда и кораблей очищают все пространство между Большим Аджалыкским и Куяльницким лиманами, овладевая в конечном счете рубежом 1-й километр юго-западнее Свердлово—хутор Петровский—поселок Шевченко.

Каждая из дивизий непосредственно участвует в контрударе двумя полками. Один полк из 421-й дивизии остается в обороне на перешейке между Куяльницким и Хаджибейским лиманами, а один из состава 157-й выводится в армейский резерв.

Истребительная авиация ООР с рассвета 22 сентября поддерживает десант и прикрывает с воздуха корабли. В тылу противника выбрасывается группа парашютистов, которая частными диверсиями и огнем нарушает его связь и боевое управление, создает панику.

422-й артиллерийский полк 157-й дивизии в Одессу еще не прибыл, и рассчитывать на него не приходилось. К имевшимся у дивизии пяти легким батареям командование ООР добавило дивизион 134-го гаубичного полка. Другой его дивизион поступал в распоряжение 421-й дивизии. Обеим дивизиям обеспечивалась поддержка береговых батарей из Южного сектора, 421-й, а также и кораблей ЧФ. (384)

Обстановка в секторах Одесского оборонительного района 21 сентября была благоприятной для проведения операции. В Восточном секторе противник активности не проявлял, но готовился к наступлению. В Западном секторе в течение дня он три раза переходил в атаку, но был отбит и понес большие потери. В Южном секторе также неоднократно пытался прорвать нашу оборону в направлении южной окраины Дальника, но успеха не имел.

Местом высадки был избран неширокий песчаный пляж, местному «пересыпь». Полоса мелкого, плотно сбитого волнами песка как бы «пересыпалась» между морем и лиманом, образовав

перешеек, по которому проходит «важная автомобильная коммуникация» — шоссе Одесса—Херсон—Николаев. Справа и слева «пересыпь» была стиснута скалами, кроме того, выбранное место имело еще один недостаток — предельно малые глубины. Подойти непосредственно к берегу даже на баркасе было нельзя.

Ввиду того, что десант перебрасывался из Севастополя и должен был пройти около 200 миль, для его доставки решено было использовать корабли, которые могли бы совершить такой переход за довольно короткое время. Кроме того, эти корабли должны были иметь сильную артиллерию, поскольку силы Одесского оборонительного района не могли оказать необходимую огневую поддержку в бою за высадку десанта.

В соответствии с замыслом крейсера предназначались для перевозки десанта и для его артиллерийской поддержки в ходе боя за высадку. Эсминцы имели задачу участвовать в перевозке десанта, а затем оказывать огневую поддержку десанту во время выполнения им задачи на берегу.

Для переброски десанта и обеспечения его боевых действий во время высадки и в дальнейшем предназначался отряд десантных кораблей, который состоял из крейсеров «Красный Кавказ» и «Красный Крым», и эсминцев «Бойкий», «Безупречный» и «Незаметный».

Для непосредственной огневой поддержки действий десанта был сформирован отряд огневой поддержки в составе сторожевого корабля «Кубань» и пяти катеров МО, которые находились в Одессе

Непосредственным руководителем десанта под Одессой — командиром высадки — был назначен командующий эскадрой контр-адмирал Владимирский, а военкомом высадки — военком эскадры бригадный комиссар Семин. Отряд десантных кораблей, куда входили два крейсера и три эсминца, возглавлял командир бригады крейсеров капранг Горшков, которому только что было присвоено звание контр-адмирала. Комиссаром отряда был полковой комиссар Прокофьев.

В районе высадки к десантным кораблям должен был присоединиться отряд высадочных средств из Одесской базы в составе канонерской лодки «Красная Грузия», буксира «Алупка», 22 катеров и 10 баркасов. Они предназначались для ускорения перевозки на берег десантников и их боевого имущества. В этих же целях корабли десантного отряда имели на борту добавочные легкие катера и моторные баркасы.

В период подготовки кораблей по приказанию Горшкова на крейсера было принято дополнительно несколько баркасов с других крей-

серов. Для каждого баркаса и шлюпки определили нормы погрузки с учетом ожидаемой погоды.

Еще в период назначения высадки на 16 сентября Горшков провел с командирами кораблей тактическое занятие по изучению обстановки в этом районе.

Воздушное прикрытие десанта возлагалось на 63-ю авиационную бригаду флота, размещавшуюся на крымских аэродромах, и авиационный полк Одесского оборонительного района.

В целях навигационного обеспечения высадки к моменту подхода кораблей сил высадки в определенной точке запланировали установить светящийся буй, в районе которого все три отряда кораблей должны были встретиться и построиться в боевой порядок. Для обеспечения стрельбы корабельной артиллерии в состав первого броска десанта включили корректировочные посты с радиостанциями. С радистами этих постов и управляющими огнем кораблей провели специальные тренировки. Для сохранения скрытности подготовки десанта в Севастополе распространили слух, что 3-й Черноморский полк морской пехоты готовят для переброски в Одессу. В обстановке того времени это было вполне правдоподобным. Внезапность проведения операции планировалось достичь за счет быстроты и скрытности перехода из Севастополя в район высадки.

Время выхода было назначено с таким расчетом, чтобы начать высадку в полночь 22 сентября. Таким образом, замыслом боя предусматривалось решение задач десантом на берегу в ночное время, хотя, согласно существовавшим в то время взглядам, высадку десанта рекомендовалось осуществлять в предутренних сумерках, а десанту выполнять задачу в светлое время. В данном случае такое решение было обусловлено следующими соображениями: высадка в полночь давала возможность устранить использование противником в начале боя авиации, повышала скрытность подхода, должна была снизить эффективность вражеского огня по высадочным средствам при подходе их к берегу и усложняла для противника тактическую обстановку в районе боя и управление войсками.

ВЫСАДКА

(1 ЧАС 23 МИНУТЫ — 5 ЧАС 00 МИНУТ 22 СЕНТЯБРЯ)

В 1 час 23 минуты крейсера открыли огонь по позициям противника. Став на якорь в 20—25 кабельтовых от берега, они повели огонь по заранее выявленным оборонительным объектам противника. Ко-

рабли вели огонь осветительными снарядами, одновременно начав обработку берега.

Через минуту, когда берег был уже слегка «подсвечен», к ним присоединились и эсминцы.

Стрельба велась в максимальном темпе, благо сравнительно короткая дистанция это позволяла. Частый огонь должен был хоть в какой-то степени уменьшить потери высаживающихся десантников. За несколько минут эсминцы выпустили по сотне снарядов.

Над берегом, заливая его дрожащим, переливающимся светом, ослепительными шарами висели «люстры» осветительных снарядов. Они медленно опускались на парашютах, на их месте яркими вспышками возникали другие.

Но бесперывные вспышки орудийных залпов неплохо подсветили и море на участке высадки, на протяжении всех 25 кабельтовых, которые еще надо было пройти.

В 1 час 30 минут поступил приказ каперанга Горшкова начать высадку.

В 1 час 35 минут первыми от крейсеров отошли баркасы, имеющие моторы, за ними двинулись шлюпки с эсминцев. Ориентиром для них у места высадки должен был служить гакабортный огонь канлодки «Красная Грузия», которая, приткнувшись вплотную к берегу, обязана была поддерживать десант огнем.

Но канлодка запаздывала, и баркасы пошли к берегу самостоятельно, ориентируясь на осветительные снаряды крейсеров и пожары, вспыхнувшие в Григорьевке.

Так основными для высадки стали плавсредства, по плану рассматривавшиеся как вспомогательные. За 10 минут артподготовки уже стала ясна ее довольно низкая эффективность, поэтому вместе с группой первого броска, которую составила рота третьего батальона лейтенанта Чарупы, на баркасах находились и корректировочные посты с крейсеров и эсминца «Бойкий».

Пока первая группа десанта добиралась до берега, что заняло около получаса, корабли как могли поставили огневую завесу на флангах, а потом и по фронту участка высадки. По подходящему десанту велся ружейно-пулеметный огонь, поддерживаемый противотанковыми ружьями, а по шлюпкам, имевшим более тихий ход, с господствующих над пляжем высоток открыли огонь румынские минометы, подавить которые в темноте не удавалось.

Установленные в носовой части каждого баркаса станковые пулеметы вели ответный огонь. У десантников появились первые убитые

и раненные. Около 2 часов ночи на сторожевом катере к крейсерам подошел контр-адмирал Владимирский. Высадочные средства к этому моменту вплотную приблизились к месту высадки.

Но при подходе к неразведанному берегу стали сказываться недостатки выбранного участка высадки — в 100—150 м от берега баркасы стали наткаться на мель.

Чтобы выгрузить пулеметы и другое тяжелое вооружение, матросы, спрыгивая в воду под огнем, искали более-менее проходимые для баркасов участки, по которым их вручную подтаскивали к берегу.

В этот момент румынам удалось прижать огнем десантников, фактически почти достигших берега. Люди гибли в нескольких десятках метров от берега, не будучи из-за интенсивного огня в состоянии добраться до него по колено в воде.

Неподвижные баркасы стали удобной целью для румынских минометчиков, и те немедленно перенесли на них огонь. В этот момент десантники понесли чувствительные потери и от минометного огня. На одном из баркасов осколками разорвавшейся рядом мины был полностью уничтожен пулеметный расчет. Командир баркаса старшина 1-й статьи Бойко бросился к пулемету и заметил пулеметчиков.

В этот критический момент комиссар высадочных средств, старший политрук Еремеев по рации приказал группе прикрытия, обеспечивающей высадку, подавить огневые точки противника на берегу. Старшина Бойко и другие пулеметчики вели огонь по окопам трассирующими пулями. От близких разрывов мин пулеметы часто умолкали.

От одного такого разрыва старшина Бойко получил осколочное ранение в живот. Но видя, что для подавления огневых точек необходимо обозначение целей, а пулеметный огонь по окопам не ведется, продолжил обозначать укрытия противника трассирующими пулями до тех пор, пока не истек кровью.

Усилиями находившихся на баркасах корректировщиков удалось добиться накрытия расположенных за пересыпью окопов. Несколько десантников с лейтенантом Чарупой выбрались на берег под прикрытием артиллерийского обстрела, подобрались к румынским окопам и забросали их гранатами.

Сильно поредевшая третья рота наконец смогла выдвинуться на берег и атаковала позиции минометов, расположенные на высоте за пляжем. Многочисленные жертвы моряков, понесенные из-за отсут-

ствия канонерской лодки и 5 катерных охотников, которые должны были непосредственно поддерживать десант огнем, все же оказались не напрасными. Находившиеся все время под огнем десантников, румыны не смогли снять обозначающие таблички с выставленного перед их позициями минного поля. Не выдержав атаки десантников румыны отошли в расположенную позади них деревню Григорьевку. Участок высадки был захвачен.

К этому моменту баркасы успели вернуться к кораблям и снова двигались к берегу со второй партией десанта. В ней находились командир третьего батальона старший лейтенант Матвиенко и военком батальона, политрук Прохоров. Со второй партией на берег была доставлена и минометная батарея.

При движении к берегу одним из последних выстрелов румынских минометов был смертельно ранен военком Прохоров и получил осколочное ранение Матвиенко. Как и многие десантники, командир батальона, сделав перевязку, остался в строю. Минеры из его батальона стали снимать минное поле.

В 2 часа 40 минут до места высадки наконец добралась канонерская лодка «Красная Грузия». Надобность в ее огневой поддержке уже отпала, и она подойдя к «Красному Кавказу» приняла с него оставшихся десантников.

Продолжая продвижение к Григорьевке, рота Чарупы попала под сильный пулеметно-минометный огонь. Не имея уже сил атаковать, Чарупа оставил перед Григорьевкой небольшой заслон, а сам с остатками роты стал обходить Григорьевку с фланга. Выждав момент, когда перед Григорьевкой скопились две роты, которые подтянул Матвиенко, Чарупа неожиданно ударил румынам во фланг, завязав рукопашный бой. 1-я и 2-я роты батальона немедленно поддержали его атакой с фронта, и противник был выбит из деревни. Во время атаки Матвиенко получил второе ранение — на этот раз осколком гранаты.

К 5 часам утра десант был высажен полностью. Высадка его вместо часа по плановой таблице заняла без запоздавшего отряда высадочных средств более трех часов. Без также запоздавшего отряда огневой поддержки при высадке десанта, только по официальным данным, потери составили 332 человека.

При высадке был смертельно ранен комиссар 3-го батальона Прохоров и убит наповал комиссар 1-го батальона Прокофьев. После высадки крейсера немедленно снялись с якорей и затемно отправились назад в Севастополь.

УТРЕННИЙ УДАР (4.00 — 13.30)

Ночью 421-я дивизия была сдвинута вправо к морю.

Она должна была наступать на восток и брать укрепленную Фонтанку. КП дивизии располагался в Крыжановке. Дивизия должна была наступать в одноэшелонном порядке. На правом ее фланге находился 1-й морской полк, на левом — Разинский. (385) Погранполк был переброшен в Межлиманье. В тылах полков находились морские подвижные батареи, выделенные для их поддержки.

Левее находилась 157-я дивизия, которая должна была наступать на север. КП дивизии разместился в Лузановке. 384-й Стрелковый полк оставался в армейском резерве у поселка Застава, для парирования возможного удара румын из района Ленинтальского клина. 1-й батальон 683-го СП не успел выгрузиться после перевозки из Новороссийска и к началу наступления на передовую не успевал. Таким образом, дивизия должна была переходить в наступление всего пятью батальонами. Не лучше обстояло положение и с артиллерией. Самых мощных своих огневых средств дивизия перед наступлением не имела. Вопреки послевоенным утверждениям ЧВС ООР Азарова, 422-й ГАП, имевший в своем составе 36 152-мм гаубиц и по три боекомплекта к ним, прибыл не 20, а 23 сентября, не успев к началу операции, что подтверждается донесением командира дивизии, записями в журнале боевых действий Приморской армии и воспоминаниями заместителя начальника штаба ОВМБ Деревянко. Таким образом, перед наступлением дивизия располагала только 85-м легким артполком 6-го батареинового состава.

В момент получения приказа все части 157-й СД были сосредоточены в районе Куяльник—Нерубайское—Усатово. Для выхода на исходные позиции частям дивизии пришлось совершить 28—30 километровый ночной переход и сменить под покровом темноты 54-й СП, занимавший этот участок. (386)

От скрытности развертывания во многом зависел успех наступления, поэтому перегруппировка частей была отработана очень тщательно на трех уровнях: сначала командиром дивизии с командирами полков, потом ими с командирами батальонов, а теми — с командирами рот. В результате развертывание дивизии осталось незамеченным, что подтвердила последующая попытка наступления противника, считающего, что он атакует 54-й СП. К 4.00 утра развертывание было закончено. (387)

Однако во время смены частей выяснилось, что командир 54-го полка не обеспечил снятия основной массы мин, выставленных перед его участком во время нахождения полка в обороне. (388)

Взводы приданных полкам саперных рот вынуждены были в срочном порядке приступить к разминированию. Из-за нехватки времени к разведке минных полей были привлечены и разведчики из также приданных полкам разведрот, но провести разграждение в полном объеме все равно не успели. При проделывании проходов для танков были сняты всего 43 мины. Перед передним краем дивизии кроме минных полей находились и проволочные заграждения в 2—3 кола.

22 сентября под Одессой начинает светать в 6.14, солнце восходит в 6 часов 44 минуты. С первыми его лучами боевые действия активизировались, но еще до восхода, в 3.00 морская авиация нанесла удар по резервам противника.

Истребительная и штурмовая авиация ООР и ЧФ на рассвете штурмовала аэродром Чаплинка. Из находившихся там 30 истребителей в воздух не смог подняться ни один. На аэродром было произведено до 10 атак. Удары наносили 3 «Ил-2», 2 «И-153» и 5 «И-16», применяя ампулы с самовоспламеняющейся жидкостью «КС». На стоянках было уничтожено 7 «Ме-109» и 3 «Ю-88», 7 палаток летного состава, цистерны с горючим. Самолеты прикрытия вели воздушный бой с 10 «Ме-109», в ходе которого два из них сбили. По официальным данным, во время штурмовки был потерян только один истребитель — лейтенанта Шкутского.

Также были нанесены удары по аэродромам в районе населенных пунктов Бадей и Зельцы. Эти два авиаудара довольно мало известны, и их нечасто описывают в литературе, посвященной операции.

Данные о нахождении этих аэродромов были получены уже перед самой операцией от взятого в плен румынского летчика, выбросившегося с парашютом со сбитого «Харрикейна». Уже в сумерках 21 сентября 4 «И-16» срочно провели доразведку и засекли оба аэродрома. У Бадей базировалось около трех десятков «Мессершмитов», у Зельцов — около десятка «Юнкерсов».

Самолеты были только что переброшены на оба аэродрома и не были еще рассредоточены из-за неподготовленности стоянок. Удар с этих аэродромов подскока противник собирался нанести утром и никаких укрытий пока не оборудовал.

Но добавлять новые цели к тем, которые были включены на 22 сентября в боевые задания флотской бомбардировочной авиации, было уже поздно. Для удара по аэродромам были использованы шесть звеньев «И-16» 69-го полка и пара штурмовиков «Ил-2».

Основной удар наносился по полевому аэродрому под Бадей группой из трех звеньев, которую вел командир полка майор Шестаков, пара штурмовиков лейтенанта Кутейникова подавляла зенитную артиллерию.

К цели группа Шестакова подошла со снижением, приглушив моторы.

«Мессершмиты» стояли у края леса в два ряда «под линейку» — на одинаковом удалении друг от друга и безо всякой маскировки. Возле всех машин находились механики и мотористы, шла предполетная подготовка. «И-16» не имели бомб, ограниченные запасы которых были оставлены для поддержки десанта, и вели огонь только из бортового оружия.

Первый удар был нанесен по палаткам личного состава, также расположенным без всякого укрытия. Вторым и третьим заходами истребители проштурмовали самолеты на стоянке, последним — бочки с бензином и штабели боекомплекта.

Одновременно группа заместителя командира полка капитана Рыкачева нанесла удар по аэродрому под Зельцами, но самолетов на нем уже не было, и истребители нанесли удар только по находившемуся на аэродроме наземному персоналу. А после того, как он попрятался в лесу — по сосредоточивавшемуся на открытом месте румынскому пехотному батальону.

После 7 часов утра флотская бомбардировочная авиация силами 6 бомбардировщиков «СБ», прикрываемых 8 «И-16», нанесла второй удар — первый был в три утра — по резервам противника в районах Свердлово, Кубанке, Гильдендорфе, совхозе Ильичевка.

После проведения авианалетов контр-адмирал Жуков попытался организовать авиационное прикрытие десанта. Тут выяснилось, что летчики не имеют четкого представления о том, где находится сейчас десантный полк и наступающие дивизии. Впрочем, как выяснилось, ни данных о нахождении наступающих частей, ни связи с ними не имел и штаб ООР.

Жуков попытался выяснить это у своего заместителя генерал-майора Шишенина.

«— Где сейчас десант? — спросил он.

— Мы имеем данные о завершении высадки, о том, что сопротивление противника было слабое. Знаем, что эсминцы поддерживают десант по заявкам корректировочных постов, высаженных с третьим морским полком. Следовательно, у них связь с полком есть. Через них мы можем узнать, где находится десант, но на это по-

требуется время. С командиром же полка штаб не имеет связи.

— А дивизии имеют связь с десантным полком?

— Минут десять — пятнадцать назад не была еще установлена.

— Как вы могли допустить такое?! — вспыхнул Жуков. — Немедленно установить прямую связь с командиром полка и в любую минуту знать, где десант и что делает!

— Мы знаем, но только косвенно», — сказал Шишенин.

«— Никаких “косвенно”! Исполняйте».

Генерал Шишенин вызвал начальника связи полковника Богомолова и дал ему жесткий срок. Тот попросил выделить в его распоряжение малый охотник. Связист лейтенант Флоклей и старший радист красноармеец Нетес с рацией «5-АК» отбыли к месту высадки десанта и связались с командованием морского полка.

Связь с десантом была установлена, но действовала с перебойми до самого соединения 3-го полка с частями 421-й дивизии.

В дивизиях была та же самая ситуация.

Рано утром ЧВС Азаров выехал в Крыжановку на командный пункт 421-й дивизии. Батареи приданных ей артиллерийских полков Приморской армии и две батареи Одесской военно-морской базы уже переносили огонь в глубину.

«— Несем большие потери от минометного огня», — пожаловался командир дивизии полковник Коченов. — Уж сколько раз батальоны поднимались в атаку!

— Но все-таки двигаетесь?

— Медленно. Вот собьем с гребня их огневые точки — и пойдет.

— А связь с десантным полком?» — спросил Азаров.

— Что-то не ладится».

Не могли связаться с десантным полком и связисты службы связи флота. Как говорил заместитель начальника связи флота капитан 3-го ранга Гусев, *«и позывные, и волна известны, а связаться не можем».*

Связаться с десантом удалось только во второй половине дня.

В 7.30 по плану должна была начаться артподготовка в интересах обеих переходящих в 8.00 в наступление дивизий. Таким образом, противник, уже 5 часов отбивавшийся от десанта, высаженного под Григорьевкой, получал 45 минут светлого времени суток для нанесения упреждающего удара по войскам, готовящимся к переходу в наступление.

Неудивительно, что еще за полтора часа до назначенного срока артподготовку неожиданно начали румыны. В 6.00, перед самым рас-

светом, начался сильный артиллерийский и минометный обстрел позиций войск Восточного сектора обороны.

Как вспоминал впоследствии командир 421 дивизии полковник Коченев:

«Огонь сильный, а тут еще туман. Перемешался с дымом, и получилась такая завеса, что дышать тяжело. Снаряды рвутся и впереди, и в глубине, за второй траншеей. Мы с начартом Болотовым смотрим друг на друга и думаем: что же это значит? Разгадал враг наш замысел, решил предупредить? Или просто так совпало?»

Противник на участке Восточного сектора находился в обороне, загородившись рядами колючей проволоки, и периодически устраивал разведки боем и попытки прорвать фронт на узком участке.

Взвесив все «за» и «против», командование Приморской армии решило, несмотря на понесенные частями при артналете потери, артподготовку не отменять и срок начала наступления не переносить — десант уже захватил Григорьевку и развивал наступление в направлении Восточного сектора.

В 6.30, несмотря на продолжающийся обстрел, начала производиться пристрелка реперов артиллерией, но саму артподготовку решили отложить на полчаса, так как на участке 157-й СД румыны сделали попытку перейти в наступление, однако наличие на переднем крае пяти батальонов с полным штатным вооружением оказалось для румынского командования неприятным сюрпризом. Сосредоточившиеся на исходных позициях батальоны легко отразили атаку, не дав противнику продвинуться вперед.

Артподготовка началась около 8 часов, правда, из-за упреждающего налета румынской артиллерии сила ее оказалась ослабленной — часть огневых средств армейской, флотской и береговой артиллерии была отвлечена на подавление огневых средств противника.

Начало наступления все-таки немного задержалось до полного подавления вражеского артогня, и части перешли в наступление в начале девятого. Главный удар наносила на левом фланге двумя полками свежая 157-я дивизия, поддерживаемая танкротой и дополнительно усиленная пятью бронетракторами «НИ». 421-я дивизия наступала вообще без танков, ей не выделили даже одесских НИ.

Такое распределение сил немедленно сказалося на ходе начавшегося боя.

На левом фланге Восточного сектора наступление сразу пошло быстрее, чем на других участках. Ширина участка наступления развернувшейся там 157-й стрелковой дивизии составляла 7 км. Перед

фронтом дивизии находились части 13-й румынской пехотной дивизии в составе 7-го, 89-го, 22-го пехотных и 13-го отдельного пулеметного батальона. Части противника располагались в два эшелона, имея организованные системы огня на линии расположения не только первого, но и второго эшелона

157-я дивизия наносила главный удар 716-м стрелковым полком Соцкова, усиленным двумя взводами танкроты и пятью танками «НИ». Он должен был наступать между Куяльницким лиманом и железной дорогой почти прямо на север — на Гильдендорф (Новоселовка), в один эшелон всеми своими тремя батальонами. Для прорыва переднего края обороны противника полк был усилен ротой 150-го ОБС, батареей 212-го ОАД и батареей 134-го ГАП. Во втором эшелоне за 716-м СП должен был наступать 141-й ОРБ.

Другой полк дивизии Томилова — 633-й, с приданным ему танковым взводом танкроты и ротой 150-го ОБС должен был действовать в направлении совхоза Ильичевка. Для огневой поддержки полку были приданы батарея 212 ОАД и батарея 85-го ЛАП.

После 8.00 части 157-й дивизии начали атаку практически без артподготовки, так как связь между НП и огневыми позициями артиллерии на ее участке оказалась нарушенной огнем противника. Сама артиллерия во время огневого налета пострадала не сильно — было уничтожено только одно 76-мм и одно 45-мм орудия.

Первыми в атаку двинулись танки. Два из них подорвались во время следования по проходам, спешно сделанным в собственных минных полях (389), остальные прорвали передний край и, не задерживаясь у румынских окопов, продвинулись в глубь обороны противника, в то время как его переднюю линию обороны атаковала пехота.

Передний край румыны, для которых наступление дивизии явилось полной неожиданностью, оставили почти без боя. Уже через 5 минут после начала атаки командир 633-го СП майор Гамилагдишвили доложил в штаб о захвате первых пленных. (390)

Ни на одном из участков наступления 157-й дивизии противник удержаться не смог. Полки выбили румын с передовых позиций и теснили их на север вдоль берега Куяльницкого лимана. Темп наступления был высоким, а потери атакующих частей — низкими. (391)

В полосе наступления 421-й дивизии складывалась прямо противоположная картина. Дивизия вынуждена была наступать только двумя полками. (392) В первом эшелоне дивизии находился 1330-й СП, состоявший из морских пехотинцев 1-го и 2-го морских полков, слитых

из-за понесенных 1-м морским полком потерь в одну часть, переданную в состав 421-й дивизии как 1330-й стрелковый полк. Во втором — передавший свои позиции 157-й стрелковой дивизии 54-й СП.

К 11 часам части дивизии вышли к Николаевскому шоссе и подошли к Ильичевке и западным окраинам Фонтанки. У шоссе Одесса—Николаев, между дорогой и побережьем, батальон 1330-го стрелкового полка вынужден был залечь перед проволочным заграждением в пять колов, прикрываемым сильным пулеметным огнем.

Батальон понес большие потери. То, что мог бы легко сделать хотя бы один танк, дорого обошлось стрелковому батальону. Матросы рубили проволоку лопатками, набрасывали на нее скинутые с плеч бушлаты. Те, кто оказался впереди, пытались забросать гранатами румынские пулеметы. Численное превосходство позволило морякам с большими потерями отбросить румын, и они стали медленно продвигаться дальше.

Два других батальона 1330-го полка попали в еще более тяжелое положение, пытаясь овладеть Фонтанкой. Район Фонтанки прикрывали потрепанные части 15-й пехотной дивизии румын. Во всех каменных постройках Фонтанки противник установил огневые точки. На господствующей высоте 58,0 были расположены дзоты и окопы, больше 20 станковых пулеметов и сплошные проволочные заграждения. Являясь командной высотой в этом районе, она не давала возможности прорвать оборону противника на всем фронте 1330-го СП. Румыны упорно сопротивлялись, отбив несколько атак.

Командир 1330-го полка Осипов, как сообщалось в журнале боевых действий Приморской армии, *«не сумел воспользоваться успехами своего левого соседа — 633-го СП и обойти высоту 58,0 с северо-запада»*. К тому времени, когда подразделения полка достаточно продвинулись, чтобы осуществить такой обход, 633-й полк уже слишком далеко ушел вперед, и моряки рисковали сами оказаться обойденными противником.

Поэтому, неся значительные потери, два батальона полка вели огневой бой перед западными скатами высоты 58,0 и западной окраиной Фонтанки. (393) Правый фланг наступающих дивизий с каждым часом все больше отставал от левого.

Дальше всех вырвался вперед 716-й полк 157-й дивизии Томилова, вскоре после полудня занявший Гильдендорф. 633-й полк занял совхоз Ильичевка. К этому времени 1330-й полк, до этого еще как-то двигавшийся короткими рывками, прочно застрял перед сильно укрепленной противником высотой 58,0 и расположенным рядом агрокомбинатом.

Флотская авиация поддерживала наступление довольно слабо. После двух утренних налетов, проведенных в 4 и 7 часов, в 8 часов 30 минут был проведен еще один налет, тоже бомбардировщиками «СБ», один из которых из-за поломки сел на аэродром 69-го ИАП.

В 10 часов утра «СБ» должны были под прикрытием 14 «И-16» бомбить Гильдендорф, но бомбардировщики не прилетели. Истребители проштурмовали цели совместно с тремя «Ил-2».

Румыны к этому времени смогли организовать прикрытия своих частей с воздуха, и истребителям пришлось вести воздушный бой против шести «Ме-109» и четырех «харрикейнов», в котором обе стороны потерь не понесли. Сорвать штурмовку в этот раз румыны не смогли.

После этого истребители 69-го ИАП еще 3 раза с интервалом в час тремя звеньями вылетали на штурмовку пехоты и румынских батарей. Во время всех налетов активно сбрасывались ампулы с самовоспламеняющейся жидкостью.

Еще два раза румыны пытались сорвать штурмовку. В 12.15 семи «И-16» и два «Ил-2» были атакованы 13 PzI-24, которые успеха не имели и сорвать налет не смогли.

Через час пять «Ме-109», напав на восемь «И-16», смогли наконец единственный раз за этот день сорвать штурмовку, сбив при этом 2 машины. Обоим пилотам удалось спастись. (394)

Вследствие неравномерного продвижения войск на соседних участках разрывы между частями продолжали увеличиваться. Некоторые командиры, увлекшись преследованием противника, совсем потеряли контакт с соседями, не успевали выдвигать на новые огневые позиции полковую артиллерию, переносить командные пункты, связь.

В 13.30 командующий Приморской армией генерал-лейтенант Софронов признал необходимым временно приостановить наступление.

К этому времени полки 157-й дивизии вышли к укрепленной линии расположения второго эшелона частей противника и остановились. Связь командных пунктов с полками и батареями вследствие выдвижения полков ко второй линии обороны противника повсеместно нарушилась, так как из-за отсутствия резервов кабеля связь по 2-му положению могла развертываться лишь последовательно — только после того, как кабель свертывался из 1-го положения.

После остановки наступления выяснилось, что бойцы обоих полков для быстроты действий под огнем противника оставили на исходных позициях шинели и вещмешки с запасом патронов, а ротные тылы не сумели быстро перебросить их за наступавшими частями.

Стало очевидным что дальнейшее продвижение дивизии в создавшейся ситуации теряет смысл, и что нужно усилить хотя бы центральный участок в районе Фонтанки за счет продвинувшегося левого фланга.

НАСТУПЛЕНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ (13.30—18.30)

После того как сосредоточение артогня береговых батарей, вызванного по заявке Осипова, на высоте 58,0 не принесло результатов, а 157-я стрелковая дивизия остановилась в ожидании отставшего соседа, сюда были все-таки переброшены самодельные танки НИ, первоначально выделенные 716-му СП — это был один из последних случаев их применения. Но батальоны к моменту их прибытия были сильно обескровлены и своими силами занять высоту уже не могли. Во время последней атаки, проводившейся около 15 часов при поддержке самодельных танков, оба батальона, наступавших на высоту, понесли такие потери, что практически потеряли боеспособность. Во время боя был тяжело ранен в обе ноги принявший личное участие в атаке военком полка Митраков.

Командир 421-й дивизии полковник Коченов решил в 16.00 ввести в бой 54-й СП. Его атака решила судьбу боя. Обескровленные 5-часовым ожесточенным боем румыны не выдержали удара и уже через 15 минут начали отход с высоты. Судьба второй румынской линии обороны после того, как к ней начала продвижение 421-я дивизия, фактически была решена. Появилась возможность окружить хотя бы части 13-й пехотной дивизии румын (395) и полностью их уничтожить.

Командующий армией приказал немедленно возобновить наступление по всему фронту Восточного сектора, с тем чтобы, прорвав вторую линию обороны противника, не дать отступить частям, ее удерживающим. Наступление возобновили, но оно снова начало развиваться с разной скоростью.

Быстрее всех опять стал продвигаться имеющий танки 716-й полк, но теперь, после успешного движения вдоль берега Куяльницкого лимана, он стал поворачивать в сторону центрального участка наступления.

Для максимально быстрого развития успеха на участке 716-го СП, сумевшего сразу же при поддержке танков БТ потеснить противника с занимаемых позиций, в бой был введен 141-й ОРБ. Быстрое продвижение 716-го полка создало возможности для успеха и 633-го, так как оборонявшиеся на его участке румынские части оказались обойден-

ными с левого фланга. Под угрозой окружения румыны вынуждены были начать оставлять занимаемые позиции — сначала в центре, а потом и на правом фланге.

Но 421-я дивизия не могла поспевать за 157-й. Батальон 54-го СП вынужден был сменить один из батальонов 1330-го, который из-за понесенных потерь полностью утратил боеспособность. Румынское командование после возобновления наступления начало частые штурмовки с воздуха советских войск, преследующих отступающие румынские части.

Истребители 69-го ИАП больше не штурмовали чужие войска, а прикрывали свои. Во время наиболее крупного боя 7 «И-16» с тремя «Ю-87» и прикрывавшими их пятью «Ме-109», произошедшим около 17 часов над правым флангом сектора, один пикирующий бомбардировщик был сбит. (396)

Фронт наступления непрерывно увеличивался. У 157-й дивизии к 18.00 он составил 15 км — вдвое больше, чем в начале наступления. Но если дивизия Томилова, понесшая незначительные потери, была в состоянии вести наступление на таком участке, то 421-я не могла это сделать.

1330-й полк с большим трудом все-таки продолжил наступление, но сил у него хватило только для продвижения в восточном направлении. Разрыв между ним и 633-м СП увеличился настолько, что Томилов вынужден был после того как левый фланг дивизии к 18.00 вышел к поселку Шевченко, направить для прикрытия правого фланга только что прибывший в район боевых действий 3-й батальон 633-го полка, опасаясь, что румыны попробуют обойти правый фланг дивизии и нанести контрудар. Исключение из боя свежего батальона полного состава ослабило натиск 633-го полка и замедлило темпы наступления на его участке. (397)

Командование 157-й дивизии в переговорах с командованием Приморской армии постоянно сообщало о том, что 421-я дивизия отстает и просило ускорить ее продвижение, как это происходило, например, во время переговоров начальника штаба Приморской армии полковника Крылова с начальником штаба 157-й СД подполковником Гусаровым:

«К: Вторично подтверждаю ранее отданное приказание командарма дивизии овладеть высотами 65,9, 65,5.

На этом рубеже закрепится и оказать поддержку соседу справа, он ведет наступление на выс. 49,7.

Г: Понял, рубежом овладеем. Подтолкните правого соседа. Прошу прикрыть истребителями, противник производит непрерывные бомбовые нападения.

К: Хорошо, выполняйте свою задачу, а правого соседа мы уже подтолкнули. Истребители высланы». (398)

К 18.30 части 157-й дивизии заняли обе назначенные им высоты. (399) Командование Приморской армии, ориентируясь на некоторые чересчур оптимистичные сообщения командования 421-й СД, сперва все-таки надеялось окружить противника, но вскоре выяснилось, что окружения нет:

« — Доложите как ведет себя противник?

— Противник удирает.

— Куда же противник удирает, если он находится в окружении?

— Противник отступил на север, видимо окружения его не было». (400)

Несмотря на то что противника не удалось окружить обеим дивизиям, командование армии назвало в своем донесении основным виновником неудачи попытки окружения 1330-й СП 421-й стрелковой дивизии:

«1330-й СП недостаточно использовал этот момент, преследуя пр-ка в восточном направлении, не выделил достаточных сил для связи с 633-м СП и перехвата вероятных путей отхода противника на север (на участке) от высоты 65,9 до лимана и дамбы залива Лиман Большой Аджалыкский, дав возможность остаткам пр-ка отойти в северном направлении». (401)

С наступлением темноты обе дивизии прекратили наступление. 421-й дивизии к этому времени удалось выйти на рубеж совхоз им. Ворошилова—Вапнярка—Александровка и связаться с частями 157-й дивизии в районе высоты 65,9 и дороги на Свердлово. 157-я дивизия к этому времени занимала рубеж от высот 65,9 и 65,5 до берега Куяльницкого лимана.

Потери 157-й дивизии во время наступления были минимальными: она потеряла 19 человек убитыми и 237 ранеными — меньше, чем один только 1330-й полк Осипова, потерявший за день наступления 325 человек. По числу захваченных трофеев дивизия опередила все остальные части и соединения, участвовавшие в операции. В плен было захвачено 152 человека — большинство пленных, взятых во время наступления. 60 человек удалось захватить 421-й стрелковой дивизии. Потери противника Томиловым были оценены в 1000 человек, но, скорей всего, эта цифра является сильно завышенной, так как количество подобранных винтовок, которое могло бы в этом случае быть определенным ориентиром, Томилов не сообщил, хотя все остальные трофеи им были перечислены со скрупулезной точностью,

было даже оговорено количество патронов, находящихся в ранцах убитых солдат противника.

Помимо стрелкового вооружения, орудий, минометов и боеприпасов 157-й дивизии удалось захватить и около 100 км телефонного кабеля, что позволило создать резерв для переноса командных пунктов.

Отступление румын не было полным. Оценив обстановку, несмотря на неожиданность контрудара, они немедленно перешли к полупартизанским действиям, о которых командир дивизии вынужден был даже сообщить в штаб армии: *«После боя имели место ряд случаев стрельбы из кукурузы по красноармейцам оставшимся румынами, которых до 25.9 полностью выловить не удалось».*

Окружить румын, правда, так и не удалось, но за день боев Приморская армия вышла на рубежи между Большим Аджалыкским и Куяльницким лиманами, т. е. восстановила все отданное в Восточном секторе в течение месяца боев.

Левое крыло румынских войск, осаждавших Одессу, основу которого составляли 13-я и 15-я пехотные дивизии, начало отход.

Пока противник не перебросил на это направление свежие части, существовала возможность дальнейшего продвижения. Но это означало еще более расширить фронт Восточного сектора, удерживать который в дальнейшем предстояло только одной ослабленной 421-й дивизии, так как 157-ю дивизию планировалось в срочном порядке перебросить для улучшения положения на других участках.

ВОПРЕКИ ВСЕМУ. (5.00 22 СЕНТЯБРЯ)

Командование Одесской ВМБ и командующий ООР Жуков с начала наступления находились на командном пункте 421-й дивизии, откуда координировали действия береговой артиллерии и кораблей, оказывающих наступающим частям огневую поддержку. КП всех дивизий в течение всей обороны города имели устойчивую телефонную связь со всеми батареями, командными пунктами ООР и армии и даже с корректировочными постами, если те находились в боевых порядках своих войск. Механизм такой связи был отработан в течение долгого времени и позволял эффективно управлять войсками. Не хуже была налажена и радиосвязь с выносными корректировочными постами и придаваемыми Одесской ВМБ боевыми кораблями.

А вот связь с десантом в течение всей операции штаб Одесской ВМБ наладить так и не сумел, главным образом потому, что ее обеспе-

чивала служба связи Черноморского Флота. Контрольная радиостанция штаба базы прослушивала радиопереговоры корректировочных постов с эсминцами «Бойкий» и «Безупречный», поддерживающими десант. Однако где находится 3-й морской полк, командование ООР по-прежнему точно не знало. Попытки установить местонахождение радиостанции штаба полка к успеху не приводили, и ускорить продвижение 3-го морского полка для его удар в тыл частям противника оборонявшимся в районе Фонтанки командование ООР не могло.

Складывалась парадоксальная ситуация -связь с десантным полком оперативно подчиненным командующему ООР обеспечивал не находившийся в его подчинении начальник связи флота Гусев. Устойчивой связи десанта с базой Гусев не обеспечил и в результате как осуществлялось управление полком хорошо показывает следующий телефонный разговор между командующим ООР Жуковым и начальником штаба Одесской ВМБ Деревянко:

Ж: Деревянко, где по вашему может быть сейчас штаб 3-го полка?

Д: Предположительно штаб полка находится в Чебанке.

Ж: Приготовить катер для доставки туда приказа.

В 13.30 катер с оператором штаба армии капитаном Безгиновым на борту вышел имевшим поручение передать командиру 3-го морского полка боевое распоряжение № 0024 штаба Приморской армии:

КОМАНДИРУ 3 МОРСКОГО ПОЛКА

КОМАНДУЮЩИЙ ООР — КОНТР-АДМИРАЛ ЖУКОВ ПРИКАЗАЛ:

3 Морскому полку ускорить движение на НОВ. ДОФИНОВКА, откуда наступать через перешеек на свх. им. ВОРОШИЛОВА. Занять свх. им. Ворошилова и соединившись с частями 421 СД (б. 2 морполк), уничтожить пр-ка, действующего в р-не САР. ФОНТАНКА, ВАПНЯРКА.

Установите радиосвязь 3 морполка с 421 СД по радио на волне 178 метров.

Донесения передавать через каждый час. (402)

Наладить устойчивую радиосвязь после получения распоряжения так и не удалось, но полк начал действовать, сообразуясь с поставленными задачами, хотя выполнить их в полном объеме возможностей у него не было. Полк, находящийся в 16 км за линией фронта, был слишком далеко высажен в румынский тыл, чтобы суметь к концу дня добраться до района Фонтанки. Не случайно командование ОВМБ при планировании операции предлагало высаживать полк не у Григорьевки, а у Новой Дофиновки, сообщив командованию флота, что для

смыкания фронта наступления с десантом необходима либо высадка полка не далее чем в 6 км от Фонтанки, либо высадка бригады или даже дивизии в нескольких пунктах побережья.

Положение усугублялось и тем, что командир полка капитан Кореень по неизвестным пока мне причинам либо вовсе не принимал участия в бою, либо утратил управление полком во время боя. По воспоминаниям бывшего начальника штаба ОВМБ Деревянко, он заболел во время перехода. Эта информация вызывает сомнения, так как в этом случае вступивший в командование операцией командир бригады крейсеров Горшков назначил бы исполняющего обязанности командира полка но Деревянко вспоминал, что *«вся ответственность за выполнение задачи легла на комиссара (полка) Слесарева и начальника штаба Харичева»*. Это совпадает с информацией, содержащейся в донесении командира 421-й стрелковой дивизии полковника Коченова, сообщавшего в штаб армии, что *«полк неорганизован, никаких средств управления в полку нет. Тылы отсутствуют. (Число) командного состава уменьшено. Организовать пехотный бой не может, командным составом не управляется, в результате чего несет большие потери...»*

Помимо выхода из строя по неизвестной причине командира полк понес значительные потери в командном составе — при высадке был смертельно ранен военком 3-го батальона Прохоров, убит военком 1-го батальона Прокофьев, убита и ранена часть командиров рот и взводов. Оставшиеся командиры с трудом управляли необученными моряками, вынужденными штурмовать противника в населенных пунктах.

Обсудив полученное распоряжение, начальник штаба и военком полка решили несколько изменить порядок наступления. До получения приказа ускорить продвижение на Новую Дофиновку полк наступал в сторону линии фронта в одноэшелонном порядке, широким фронтом, имея на левом фланге 1-й батальон капитана Михайлова, на правом — 3-й старшего лейтенанта Матвиенко, в центре двигался 2-й батальон.

В соответствии с полученным распоряжением было решено, что полк будет наносить удар основными силами в направлении Чебанки и Новой Дофиновки. На нее через Чебанку должны были наступать 1-й и 2-й батальоны полка, которые ввиду важности этого направления возглавил майор Харичев. 3-й батальон должен был вести наступление на Старую Дофиновку. Руководить действиями на этом направлении стал военком полка батальонный комиссар Слесарев.

Румыны к этому времени успели получить приказ защищать обе Дофиновки до последней возможности и стягивали туда все, что не было задействовано на линии фронта.

В одной из ложин недалеко от Григорьевки разведчики десантного полка обнаружили огневую позицию тяжелой артиллерийской батареи — как потом выяснилось, той, которая в последнее время больше всего осложняла работу Одесского порта. Разведчики сами и захватили батарею, сумев незаметно к ней подползти, после чего исход боя решили гранаты и штыки. Часть орудийной прислуги они перебили, часть — разбежалась. Четыре орудия были захвачены исправными, с большим количеством снарядов.

Потом эти пушки провезли по улицам Одессы, и на длинном стволе одной из них одесситы читали выведенную мелом надпись, которая попала на снимки фотокорреспондентов, а через них — в историю войны: «Она стреляла по Одессе, больше стрелять не будет!» В политдонесении батальонного комиссара Слесарева было специально отмечено, что надпись предложил сделать участник захвата батареи краснофлотец Петренко.

Бежал противник не везде. По мере продвижения десанта к линии фронта сопротивление румын возрастало, особенно в направлении Чебанки и в районе колхоза им. Котовского, где наступали 1-й и 2-й батальоны. Там сосредоточились части 2-го эшелона 15-й пехотной дивизии румын, поддержанные полковой артиллерией. В Чебанке, где располагался штаб одного из полков 15-й пехотной дивизии, румыны укрепились в домах, огородах и канавах, откуда вели интенсивный ружейный и пулеметный огонь.

Во время боя за Чебанку в полной мере сказались недостатки боевой подготовки полка, на которую в Севастополе просто не хватило времени. Бойцам полка оказались присущи все недостатки, характерные для первых добровольческих морских отрядов и полков морской пехоты. Матросы лихо наступали в полный рост, не желая кланяться пулям, плохо применялись к местности, не умели маскироваться, а попав под огонь, не спешили окапываться.

Несмотря на усилия Харичева, моряки бессистемно атаковали поселок и несли значительные потери, хотя *«противник еще не организовал на этом участке минометного огня, а ведет огонь только артиллерийский и из ручных пулеметов»*.

Отсутствие минометного огня говорило о том, что в самой Чебанке и рядом с ней ни одного пехотного батальона румын, скорей всего, не было, а поселок обороняли тыловые и штабные части, вы-

зывавшие огонь артиллерии. При этом связь с Чебанкой действовала у румын не хуже, чем с обеими Дофиновками — и хотя бойцы парашютно-десантного отряда впоследствии докладывали о множестве перерезанных проводов, связь между ключевыми пунктами румынской обороны так и осталась ненарушенной.

Время шло, а взять Чебанку не удавалось. После 18 часов командование 2-м батальоном принял после выхода из строя его командира начальник штаба полка майор Харичев, до этого осуществлявший общее руководство боем под Чебанкой. По его распоряжению 2-й батальон сменил на позициях перед поселком 1-й, который начал обходить Чебанку с северо-запада. Под угрозой окружения румыны начали отход из поселка, который был после этого занят 2-м батальоном. Отступить из Чебанки удалось не всем. Заметившие отход противника матросы ворвались в Чебанку и *«разгромив штаб, в плен не брали»*. Впоследствии с захватом штаба вышел неожиданный казус, так как, по донесению командования 3-го морского полка, *«полк дрался с подразделениями 14 ПД»*, которых по остальным данным в этом районе не было, но как доложил Коченов, *«так как пленные ими не сохранились, то подтвердить эти сведения не представляется возможным»*.

1-й батальон, продолживший движение на Новую Дофиновку, был обнаружен северо-западнее Чебанки звеном «И-16» 69-го ИАП, которое искало полк с воздуха после очередной потери связи. По донесению командования 69-го ИАП, *«в 19.00 десант был обнаружен северо-западнее Чебанки, где на него и был сброшен вымпел. С земли мигали красными огнями»*. (403)

Бой за Старую Дофиновку был не менее тяжелым, взять ее, так же как и Чебанку, не удавалось в течение нескольких часов. Командир батальона старший лейтенант Матвиенко получил под селом третье за день ранение, но продолжал руководить боем совместно с военкомом Слесаревым. Матвиенко, как и под Григорьевкой, попытался обойти Старую Дофиновку с фланга, но сделать это не удалось. Отличившийся при захвате румынских пушек под Григорьевкой разведчик краснофлотец Петренко погиб, пытаясь выяснить возможность обходного маневра. Все обстоятельства его гибели так и остались неизвестными. После того как Старая Дофиновка наконец была захвачена, его нашли недалеко от села лежащим за ручным пулеметом. Перед его позицией лежало несколько трупов румынских солдат, которых противник уже не успел унести. С наступлением темноты румыны начали отход из обеих Дофиновок. Десантники заняли оба на-

селенных пункта, выполнив тем самым свою задачу. Высадившемуся у Григорьевки полку оставалось соединиться с частями ООР, что и произошло на рассвете следующего дня.

Несмотря на потерю управления полком его командиром и неумение вести пехотный бой, моряки дрались с огромной самоотверженностью. Их доблесть отмечена во всех донесениях, хотя при этом отмечалось, что *«пренебрежение к основным требованиям и незнание тактики пехоты (не только не окапывались. А вообще не ложились и не применялись к местности) были излишние — ненужные потери»*. (404)

Однако в целом эффективность действий 3-го морского полка оказалась значительно ниже возможной из-за низкого уровня подготовки личного состава, о чем и докладывал в штаб ООР командир 421 СД полковник Коченов, отнесшийся к полку, который по окончанию операции влили в его дивизию, крайне негативно:

«Полк понес потери до 400 человек. Считаю, что при таком положении он не в состоянии оборонять порученный ему участок, и считаю необходимо немедленно отвести его в тыл, организовать и только после этого ввести в бой, для чего прошу 54 СП оставить на месте и оставить на месте 716 СП.

(В) противном случае противник снова может со стороны Чабанка прорваться на Ново-Дофиновка, Фонтанка и выйти в тыл частям дивизии... Я считаю, что для организации и приведения в порядок этого полка требуется не менее 2 дней с отходом в тыл... Я еще раз докладываю, что без организации этого полка он не боеспособен».

После выхода полка в полосу действия 421-й СД в командование полком вступил подполковник Затылкин.

Задача, поставленная перед полком, была выполнена, несмотря на все трудности, выпавшие на его долю, хотя и ценой излишних потерь. Вина самих моряков в этих потерях минимальна — они как и многие другие морские отряды, сражались самоотверженно. Однако спешка в формировании полка и просчеты в его подготовке привели к излишним потерям в ходе десантной операции. Росту потерь способствовала и высадка без участия отряда высадочных средств, во время которой полк потерял до половины своих станковых пулеметов. (406)

Некоторая завышенность требований командующего ООР Жукова и выбранное слишком далеко от линии фронта место высадки десанта привели к тому, что он не смог ударить в тыл укрепленному узлу сопротивления у Фонтанки. Но за день бойцы полка после потерь, понесенных при высадке, не имея достаточного количества пулеметов и

минометов, прошли с боями 10 км, заняли 3 населенных пункта, дезорганизовали тылы 13-й пехотной дивизии и отвлекли часть ее сил от переднего края. Они внесли свой вклад в успех операции. Румынские части, зная что в тылу у них действует десант, вынуждены были отходить не на восток, а на север, что значительно увеличило их потери.

ДЕСАНТ ПОДДЕРЖИВАЮТ ОГНЕМ (22 СЕНТЯБРЯ)

С рассветом оставленные для огневой поддержки десанта эсминцы, канонерская лодка «Красная Грузия» и морские охотники повели огонь по заявкам с берега. До часу дня корабли без помех работали по донесениям корректировочных постов. Правда, огонь эсминцев был не всегда точным, особенно на максимальных дистанциях. В течение дня командование 157-й дивизии сообщало в штаб Приморской армии, что *«эсминцы задевают огнем наш правый фланг»*. (407) Командование Приморской армии также докладывало в штаб ООР о том, что *«Десантные суда своим артогнем задевают правый фланг 157 СД»*. (408)

Эсминец «Беспошадный» действовал в интересах 133-го полка 421-й СД, наступавшего в направлении Вапнярки. Усиленный корректировочный пост с эсминца в составе 5 матросов под командованием лейтенанта Клименко выдвинулся на возвышенность перед кукурузным полем, левее которого находилась дамба, по которой перебрасывалась румынская техника. являвшаяся основной целью для эсминца.

Не успев развернуться на высоте, корпост попал под минометный обстрел. Переждав его, матросы, на время укрытые от противника усилившимся дождем, отрыли окоп, установили станковый пулемет на случай попытки захвата противником и замаскировали позицию ветками.

Когда дождь несколько стих, в бинокль стало видно, что на кукурузном поле противник накапливается для атаки. Румыны, опять заметившие после улучшения видимости движение на высоте, снова открыли по ней огонь, теперь из пулемета. Клименко использовал румынский пулемет в качестве пристрелочного ориентира и первые координаты дал на него.

Пристрелочный снаряд разорвался на краю поля, позволив сразу дать правильные координаты для залпового огня. После первого же залпа пехота противника начала покидать поле.

Корпост передал на эсминец координаты дамбы, по которой с восточной стороны на западную двигались вражеские машины с пехотой,

повозки и артиллерийские упряжки. Попасть по дамбе было сложнее, но после серии поправок снаряды с эсминца стали накрывать и ее. Пристрелявшись, эсминец увеличил темп стрельбы и стал засыпать снарядами всю длину дамбы. От прямого попадания сдетонировал грузовик с боеприпасами. В конце концов движение по дамбе было полностью остановлено.

На случай внезапного налета эсминцы вели обстрел берега, непрерывно двигаясь полным или средним ходом. С воздуха их непосредственное прикрытие осуществляли непрерывно сменявшие друг друга звенья истребителей «И-16», выделяемых 69-м истребительным авиаполком. Четыре новых пушечных истребителя «Як-1» в постоянной готовности дежурили на аэродроме.

В 13 часов маневрировавший на больших ходах «Безупречный» был атакован двенадцатью пикирующими бомбардировщиками «Ю-87» 77-й эскадры Люфтваффе.

Их встретила барражировавшая в этот момент в районе высадки девятка истребителей 69-го полка под командованием капитана Рыкачева, однако перехватить до выхода на боевой курс не успела, хотя «юнкеры» шли без прикрытия.

Истребители, не имевшие опыта взаимодействия с кораблями, представляющими завесу заградительного огня, растерялись и не смогли эффективно атаковать не защищенного прикрытием противника.

Как вспоминал потом участвовавший в этом бою Герой Советского Союза Череватенко:

«Атаковать противника оказалось делом сложным. Огонь наших батарей мешал приблизиться к самолетам противника на дистанцию действительного огня. Тому, кто осмелился бы на такой шаг, грозила опасность попасть под осколки своих же снарядов».

Не сумев сбить противника с боевого курса, истребители атаковали немцев на выходе из пикирования. Два «юнкера», получив повреждения, вынуждены были выйти из боя, однако остальные продолжали атаки, по существу прячась от истребителей противника за огнем его же зенитной артиллерии. После выхода из пикирования «юнкеры» снова резко набирали высоту возле самой зоны действия зенитного огня, хорошо зная, на каком расстоянии от него следует держаться.

Так продолжалось больше 10 минут. В конце концов истребителям удалось отколоть от основной группы еще одну пару «юнкеров», которая прижавшись к самой воде и отбиваясь из пулеметов, также ушла в сторону от боя. Оставшиеся «юнкеры» продолжали

прятаться не только за зенитным огнем, но и за дымом загоревшегося и остановившегося корабля. Последние бомбы по неподвижной цели «юнкеры» досбрасывали уже с горизонтального полета.

«Беспощадный» немедленно прекратил обстрел берега и на максимальном ходу поспешил к «Безупречному», находившемуся мористее. Но пикировщики опять бомбили максимально точно, и на первом же заходе, несмотря на максимальный ход, яростный зенитный огонь, атаки истребителей и отчаянное маневрирование командира «Безупречного» капитан-лейтенанта Буряка, бомбы легли возле бортов «Безупречного», изрешетив осколками корпус, трубы и оба котельных отделения. В последствии при осмотре эсминца было обнаружено «до 300 малых пробоин». Начался пожар, эсминец скрылся в дыму. Подошедшему «Беспощадному» задымление мешало вести огонь. Даже сигнальщики докладывали: *«Ничего не видно — дым и огонь»*.

Но дым не мешал грамотно прятавшимся за ним «юнкерам». Как и не помешала им девятка прикрывающих эсминцы «И-16». Зайдя с подветренной стороны, они добомбили остановившийся корабль, близко сбросив остатки бомб, которых, по подсчетам наблюдателей, всего было сброшено 36. Остановились турбины. В котельные и машинные отделения быстро поступала вода, крен достиг 17°.

«Безупречный» передал флажным семафором на эсминцы: *«Прошу подойти и взять на буксир. Своего хода не имею»*. И по радио в штаб Одесской ВМБ: *«Нуждаюсь в помощи»*.

В штабе базы, получив такое донесение и сообщение рейдового поста, докладывавшего, что *«Пикировщики противника бомбят эсминец “Безупречный”, корабль остановился»*, выслали в порт санитарные машины, а к эсминцу — спасательные суда.

«Беспощадный» подошел кормой к носу горящего эсминца и быстро завел буксирный конец. Все уцелевшие матросы «Безупречного», организованные в две аварийные партии, под командованием старпома корабля Киселя и инженер-механика Михайлова, вместе с понесшими потери во время бомбежки штатными аварийными подразделениями главстаршин Егорушина и Рязанова тушили пожар, заводили пластыри и непрерывно таскали предметы из внутренних помещений на левый борт, стараясь уменьшить крен.

На полуразрушенном мостике распоряжался капитан-лейтенант Буряк.

В ответ на предложение прислать аварийную команду он сообщил в рупор:

«Кажется, уже сами управились. Крен остановили. Прошу малым ходом буксировать в Одессу».

Подошедший следом за «Беспощадным» «Бойкий» принял с «Безупречного» 26 раненых.

«Беспощадный», вместе с присланным из гавани спасательным судном «Юпитер», малым ходом повел поврежденный эсминец в Одессу, стараясь соблюдать максимальную осторожность. Достаточно было случайного рывка, чтобы поврежденный корабль опрокинулся. На поворотах руль переключался не больше чем на пять-семь градусов. В случае повторного налета «Безупречный» был бы фактически обречен, так как «Беспощадный» вынужден был бы обрубить конец и уйти от него — корабли имеют возможность прикрывать друг друга только пока находятся на ходу. Потеряв скорость, они превращаются в удобные мишени. Сопровождать буксируемый эсминец прилетели 2 «ишачка» из 69-го ИАП.

Эффективность их при отражении налетов «юнкерсов» 22 сентября была низкой, но по крайней мере они затрудняли прицельное бомбометание.

После того как корабль был введен в гавань, водолазные команда под руководством начальника ЭПРОНа ЧФ Шаха и ремонтные бригады базы под началом флагмеха базы Александрова приступили к откачке воды и устранению имеющихся повреждений.

Начальник штаба Одесской ВМБ базы позвонил на командный пункт 421-й СД, где в это время находились командующий ООР Жуков и командир ОВМБ Кулешов, и доложил обоим адмиралам о повреждении эсминца, на что Жуков ответил:

«Мы все видели сами. Шестакову(409) указано на слабое противодействие пикировщикам. Отдано распоряжение смену истребителей производить обязательно в зоне патрулирования над кораблями». А Кулешов сообщил что выезжает в авиаполк, а оттуда в гавань, чтобы лично оценить состояние «Безупречного».

Однако командование полка даже после визита контр-адмирала не смогло предпринять никаких действий, способных изменить ситуацию. Противник одновременно с налетами на эсминцы стал активно бомбить и гавань, возможно, надеясь добить в ней поврежденный «Безупречный».

Полк вместе со всеми полученными подкреплениями не имел больше 50 машин, часть из которых была неисправна, и выделить на прикрытие эсминцев какие-то дополнительные силы он уже просто не мог.

Передав «Безупречный» буксирам у входа в порт, «Беспощадный» вернулся в район высадки и около 17 часов был направлен обстреливать понтонную переправу через Большой Аджалыкский лиман.

Местность была ровной, погода во второй половине дня установилась ясная, и отлично просматривавшаяся переправа являлась удобной целью. Командир «Беспощадного» Негода решил, что можно обойтись без пристрелки, и действительно, уже первый залп лег возле узкой ленты понтонного моста в самом центре лимана.

После повреждения «Безупречного», по приказу командования базы командир «Беспощадного» Негода, как и командир «Бойкого» Годлевский, доложил в штаб базы, что приняты дополнительные меры по отражению возможного воздушного налета. На мостике «Беспощадного» были расставлены еще три наблюдателя, которые должны были следить только за воздухом и докладывать командиру корабля о появлении самолетов в своих секторах и сообщать непосредственно командиру об их последующих действиях.

Но последующее развитие событий показало, что все предпринятые на «Беспощадном» меры носили чисто формальный характер.

Комиссар корабля Бут, предчувствуя легкую добычу, решил устроить из разгрома переправы маленькое шоу и приказал включить радиотрансляцию переговоров с корректировочным постом на берегу. На ЧФ в 1941 г. подобное практиковалось часто. При удачном обстреле береговых целей, когда не было дуэльной борьбы с артиллерией противника, не мешала авиация, а цель была легко досягаема, часто включали трансляцию с боевых постов для поднятия морального духа экипажа.

Корректуры с берега шли самые подходящие:

«Бьете в цель. Прибавьте огонька!». «Снаряды ложатся хорошо. Больше один, право два. Дайте еще огня!» «Хорошо! Мост разорван. Фашисты плавают в лимане! Больше огня!»

В паузах между корректурами комиссар начал пояснять морякам значение происходящего:

«Переправа разрушена. Значит, немцы отрезаны, им ничего не остается, как сдаваться в плен. Они хотели побывать в Одессе. Что ж, их желание сбылось. Они пройдут по Одессе, пройдут строем, но только под охраной наших бойцов».

Постепенно Бут увлекался все больше, и после его комментариев все чаще и чаще на боевых постах стало раздаваться громкое «ура». Бой постепенно стал превращаться в митинг. И комиссар начинал комментировать все более красочно:

«Вы представляете, какой подъем будет у жителей Одессы, когда они увидят сотни пленных гитлеровцев! Надо бы побольше поводить по Одессе этих вояк. Пусть на них смотрит народ. И пусть сами немцы увидят, в какую пропасть завел Германию Гитлер!»

Неожиданно выступление комиссара было очень грубо прервано оглушительным свистом.

Свистел сидящий верхом на торпедном аппарате торпедист Су-тырин.

Опытный торпедист, не имея работы у торпедных аппаратов, входящий по боевому расписанию только в аварийную партию и не обязанный следить за воздухом, не обращая внимания на трансляцию со своей не очень удобной (даже верхом на торпедном аппарате) позиции и не имея бинокля, все время зорко наблюдал за небом.

И теперь он, заложив в рот два пальца, свистел что есть духу, свободной рукой показывая в сторону горизонта. Оттуда, один за другим, увеличиваясь в размерах, приближались пикирующие бомбардировщики «Ю-87».

А наблюдатели за воздушными секторами и дублирующие их по боевому расписанию сигнальщики увлеченно слушали комиссара...

Хороший свист, как вспоминал командир лидера «Ташкент» Ерошенко, способен перекрыть даже грохот крупнокалиберных пулеметов. Су-тырина услышали на мостике и наконец объявили воздушную тревогу.

Как сосчитали на постах управления огнем, к кораблю приближались 26 пикировщиков, тогда как практика показала: чтобы утопить эсминец, вполне достаточно и девяти.

Берег продолжал требовать огня, но эсминцу было уже не до переправы. Прекратив стрельбу, «Беспощадный» со всей возможной прытью, максимальным ходом направился к «Бойкому», чтобы рассредоточить бомбардировщики и уплотнить зенитный огонь.

Это до какой-то степени удалось, но 5 «юнкерсов» направились к «Бойкому», чтобы не допустить сосредоточения огня. «Беспощадный», успев набрать нужную скорость, открыл огонь по самолетам и начал маневр уклонения. Зарываясь носом в собственный бурун, эсминец описывал максимально крутую дугу.

Первый заход «юнкерсы» делали по очереди, заходя сзади по курсу корабля. Не полагаясь в такой ситуации на скорость, Негода, напротив, притормозил и применил классический маневр уклонения транспортных судов: уход от точки сброса.

Наблюдая за первым «юнкерсом», Негода выждал, когда от него отделились бомбы, падавшие прямо по курсу, и резко переложил ручки машинных телеграфов на задний ход.

«Юнкерс», бомбивший с высоты в 700 м сбросил сразу три бомбы, одна из которых разорвалась на курсе, а две другие — близко от него по сторонам, но все три впереди корабля.

Второй и третий «юнкерсы» поступили так же, остальные стали экономнее и приберегали боезапас, кидая бомбы уже по одной-две.

Пока эсминец увертывался от 20-ти заходивших по одному и по двое сзади самолетов, на помощь к нему подоспела прикрывавшая корабль группа истребителей капитана Елохина. Кинувшись навстречу строю пикировщиков, они атаковали его середину.

«Юнкерсы» шарахались от них в разные стороны, сбиваясь с боевого курса. После появления истребителей пикировщики изменили тактику. Невольно им пришлось рассыпаться на группы, и теперь они атаковали группами с двух-трех направлений одновременно, сбрасывая бомбы только с высоты не более 300 м и при подходящем случае обстреливая надстройки из пушек и пулеметов.

Во время одного из таких заходов, когда «юнкерсу» удалось дать очередь по мостику, чуть не погиб командир корабля. 1-й помощник капитан-лейтенант Кабистов успел оторвать его от ручек машинного телеграфа и затолкнуть под выступ командно-дальномерного поста, после чего машинный телеграф был разбит пулями.

Доклады наблюдателей становились все тревожней:

«Пролетели! Падает справа! Слева! Пикируют два самолета справа! Слева! Сзади падают бомбы...»

При одновременных атаках спасти корабль могли только маневрирование и скорость, тем более что «Бойкий» ничем не мог помочь «Беспощадному», также отбиваясь от противника.

«Беспощадный» непрерывно выписывал восьмерки. Переходил в зигзаги и снова выписывал восьмерки. От близких разрывов столбы воды непрерывно обрушивались на палубу, однако не могли потушить пожаров от разрывов мелких бомб. Осколки постоянно барабанили по надстройкам, пробивая дымовые трубы и сдирая брезентовые наветы там, где они еще сохранились.

Попасть в корму «юнкерсам» не удалось, но от близких разрывов падавших рядом с нею бомб был поврежден корпус в районе 173 шпангоута, на палубе и по бортам образовался гофр. От сотрясения сработал кормовой торпедный аппарат: торпеды с включившимися двигателями ударились в переборку отделения дизель-генераторов, но, к счастью, не взорвались. Через трещины в кормовые помещения начала поступать вода; скорость эсминца, поначалу доведенная до 24 узлов, стала падать. Выполняемые маневры стали менее эффективными.

В конце концов, прорвавшись через заградительный огонь, один из «юнкерсов» метко сбросил две бомбы, пролетев на уровне мачт. Увернуться от них было уже невозможно.

Одна из бомб, пробив палубу полубака около клюза правого борта, вышла через борт и взорвалась в воде. Другая разорвалась в глубине корпуса, в районе мотора носового шпиля.

В результате вся носовая часть корпуса до 35-го шпангоута оказалась фактически оторванной и держалась лишь на искореженных листах обшивки и на килевой коробке.

Сильные повреждения корпуса имелись до уровня 44-го шпангоута.

Взрывной волной бомбы, разорвавшейся на полубаке, сигнальщика Сергеева сбросило с сигнального мостика прямо на командира корабля капитана 3-го ранга Негоду, который на короткое время потерял сознание.

Капитан-лейтенант Кабистов дал кораблю задний ход и кинулся на нос разбираться с объемом повреждений, оставив с потерявшим сознание командиром комиссара корабля Бута и вызвав на мостик помлека (410).

В этот момент Негода пришел в себя и, увидев, что эсминец идет задним ходом, перевел ручки телеграфа на «полный вперед». Обе машины дали по 180 оборотов в минуту. Прежде чем растерявшийся Бут успел что-либо предпринять, эсминец принял в нос столько воды, что дифферент на нос составил 1,5 м. Однако пикировщикам тоже не совсем везло. Добить корабль, как и в случае с «Фрунзе», не хватило бомб, и «юнкерсы» прекратили налет. Всего на «Беспощадный» было сброшено, по подсчетам наблюдателей, 84 бомбы.

Истребители Елохина, как и предыдущая группа прикрытия, опять не сумели ни помешать противнику выполнить боевую задачу, ни сбить хотя бы одну машину.

После ликвидации пожаров осмотр показал, что повреждены почти все помещения, расположенные в носу. Командир «Бойкого» Годлевский запросил семафором, нужна ли помощь.

На что «Беспощадный» ответил: *«Благодарю за услугу. Дойду до Одессы своим ходом».*

Подкрепив переборки и выполнив неотложные аварийные работы, «Беспощадный» задним ходом действительно сумел потихоньку добраться до Одессы, хотя большинство устройств и механизмов было выведено из строя. Взрывами был поврежден гирокомпас, а магнитный компас сбросило с нактоуза, однако он уцелел. Рулевой Рыков вел корабль по нему, держа котелок компаса в руках.

Канонерская лодка и морские охотники, так нужные в момент высадки десанта, во время огневой поддержки его действий значительной роли не играли. Противник, занятый эсминцами, не обращал на них никакого внимания.

За все время поддержки огнем корабли выпустили по противнику более 3 тыс. снарядов. Во второй половине дня налеты вражеской авиации смогли в значительной степени нейтрализовать огневую поддержку кораблей, но на общее развитие хода десантной операции это влияния оказать уже не могло.

Правда, когда из всех эсминцев в строю остался только «Бойкий», два 100-мм орудия канонерской лодки тоже приобрели определенное значение. Но из выпущенных ею во время поддержки десанта снарядов большинство было все-таки малого калибра.

Трудно сказать, как развивались бы события, если бы в районе высадки оставалась бы бригада крейсеров. Опыт боев показал, что крейсера, идущие в порядке в сопровождении эсминцев без каких-либо потерь могли легко отразить налет девятки «юнкерсов», и с 26 пикировщиками тоже бы справились, но, возможно, противник мог бы стянуть для уничтожения такой заманчивой цели и большее количество авиации.

Истребители 69-го авиаполка действенной помощи кораблям оказать не могли, так как весь состав полка непрерывно занимался штурмовкой плацдарма, а над районом высадки постоянно дежурили всего 2 машины. Правда, и девятки прикрытия не смогли выполнить свою задачу, даже когда противодействовали 12-ти пикировщикам противника — сказалась полная неготовность истребителей к взаимодействию со своими кораблями, защищающимися от противника зенитным огнем.

СУДЬБА ОДНОЙ РАДИОГРАММЫ (22—24 СЕНТЯБРЯ)

Оставшийся в одиночестве «Бойкий» переключил на себя корректировщиков «Беспощадного» и вел огонь сразу по нескольким целям: носовыми орудиями по своим, кормовыми — по целям «Беспощадного».

При отражении обоих налетов «Бойкий» израсходовал весь боезапас зенитных орудий и теперь в случае еще одного налета мог отбиваться только пулеметами.

Во второй половине дня 13-я и 15-я пехотные дивизии румын начали отход, стараясь избежать окружения. Боевое соприкосновение с противником стало нарушаться, и количество заявок на поддержку огнем сначала уменьшилось, а ближе к вечеру они совсем перестали поступать.

Не получая больше никаких боевых задач, «Бойкий» продолжал находиться на прежних огневых позициях, на которых корабли уже два раза бомбила вражеская авиация. Не имея при этом уже почти никаких средств к отражению возможного налета, командир эсминца капитан-лейтенант Годлевский отправил в штаб базы радиограмму, в которой просил разрешения идти в Севастополь: *«Начальнику штаба базы. Прошу разрешения идти в главную базу. Или дождаться такой же участи? Командир эсминца "Бойкий" Годлевский»*. Последняя строчка радиограммы чуть было не стала для командира эсминца источником больших неприятностей. Как оценил ее сам начальник штаба, телеграмма являлась «звонкой пощечиной» командованию базы. Фактически Годлевского «спасло» то, что он все-таки не адресовал радиограмму подобного содержания командиру базы Кулишову или командующему ООР Жукову.

Начальник штаба базы, капитан 3-го ранга Деревянко, зная, что Годлевский был единственным из командиров эсминцев, сумевшим успешно отразить оба налета вражеской авиации, и понимая, что радиограмму он отправил, два раза за этот день избежав смертельной опасности, не стал давать ей какого-либо хода.

Деревянко позвонил командиру базы и доложил Кулишову, что «Бойкий» боевых задач больше не имеет и нужно получить разрешение командующего ООР на вход эсминца в гавань.

Связавшись с Жуковым, Кулишов получил «добро» на вход, а «Бойкий» перешел в подчинение базы, после чего через некоторое время Деревянко был вызван к командиру базы.

В присутствии комиссара базы Дитятковского Кулишов, держа в руках бланк радиограммы, поинтересовался: *«Почему вы немедленно не доложили эту радиограмму Годлевского?»*

Деревянко пояснил, что радиограмма адресована ему и, по сути, не содержит ничего предосудительного или требующего отдельного доклада начальству. Корабль уцелел в дневных боях, но вполне мог быть потоплен, если бы его вовремя не убрали в гавань под прикрытие береговой зенитной артиллерии. На что контр-адмирал глубокомысленно заметил, что *«на войне могут и убить»*, а комиссар базы оставил радиограмму у себя.

Вскоре выяснилось, что ночью эсминец должен был уйти обратно в Севастополь в составе конвоя, в охранение которого он был назначен. Почувствовав по реакции командира и комиссара базы что Годлевского могут ожидать неприятности, Деревянко решил со своей стороны также предпринять некоторые шаги в защиту командира эсминца.

По заведенному в Одесской ВМБ порядку начальник штаба при отправке боевого корабля обратно в Севастополь посылал начальникам штабов эскадры и Черноморского флота отзыв о его действиях под Одессой. В этот раз отзыв был дан самый высокий, но составляя его, начальник штаба решил, что в подобной ситуации его может оказаться недостаточно и после инструктажа командиров кораблей и капитанов судов формируемого конвоя получил отзыв о действиях Годлевского и от работника политотдела эскадры Малышко, находившемся на «Бойком» во время боя. Малышко, составляя свое собственное донесение о действиях кораблей дивизиона эсминцев во время десантной операции, так написал о Годлевском: *«Особо отмечается умелое управление маневрами корабля и артиллерией командира эсминца “Бойкий” капитан-лейтенанта Годлевского. Его мужественным поведением и умелыми действиями, большой находчивостью и сноровкой восхищается буквально весь личный состав корабля».*

Времени до ухода конвоя оставалось мало, и быстро действовал не только Деревянко, но, как скоро выяснилось, и комиссар базы. Дитятковский успел показать радиограмму члену Военного совета ООР Азарову. Бригадный комиссар был вполне солидарен с полковым и прямо на бланке радиограммы написал свою резолюцию: *«Комдиву эсминцев Пермскому. Наказать Годлевского и доложить Военсовету флота. Азаров».*

Получив от Дитятковского радиограмму с такой резолюцией, Деревянко прибегнул к последнему имевшемуся в его распоряжении в такой ситуации средству: задержал передачу радиограммы Пермскому до того, как с ней и с отзывом Малышко ознакомится командующий ООР Жуков.

Жуков, как оказалось, смотрел на ситуацию несколько иначе, чем командир и комиссар базы. Контр-адмирал посмеялся над текстом и обещал уладить недоразумение с резолюцией.

Через день командир базы Кулишов, вернувшись с заседания Военного совета, вызвал Деревянко к себе кабинет и произнес маленькую речь, дававшую полное представление о том, как командующий ООР уладил это «маленькое недоразумение»:

«Дался нам этот Годлевский! Столько неприятных, но вполне заслуженных упреков пришлось выслушивать от командующего. Действительно, с ним погорячились и переборзили. Адмирал Жуков приказал отныне к командирам кораблей, придаваемых базе без его ведома, дисциплинарных мер не применять и представлений на сей счет в Севастополь не давать».

ПОСЛЕДНИЕ УДАРЫ

КАК КОНТРНАСТУПЛЕНИЕ ПОД ДАЛЬНИКОМ ПРЕВРАТИЛОСЬ В ОТВЛЕКАЮЩИЙ УДАР (23 СЕНТЯБРЯ — 1 ОКТЯБРЯ)

После того как комбинированным контрударом при участии морского десанта удалось отбросить противника от города в Восточном секторе было решено улучшить положение и в Южном. Это был последний сектор, из которого противник имел еще возможность обстреливать Одессу. В этот раз замысел операции строился на использовании Ленинталяско-го клина против противника и разгроме группировки, его занимавшей. Вторая наступательная операция задумывалась штабом ООР еще более масштабной, чем первая. Удар планировалось нанести силами трех дивизий в общем направлении на Ленинталя—Петерсталь.

К 27 сентября закончилась перегруппировка войск в Южном секторе. Переброшенная сюда 157-я дивизия заняла позиции на 8-километровом участке между 95-й и Чапаевской, полосы обороны которых значительно сократились. Сюда же были переброшены и два артполка, прибывшие в Одессу вместе с 157-й дивизией, что вдвое увеличило плотность артиллерии на этом участке.

Также в сектор были переброшены и опоздавшие к контрудару в Восточном секторе танковый батальон 157-й дивизии в составе 15 машин и 422-й артполк. Остальные дивизии были основательно пополнены за счет ставших активно поступать маршевых рот, количество которых в последней декаде сентября постоянно увеличивалось. Только за 21—24 сентября в Одессу прибыло 15 маршевых рот общей численностью 3500 человек, а с 25 по 30 сентября — еще 21 рота, общей численностью 4800 человек.

Наличие достаточного количества подкреплений позволило дивизиям занять оборону в двухэшелонном порядке, а 95-я дивизия даже вывела во второй эшелон два полка из трех. Южный сектор прикрывался пятью румынскими дивизиями, но все они понесли большие потери в предыдущих наступлениях. Они уже не могли наступать, и устойчивость их в обороне тоже была весьма условной.

Военный совет ООР поддержал предложение командующего Приморской армией Софронова об организации контрудара, начальник штаба ООР генерал-майор Шишенин, правда, не был столь оптимистичен, считая, что сил для такого удара недостаточно, но последнее слово осталось за командующим ООР контр-адмиралом Жуковым, и план операции стал разрабатываться.

Предпринять контрудар в первоначально запланированные сроки, однако, не удалось. 27 сентября командующий Черноморским флотом Октябрьский сообщил Военному совету ООР, что в ближайшее время боеприпасы регулярно подвозиться не будут и имеющиеся боекомплекты следует всячески экономить. Так на обороне Одессы впервые стали сказываться последствия назревающего в Крыму кризиса. Аналогичная ситуация сложилась и с авиационной поддержкой. Вся бомбардировочная авиация Черноморского флота была перенацелена на Перекопский перешеек, и с 25 сентября ни один полк больше в Одессу не прилетал.

Приморская армия имела в наличии только полбоекомплекта для основных калибров полевой артиллерии вместо пяти, обещанных Шапошниковым Одессе на сентябрь. Член Военного совета, дивизионный комиссар Воронин предложил наступать с имеющимся боекомплектом при поддержке штурмовых ударов лишь одного 69-го ИАП, считая, что недостаток артиллерии и авиации компенсируют удары гвардейских минометов, но его инициативу не поддержал никто, а командующий Приморской армией Софронов дипломатично назвал ее «слишком большим риском».

В итоге операция была отложена на неопределенное время, а на расходование имеющихся боеприпасов был введен лимит, составлявший 1/16 боекомплекта в сутки. Но через 2 дня, 29 сентября транспортом «Белосток» и «Восток» были доставлены из Новороссийска 35 вагонов боеприпасов. Однако через несколько часов в штаб ООР поступила телеграмма командующего Черноморским флотом, адресованная командующему ООР Жукову и члену ВС Азарову. Телеграмма касалась просьб о получении ранее выделенных Одессе боекомплектов, но ситуации не проясняла:

«Завтра Одессу придут Левченко, Жуковский. Передадут вам важное решение, которое исключит совершенно ваши запросы. Октябрьский».

Туманные упоминания о важном решении вызвали в штабе ООР легкий переполох. Через 25 минут после получения телеграммы собралось расширенное заседание Военного совета, на которое, кроме

председателя Военного совета ООР Жукова и членов Военного совета Азарова, Воронина и Колыбанова, присутствовали и командующий Приморской армией, заместитель командующего ООР Софронов, начальник инженерной службы Хренов и начальник штаба ООР Шишенин.

Заседание Военного совета было открыто Жуковым довольно своеобразно:

«Я не мог не собрать Военный совет в связи с получением телеграммы Октябрьского. Это ответ на телеграмму мою и Ильи Ильича, в которой мы указывали, что недостаток боезапаса может привести к срыву готовящейся операции. Не следует выносить содержание ответа за эти стены. Обсуждать нам пока нечего: завтра придет заместитель наркома, и тогда все станет ясно».

Обсуждать действительно никто ничего не стал.

Только начальник штаба ООР генерал-майор Шишенин поинтересовался у командующего Приморской армией:

«Продолжать подготовку? Тем более, что боезапас поступит своевременно. Ваше мнение, Георгий Павлович? — на что получил ответ Софронова: —Пока нет ясности, конечно, подготовку не свертывать».

После этого очень короткого совещания, фактически сведшегося к указанию не разглашать сведения о полученной телеграмме, штаб ООР продолжил готовиться к наступлению и ночью закончил подготовку боевого приказа и составление плановой таблицы наступления в Южном секторе с нанесением главного удара в направлении Ленинталя. Операция назначалась на 1 октября.

Однако днем 30 сентября обстановка полностью изменилась. В связи с полученными из штаба ЧФ указаниями приказ №0026 о переходе в наступление был заменен на «новый приказ № 0026, по которому армия, продолжая оборонять свои позиции, в ночь с 30.09.41 г. на 1.10.41 г. приступает к перегруппировке своих сил». В условиях неполной информации, поступающей из штаба ЧФ, смысл перегруппировки свелся к выводу 25-й СД в армейский резерв. Однако и этот приказ просуществовал совсем не долго и в свою очередь был отменен на следующем заседании Военного совета ООР.

В ночь на 1 октября в Одессу наконец прибыл заместитель наркома ВМФ вице-адмирал Левченко, который и отдал распоряжение об экстренном созыве Военного совета.

Состав участников заседания был тем же, что и накануне, с той лишь разницей, что теперь пригласили и командира Одесской военно-морской базы Кулишова. Заседание Военного совета открыл Жуков, который сообщил, что получена директива ставки об эвакуации Одессы, и зачитал ее:

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 002454 КОМАНДУЮЩИМ ЧЕРНОМОРСКИМ ФЛОТОМ, ОДЕССКИМ ОБОРОНИТЕЛЬНЫМ РАЙОНОМ, 51-й ОТДЕЛЬНОЙ АРМИЕЙ, НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА ОБ ЭВАКУАЦИИ ОДЕССКОГО ОБОРОНИТЕЛЬНОГО РАЙОНА

30 сентября 1941 г. 01 ч. 10 мин.

В связи с угрозой потери Крымского полуострова, представляющего главную базу Черноморского флота, и ввиду того, что в настоящее время армия не в состоянии одновременно оборонять Крымский полуостров и Одесский оборонительный район, Ставка Верховного Главнокомандования решила эвакуировать Одесский район и за счет его войск усилить оборону Крымского полуострова.

Ставка приказывает:

Храбро и честно выполнившим свою задачу бойцам и командирам Одесского оборонительного района в кратчайший срок эвакуировать войска Одесского района на Крымский полуостров.

Командующему 51-й Отдельной армией бросить все силы армии для удержания Арабатской Стрелки, Чонгарского перешейка, южного берега Сиваша и Ишуньских позиций в своих руках до прибытия войск Одесского оборонительного района.

Командующему Черноморским флотом приступить к переброске из Одессы войск, материальной части и имущества в порты Крыма — Севастополь, Ялта и Феодосия, используя по своему усмотрению и другие удобные пункты высадки.

Командующему Черноморским флотом и командующему Одесским оборонительным районом составить план вывода войск из боя, их прикрытия и переброски; при этом особенное внимание обратить на упорное удержание обоих флангов обороны до окончания эвакуации.

Командующему Одесским оборонительным районом все, не могущее быть эвакуированным, вооружение, имущество и заводы, связь и рации обязательно уничтожить, выделив ответственных за это лиц. По высадке в Крыму войсковые части Одесского оборонительного района подчинить командующему 51-й Отд. армией.

Получение и исполнение подтвердить.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН

Б. ШАПОШНИКОВ (411)

Закончив чтение директивы, Жуков предложил: «Я думаю, обсуждать и обмениваться мнениями будем после выступления Гордея Ивановича».

После этого коротко выступил заместитель наркома ВМФ:

«Части 51-й армии под натиском противника отошли на рубеж села Ишунь... По существу, там нет надежных оборонительных сооружений, и угроза захвата Крыма противником становится реальной. С потерей Крыма мы можем потерять и Одессу, так как питать Одессу с Кавказа, если враг захватит крымские аэродромы, будет почти невозможно. Военный совет флота доложил о сложившейся обстановке в Ставку Верховного Главнокомандования и внес свои предложения. Пока борьба за Крым идет на Перекопе, есть возможность организованно вывести войска из Одессы и усилить ими оборону Крыма. Потеря Одессы, как доложил Военный совет флота в Ставку, если Крым нам удастся удержать, — меньшее зло. Предложение Военного совета флота об эвакуации Одессы и переброске войск в Крым Ставкой Верховного Главнокомандования принято. Теперь наша задача — решить, как наилучшим образом выполнить директиву Ставки.

— *А не слишком ли торопятся товарищи с нашей эвакуацией?* — спросил Жуков.

— *Но, видимо, с потерей Крыма утрачивается смысл удерживать Одессу,* — возразил Воронин.

— *Угроза потери Крыма не есть еще сама потеря,* — сказал Колыбанов. — *Над Одессой не раз нависала угроза захвата, а ведь держимся... Может быть, удержим и Крым?.. Мы ведь убедили всех, что Одессу не сдадим, что Одесса есть, была и будет советской. И вдруг — самим уходить... Дела-то наши здесь пошли на улучшение. Тут надо все взвесить...*

Азаров обратился с похожими вопросами к самому Левченко:

— *Вы были в Крыму в последние дни? Неужели там настолько безнадежная обстановка? Неужели потеря Крыма неотвратима?*

— *Да, обстановка в Крыму тяжелая. Я объездил его весь. Был на Перекопе. В районе Ишуни. И должен прямо сказать: с теми силами, которые есть в Крыму, надежды удержаться на Ишуньских позициях нет. Потеря Крыма повлечет за собою потерю Одессы. Морские коммуникации будут под постоянными ударами авиации противника. Он незамедлительно посадит свою авиацию на аэродромы Крыма. Вся трагедия в том, что там нет сил, которые могли бы сдержать противника. Пятьдесят первая армия не в состоянии... Для того чтобы вы яснее поняли обстановку, могу вам сообщить следующее: Военный совет флота доложил в Ставку, что положение пятидесят первой армии на грани катастрофы, часть ее дивизий без ору-*

жия, командование чувствует себя неуверенно, войска уже отходят к Ишунь, где нет надежных оборонительных сооружений; усилить войска можно только за счет Одессы. По-моему, решение Ставки единственно правильное и торопливости в нем никакой нет.

— Но может быть, все-таки следовало бы просить, — обратился к нему Жуков, — чтобы нас оставили в Одессе? Как вы на это смотрите?

— Надо все взвесить, — сказал Азаров

— Я такую телеграмму подписывать не буду, — сказал Воронин. — А что, если с боем прорваться к Николаеву и пробиться в Крым? Как вы, Георгий Павлович, смотрите на это? — обратился он к Софронову.

— Эта идея заслуживает внимания, — ответил Софронов. — Армаду, которую создали мы в Одессе, трудно будет эвакуировать морем, тем более что авиация противника активно действует на коммуникациях.

К единому мнению члены Военного совета так и не пришли. Предложение Воронина прорваться в Николаев никто не поддержал. Так как директивой Ставки ответственность за вывод войск ООР из боя и выбор способа их переброски в Севастополь переключались на командование ООР, а ошибка в принятии такого решения могла привести к гибели Приморской армии, было решено прервать заседание, чтобы еще раз все взвесить и спокойно обдумать.

Пока шло заседание, из Севастополя в штаб ООР стали поступать сообщения, что транспорты из портов Крыма и Кавказа выходят порожняком в Одессу: Военный совет флота уже приступил к выполнению директивы Ставки об эвакуации.

Поэтому медлить дальше становилось неудобным. К приходу транспортов Военный совет должен был принять какое-то решение. Отмалчиваться дальше означало ставить под угрозу выполнение директивы Ставки.

Через несколько часов после перерыва члены Военного совета вновь собрались у Жукова. К этому времени у командующего ООР уже имелось собственное решение.

— Я предлагал послать телеграмму с просьбой оставить нас в Одессе, — сказал Жуков. — Но взвесив все «за» и «против», пришел к выводу, что этого делать не следует. Я как командующий должен точно выполнить требование Ставки и призываю всех вас к этому... Транспорты уже идут в Одессу. Нужно не только подчиниться, но и сделать все, чтобы успешно решить поставленную задачу.

После такой постановки вопроса все члены Военного совета согласились с доводами Жукова.

— *Я очень рад,* — заключил Жуков, — *что у всех нас единое мнение. Теперь нужно решить, какие части и как будем эвакуировать, ориентировочно определить сроки эвакуации, продумать, как обеспечить скрытность.*

Во время заседания была получена еще одна телеграмма из Севастополя, адресованная вице-адмиралу Левченко и Военному совету Одесского оборонительного района. В ней передавались указания наркома ВМФ, касающиеся отхода из Одессы.

Также не приняв какого либо решения, но сообразовавшись с директивой Ставки, нарком обращал внимание на то, чтобы при эвакуации Одессы не повторилась трагедия Таллина, и требовал соблюдения скрытности по крайней мере в начале эвакуации.

Перед уходом последнего эшелона было приказано нанести противнику сильный удар, создав видимость наступления, и тем самым вынудить его в момент ухода Приморской армии заняться приведением себя в порядок; заранее подготовить к взрыву и поджогу все военные объекты. В качестве пункта высадки рекомендовалась Ак-Мечеть, но при этом предлагалось продумать вариант высадки в тыл перекопской группировки противника, в первую очередь 3-го морского полка.

Посоветовавшись, члены Военного совета решили, что одновременно с эвакуацией следует проводить уже практически подготовленное наступление в Южном секторе, но теперь уже с задачей дезориентировать противника.

Учитывая пожелания Кузнецова, эвакуацию решили начать немедленно, с отправки наиболее укомплектованной 157-й стрелковой дивизии и приданной ей артиллерии, в несколько раз более значительной силы, чем 3-й морской полк, о котором шла речь в указаниях наркома. Вице-адмирал Левченко одобрил это решение.

Разработку плана вывода войск из секторов и постепенной эвакуации из Одессы решили возложить на генерал-лейтенанта Софронова и ежесуточный план эвакуации утверждать Военным советом. Начать эвакуацию запланировали уже 1 октября.

Сразу же после заседания Военного совета к контр-адмиралу Жукову были приглашены командир и комиссар 157-й стрелковой дивизии.

Они были ошеломлены сообщением Жукова о предстоящей эвакуации. — *А нельзя ли нам остаться пока в Одессе, хотя бы не первыми уходить?* — поинтересовался у него Томилов.

— *К сожалению, нельзя.*

Командиру дивизии было приказано направить в порт 633-й стрелковый полк через несколько часов, учтя время, необходимое на посадку и погрузку, чтобы затемно 1 октября он смог уйти из Одессы. Так как заранее переброска полка не планировалась, для этой цели было решено использовать два находившихся в это время в порту транспорта — «Украину», только что привезшую боеприпасы, и «Жан Жорес», доставивший продовольствие.

Следующей ночью планировалось отправить 716-й полк. Полки должны были уходить со своей артиллерией, тыловым хозяйством и кухнями.

Томилов предложил прикрыть отход дивизии с позиций своим лучшим, 384-м полком, которым командовал полковник Соцков. Согласившись с этим, Жуков решил пойти чуть дальше и оставить 384-й полк, как и часть дивизионной артиллерии, для участия в наступлении 2 октября.

Легкий артиллерийский полк 157-й дивизии решено было выводить побатарейно по такому маршруту, который не выдавал бы его движения в порт. Такое же решение было принято и в отношении 422-го гаубичного тяжелого полка. Но и его эвакуация предусматривалась лишь после того, как он поддержит огнем наступление 2 октября. Несколько позже была отложена и эвакуация 716-го СП, который до окончания контрудара в Южном секторе решено было оставить в качестве армейского резерва.

ОТВЛЕКАЮЩИЙ УДАР ПОД ДАЛЬНИКОМ (2—4 ОКТЯБРЯ)

После того как на Военном совете было решено не отменять ранее запланированный контрудар в Южном секторе, план операции пришлось значительно изменить. Теперь осуществить наступление предстояло меньшими силами, чем предполагалось ранее, так как рассчитывать на участие в нем 157-й дивизии в полном составе не приходилось. И цель операции была уже иной — дезориентировать противника, скрыть от него начавшуюся эвакуацию. В 14 часов 15 минут 1 октября командующий Приморской армией отдал приказ о переходе с утра 2 октября в наступление в Южном секторе обороны. В своем дневнике генерал-лейтенант Софронов красочно сформулировал задачи предстоящей операции: *«Сегодня день большой подготовительной работы. Завтра, 2.Х. — наступление... с задачей разгромить противника против нашего левого фланга (412),*

уничтожить и захватить его материальную часть. Глубина операции 5—6 км, с ограниченной целью — набить морду противнику, пугнуть его «Р» — дивизионом 8-го гвардейского полка, а потом самим приступить к выполнению новой директивы».

Перед тем как приказ о наступлении был отдан, Военный совет ООР заслушал доклад начальника штаба Приморской армии полковника Крылова о готовности войск к наступлению.

25-й Чапаевской дивизии, которой были приданы 384-й стрелковый полк 157-й дивизии, 422-й гаубичный полк, прибывший в Одессу вслед за 157-й дивизией и в боях еще не участвовавший, 265-й корпусной артиллерийский полк, танковый батальон старшего лейтенанта Юдина, гвардейский дивизион реактивных минометов и два дивизиона 397-го артиллерийского полка, предстояло наносить главный удар, наступая в общем направлении на Ленинталь, и овладеть хутором Дальницкий.

2-я кавалерийская дивизия, удар которой являлся вспомогательным, получала несколько меньше средств усиления — ей придавались 99-й гаубичный полк, 1-я батарея береговой обороны Одесской военно-морской базы и бронепоезд «За Родину». Она должна была овладеть рубежом безымянной высоты в километре от Ленинтала и Кляйн-Либенталем.

Начало наступления намечалось на 10 часов утра после артиллерийской подготовки и залпов гвардейского минометного дивизиона. Заместитель наркома Левченко принял решение остаться в Одессе для наблюдения за контрударом.

25-я стрелковая и 2-я кавалерийская дивизии с приданными им частями в ночь на 2 октября заняли исходные позиции для наступления.

Поздно вечером на КП армии приехал генерал-майор Петров. На это он испросил разрешения у командарма, после того как получил боевой приказ и плановую таблицу боя. Командир Чапаевской дивизии, решавшей завтра основную задачу, хотел о чем-то переговорить лично с Софроновым.

День, полный переживаний для всех, кто был ознакомлен с директивой Ставки, принес Софронову еще и большое личное горе: в штаб ООР пришла телеграмма о том, что на фронте, на Московском направлении погиб в бою его старший сын. Связисты, ни с кем не посоветовавшись, вручили телеграмму командарму прямо за ужином.

Софронов встретил горе мужественно. Он сразу же вернулся к делам, выслушав доклад о подготовке к наступлению, сообщавший о том, что полки 95-й дивизии, выведившиеся во второй эшелон, снова

заняли оборону на переднем крае. Потом командующий долго наедине разговаривал с Петровым.

Содержание разговора Петрова с командармом осталось неизвестным, но после его ухода Софронов сказал начальнику штаба армии полковнику Крылову:

— *Тревожится Иван Ефимович за завтрашнее... Думаю, напрасно. Обещал быть к утру у него на КП...*

Скорей всего Петрова смущало выключение из плана наступления двух полков 157-й СД, об эвакуации которой он еще не знал.

Отпустив Крылова, Софронов сказал, что еще «помозгует» над планом вывода из боя основных сил армии. Он остался работать над ним до утра.

Ясности по этому вопросу пока не было. На протяжении дня командарм несколько раз обсуждал план вывода войск с Жуковым, предлагаемые меры не устраивали командующего ООР и Софронов снова садился за расчеты: принять окончательное решение пока не удавалось. Бессонная ночь для Софронова была уже второй подряд — после приезда Левченко в штабах никто не спал.

Несколько часов спустя за полковником Крыловым пришел адъютант Софронова, старший лейтенант Шанин: командующий хотел дать какие-то указания. Когда Крылов вошел к командарму, Софронов сидел за рабочим столом в расстегнутом кителе, как-то неестественно откинувшись набок. Пальцы лежавшей на бумагах руки стиснули дымящуюся папиросу. Генерал был очень бледен.

— *Что с вами, Георгий Павлович?* — встревожился начальник штаба. — *Вызвать врача?*

— *Погоди, сейчас пройдет,* — не очень внятно проговорил Софронов, не меняя позы. — *Резануло сейчас по сердцу, будто ножом...*

Шанин, вошедший вслед за Крыловым, бросился за врачом. Выглянув в коридор, Крылов подозвал двух первых попавшихся работников штаба, и вместе они уложили командарма на стоявшую в нескольких шагах от стола койку. Через несколько минут появились дежурный врач и медсестра. Софронов впал в полузабытье. Быстро принесли и стали устанавливать над койкой кислородную палатку. Врач шепотом сказал Крылову, что у командующего, по-видимому, инфаркт.

На командный пункт к генералу Петрову, куда собирался Софронов, для непосредственного контроля над операцией к 9 часам утра выехали заместитель наркома ВМФ Левченко, командующий ООР Жуков, члены Военного совета Колыбанов и Азаров.

Телефонной связи с Петровым не было, работал только буквопечатающий аппарат СТ-35. За сорок минут до начала контрудара Крылов прочел с ленты телеграмму Петрова: комдив Чапаевской докладывал, что из-за неготовности 422-го гаубичного полка вынужден перенести артподготовку и наступление на один час. (413)

Не считая этой поправки, дальше все шло по плану. 20-минутную артподготовку в 9.40 начали залпы «катюш», эффект действия которых во многом зависел от неожиданности их применения. Дивизион сэкономил боезапас и произвел за день всего 5 залпов. Затем огонь открыли береговые батареи, гаубичные полки, артиллерия атакующих дивизий, а на участке наступления 25-й дивизии — еще и арtdивизионы Западного сектора. В 10.00 25-я стрелковая дивизия одновременно с 384-м полком и кавдивизией перешли в наступление.

Наступление началось по плану и развивалось успешно. (414).

На участке, обработанном гвардейскими минометами, противник сразу оставил первую линию обороны, начав беспорядочный отход. 384-й стрелковый полк прорвал линию обороны противника и продвигался в направлении хутора Дальницкий. На некоторых участках противник побежал. Танкисты Юдина ворвались в Ленинталь. Кавдивизия, встретив сильный и организованный отпор противника, закрепившегося на высотах 66,6, 54,7, 48,7, продвинулась совсем незначительно, и левый фланг контрудара сразу стал отставать от правого.

Крылов оставался на командном пункте армии. Когда выдавалась свободная минута, он справлялся о состоянии командующего. Врачи, дежурившие около него, докладывали: больной спокоен, дремлет, его состояние не ухудшается. Становилось очевидным, что в наиболее критические для обороны Одессы дни, когда надо было, продолжая бои, постепенно отправлять войска в Крым, командарм выбыл из строя.

Танковый батальон старшего лейтенанта Юдина, состоявший в основном из бронетракторов (415), прорвался через позиции 2-го полка 1-й пограничной дивизии румын, усиленного 8-м и 36-м пулеметными батальонами. 1-й батальон румынского полка в беспорядке отступил, понеся значительные потери от огня преследовавших его танков. Впоследствии в донесении Юдина сообщалось о том, что батальон в ходе боя уничтожил до тысячи солдат противника. Цифра, конечно, была явно завышенной, но тем не менее танки нанесли 2 октября противнику наибольший урон за все время их участия в боевых действиях под Одессой.

Однако во время прорыва румынам удалось фланговым огнем отсечь от батальона пехоту. Оставшись без пехоты, танки Юдина,

преодолев отдельными группами передовые позиции противника и обстреливая отходящего противника, сосредоточились к западу от Ленинталя, скопившись в низине, где они были защищены от огня противотанковых орудий.

Ситуация, в которую попал батальон, во многом напоминала ту, в которой румынские танки оказались под Карпово. Не дождавшись пехоты и оказавшись изолированным во вражеском тылу, батальон должен был теперь прорываться в обратную сторону.

На пути его отхода румыны успели сосредоточить значительное количество полевой и противотанковой артиллерии. Тихоходные бронетрактора вынуждены были двигаться прямо на позиции вражеской артиллерии.

Снаряды румынских пушек легко пробивали слабую броню, но у батальона не было другого выхода, кроме как прорываться прямо через вражеские батареи. Румынские артиллеристы расстреливали бронетрактора в упор, но затем прислуга вражеских орудий разбежалась, бросив пушки, когда танки ворвались на их позиции. Батальон потерял в бою до трети танков (416), в том числе и танк комиссара батальона. Сам комиссар батальона, старший политрук Мазолевский пропал без вести. (417)

На захваченных позициях танкистам достались богатые трофеи. Согласно поданному комбатом донесению, было захвачено 24 орудия различных калибров, которые буксировали все сохранившие ход танки, а также пулеметы и минометы, которые, чтобы увезти, пришлось крепить на танки и буксируемые ими орудия.

Во второй половине дня сопротивление противника стало нарастать. Ошеломленные в первые часы внезапностью удара обеих дивизий и мощью сосредоточенного огня артиллерии, перегруппировавшись, румыны надежно закрепились на 2-й оборонительной линии. (418)

Выполнив в полосе дивизии ближайшую задачу, генерал Петров в 17 часов приостановил наступление. Он доложил командующему ООР, что должен привести в порядок и выровнять части, ликвидировать образовавшиеся разрывы.

Как и во время контрудара в Восточном секторе 22 сентября, из-за неравномерного продвижения атакующих частей в наступлении к середине дня возникла пауза, необходимая в этот раз для сокращения разрыва с кавдивизией. На это, как и в прошлый раз, ушло около 2 часов. Но если во время удара в Восточном секторе румыны не успели за это время подтянуть резервы, расположенные относительно далеко, то в этот раз передышка была активно использована обеими сторонами.

После проведенной перегруппировки и принятия Петровым решения о продолжении с 19 часов наступления, добиться значительного продвижения войскам уже не удалось. Принятое без учета сложившейся обстановки решение уже не отвечало изменившимся обстоятельствам.

Румыны немедленно начали контратаки, опираясь о второй оборонительный рубеж. 384-й СП, наиболее боеспособный из всех частей, участвовавших в наступлении, отразив контратаку румынского батальона, попробовал продолжать наступление, имея задачу взять высоту 75,8. Полк был остановлен, не дойдя до нее на южных скатах высоты 72,5 и южных окраинах хутора Дальницкий, где был вынужден закрепиться и перейти к обороне. После прекращения наступления румыны снова возобновили контратаки и, интенсивно обстреливая позиции полка, стали пытаться обойти его с правого фланга. Находясь под перекрестным огнем, подразделения полка несли большие потери. К концу дня полк потерял треть личного состава.

287-й СП, отбив атаку румынского батальона, поддерживаемого двумя танками, закрепился, опираясь на высоту 63,1, имея перед собой части противника, приблизительно равные ему по численности. (419)

31-й СП не был контратакован, но взять находившиеся перед его фронтом высоты 42,1 и 48,0 тоже не смог. Огневых средств, имевшихся в полку и приданных ему, было явно недостаточно, чтобы подавить многочисленные огневые точки, ведущие интенсивный огонь с обеих высот.

Оба полка 25-й дивизии также понесли большие потери. 350 человек было потеряно ранеными, число убитых мне выяснить не удалось.

Учитывая создавшееся положение и значительность сил, которые противник успел сосредоточить на 2-й линии обороны, Петров решил не вводить в бой 54-й СП, находившийся в резерве, и в 21.00 прекратил наступление.

Во 2-й кавалерийской дивизии положение было еще более тяжелым. Части дивизии и до перерыва в наступлении сильно отставали от своего правого соседа — 25-й СД. После приостановки наступления румыны перешли в контратаки и на ее участке. В 18.30 превосходящие силы противника с высоты 66,8 атаковали 15-й КП, смяв его правый фланг. Занимавший его эскадрон отошел на позиции, занимаемые им до наступления, остальные эскадроны укрепились на высоте 54,7, успешно отражая атаки противника. Между батальонами полка образовался опасный разрыв. (420)

Опасаясь уничтожения полка по частям, командир дивизии ввел в бой свой резерв — 7-й полк, поставив ему задачу занять высо-

ту 66,8, на которую опирался противник, действуя против правофлангового батальона 15-го КП.

Нанеся удар из-за правого фланга 15-го КП, 7-й полк, в свою очередь обойдя румын, отбросил их к высоте 66,8, но взять ее не смог. Румыны, заняв господствующие высоты вели по подразделениям полка сильный огонь как с атакуемой им высоты, так и с соседней высоты 42,1.

Чтобы не нести излишних потерь полк, прекратил наступление и стал закрепляться в полукилометре перед высотой 66,8. (421) На участке прорыва, отодвинувшего линию фронта в западном направлении на 6 км от Одессы, установилось неустойчивое равновесие. (422) Отразив все контратаки, 25-я СД и 384-й полк Аксенова к ночи прочно закрепились на линии, проходившей через хутор Дальницкий и гряды отлогих холмов западнее Дальника.

Понесенные во время контрудара потери оказались значительно выше сентябрьских. 384-й полк потерял треть своего состава, другие части — несколько меньше. Несмотря на обилие захваченных трофеев, в которые, по донесениям Петрова входили 44 орудия, и уничтожение «не менее четырех батальонов пехоты», достигнутое положение из-за понесенных потерь не было прочным. Понесшие большие потери войска без поддержки корабельной артиллерии, не достававшей до Ленинталя, и флотской авиации, переставшей «ходить из Крыма» с начала боев на Перекопском перешейке, отбили румынские контратаки с большим трудом.

Ночью на участок прорыва была переброшена свежая 27-я пехотная дивизия румын и введен в бой ее 35-й пехотный полк, а два полка и пулбат 1-й пограндивизии сменили части 1-й гвардейской дивизии в районе хутора Дальницкий, после чего противник возобновил контратаки, нанося основной удар на правом фланге 25-й СД.

К 8.30 утра небольшие группы румын прорвались к высоте 68,5 в 1,5 км восточнее хутора Дальницкий.. (423). Для ликвидации прорыва в бой был введен 1-й батальон 54-го стрелкового полка. (424) В связи с нехваткой огневых средств Петровым, фактически осуществлявшим все руководство боевыми действиями в Южном секторе, в бой был введен бронепоезд «За Родину!», пытавшийся своим огнем прижать пехоту противника к земле и подавить часть его огневых средств.

Бронепоезд действовал на участке от 1-й заставы до Сухого лимана и Татарки, поддерживая 2-ю кавалерийскую дивизию полковника Новикова, находившуюся в наиболее тяжелом положении. Базировался бронепоезд на 2-й заставе. Сначала он вел огонь с позиции

16-й железнодорожной батареи, а затем, чтобы поддержать части на восточном берегу Сухого лимана, командир бронепоезда лейтенант Чечельницкий повел его на Овидиопольскую ветку, откуда открыл огонь по боевым порядкам противника, непрерывно маневрируя и иногда подходя к переднему краю на 500 м. Ответным огнем румынской полевой артиллерии были повреждены одна из бронеплощадок и паровоз. Попаданием в бронеплощадку был выведен из строя расчет 76-мм орудия. Тяжело ранило лейтенанта Маркова и четырех бойцов. Загорелись ящики с боеприпасами.

Уцелевшие бойцы сбросили их с бронеплощадки, предотвратив взрыв. Военфельдшер Большаченко и медсестра Литвиненко пробрались из своего вагона на бронеплощадку и вовремя оказали раненым первую помощь. Снарядом пробито тендер, из котла вытекала вода. Старый машинист Богатов, более тридцати лет проработавший на транспорте, сумел, экономно расходуя воду, маневрировать до израсходования боеприпасов. Расстреляв боезапас, бронепоезд своим ходом отошел к 1-й заставе, откуда его на буксире отвели на ремонт. Поддерживал части Южного сектора и бронепоезд № 21 под командованием капитана Конгура, он обстреливал пехоту и огневые точки противника в районе высоты 48,7.

Но потери постоянно росли, и удерживать увеличившийся в результате наступления участок фронта 25-й стрелковой дивизии становилось все труднее. (425) В течение ночи на 4 октября части дивизии и действовавший совместно с ней 384-й СП вынуждены были отойти на исходные позиции, которые они занимали перед наступлением 2 октября. При этом дивизии пришлось произвести и частичную перегруппировку. Участвовавшие в контрударе полки 157-й СД: 384-й стрелковый и 422-й гаубичный были отведены в армейские тылы для дальнейшей отправки в Крым.

К рассвету 4 октября 384-й полк сосредоточился на станции Застава в готовности к посадке на корабли. На передовой его сменил 54-й полк Чапаевской дивизии. Однако 4 октября в Крым удалось отправить только 422-й гаубичный артполк, вывезенный на военном транспорте «Волга». На выделенный же для транспортировки 384-го СП крейсер «Красный Кавказ» вместо него погрузили по распоряжению командования ООР наиболее ценное имущество, предназначенное для эвакуации, что вызвало бурную реакцию командующего флотом, сообщившего Жукову: *«Не для этого я посылаю вам крупный боевой корабль»*. 384-й стрелковый полк удалось отправить только на следующий день, тремя судами, вывозившими тылы Приморской армии.

В целом второй контрудар Приморской армии получился значительно слабее первого и имел только демонстрационное значение. Без мощной артиллерийской и авиационной поддержки и без участия в ударе 157-й СД дивизии, как это первоначально планировалось, рассчитывать на успех было трудно. После ввода противником в бой новой дивизии удержание позиций становилось невозможным.

Несмотря на понесенные потери 384-й полк сохранил боеспособность, как это и предусматривалось первоначальным замыслом Софронова в соответствии с указаниями Левченко. Организация этого контрудара была значительно лучше неудачного контрнаступления под Кагарлыком, и несмотря на то, что удержаться на захваченных позициях частям 25-й дивизии не удалось, ее отступление не привело к катастрофическим последствиям и сохранило основные силы частей, участвовавших в контрнаступлении.

Этот контрудар показал, что командование Приморской армии научилось за два месяца жестоких боев эффективно управлять войсками даже в таких сложных условиях, как при нанесении контрудара без необходимого численного превосходства.

ПРИКРЫТИЕ ЭВАКУАЦИИ (3—14 ОКТЯБРЯ)

После нанесения второго контрудара румынские войска в Южном секторе оказались в том же положении, в которое их коллеги 10 днями раньше угодили в Восточном. Перейдя к обороне и интенсивно укрепляя позиции, на которые им пришлось отойти, румыны лихорадочно искали резервы, способные стабилизировать положение на передовой. Южный сектор в эти дни являлся наиболее важным для обеих сторон, и активные боевые действия после наступления под Ленинталем велись только в нем.

1-я гвардейская дивизия, находившаяся перед правым флангом 25-й СД, была выведена в тыл, и ее участок заняла в дополнение к своему 1-я пограничная дивизия, которая располагала всего двумя боеспособными полками — 2-м и 5-м, и поэтому была усилена 6-м пулеметным батальоном.

Потрепанные румынские дивизии удерживали крайне маленькие участки фронта. На всем протяжении Южного сектора теперь находились в одноэшелонном порядке 7 пехотных дивизий, в то время как частям Западного сектора противостояли 3 пехотных дивизии, а в Восточном секторе против наиболее слабой 421-й СД оборонялись 1-я и 13-я пехотные и 1-я кавалерийская дивизии.

В такой ситуации, без получения пополнений, румынские войска были не в состоянии перейти к широкомасштабным наступательным действиям. Румыны сильно укрепили господствующие высоты на участках своих дивизий и, опираясь на них, заняли прочную оборону. 2-я кавалерийская дивизия, пытавшаяся 3 октября потеснить румын с трех занимаемых ими перед фронтом дивизии высот, ни одной из них занять не смогла. (426)

Командование ООР, после того как задачей армии стало продержаться до 20 октября, при этом сокращая линию фронта в соответствии с эвакуацией удерживающих ее частей, значительно спокойнее относилось к планам тактических отходов на более выгодные рубежи. Генерал-майору Петрову удалось получить разрешение на такой отход для частей 25-й СД. По иронии судьбы смена позиций сразу показала преимущество подобной тактики. Румынское командование, привыкшее, что советские части отходят только в самом крайнем случае, решило попытаться счастья и ввело в бой свежий 75-й пехотный полк 27-й пехотной дивизии, только вчера прибывшей из-под г. Бражов и находившейся во втором эшелоне. Попытка закончилась плачевно — 3-й батальон полка был полностью разгромлен подразделениями 287-го СП. (427)

Однако количество войск, защищающих рубежи Южного сектора, уменьшалось, участвовавшие в контрударе 384-й СП 157-й СД и 422-й гаубичный артполк отводились в тыл для последующей эвакуации, и командованию армии пришлось принимать дополнительные меры, чтобы сделать линию фронта максимально прочной.

В ночь на 4 октября было принято еще более радикальное решение — отвести 25-ю СД на исходные позиции. Это объяснялось тем, что прежний участок обороны дивизии имел на треть меньшую протяженность, что становилось особенно важным в условиях эвакуации 157-й СД. (428)

При этом прежний участок был сильно укреплен, опирался на господствующие высоты, имел более удобную в оборонительном отношении конфигурацию и был более удобен для жесткой обороны.

Вместе с тем командование ООР не собиралось полностью переходить к оборонительной тактике. Весь день 4 октября 2-я кавдивизия продолжала попытки овладения тремя высотами, находившимися перед ее фронтом, и снова не добилась особых успехов. (429) Удары дивизии отвлекали на себя значительные силы противника. Румыны бомбили и обстреливали кавалеристов с воздуха и при поддержке своей артиллерии переходили в контратаки. Около 4 часов дня ка-

валеристам удалось занять одну из высот — 66,8, но через три часа она была снова занята противником. (430) К концу дня части дивизии обошли высоту с севера и с юга. Но после того как ночью румыны активизировали действия южнее этого участка, кавдивизии стало уже не до наступательных действий. (431)

События румынского контрудара, нанесенного 5 октября в Южном секторе, ввиду своей важности рассмотрены в отдельной главе. После того как прорыв противника был ликвидирован, а его последствия устранены, в секторе установилось затишье, продолжавшееся два дня. В других секторах противник активных действий также не вел, так как не располагал для этого достаточными силами.

Ввиду того, что фронт в Южном секторе был максимально приближен к окраинам города и по результатам локального удара, нанесенного ими 5 октября на левом фланге Южного сектора, румыны по-прежнему считали его наиболее перспективным и постепенно производили замену потерявших боеспособность частей на свежие. Командование же Приморской армии продолжало проводить подготовку линии фронта к предстоящей эвакуации войск.

Вечером 7 октября командование 421-й СД дивизии получило указание выделить один батальон в армейский резерв для парирования возможных ударов противника. (432) С целью «уплотнения боевого порядка» для 95-й СД протяженность обороняемого участка решено было сокращать, что позволяло увеличить концентрацию огневых средств, а также повысить устойчивость обороны за счет использования в системе обороны дивизии трех населенных пунктов и двух высот.

Этим же вечером командование 95-й СД получило распоряжение *«отвести частично правый фланг дивизии на заранее подготовленный рубеж: Грязелечебница—Гниляково—Б. Дальницкая»*. К утру 8.10.41 г. 241-й СП также выводился в армейский резерв и сосредоточивался в районе хутора Бурды. (433) Оставив от каждого батальона по взводу в качестве прикрытия, дивизия к утру 8 октября без особых проблем заняла новый оборонительный рубеж.

А для 25-й СД, согласно принятому к этому времени плану двухэтапной эвакуации, было решено протяженность позиций, наоборот, увеличить — за счет передачи ей участка 2 КД. Однако учитывая серьезность такого шага, перед принятием решения командир 54-го СП и 3-го батальона 3-го морского полка, которым передавался ее участок, должны были «с рассветом 9.10.41 г. произвести рекогносцировку оборонительного участка 2-й КД на предмет предстоящей смены частей 2-й КД частями 25-й СД». (434)

Однако начавшиеся 9 октября тяжелые бои в Южном секторе (435) наглядно показали, что идея отвода 2-й КД абсолютно неосуществима, как и весь план поэтапной эвакуации. Это еще больше осложнило положение частей ООР и их командования. Войска Приморской армии не имели возможности исполнять распоряжения, связанные с поэтапной эвакуацией из-за противодействия противника, и не имели приказа на подготовку к одномоментной эвакуации.

После того как к ночи положение в секторе удалось стабилизировать, на фронте наступило кратковременное затишье. Утром 10 октября противник значительных действий не предпринимал, но в 14.30 перешел в наступление на участках 25-й и 95-й СД, силами двух батальонов прорвав фронт 90-го СП в районе хутора Кабаченко, но был отброшен ударом полкового резерва. Части правого фланга 25-й СД в районе высоты 61,7 также несколько отошли назад. Вечером румыны предприняли две попытки перейти в наступление на участке 25-й СД, но оба раза были остановлены артиллерийским огнем еще до того, как смогли приблизиться к советским позициям. (436)

Захваченный в этот день разведчиками пленный показал, что 6 октября на «Одесский фронт» прибыла 18-я пехотная дивизия в составе 90-го, 91-го и 92-го пехотных полков и три артполка.

Ночью части 25-й и 95-й СД пытались восстановить положение на своих участках, но утром румыны снова контратаковали. На рассвете 11 октября до двух рот противника вклинилось в передний край 25-й СД севернее высоты 61,7. В 9.00 они нанесли удар в Западном секторе на участке 90-го СП и после упорного боя захватили Холодную Балку.

В 11.30 румыны попытались развить успех в Южном секторе. Два батальона без артподготовки внезапно перешли в атаку. Как сообщили в штаб армии командование сектора: «Впереди шел поп с крестом в руке». Сосредоточенным огнем артиллерии обеих дивизий Южного сектора румын удалось отбросить на исходные позиции, причем атака была быстро свернута на почтительном расстоянии от советских окопов.

В Восточном секторе в это время происходило примерно то же самое. Два румынских кавалерийских эскадрона атаковали в пешем строю на участке 421-й СД и так же быстро отошли на исходные позиции.

Скорей всего обе атаки носили демонстрационный характер, и должны были предотвратить переброску сил в Западный сектор, где румыны уже больше двух часов вели наступление из района Гниляково, а затем и от Холодной Балки.

Части дивизии с трудом сдерживали натиск противника, опираясь на населенные пункты, расположенные южнее Холодной Балки. Срочно образованная артиллерийская группа под командованием начальника артиллерии 25-й СД полковника Пискунова своим огнем замедлила продвижение противника, стремившегося развить успех в южном направлении.

Перебрасывать резервы из других секторов командованию армии не пришлось, так как продвижение противника удалось остановить вводом в бой дивизионного резерва. Оборону частям 95-й СД облегчало наличие значительного количества населенных пунктов на этом участке. Подразделения дивизии укрепились на северо-западных окраинах Андреевки, западной окраине Гниляково, на станции Дачной и на хуторе Кабаченко. Румыны пытались штурмовать все 4 населенных пункта, но захватить ни один из них не смогли. К вечеру атаки противника ослабели, после чего части 95-й дивизии попытались контратаковать сами, но без особого успеха. (437)

Ночью румыны возобновили атаки на подразделения 90-го СП в районе хутора Кабаченко, а с 10 часов утра 12 октября начали мощный артобстрел Андреевки, продолжавшийся 2 часа. Бой за село продолжался больше 4 часов. Дальнейшее удерживание села, все плотнее охватывавшегося румынами, могло привести к большим потерям.

В этой ситуации командование армии, зная, что в Одессу выехал член Военного совета ЧФ Кулаков, в задачи которого входило оценить обоснованность изменения сроков и порядка эвакуации, приняло решение не защищать Андреевку до последнего, а отвести подразделения 95-й СД на 500 м юго-восточнее Андреевки. Это давало румынам возможность охватить не только западные, но и восточные окраины Гниляково. Но в обстановке приближающейся эвакуации продвижение противника к окраинам Одессы с такой скоростью являлось приемлемым и допустимым.

В ночь на 13 октября, когда разрешение на изменение сроков эвакуации было наконец получено командующий армией, генерал-майор Петров отдал боевой приказ № 0034, в котором план одноэтапной эвакуации основных сил армии прямо увязывался с изменением обстановки на фронте:

«1. Противник, активизируя с 9.10.41 г. свои действия на всем фронте армии и вводя в бой свежие части, безуспешно пытается прорвать фронт и захватить Одессу.

2. По решению Ставки Верховного Главнокомандования Красной Армии части Приморской армии, героически и честно выполнившие

свои задачи, должны в кратчайший срок оставить Одессу и сосредоточиться для действий на новом направлении.

3. Во исполнение указаний Ставки Верховного Главнокомандования Красной Армии приказываю:

1. Отвод всех войск армии с занимаемого оборонительного рубежа для посадки на суда начать с 19.00 15 октября 1941 года...»

(438)

13 октября румыны продолжали прощупывать прочность советской обороны на отдельных участках. Командование ООР со своей стороны проводило мероприятия, имитирующие подготовку к наступлению. В порту под прикрытием дымовых завес создавалась видимость разгрузки транспортов, прибывающих для эвакуации, благо количество транспортов (439) было не слишком большим и не вызвало подозрений. Колонны укрытых брезентом грузовиков изображали переброску подкреплений в дивизионные тылы. В эфир выходили армейские рации с ранее не используемыми позывными.

Бомбардировочная авиация ЧФ вновь целиком переключилась на поддержку Одесского оборонительного района, чего не случилось с момента обострения обстановки в Крыму. Береговые батареи и армейская артиллерия усилили обстрел переднего края противника. Передний край румын в ночное время усиленно освещался ракетами, а в дневное — имитировались мероприятия по его доразведке и уточнению целей. Войскам был выдан трехдневный сухой паек и по 2,5 боекомплекта винтовочных патронов.

Предпринятые меры дали результаты. Утром 14 октября в штаб ООР стали поступать донесения о том, что румыны приступили к дополнительному укреплению переднего края. Причем это укрепление велось настолько активно, что противник задействовал большинство развернутых на передовой подразделений. Боевая активность противника резко снизилась, уменьшилась и интенсивность обстрела переднего края. В порту авиация противника еще 13 октября принялась бомбить прибывающие суда, пытаясь препятствовать мнимой выгрузке пополнений, и сумела повредить транспорт «Грузия».

Необычность принятого к исполнению плана и активные мероприятия по дезинформации привели к тому, что эффект внезапности был достигнут. Румынское командование, не исключавшее возможности эвакуации Приморской армии, также не могло исключить и возможность контрудара. Общее состояние войск 4-й румынской армии не позволяло проводить крупных наступательных действий, кроме случая отхода советских войск с занимаемых позиций.

А начав наступать после установления факта отхода советских войск румынское командование имело бы крайне малые шансы на успех — так как передний край был усиленно минирован и до полуночи прикрывался значительными (по 1200 человек от дивизии) арьергардами, поддерживаемыми огнем береговых батарей и боевого отряда кораблей ЧФ, в который входили крейсера «Червона Украина» и «Красный Кавказ» и эсминцы. Корректировочная группа эскадры ЧФ флота должна была эвакуироваться одной из последних.

В целом, несмотря на меняющуюся обстановку и разногласия с командованием ЧФ по поводу сроков и последовательности эвакуации основных сил армии, командование ООР смогло обеспечить эффективную оборону оборонительного периметра в крайне непростой, завершающий период обороны города.

ПОСЛЕДНЕЕ НАСТУПЛЕНИЕ (3—5 ОКТЯБРЯ)

Не достигнув в первый день контрнаступления под Дальником заметных успехов, 2-я кавдивизия весь следующий день пыталась выполнить поставленные накануне задачи, безуспешно штурмуя все три высоты, находящиеся перед ее фронтом. К вечеру 3 октября, по показаниям захваченных пленных, которые подтверждались документами, захваченными у убитых в бою офицеров, было установлено что *«высоты 66,8, 54,9 48,7 сильно инженерно оборудованы»*. (440)

Тем не менее наступление дивизии продолжилось и на следующий день. (441)

С 10 утра части дивизии возобновили наступление, по-прежнему пытаясь взять все три высоты сразу. Медленно, но неуклонно продвигаясь вперед, эскадроны, действовавшие в пешем строю, постепенно обошли высоту с флангов, выдвинулись к ее восточным скатам, сблизилась с противником, и на некоторых участках стали возникать рукопашные схватки. Воспользовавшись тем, что наступающие советские части находились в сфере действия минометного огня, румыны в районе высоты 66,8 осуществили комбинированный артиллерийско-минометный налет, сочетавшийся с бомбардировкой с воздуха, после чего силами одного батальона перешли в контратаку.

Однако этих сил не хватило на то, чтобы опрокинуть советские подразделения. Отрадив атаку противника огнем стрелкового оружия, эскадроны в 16 часов атаковали сами и сбросили румын с гребня вы-

соты. (442) Но превосходство в артиллерии, минометах и пулеметах на этом участке по-прежнему оставалось за противником. Больше трех часов румыны непрерывно вели обстрел гребня из всех имевшихся орудий, минометов и пулеметов, после чего около 20 часов перешли в наступление, уже более крупными силами, и снова захватили высоту. Упорный бой продолжался до полуночи. (443)

Не удержав высоту, части дивизии тем не менее смогли сохранить за собой позиции в 200 м севернее и южнее высоты. (444)

Ночью румыны нанесли внезапный контрудар на левом фланге дивизии, явившийся полной неожиданностью для ее командования. Около 3 часов ночи румынская пехота мелкими группами неожиданно форсировала Сухой Лиман, используя промежутки, не занятые частями, и полное отсутствие ночного наблюдения. Переправив таким образом на восточный берег целый батальон, румыны без артподготовки, быстрым ударом захватили винодельческую станцию в районе украинского института виноградарства и виноделия им. Таирова, являвшегося основным опорным пунктом 2-й КД на этом участке, и продолжали развивать наступление.

Комдив Новиков успел сообщить о прорыве в штаб ООР и попросил артиллерийской поддержки. Связь с полками уже была нарушена, и комдив принял довольно рискованное решение: взяв свой личный резерв, попытаться восстановить положение в районе винодельческой станции. После этого связь со штабом дивизии также оборвалась.

Командующий Одесской ВМБ контр-адмирал Кулишов приказал исполнявшему после гибели капитана 1-го ранга Иванова обязанности начальника штаба базы капитану 3-го ранга Деревянко организовать поддержку дивизии всеми возможными огневыми средствами. Деревянко приказал командиру 42-го артдивизиона Денненбургу к 5 часам утра отправить в штаб 2-й КД начальника штаба дивизиона капитана Терехова с корпостами 1-й и 39-й батарей и по указанию комдива открыть огонь. Корпост 411-й батареи оставлялся в резерве. Немного позднее к Новикову было решено отправить и флагманского артиллериста базы Филиппова.

Однако связь со штабом дивизии восстановить не удавалось, и вместо флагарта базы была выслана мобильная, хорошо вооруженная группа под командованием заместителя начштаба базы Бабурина, имевшая радиостанцию и телефонистов для прокладки в случае необходимости новой линии связи. Группа имела задачу уточнить обстановку и по возможности установить связь со штабом дивизии.

Ввиду неясности обстановки командование ООР не исключало и возможности глубокого прорыва противника вдоль берега. Такой

прорыв прежде всего представлял угрозу для береговых батарей и для самой военно-морской базы, так как винодельческая станция находилась сравнительно недалеко от Аркадии, где находились штаб и политотдел базы, а также часть ее тыловых подразделений.

В распоряжении штаба базы находился только 2-й морской полк, занимавшийся охраной флотских объектов. Однако полк был слабо вооружен и сильно недоукомплектован, так как за счет его состава постоянно пополнялся 1-й морской полк Осипова, ведущий активные боевые действия. Начальник штаба полка, майор Северин, получил распоряжение *«приготовить резервные подразделения к выступлению с рассветом на помощь Новикову»*. Но никакими резервами 2-й морской полк не располагал. Для формирования подразделения пришлось взять личный состав с ремонтирующихся кораблей. Не задействованные в поддержке частей канлодка и сторожевые корабли из отряда Вдовиченкова получили распоряжение приготовиться к выходу на боевые позиции.

Положение осложнялось и практическим отсутствием общего командования, так как общее руководство боевыми действиями до этого осуществлялось при обязательном участии заболевшего командующего Приморской армией Софронова, формально являвшегося заместителем Жукова, но фактически осуществлявшего все руководство боевыми действиями. Поэтому о предпринятых мерах было доложено начальнику штаба ООР Шишенину и начальнику штаба Приморской армии Крылову. Начальники штабов распоряжения одобрили, но утверждать их пришлось командиру военно-морской базы.

Окончательно ситуацию усугубило то, что с 5.00 стали поступать тревожные сообщения с правого фланга кавдивизии, а с 6.00 — и из Западного сектора. В течение 10 минут части противника неожиданно перешли в наступление на участке 7-го полка (445) 2-й КД, нанося главный удар с южной окраины Дальника и отметки 2,4, в направлении Болгарских хуторов, а вспомогательный удар — на Татарку, явившуюся для них второстепенным направлением.

Противник атаковал в Западном секторе более крупными силами, используя части свежей 18-й пехотной дивизии. Часть корректировочных постов, не успев отойти, попала в окружение. К 7.00 румыны заняли Болгарские хутора. Татарку взять, правда, так и не смогли, но до батальона противника прорвалось к высоте 31,2 и вело бой на ее западных скатах.

В 6.00 в Западном секторе, на участке 90-го СП после короткой артподготовки два батальона 26-го пехотного полка 2-й пехотной дивизии румын перешли в наступление в направлении высоты 71,4. (446)

Пока в штабах решали, что можно предпринять в сложившейся ситуации, с КП 2-й кавдивизии Дервянко позвонил его заместитель

Бабурин и доложил, что связь со штабом дивизии восстановлена, противник остановлен, а состав его сил уточняется. Несмотря на то, что силы, действовавшие перед фронтом кавдивизии и отбросившие ее с занимаемых позиций, не были известны, командир дивизии собирался с рассветом переходить в наступление. Перед корабельными и батарейными постами уже были поставлены соответствующие задачи.

После краткого совещания собирающуюся контратаковать противника кавдивизию решено было усилить батальоном 54-го полка, отрядами моряков 2-го морского полка и пограничников, а также штурмовать части противника с воздуха.

Контрудар решено было наносить в 7 часов утра при поддержке огня береговых батарей, бронепоезда «За Родину!», авиации и корабельной артиллерии. (447)

К этому времени разведка установила движение румынских подкреплений к подразделениям, переправившимся через лиман. Артиллерия 2-й кавалерийской дивизии, не жалея снарядов, вела неподвижный заградительный огонь, чтобы затруднить противнику переправу через лиман. Но румыны так и не успели достаточно усилить свою группировку на восточном берегу Сухого лимана.

1-й батальон 54-го СП и отряд НКВД перешли в контрнаступление, причем из-за нехватки бойцов при этом создавалась угроза оголения фронта по восточному берегу Сухого лимана. Для прикрытия этого участка командир отряда НКВД, старший лейтенант Попков оставил переданные в его подчинение аэродромную и стрелковую роты из состава 31-го СП соседней 25-й СД и составом отряда перешел в контратаку с целью уничтожения переправившегося противника.

После ожесточенного, но непродолжительного боя румынские части начали отход за Сухой лиман, решив не ввязываться в упорные бои за маленький плацдарм на самом побережье, сильно уязвимый для огня корабельной артиллерии.

На правом фланге дивизии выбить противника оказалось сложнее.

Румыны заняли высоту 31,2 и начали интенсивно укреплять занятые позиции. По докладам наблюдателей, «до полка противника производило окопные работы». На участок прорыва пришлось перебросить 15-й и 20-й кавполки, поддержав их огнем 411-й береговой батареи. Участок прорыва начали обстреливать и другие батареи, и даже реактивные минометы. «Катюши» выпустили весь остаток боезапаса, после чего ушли с позиций, и утром следующего дня дивизион, как это и планировалось, был эвакуирован в Крым крейсером «Красный Кавказ».

Попытки летчиков 69-го ИАП штурмовать румынские части встретили яростное сопротивление авиации противника. В воздушных боях обе стороны потеряли по две машины: были сбиты два истребителя «Ме-109» и два «И-16».

Однако все контратаки румынам удалось отразить, и бой принял затяжной характер.

В 16.30 румыны начали артподготовку, которая продолжалась в течение полутора часов. В 17.50 противник силами до батальона нанес удар в направлении высоты 69,6, а через десять минут два румынских батальона атаковали высоту 94,5. В результате боя к концу дня все три полка кавалерийской дивизии отошли на 1—2 км. Взять Татарку противнику так и не удалось. (448)

На левом фланге Южного сектора румыны в наступление больше не переходили. Весь восточный берег Сухого лимана, после того как он был очищен от противника, удерживали отряд НКВД, рота 31-го СП и аэродромная рота. (449)

В Западном же секторе дела шли значительно успешнее, чем в Южном.

Генерал-майор Воробьев перебросил к высоте 71,4 все резервы, имевшиеся в его распоряжении. 90-й СП и дивизионный резерв одновременно атаковали противника с разных направлений. В тяжелом бою румынский 26-й пехотный полк потерял два батальона из трех. Его 3-й батальон был целиком уничтожен, а второй — полностью разгромлен и утратил боеспособность. Его остатки вынуждены были выходить из боя повзводно и даже отделениями. Связь между обоими батальонами и командиром полка прервалась еще до того, как стало ясно, что бой полностью проигран. Не сориентировавшийся в ситуации командир 1-го батальона, находившегося во втором эшелоне, приказал выставить перед отступающими завесу заградительного огня. Румынские подразделения, преследуемые бойцами 95-й СД, попав в безвыходное положение, вынуждены были сдаваться в плен. (450)

В ночь на 6 октября на заседании Военного совета командование ООР и Приморской армии обсуждало сложившуюся ситуацию и пришло к выводу, что *«в связи с создавшейся 5.10 обстановкой, которая получилась благодаря бездеятельности комсостава, 2 КД создала угрозу боевому порядку армии»*. (451)

Решения Военного совета были оформлены частным боевым приказом командирам 25-й стрелковой и второй кавалерийской дивизий, отданном в 2 часа ночи:

КОМАНДИРУ 25 сд и 2 кд.
ЧАСТНЫЙ БОЕВОЙ ПРИКАЗ № 0028 ШТАРМ ПРИМОРСКОЙ,
ОДЕССА 6.10.41

2.00 КАРТА 50000

Пр-к на рассвете 5.10.41 прорвал значительными силами фронт 2 кд и к исходу 5.10.41 закрепился в районе: 41,7 — «К», северное, 30,5 — 9,0, истоки СУХОГО ЛИМАНА все исключительно.

На участке СУХОЙ ЛИМАН, РЫБАЧЬИ КУРЕНИ пр-к имел попытку переправы на восточный берег СУХОЙ ЛИМАН в р-не винотд. Ст. им. ТИМИРЯЗЕВА.

Подобное положение пр-ка, создавшееся благодаря бездеятельности комсостава 2 кд, создает значительную угрозу боевому порядку Армии.

ПРИКАЗЫВАЮ: К-ру 2 кд полковнику НОВИКОВУ до рассвета 6.10.41 привести в порядок части, занимающие рубеж р-не х. БОЛГАРСКИЕ. Прочно организовать управление и контроль за действиями войск. Надежно и безотказно привязать пехоте поддерживающую артиллерию. Установить такой боевой порядок управления и взаимодействия, чтобы была исключена возможность выхода противника на рубеж ТАТАРКА.

На участке СУХОЙ ЛИМАН, РЫБАЧЬИ КУРЕНИ оборону Восточного побережья СУХОЙ ЛИМАН возложить на группу ст.лейтенанта ПОПКОВА. 1=54 с рассветом 6.10.41 с участка СУХОЙ ЛИМАН снять и сосредоточить сев.окр. ТАТАРКА—СУХОЙ ЛИМАН.

Артиллерия соответственно приказу НАЧАРТАРМА с выделением подгруппы СУХОЙ ЛИМАН составе 323 ОЗАД.

Командиру 25 сд взаимодействием с 2 кд системой артминпульогня поддержать правофланговые части 2 кд, не допуская продвижения пр-ка севернее рубежа 41,7—42,7.

3=54 сп иметь ввиду возможное использование направления ТАТАРКА, х. БОЛГАРСКИЕ.

КП дивизий прежние.

КОМАНДУЮЩИЙ ПРИМАРМИЕЙ
ГЕНЕРАЛ-МАЙОР ПЕТРОВ
ЧЛЕН ВОЕННОГО СОВЕТА
БРИГАДНЫЙ КОМИССАР
КУЗНЕЦОВ (452)

В приказе констатировалось, что противнику удалось прорвать фронт и предусматривался комплекс мер, которые требовалось применить для стабилизации положения. Наиболее важными из них являлись повышение управляемости 2-й КД и эффективности ее артиллерии, укрепление обороны Татарки за счет переброски туда 1-го батальона 54-го стрелкового полка и усиление огневой поддержки частей 2-й КД за счет перенацеливания части огневых средств 25-й СД. Вопрос о восстановлении положения уже не ставился, так как в соответствии с имеющимся планом поэтапной эвакуации дивизии, напротив, как могли, сокращали фронт. Предпринятые шаги должны были лишь исключить возможность взятия противником Татарки. Но достаточно ли этих мер, могло показать только время.

ПОСЛЕДНИЙ КРИЗИС (9 ОКТЯБРЯ)

В ночь на 6-е октября на участке 25-й СД противник выставил громкоговорящие установки и *«пытался вести контрреволюционную агитацию»*. Причем текст передаваемых сообщений из соображений секретности был изменен даже в журнале боевых действий Приморской армии: в нем указывалось что передавался текст: *«Сдавайтесь, все равно Одесса 6.10.41 нами будет взята»*. Однако ЧВС ООР Азаров впоследствии вспоминал, что текст был совсем другого содержания: *«Одессу большевики оставляют. Ваше сопротивление бесполезно»*.

Реакция ВС ООР была молниеносной. По району расположения установок был открыт огонь, и передача прекратилась, после чего начальник политотдела получил от Военного совета указание послать в части политработников с задачей помочь командирам и комиссарам в разъяснении того, что *«Одессу будем защищать до конца»* и что *«никакие провокационные призывы врага не должны поколебать нашу волю»*.

Но разговоры о предстоящем уходе из Одессы уже оказали свое влияние на морально неустойчивых бойцов. В городе и в порту было задержано несколько человек, покинувших подразделения. Свое поведение они объясняли слухами о том, что *«Одессу сдают без боя»*.

7-го и 8 октября на участке 2-й кавалерийской дивизии, являвшейся в этот момент самым слабым звеном в обороне армии, было тихо. Румынские войска не были готовы к крупному наступлению, об этом говорили предельно узкие полосы фронта, нарезанные для их дивизий (453), но участок обороны 2-й КД по-прежнему являлся *«лакомым кусочком»* для противника — ее полки имели меньше тяжело-

го вооружения, чем остальные, были уязвимы при передвижении и меньше приспособлены к ведению пехотного боя.

В ночь на 9 октября противник неожиданно начал атаки во всех секторах обороны, что раньше обычно являлось признаком большого наступления.

В Восточном секторе до батальона противника перешло в наступление в районе Новой Дофиновки, и два батальона наступали вдоль железной дороги. Их атаки в основном носили беспокоящий характер и прекращались на почтительном расстоянии от советских позиций. (454).

В Западном секторе румыны ночью, а затем и днем атаковали в районе хутора Кабаченко и высоты 71,4. Эти атаки также носили больше демонстративный характер и имели целью воспрепятствовать переброске резервов в Южный сектор. Ни на одном из участков противник успеха не имел.

В самом Южном секторе румыны вели себя несколько иначе — по позициям 25-й СД велся артиллерийско-минометный огонь, и производилась постоянная разведка переднего края.

На участке 2-й КД, где и планировался главный удар, боевые действия начались несколько позже. В 5.30, без артподготовки, румыны начали неожиданные атаки в районе Татарки. Атаки проводились с крайним ожесточением и фактически без перерывов между ними. Вскоре румыны ворвались на южную окраину Татарки. Одновременно румыны мелкими группами снова стали пытаться форсировать Сухой лиман и просачиваться к отметке +9,0. (455)

К 7 часам утра боевые действия велись уже на всем фронте дивизии. Однако взять Татарку противнику так и не удалось. Не сумев развить успех на этом участке, румыны быстро изменили направление главного удара и в 12 часов, введя в бой резерв *«силою не менее полка»*, нанесли удар в обход Сухого лимана. В это же время румыны предприняли более крупную попытку форсировать Сухой лиман — в районе бывших соляных промыслов через него попытались переправиться 2 эскадрона кавалерии. Сил отряда НКВД и двух поддерживающих его рот уже не хватало для удерживания берега лимана, и они начали медленный отход.

Создалась критическая ситуация. Все части левого фланга южного сектора были связаны боем, и парировать удары противника командующему армией генерал-майору Петрову было нечем.

В район лимана было решено дополнительно перебросить 3-й батальон 3-го морполка и бронепоезд «За Родину». На южном участке прорыва был сосредоточен огонь трех береговых батарей —

1-й, 39-й и 411-й, наступающих румын штурмовали истребители 69-го ИАП.

При поддержке 1-го батальона 54-го СП в 15 часов моряки перешли в атаку, но добиться успеха не смогли. Бой продолжался до вечера и не прекратился с наступлением темноты. Только к полуночи румын удалось выбить из района отметки +9,0 и отбросить на исходные позиции. При этом батальон 54-го полка понес настолько большие потери, что по окончании боя был немедленно выведен в резерв и занял позиции в тылу, северо-восточнее Татарки. (456)

В румынском ударе, несмотря на возникшие в связи с ним серьезные проблемы, не было задействовано значительных сил, и он носил характер разведки боем, имевшей целью прощупать прочность советских позиций на прибрежном фланге Южного сектора. Румынское командование старалось выяснить, насколько сохранена боеспособность и прочность в обороне войск Южного сектора после боев последних дней и отвода 25-й дивизии на исходные позиции.

Эти небольшие по масштабу удары румынских войск имели большое значение для разработанного командованием ООР и утвержденного Ставкой плана эвакуации Приморской армии. События 9 октября окончательно продемонстрировали, что на передачу участка 2-й КД 25-й СД последует немедленная реакция противника, и поэтапный вывод войск с занимаемых позиций может привести к уничтожению части армии.

ЭВАКУАЦИЯ ПЛАЦДАРМА

ПОДГОТОВКА К ЗИМЕ, НАСТОЯЩАЯ И ЛОЖНАЯ

После того как во второй половине сентября Ставке удалось наладить снабжение Одессы пополнениями, боеприпасами и военной техникой, а румынские войска во всех секторах стали переходить к обороне, командование ЧФ и ООР почувствовали себя на Одесском плацдарме настолько уверенно, что военные советы и штабы всех уровней всерьез обсуждали возможность дальнейшей длительной обороны города. При этом оборона должна была становиться еще более активной, предусматривающей последовательное улучшение своих позиций и оттеснение противника как можно дальше от города.

В связи с этим Военный совет ООР в ночь на 23 сентября обсуждал и вопрос о подготовке армии к зиме. Было решено начать строительство отапливаемых землянок для жилья и хозяйственно-бытовых нужд. Общее руководство строительством возлагалось на генерал-майора Хренова, а техническое — на полковника Кедринского. Обеспечение необходимым инвентарем, а также котлами, печками, банями, лампами, фонарями, свечами вменялось в обязанность начальнику тыла Приморской армии генерал-майору Коломийцу.

По решению Военного совета штабом ООР был разработан детальный план подготовки оборонительного района к зиме. Основные его положения были изложены в приказе командующего войсками ООР контр-адмирала Жукова от 25 сентября.

В частности, большое внимание в нем уделялось оборудованию полевых позиций обороняющихся войск на зимний период:

«Для полного и своевременного зимнего инженерного обеспечения войск приказываю: по полевым позициям — командирам частей и подразделений сейчас же приступить к оборудованию окопов водоотводными каналами, колодцами и дренажем. Для защиты окопов от снегопадов подготовить щиты-маты (из камыша, стеблей кукурузы, хвороста и соломы), которыми перекрыть окопы. Щели-убежища в окопах перекрыть и утеплить. Немедленно приступить к возведению лисьих нор и подбрустверных блиндажей, согласно приложенным

указаниям; по дорожной службе — командирам соединений и частей в полосе боевых порядков подготовить дорожную сеть, прочистить водоотводные каналы; отремонтировать мосты и трубы, подготовить объезды и т.д. На время осенних дождей и распутицы организовать дорожные отряды для эксплуатации ремонта и содержания дорог; по расквартированию — расквартирование войсковых частей и тыловых учреждений производить только в землянках-убежищах. К строительству землянок-убежищ приступить немедленно и окончить не позднее 15.X; по водоснабжению — немедленно приступить к оборудованию водоисточников из расчета по одному на батальон, полк, в зависимости от дебета источника. В нишах окопов оборудовать баки для воды, обезопасив их от замерзания».

Активно готовилась к зиме и служба тыла

Интендант 1-го ранга Ермилов доложил, что уже развернуты мастерские, способные шить несколько десятков тысяч комплектов различного теплого обмундирования — на суконной фабрике был налажен выпуск бушлатов, свитеров, суконных рубах и шерстяных шаровар. меховая фабрика совместно со швейными артелями им. Ласточкина и им. Третьей пятилетки наладила выпуск зимних шапок, ватных штанов и телогреек. На это предполагалось, кроме городских запасов, пустить и материал, обнаруженный в свое время одесскими хозяйственниками во время инвентаризации, проводимой оборонной комиссией в застрявшем на железнодорожных путях товарном эшелоне.

Было изготовлено 2 тыс. комплектов цепей и гусениц противоскольжения для имеющегося автотранспорта.

Командиры соединений получили указание использовать передышки между боями для дооборудования землянок с учетом близких холодов, особенно на тех позициях, которые командование не собиралось в ближайшее время улучшать и где линия фронта рассматривалась как долговременная. Начальник штаба 95-й дивизии Прасолов докладывал, что у них во втором эшелоне организована заготовка картофеля и засолка капусты. Того и другого было немало на заброшенных теперь полях пригородных совхозов. Запасались также соломой для утепления землянок.

Готовился к зиме и город. 24 сентября бюро обкома партии приняло постановление об улучшении условий жизни в катакомбах и подвалах, куда переселились, спасаясь от бомбежек, тысячи семей.

Централизованные поставки и еще работавший колхозный рынок не могли полностью обеспечить население продовольствием на зиму. Поэтому особое значение приобрели заготовки продуктов, сделан-

ные для Одессы в Краснодарском и Ставропольском краях, откуда их регулярно доставляли морским путем. Серьезной проблемой стало обеспечение города топливом. По просьбе обкома партии Совнарком СССР разрешил завезти в Одессу морским путем свыше 25 тыс. т угля, около 12 тыс. т кокса, 18 тыс. т дров, более 22 тыс. т нефти и мазута.

В эти же дни возникла мысль об организации при горисполкоме ремонтно-строительного треста — для проведения неотложных работ по восстановлению разрушенного жилого фонда. Исполком областного Совета принял решение о создании такого треста, вменив в обязанность его руководителям в качестве первоочередной задачи до 5 октября закончить отбор подлежащих ремонту домов и организовать подготовку жилья к зиме.

Полным ходом шло и дальнейшее развертывание оборонного производства, так как жители города уже не привлекались в прежних масштабах на строительство оборонительных сооружений.

Одесские предприятия получали дополнительные заказы на разного рода вооружение. Город уже дал армии четыре бронепоезда, десятки танков-бронетракторов, сотни тысяч гранат, десятки тысяч мин. Наладился ремонт стрелкового оружия. А производство 50-мм минометов достигло такого размаха, что партия из 50 минометов была выделена для формирования в Крыму морских бригад.

После того как было принято решение об эвакуации Приморской армии, уже имевшиеся наработки по подготовке к зиме было решено использовать в целях дезинформации противника.

Начальник оперативного отдела штаба Черноморского флота Жуковский, прибывший в Одессу или вместе с Левченко, занимался комплексом дезинформационных мероприятий, заботясь, чтобы флотская разведка «помогла» противнику раздобыть советские «секретные» документы. Из них явствовало, что в Одессу начинают прибывать свежие части, чтобы помочь Приморской армии держать оборону до весны. И активность разведки противника действительно возросла в нужном направлении: его авиация интересовалась только транспортом, шедшими в Одессу, а на уходящие в Севастополь внимания не обращалось. Впрочем, они снимались со швартовов ночью и к рассвету успевали достичь Каркинитского залива, где попадали уже в зону прикрытия истребительной авиации флота.

На палубы судов, следовавших в Одессу, по-прежнему грузились металлические печи, используемые для обогрева временного жилья, и крупные тюки. Все это очень хорошо было заметно даже издали.

Разгрузка таких транспортов производилась днем, с расчетом привлечь внимание вражеской агентуры.

В войсках распространялись памятки по подготовке к зиме. Продолжалась усиленная заготовка овощей. Бойцам некоторых частей выдавалось зимнее обмундирование. Саперы приступили к строительству утепленных землянок по всему фронту.

В целом ложными являлись только некоторые документы, а мероприятия по подготовке к зиме просто продолжили, иногда придавая им демонстрационный характер. Вообще вся обстановка Одессы сентября — начала октября 1941 г. сама по себе хорошо подходила для дезинформации противника. До самого последнего момента по указанию высшего руководства страны в городе постоянно проводились мероприятия, подтверждающие, что «Одесса была, есть и будет советской», о которых потом через радио и газеты сообщалось на всю страну и за ее пределы. Защита Одессы, которая позиционировалась как русский Тобрук, была широко известна в Англии. Защитники Одессы получали поздравления от защитников Тобрука и обменивались письмами с жителями Бристоля. 15 сентября по решению Одесского горисполкома в школах был начат учебный год. В городе работали магазины, кинотеатры и парикмахерские, но судьба его уже была предрешена.

После прорыва немцев в Крым из-за трудностей со снабжением и нехватки войск эвакуация Приморской армии из Одессы становилась неизбежной. Черноморский флот был не в состоянии организовать полномасштабное снабжение сразу двух своих осажденных баз, а войска Приморской армии были необходимы для обороны Крыма. Как показало время, такое решение оказалось оправданным, так как в дальнейшем оборону главной базы флота удалось осуществить именно силами Приморской армии, а Черноморский флот не смог в условиях активного противодействия противника справиться и со снабжением одного только Севастополя.

ПЕРВЫЙ ПЛАН ЭВАКУАЦИИ (4 ОКТЯБРЯ)

К разработке плана эвакуации командующий ООР Жуков и его заместитель, командующий Приморской армией Софронов приступили после принятия 1 октября Военным советом ООР решения об эвакуации Одессы. Командующий ООР и подчиненное ему командование ОВМБ занимались вопросами выделения транспортов Черноморским флотом, их прикрытием силами боевых кораблей и авиации ЧФ,

обеспечением отхода войск силами Одесской военно-морской базы и организацией погрузки войск в Одесском порту. Софронов занимался вопросами последовательности отвода войск с линии фронта и определения рубежей, которые должны были занимать прикрывающие части. Разрабатываемый план командарм в соответствии с полученными указаниями Ставки вынужден был составлять так, чтобы обеспечить удержание оборонительного периметра до окончания эвакуации, начинать которую требовалось незамедлительно.

В условиях начавшегося изъятия войск из состава ООР и ограниченного количества судов, которые могло предоставить на тот момент командование Одесской военно-морской базы, Софронов вынужден был разработать план поэтапного отвода войск на промежуточный рубеж обороны. Сначала в порт должны были отойти две дивизии из четырех, остававшихся в Одессе после переброски в Крым 157-й стрелковой дивизии. Остальные две отводились на промежуточный рубеж. Протяженность периметра оборонительного района составляла 65 км. Удержать фронт такой протяженности двумя дивизиями было невозможно. В качестве промежуточного рубежа командармом была выбрана вторая линия главного рубежа обороны. Она проходила по линии Крыжановка—Усатово—Татарка—Сухой лиман и имела общую протяженность 40 км, 15 из которых составляли лиманы. На транспортах, которые флот мог выделить на момент составления плана, можно было одновременно вывезти всего одну дивизию со всем ее снаряжением и вооружением. Следовательно, на последнем этапе эвакуации сдерживать врага нужно было силами всего одной дивизии. Но сделать это, нельзя было даже теоретически — противник, имевший почти десятикратное превосходство, немедленно бы ее смял, даже не вводя в бой дивизии второго эшелона. Отойти же на более короткий тыловой рубеж значило приблизить линию фронта к окраинам Одессы. Ведение боевых действий в течение хотя бы суток на окраинах города означало обстрел города в течение этого времени из сотен орудий и минометов. По предварительным подсчетам командарма, потери среди мирного населения (457) могли составить десятки тысяч человек.

Командующий армией предложил Жукову за город не драться, а *«отвести две наши последние дивизии со второй линии главного рубежа обороны сразу в порт на корабли, а для того, чтобы мы могли разместить на предоставленные нам транспорты бойцов, отказать от эвакуации лошадей, части автомашин и даже части артиллерии».*

Вопрос на тот момент так и остался нерешенным, так как командующий ООР решил добиваться у командующего флотом увеличения числа выделяемых для эвакуации транспортных средств. Закончить план эвакуации до того, как с ним случился сердечный приступ, командующий армией не успел.

Вечером 4 октября состоялось расширенное заседание Военного совета ООР, собранное для утверждения плана эвакуации Одесского оборонительного района. Ни до, ни после этого на заседании Военного совета не присутствовало такое количество приглашенных.

В заседании кроме самих членов Военного совета ООР приняли участие заместитель наркома Военно-морского флота, вице-адмирал Левченко, начальник оперативного отдела штаба Черноморского флота Жуковский, начальник штаба оборонительного района, генерал-майор Шишенин, помощник командующего по оборонительному строительству, генерал-майор Хренов, член Военного совета Приморской армии, бригадный комиссар Кузнецов, начальник политотдела армии полковой комиссар Бочаров, начальник артиллерии полковник Рыжи, начальник инженерной службы полковник Кедринский, командир Одесской военно-морской базы, контр-адмирал Кулишов, комиссар базы Дитятковский и другие, всего 16 человек.

В связи с внезапной болезнью Софронова начальник штаба Приморской армии полковник Крылов доложил Военному совету ООР план вывода войск из боя и отвода их с оборонительных рубежей к пунктам посадки на суда. План этот, исходивший из первоначально намеченных сроков эвакуации, успел в значительной мере подготовить сам командарм.

Он отражал основную идею Софронова, сформулированную им после одобрения поэтапной эвакуации на заседании Военного совета, проходившем 1-го октября: после того как будут эвакуированы 157-я дивизия, тяжелая техника, тылы, инженерные и строительные батальоны, в течение 16—20 октября отвести основные силы армии последовательно двумя эшелонами на рубеж прикрытия города, а затем с него — в порт для погрузки на транспорты.

В первый эшелон командарм включал Чапаевскую и кавалерийскую дивизии, во второй — 95-ю и 421-ю. Отвод войск предполагалось прикрывать арьергардами, оставшейся артиллерией, в том числе зенитной и береговой, а также огнем кораблей и флотской бомбардировочной авиацией.

Излагая план, Крылов старался по возможности дистанцироваться от него как можно дальше, постоянно подчеркивая, что он разработан не им, а командармом.

«По мнению командующего армией, оставление частей на рубежах, занимаемых сейчас, не дает ощутимых преимуществ. Последний бросок войска могут сделать с более близких к порту позиций. Тогда для прикрытия эвакуации первого эшелона основных сил будет достаточно двух дивизий. Причем из дивизий первого эшелона одна эвакуируется сразу, а другая сначала выводится в резерв. Две последние дивизии должны держать оборону в течение суток и эвакуироваться в одну ночь».

«На последнем рубеже, — заключил Крылов, — оборону в течение суток должны будут держать две дивизии. Софронов просил доложить, что он имеет в виду 95-ю и 421-ю дивизии. Остальные части отходят в порт для посадки на транспорты. В следующую ночь должны отойти последние дивизии... Успех будет зависеть от наличия транспортов и кораблей. Уход из Одессы этих двух дивизий обязаны прикрыть корабельная артиллерия, береговые батареи базы и батареи Приморской армии, а также авиация Черноморского флота».

Но план, докладываемый Крыловым, все-таки несколько отличался от плана, разработанного Софроновым. И самым существенным в нем был выбор промежуточного рубежа, в качестве которого теперь предлагалось использовать тыловой рубеж обороны города, находившийся в 6—10 км от города, а в некоторых местах проходивший и по его окраинам — как имеющий наименьшую длину.

Из всех частей плана эвакуации наиболее уязвимой была завершающая. Две дивизии должны были в течение суток сдерживать натиск минимум девяти дивизий противника, находящихся у румын в первом эшелоне. Даже если бы им и удалось это сделать, возможность отхода и эвакуации после этого становилась весьма проблематичной.

Промежуточный поэтапный отвод войск на тыловой рубеж, проходивший по городским окраинам, не мог остаться незамеченным противником. И если отход двух дивизий с основного рубежа еще мог какое-то время оставаться незамеченным, то для двух последних дивизий шансы продержаться сутки на окраинах города при более чем четырех-пятикратном превосходстве противника, знающего об эвакуации, были близки к нулю. Кроме того, отход на тыловой рубеж означал ведение боев фактически в черте города и дополнительные потери среди гражданского населения.

Также в плане совершенно не рассматривались вопросы обеспечения эвакуации флотом, как, впрочем, и вопросы прикрытия отхода, обозначенные Крыловым лишь в самых общих чертах. Положение с обеспечением прикрытия отхода войск и эвакуации смог частично

исправить командир Одесской ВМБ Кулишов, решивший использовать для этих целей детали плана экстренной эвакуации, разработанного во время августовского кризиса.

Он доложил, что все уцелевшие береговые батареи и один зенитный дивизион будут осуществлять огневое прикрытие до завершения эвакуации. Они будут вести огонь до отхода последних транспортов. Член ВС ООР, секретарь Одесского обкома Колыбанов перебил Кулишова, поинтересовавшись: *«А что же будет с личным составом батарей? Как артиллеристы доберутся до порта?»*

В ответ Кулишов подробно объяснил Колыбанову, что батареи *«будут подорваны только после посадки на корабли и транспорты частей прикрытия. Все батареи на побережье. После подрыва их личный состав уходит на сейнерах, не заходя в порт»*. Также Кулишов предложил на основе того же плана и порядок посадки войск на суда.

Члены Военного совета ООР и все присутствовавшие видели недостатки предложенного плана, но обсудив отдельные, наиболее уязвимые его детали и высказав возникшие опасения за судьбу 95-й и 421-й стрелковых дивизий, план тем не менее утвердили. Как вспоминал впоследствии об этом исполняющий обязанности начальника штаба ОВМБ Дервянко, *«члены Военного совета утвердили план потому что три дня назад одобрили идею поэтапной эвакуации дивизий»*.

Такое решение членов Военного совета, способное привести к гибели двух дивизий, не только не было поспешным или необдуманным, а являлось, по существу, единственно возможным, так как над ними довлело прямое указание Ставки, содержащееся в ее директиве от 30 сентября, подписанной Сталиным и оглашенной Левченко: *«Командующему Черноморским флотом и командующему Одесским оборонительным районом составить план вывода войск из боя, их прикрытия и переброски; при этом особенное внимание обратить на упорное удержание обоих флангов обороны до окончания эвакуации»*.

По срокам эвакуации особых возражений не было. Было решено закончить 10 октября эвакуацию инженерно-строительных частей, 12—13 октября — тылов и тяжелой техники. Отправка дивизий, высвобождавшихся после сокращения фронта, намечалась на 17—18 октября, остальных — на 19—20 октября.

Военный совет ООР сообщил план отвода войск Военному совету флота, а тот доложил его в Москву.

Последующее развитие событий показало, что принятый план был нереалистичным и практически маловыполнимым, а его реализация связана с огромным риском. Части плана, предложенные Кулишовым,

оказались наиболее продуманными и реалистичными и поэтому впоследствии претерпели наименьшее количество изменений.

После утверждения плана командующий ООР Жуков оценил некоторые цифры утвержденного плана:

«По нашим расчетам, к двадцатому октября останутся невыезженными девять тысяч лошадей, две с половиной тысячи автомашин, сто восемьдесят тракторов, девяносто паровозов, восемь тысяч повозок. Можно было бы вывезти кое-что и из этого имущества — оно, бесспорно, потребует войсковым частям в Крыму, — но только в том случае, если бы мы смогли оттянуть эвакуацию до двадцать четвертого — двадцать шестого октября. Противник может внести в наши расчеты свои коррективы...»

На этом же заседании решилась и судьба всех девяти тысяч лошадей, эвакуировать которых не было возможности. В советское и постсоветское время на этот счет существовали различные версии, самая красивая из которых была показана в фильме «Поезд в далекий август», снятом в 1971 г. Как рассказали создатели фильма, лошадей было решено перестрелять, чтобы они не достались немцам, но солдаты решили не выполнить приказ и отпустили животных на волю. На самом деле всех не эвакуируемых лошадей было решено забить на мясокомбинате города.

Конское мясо было обращено на довольствие не только частями ООР, впоследствии оно выдавалось в столовых, на предприятиях и в учреждениях. Остатки неиспользованной конины было решено раздать. Кроме того, было решено для населения выделить из войсковых запасов муки и крупы, а в последние дни выдать жителям города продовольствие, остающееся на складах и в магазинах.

После того как план эвакуации был утвержден, у ЧВС ООР бригадного комиссара Азарова появилась мысль отправить телеграмму заместителю наркома ВМФ, армейскому комиссару 2-го ранга Рогову о сохранении Одесского оборонительного района и о возможностях дальнейшей обороны города. В присутствии командующего ООР Жукова Азаров обратился к Левченко:

«— Хорошо было бы, если бы вы, Гордей Иванович, по прибытии в Севастополь доложили наркому о нашем желании продолжать драться в Одессе. Мне хочется прежде уточнить обстановку в Крыму... А потом обязательно доложу, — осторожно ответил Левченко.

— Гордей Иванович! А можно сослаться на вас? Вы, будучи в Одессе, убедились, что город можно держать? — продолжал Азаров, словно и не замечая уклончивости ответа вице адмирала.

— *А вы что, хотите кому-то писать?* — поинтересовался Левченко
Теперь уже прямо не ответил Азаров. Вместо ответа бригадный комиссар обратился к командующему ООР:

— *Как, Гавриил Васильевич, напишем?*

— *Подумаем,* — ответил Жуков.

— *Если будете писать,* — доброжелательно сказал Левченко, — *можете сослаться на меня. Я поддерживаю вас».*

Поняв, что Левченко и Жуков заняли в общем-то выжидательную позицию, Азаров переговорил и с остальными членами Военного совета ООР. Секретарь Одесского обкома Колыбанов высказался за телеграмму, но на следующий день он покинул Одессу в связи с переводом на другую работу и подписать телеграмму не успел. Дивизионный комиссар Воронин был против:

«— *Если прикажут, будем отстаивать Одессу до конца. Подписывать телеграмму не стану. Но если кто из вас пошлет ее, возражать не буду».*

Утром 5 октября Азаров все-таки отправил на имя Рогова довольно пространную телеграмму, которую никто кроме него так и не подписал. В телеграмме бригадный комиссар сообщал, что *«6 октября заканчиваем отправку 157-й стрелковой дивизии в Крым, атаки противника отбиваем, имеем частичные успехи на фронтах 25-й и 95-й дивизий, состояние частей противника, по показаниям пленных, подавленное, подтверждается перегруппировка противника на восток».* Далее Азаров указывал, что Одессу можно оборонять и без 157-й дивизии, но при условии регулярного пополнения войск ООР маршевыми батальонами. При этом бригадный комиссар подчеркнул, что это мнение поддерживают Жуков (458), Военный совет ООР и большинство командиров дивизий, а также замнаркома Левченко. В заключение Азаров предложил: *«... Учитывая наши возможности, настроение, состояние противника ... поставить вопрос перед Ставкой о сохранении Одесского оборонительного района»*, и попросил Рогова поддержать предложение.

Реакция на просьбу оказалась совсем не той, которую ожидал Азаров. Телеграмма вызвала неудовольствие в наркомате, так как отправлять подобные документы в то время было не принято, но только этим дело не ограничилось. О таком «сигнале снизу» пришлось доложить в Ставку, а оттуда уже сам Кузнецов получил поручение запросить мнение Военного совета Черноморского флота о том, можно ли оставить в Одессе часть войск... но не для удержания города, а для отвлечения противника. Раздраженный нарком тут же отправил в Севастополь запрос в довольно резких тонах: *«Немедленно донесите свое мнение,*

хватит ли сил защищать Крым, — учтите, что дивизии, которые были обещаны из Новороссийска, не будут поданы в Крым».

Ответ Военного совета Черноморского флота был абсолютно исчерпывающим: *«Одесские дивизии малочисленны, и двумя дивизиями фронт не удержать... Одесские дивизии крайне нужны для обороны Крыма. В Одессу потребуется возить не только боезапас, а и продовольствие для войск и населения. Военный совет флота считает необходимым проводить в жизнь принятое решение и оставить Одессу».*

После чего в Севастополь ушли еще 2 телеграммы. Первая из них, в которой указывалось: *«эвакуацию Одессы проводить согласно приказу полностью»*, была отправлена в тот же день, 6 октября нарком послал еще одну телеграмму, в которой требовал: *«Дайте указание Жукову не затягивать эвакуацию. Вывозить в первую очередь войска и оружие. Весь транспорт подчинить этой задаче».*

В этот же день нарком решил в целях оздоровления обстановки в Военном совете ООР лично ответить на телеграмму Азарова, адресованную Рогову: *«Прекратите обсуждение приказа Ставки и мобилизуйте людей на выполнение его».*

МИННАЯ ВОЙНА (1—22 ОКТЯБРЯ)

В связи с принятым решением о переброске Приморской армии в Крым перед инженерными частями ООР встала задача уничтожения всего того, что эвакуации не подлежало, но при этом ни в коем случае не должно было попасть в руки противника. Помощником командующего ООР по оборонительному строительству генерал-майором Хреновым был подготовлен и 3 октября утвержден Военным советом ООР план соответствующих мероприятий.

Работу по подготовке к уничтожению важных объектов решено было вести сразу по нескольким направлениям. В число объектов, подлежащих уничтожению, попали все основные крупные производства, которые могли быть использованы противником после занятия города. К ним были отнесены портовые сооружения, не поддающееся транспортировке заводское оборудование, нефтехранилища, аэродромы и некоторые объекты гражданского назначения, пригодные к использованию в военных целях, в частности электростанция, хлебозаводы и школы. Всего общий план разрушения военных объектов в городе предусматривал вывод из строя двадцати девяти промышленных предприятий, двух аэродромов и восьми объектов Одесского

порта. Также готовились и взрывы всех наиболее важных военных объектов: командных пунктов, блокгаузов, капониров, радиостанций и береговых батарей.

Для задержки продвижения румынских войск к порту предусматривался и подрыв дамбы Хаджибейского лимана, подготовка к которому была проведена еще в августе при приближении румынских войск к городу. В сентябре 44-й отдельный моторизованный понтонно-мостовой батальон произвел дополнительное минирование дамбы, подходов к переправам Сухого лимана и минировал северный берег лимана.

Подрывные заряды были закопаны в трех местах в средней части дамбы с таким расчетом, чтобы вода после подрыва сама размыла остатки сооружения. Также для затруднения продвижения противника был сооружен ряд минированных заграждений на дорогах, ведущих от оборонительного рубежа к городу.

В это время в распоряжение советского командования попало инструкторное письмо командования 4-й румынской армии, найденное у пленного румынского офицера. В письме указывалось, по каким улицам будут проходить войска после взятия Одессы, где и как они разместятся. В частности, там отмечалось, что в здании управления НКВД по Марзливской улице разместится румынское командование и его штаб.

Советское командование решило использовать содержащуюся в письме информацию. Особое внимание было решено уделить зданию на Марзливской. В составе ООР находился 82-й отдельный инженерный батальон капитана Пируса, до войны входившего в состав Одесского военного округа. В батальоне имелся «радиотехнический» взвод специального минирования, на вооружении которого находились радиотфугасы «Ф-10».

Организация минирования здания на Марзливской была поручена Хреновым начальнику инженерных войск Приморской армии, полковнику Кедринскому, который должен был разработать план минирования здания. Для обеспечения секретности работ, чтобы присутствие саперов в здании не вызывало подозрений, дом был передан под размещение армейского управления военно-полевого строительства. Хренов и Кедринский лично проинспектировали здание, в котором планировалось установить фугас. В качестве основной точки минирования и для размещения самого радиотфугаса они выбрали подвальное помещение под приемной, радиоузлом и кабинетом дежурного по управлению. Помещение имело высоту 2,5 м и пол, выложенный цементными плитами.

Пол было решено разобрать и под ним скрытно вырыть котлован, в который укладывалась привозившаяся мешками взрывчатка, а ночью в них же вывозилась вырытая земля. Также взрывчатка была заложена в ниши, выбранные по двум углам здания — выше цокольной части и в вентиляционные каналы, проходившие в стенах. Всего было уложено около трех тонн тола. Запальную шашку тщательно залили стеарином, чтобы предохранить от сырости капсуль-детонатор. Конец детонатора прикрепили к клемме радиоприбора «Ф-10», дублирующий комплект которого, настроенный на такую же волну, оставался в инженерном отделе ООР. Для надежности к радиоприбору подключили две стокилограммовые бомбы, которые завели под колонны в вестибюле. Вместе с радиоаппаратурой под полом установили и мины на неизвлекаемость — на случай, если вражеские саперы вздумают поднять в подвале плиты пола. После окончания работ плиты пола были установлены на место, а штукатурки и плотники устранили следы работ.

К маскировке минирования отнеслись очень тщательно: в углах подвального помещения были оставлены пыль и паутина, а на вновь уложенном полу были установлены обычные мины, которые должны были обнаружить румынские саперы при проверке здания перед размещением в нем румынского командования.

К выполнению работ была привлечена команда всего из шести саперов под руководством двух младших лейтенантов. Непосредственный надзор над работами осуществлял сам командир батальона. Также в курсе проводимой операции были командующий армией Петров и капитан госбезопасности Молодцов, направленный в Одессу для организации нелегальной работы под вымышленной фамилией Бадаев. Таким образом, круг людей, знавших о проведении операции, не превышал 10 человек. Даже мины, которые должны были обнаружить саперы противника, укладывал минер, не знавший об операции.

Однако для эффективного проведения операции одного минирования здания было недостаточно. Взорвать дом требовалось в тот момент, когда в нем будет находиться максимальное число офицеров противника. Для обеспечения этой части операции командующий Приморской армией генерал-майор Петров лично связал Хренова с Молодцовым. При встрече Хренов попросил Молодцова постараться добыть информацию о каком-либо крупном совещании командования противника или другом подобном скоплении офицеров в здании, и сообщить в штаб Приморской армии хотя бы за полдня до этого.

Помимо организации этой диверсионной акции, которая должна была стать основной в порту, на аэродроме, на перекрестках узловых

дорог и на некоторых других объектах было оставлено еще несколько фугасов с часовыми механизмами, а на пути вероятного следования противника установлены минные поля и мины-сюрпризы.

Широко проводилось и минирование оборонительных участков, занимаемых частями Приморской армии. Для этого в каждом полку были созданы специальные отряды заграждения, задачей которых являлось *«всемерно усилить минирование по переднему краю и в глубине»*. Минные поля, имевшиеся перед передним краем, усиливались и устанавливались новые. Особенно усиленно минировались лощины на подступах к северной и северо-западной окраине Дальника, ставшие практически непроходимыми.

Помимо усиления минирования переднего края разворачивались минируемые заграждения на всю глубину обороны дивизий *«до внешнего рубежа г. Одессы включительно»*. Начальником отдела инженерных войск Приморской армии, полковником Кедринским были распределены между дивизиями *«все наличные запасы взрывчатых веществ, мин и принадлежности для подрывных работ»*. (459)

В ночь с 15 на 16 октября, во время эвакуации частей Приморской армии саперы приступили к подрыву подготовленных объектов. В целом эффективность запланированных спецмероприятий оказалась высокой, и все прошло с минимальными отклонениями от намеченного плана, самым крупным из которых оказался преждевременный взрыв электростанции. В результате эвакуация проводилась в кромешной темноте, крупные портовые краны не работали, часть орудий удалось погрузить на транспорты только после предварительной разборки, много машин пришлось бросить в порту, столкнув с пирсов в воду, а график эвакуации оказался частично сорванным.

Румыны из-за большого количества установленных мин задержались со входом в город даже дольше, чем это предполагало советское командование. Во многом этому способствовал и взрыв дамбы Хаджибейского лимана, в результате которого большая часть Пересыпи оказалась затопленной. Румынам удалось вступить в город только во второй половине дня.

Перед этим, когда в Одессе не было ни советских войск, которые уже успели эвакуироваться, ни румынских, которые еще не успели войти, город бомбила авиация, принадлежность которой не установлена до сих пор. По одним версиям (460), это были самолеты противника, по другим, в том числе украинского исследователя Евгения Гуфа — самолеты были советскими.

Утром 22 октября в штабе Приморской армии, находившемся в тот момент в Крыму, под Бахчисараем, была принята шифрован-

ная радиограмма Молодцова: «Концерт на Марзливеской начнется 22-го в 17. 30».

К пяти часам вечера генерал-майор Хренов был в расположении 82-го инженерного батальона и приказал его командиру, майору Пирусу, изготовить к действию специальную станцию радиотехнического взвода. Около шести часов (нельзя было ни торопиться, ни опоздать) Хренов с Пирусом вошли в автофургон, где размещалась ТОС. Сержанту, сидевшему за аппаратурой, приказали установить дублирующий прибор, точно настроенный на заданную волну. Потом Хренов подал команду «Сигнал!», по которой было активировано приемное устройство.

Очевидцы рассказывали, что эффект от взрыва был подобен маленькому землетрясению. Во время взрыва, произошедшего в 6 часов 35 минут вечера 22 октября 1941 г. в бывшем здании УНКВД по Одесской области, погибло, по разным данным, от 66 до 147 человек, в том числе комендант Одессы Глугояну (461).

ПЛАН МЕНЯЕТСЯ (5—13 ОКТЯБРЯ)

5 октября генерал-лейтенант Софронов был эвакуирован из Одессы в связи с тем, что заболевание сердца приняло тяжелый характер. Неожиданный выход из строя генерал-лейтенанта Софронова заставил Военный совет ООР срочно решать вопрос о назначении нового командующего Приморской армией. Обстановка требовала немедленно назначения нового командарма, так как на его плечах фактически лежало все руководство наземными войсками ООР и разработка принимаемых решений, несмотря на то, что ответственность за эти решения лежала на Жукове как на командующим ООР. При этом назначить нового командующего было необходимо немедленно, без длительной процедуры согласования его кандидатуры со Ставкой, а потом высшие структуры могли либо утвердить его, либо заменить другим.

В Одессе было два генерала, способных возглавить армию в подобной ситуации: Воробьев, командовавший 95-й СД, и Петров, командовавший 25-й. По предложению Жукова Военный совет 5 октября назначил командующим Приморской армией генерал-майора Петрова. Возможно, здесь сыграло свою роль и мнение Софронова, видевшего своим преемником именно его. Вместо Петрова командиром 25-й дивизии был назначен начальник тыла ООР, генерал-майор Коломиец.

Основной заботой нового командующего Приморской армией, как и всего командования ООР, стало сохранение тайны эвакуации

от противника, так как в случае обнаружения ее румынами весь план действий пришлось бы срочно менять.

По мере того как все больше тыловых частей отправлялось из Одессы, слухи об эвакуации города, конечно, росли. Командованию ООР приходилось с ними мириться, рассматривая их как неизбежное зло. Но когда 6 октября членам Военного совета доложили, что звуковещательные станции противника на переднем крае призывали бойцов Красной Армии переходить на их сторону, говоря: *«Одессу большевики оставляют. Ваше сопротивление бесполезно»*, политработники всполошились всерьез.

Начальник политического отдела получил от Военного совета указание послать в части политработников с задачей помочь командирам и комиссарам в разъяснении того, что *«Одессу будем защищать до конца и что никакие провокационные призывы врага не должны поколебать нашу волю; без приказа не отходить!»*.

В связи с этим вечером 6 октября состоялось расширенное совещание Военного совета, на которое были уже приглашены командиры и комиссары всех четырех дивизий, а также наиболее крупных отдельных частей. Командующий ООР Жуков зачитал приглашенным директиву Ставки, изложил принципы выхода из боя основных сил армии и назвал основными задачами недопущение паники, обеспечение порядка, проявление стойкости и организованности, без которых невозможно успешное проведение эвакуации. На совещании было объявлено, что последней оставит Одессу 95-я стрелковая дивизия генерала Воробьева. Даты отвода и эвакуации основных сил пока не назывались.

Само командование ООР тоже не было до конца уверено в этих цифрах. И для таких сомнений имелись две важные причины.

С одной стороны, переход румын к обороне оказался довольно условным, и развитие событий 5—8 октября убедительно продемонстрировало, что противник не только приводит себя в порядок, постепенно готовясь к возобновлению наступления, но и быстро реагирует на любое сокращение оборонительного периметра. После отхода 25-й дивизии это продемонстрировал бой за Болгарские хутора, а в ночь с 7 на 8 октября — начавшийся после отхода 95-й дивизии бой за хутор Кабаченко. Стало ясно, что поэтапный отход с позиций невозможен. Противник тут же предпринимал разведку боем, а при отсутствии достаточного сопротивления немедленно пытался развить успех.

С другой стороны, практическая ежедневная подача транспортов в Одессу уже начинала опережать установленный график, и Одесская военно-морская база становилась способной эвакуировать в течение одних суток гораздо больше войск, нежели одну дивизию.

К подобным выводам стал склоняться и начальник штаба Приморской армии, полковник Крылов, ранее занимавшийся доработкой плана Софронова. Как сказал сам Крылов, *«после прорыва противника в двух местах я уже начал переосмысливать многое в нашем очень уязвимом плане»*.

При обсуждении этого вопроса с исполняющим обязанности начальника штаба Одесской ВМБ Деревянко выяснилось, что ОВМБ теперь в состоянии вывезти за одну ночь и 40 тыс. человек, так как Черноморское пароходство из тридцати подходящих для этих целей судов могло уже выделить одновременно не менее трети. Также после согласования с командованием ЧФ выяснилось, что можно использовать военные транспорты и боевые корабли. Сама база могла в случае крайней необходимости использовать в качестве транспортов санитарные суда, хотя это и нарушало нормы международного права. Также для эвакуации можно было использовать и до полусотни мелких судов, обычно не привлекаемых к подобным перевозкам. Причальный фронт в Одесском порту составлял 5 км, что позволяло без затруднений пропустить одновременную погрузку на такое количество судов.

На заседании Военного совета, проходившем вечером 8 октября в довольно узком кругу(462), командующий ООР контр-адмирал Жуков обратил внимание собравшихся на обстоятельства отхода 95-й дивизии. Повторение подобных случаев в дальнейшем грозило прорывом фронта, так как резервов для парирования удара в условиях эвакуации взять было неоткуда.

После этого на заседании выступили начальники штабов ООР и Приморской армии, успевшие согласовать свою точку зрения на маленьком предварительном совещании, которое они провели совместно с командованием ОВМБ и начальниками инженерной службы и артиллерии ООР. Из докладов генерал-майора Шишенина и полковника Крылова стало ясно, что утвержденный 4 октября план эвакуации уже не соответствует изменившейся ситуации.

Оба начальника штаба исходили из того, что вывод войск из боя, растянутый на четверо суток, с занятием промежуточных рубежей, почти неизбежно раскроет противнику намерение оставить Одессу. И если еще удастся прикрыть отход и посадку на суда двух первых дивизий, то две вторые могут быть смяты и разгромлены, не дойдя до причалов. Такой финал эвакуации представлялся довольно вероятным, если учесть, сколько дивизий мог бросить враг на преследование двух отходящих советских.

Конечно, и одновременный отвод всех войск был сопряжен с риском. Но этот риск мог быть не столь уж большим, если обеспечить

скрытность отхода основных сил с переднего края, хорошо организовать прикрытие арьергардами и тщательно продумать все детали.

Посовещавшись, собравшиеся пришли к выводу, что сроки эвакуации необходимо сократить, а саму ее провести за одну ночь. Общее мнение свелось к тому, что план может быть осуществлен, если удастся перед оставлением Одессы продемонстрировать высокую активность на фронте, предварив и сам отход войск достаточно сильным ударом по противнику, имитирующим подготовку большого наступления. Новый план был энергично поддержан вступившим в командование Приморской армией генерал-майором Петровым.

Однако прежний план был принят Военным советом Черноморского флота и давно доложен в Ставку. Поэтому собравшиеся решили отправить ВС ЧФ телеграмму с просьбой изменить ранее установленные сроки эвакуации.

В телеграмме указывалось, что для бойцов и населения эвакуация Одессы стала очевидной, противник тоже заметил ее и в своих радиопередачах призывает советских бойцов переходить на его сторону, прямо заявляя, что Одессу большевики оставляют. Населению хлеб выдается по сокращенной норме, но и при этом условия запасов города хватит лишь до 12 октября. Поэтому члены Военного совета просили разрешения сократить срок эвакуации и увеличить количество присылаемых транспортов и кораблей. Вместе с тем они указали, что затяжка эвакуации во времени может привести к потере людей.

Такая телеграмма фактически являлась признанием того, что подготовка эвакуации раскрыта противником, поэтому члены ВС, признавая этот факт, пустили в ход все возможные аргументы для обоснования своей просьбы, в том числе и несколько преувеличили напряженность ситуации с продовольствием в городе, так как из-за забитых по их же распоряжению лошадей голод Одессе в ближайшие дни, конечно, не грозил.

Ввиду важности вопроса все присутствовавшие были ознакомлены с текстом телеграммы и выразили свое с ним согласие. Однако реакция командования флота явилась для членов Военного совета ООР полной неожиданностью. Полученный ответ был предельно лаконичен:

«Тоннаж — даем все, что можно. Вам давались указания особо секретно организовать эвакуацию, пусть дезинформация не сумели. Как можем, будем усиливать движение транспортов, но вам надо держаться. Другого выхода нет. Разбивайте разговоры. Усилите дисциплину. Октябрьский, Кулаков».

Первым увидевший ответ бригадный комиссар Азаров предположил, что командующий флотом просто не решается докладывать

в Ставку о нереальности сроков эвакуации, потому что Ставка всего 2 дня назад сама утвердила эти сроки. Такого же мнения придерживался и дивизионный комиссар Воронин, высказавший удивление безапелляционностью ответа, после того как Азаров ознакомил его с телеграммой.

Обсудив телеграмму, оба политработника, несмотря на поздний вечер, направились к командующему ООР. Жуков был раздражен полученной телеграммой не меньше, чем они, и сказал, ознакомившись с ее текстом: *«Упреки по нашему адресу похожи на страховку. Как же так? Разве можно в такой момент заботиться только о том, кто окажется виноватым?»*

Посовещавшись с членами Военного совета, Жуков решил, как и в случае с разработкой плана экстренной эвакуации, снова действовать явочным порядком, опять посвятив в это только предельно узкий круг лиц. О решении командующего сообщили только Шишенину, Крылову, Кузнецову, Бочарову, Кулишову, Дитятковскому и Петрову.

О решении провести эвакуацию за одну ночь командованию флота было решено сообщить как можно позднее.

9 октября положение в Южном секторе оборонительного района резко ухудшилось.

На рассвете генерал-майор Шишенин доложил командующему ООР, что в Южном секторе, в полосе обороны 2-й кавалерийской дивизии противник возобновил атаки, опять пытаясь прорваться через мелководную часть Сухого лимана. Ночную атаку удалось отбить при поддержке арт. огня бронепоезда № 22, оперативно переброшенного к участку намечающегося прорыва. Однако в этот раз противник не ограничился простым прощупыванием прочности советской обороны. Утром противник открыл сильный артиллерийский и минометный огонь, после чего значительными силами нанес удар в направлении Татарки. При поддержке артиллерийского огня, который, по данным разведки, вели до 3 артполков частям 10-й пехотной дивизии румын удалось занять первую линию обороны, на южной окраине Татарки. В наметившееся вклинение противник перебрасывал дополнительные силы, и вскоре возникла реальная угроза прорыва противника вдоль берега к городу.

На участке прорыва было решено сосредоточить огонь трех береговых батарей — 1-й, 39-й и 411-й. Помимо них 2-ю кавдивизию поддерживал огнем бронепоезд «За Родину», а боевые порядки противника проштурмовали самолеты 69-го ИАП. К месту прорыва были срочно переброшены выведенный в резерв 3-й морской полк и батальон

54-го стрелкового полка. При поддержке подошедших резервов полки 2-й КД контрударом отбросили противника от Татарки. Противник пытался атаковать и в Западном секторе, на участке 95-й дивизии, но там он успеха не имел.

Полностью положение удалось восстановить только к концу дня. Слухи о прорыве противника в Южном секторе стали быстро распространяться по городу. В условиях идущей полным ходом эвакуации, когда жители каждый день видели, как из города эвакуируются армейские тылы и советские учреждения, а в порт движется непрерывный поток грузов и людей, известия о возможном прорыве вызвали панику. В Одессе возникла ситуация, во многом похожая на ту, которая сложилась в Москве через 10 дней — 19 октября. В городе начались вспышки мародерства, люди стали громить продовольственные магазины. Военный совет срочно выделил в помощь комендатуре несколько взводов морской пехоты и дал им право расстреливать мародеров и погромщиков на месте преступления. Военный совет образовал тройку из представителей военного трибунала и прокуратуры и дал ей полномочия судить задержанных и уличенных в мародерстве и погромах.

Был издан приказ по гарнизону о суровых мерах, которые будут применяться ко всем нарушающим порядок и вызывающим дезорганизацию жизни осажденного города. К вечеру беспорядки в городе удалось пресечь и порядок в городе был восстановлен.

Вечером, в связи с произошедшими за день событиями, Военный совет ООР отправил командованию ЧФ еще одну телеграмму. В ней он снова повторил, что вариант отхода на более короткий рубеж неприемлем, и подчеркнул что прочно удерживать периметр оборонительного района можно только силами 30 тыс. бойцов, и поэтому во избежание катастрофы нужно организовать одновременный отвод с переднего края и эвакуацию именно этого количества войск. Датой эвакуации называлось 16 октября.

Военный совет ЧФ задержался с ответом на телеграмму. На следующий день командующий ООР Жуков, посоветовавшись с членами ВС ООР, заключил, что переписка становится неэффективной, и пора отправлять в Севастополь гонца, способного более подробно объяснить положение. Посланец ООР должен был убедить Военный совет флота в необходимости изменения плана эвакуации, а в крайнем случае — уговорить Октябрьского или Кулакова прибыть в Одессу и на месте убедиться в правильности предлагаемого решения.

На роль эмиссара Военного совета ООР идеально подошел помощник командующего ООР по оборонительному строительству

генерал-майор Хренов. Хренов принимал и разделял точку зрения Жукова, Азарова и Воронина. Утром 10 октября Хренов был вызван к Жукову, который сообщил ему, что нужно *«убедить Севастополь в реальности нового плана эвакуации. По радио договориться трудно, нужно кому-то идти туда. Военный совет решил поручить эту миссию вам»*.

Оставив за себя начальника инженерной службы Приморской армии Кедринского, Хренов вечером на борту малого охотника, специально выделенного для этой цели, отправился в Севастополь.

Пока генерал-майор добирался до Севастополя, в Одессу пришел наконец ответ Военного совета флота на телеграмму, отправленную 9 октября. Военный совет ЧФ соглашался с окончанием эвакуации в ночь на 16 октября, но по-прежнему требовал, чтобы две дивизии, соответственно первоначальному плану, были эвакуированы до этого. Для обеспечения эвакуации вся бомбардировочная авиация Черноморского флота, несмотря на тяжелое положение в Крыму, с 12 октября переключалась на поддержку Одессы, а с 14 октября для прикрытия эвакуации в Одессу планировалось направить самый крупный отряд боевых кораблей из всех осуществлявших огневую поддержку войск ООР.

Прикрывать поэтапный отход дивизий Приморской армии с занимаемых позиций должны были два крейсера: «Червона Украина» и «Красный Кавказ» и четыре эсминца: «Бодрый», «Смышленный», «Шаумян» и «Незаможник». В этой ситуации командованию ООР оставалось только надеяться на то, что Хренову все-таки удастся уговорить Октябрьского или Кулакова прибыть в Одессу. Рассчитывать же на то, что ему удастся на месте склонить Октябрьского к изменению плана, больше не приходилось.

В длительной беседе, состоявшейся в Севастополе на флагманском командном пункте, переубедить командующего флотом Хренову действительно не удалось. Вице-адмирал Октябрьский внимательно выслушал все доводы Хренова, после чего посоветовал: *«Обсудите ваше предложение с Иваном Дмитриевичем, я должен знать мнение своего штаба»*.

При обсуждении плана эвакуации с начальником штаба Черноморского флота, контр-адмиралом Елисеевым присутствовали член Военного совета Черноморского флота дивизионный комиссар Кулаков и хорошо знавший ситуацию в Одессе начальник оперативного отдела штаба флота, капитан 1-го ранга Жуковский. Вопрос с обеспечением эвакуации кораблями и прикрытием с воздуха, как оказалось, не представлялся штабу ЧФ самым сложным. Гораздо больше и Ели-

сеева, и Кулакова, и Жуковского беспокоил одновременный отход с позиций всех четырех дивизий. Штаб Черноморского флота больше всего опасался того, что одновременный отход всех дивизий может превратиться в полный разгром Приморской армии.

Хренов рассказал о расчетах, сделанных штабами базы и Приморской армии, после чего все присутствовавшие отправились к командующему флотом. Однако командующий флотом, от решения которого зависела судьба целой армии, не торопился с выводами и после положительного доклада своего начальника штаба.

«Вот что, — выслушав всех, сказал Октябрьский. — Пускай-ка завтра Николай Михайлович, — он кивнул в сторону Кулакова, — отправится в Одессу, ознакомится с обстановкой на месте и доложит Военному совету, какова готовность к эвакуации. Тогда и примем окончательное решение. А штаб пусть, не откладывая, принимается за проработку нового варианта».

На следующий день Кулаков с группой артиллеристов и заместителем начальника штаба флота Васильевым, на которых возлагалось составление плана огневого обеспечения эвакуации корабельной артиллерией, на двух малых охотниках вышел в направлении Одессы. В ночь на 13 октября он прибыл в город.

Военный совет ООР, получив сообщение о приезде члена Военного совета ЧФ Кулакова, в срочном порядке утвердил все документы, определяющие порядок одновременного отвода войск с позиций и погрузки на суда. Однако вопрос, как выяснилось, был еще далек от своего решения.

Дивизионный комиссар Кулаков по прибытии в Одессу был настроен очень негативно и еще в порту начал «разносить» встречавшего его Азарова. Бригадному комиссару досталось и за телеграмму, отправленную Рогову, и за невыполнение директивы Военного совета ЧФ о порядке отхода частей с переднего края. При этом дивизионный комиссар «забыл» положительную оценку, данную Елисеевым технической возможности подобной эвакуации:

«— Мы же требовали от вас, чтобы на последний день было оставлено то количество войск, которое предусмотрено вашим первоначальным планом. Вы должны понять, что никто вам не может предоставить в последний день такой тоннаж, который сразу поднимет тридцать тысяч человек и боевую технику».

Такой поворот явился для Азарова неожиданностью, и он, не рискуя обсуждать с Кулаковым, план эвакуации перешел к самооправданиям: *«Николай Михайлович, по-вашему получается, что я главный виновник невыполнения директивы».*

— Вы представляете флот, к вам и к Жукову — наши претензии.

— Что же, вы хотите, чтобы представители флота, не думая, соглашались со всем тем, что издано в Севастополе, хотя бы это противоречило истинному положению дел здесь? В правильности нашего решения, я надеюсь, вы еще сможете убедиться... И к тому же я не только представитель флота, но и представитель армии, поскольку членом Военного совета меня утвердил Государственный комитет обороны. Поэтому я несу ответственность за руководство обороной Одессы наравне со всеми товарищами».

Такая позиция сразу успокоила дивизионного комиссара, и он заговорил более миролюбиво:

«— На нас-то, на флот, и возложено руководство обороной. И эвакуацией. Поэтому мы и требуем исполнения всех наших указаний и директив. — Правда после этого счел нужным добавить: — Хотя нас генерал Хренов и убеждал в правоте ваших действий, но не убедил ни Октябрьского, ни меня...»

По прибытии Кулакова на КП ООР был немедленно собран Военный совет с участием командования Приморской армии и Одесской военно-морской базы. Обсуждались два вопроса: о сроке завершения эвакуации и о том, как отводить с позиций те силы, которым предстояло до последнего момента удерживать занимаемые рубежи.

Произведенный к тому времени тщательный перерасчет возможной подачи тоннажа показывал, что при крайнем напряжении Одесская военно-морская база, Черноморское пароходство и флот в состоянии ускорить перевозку оставшихся в Одессе войск и техники на четыре-пять дней. Таким образом, предлагавшийся командованием ООР новый срок ухода последнего конвоя — 15—16 октября — становился реальным.

План отвода ядра армии не двумя эшелонами, а одновременно, и не на промежуточные рубежи, а прямо в порт конечно был рискованным, но не больше, чем первоначально предложенный план постепенной эвакуации.

Выступившие на заседании начальник штаба Приморской армии Крылов и командир Одесской военно-морской базы Кулишов доложили Кулакову о мерах по обеспечению отвода и эвакуации войск, которые позволяли провести его в течение 10 часов. Начальник штаба ООР Шишенин доложил положение на участках оборонительного района.

Все три доклада произвели впечатление на дивизионного комиссара, но на всякий случай он выяснил мнение всего командования ООР, начав с Жукова и членов Военного совета, а в заключение переговорив и со всеми четырьмя командирами дивизий.

Однако никаких выводов Кулаков делать не стал. Он подготовил телеграмму в которой сообщал командующему, что в связи с тем, что противник подтянул свежие силы и проявляет активность, Военный совет ООР признает план отхода и эвакуации, принятый 4 октября, не отвечающим обстановке и считает необходимым отвести войска внезапно, 15 октября. Через несколько часов была получена телеграмма Октябрьского, в которой командующий флотом сообщил, что *«с предложением полностью согласен»*.

На следующий день в Одессу пришли 5 транспортов, а также крейсера «Красный Кавказ» и «Червона Украина» в сопровождении двух эсминцев и двух тральщиков. Прибывший с отрядом контр-адмирал Владимирский сказал при встрече с командующим ООР Жуковым слова, оказавшиеся пророческими:

«Да, эта эвакуация, если благополучно завершится, войдет в историю».

КАК ГЕНЕРАЛ ПОРЯДОК В ПОРТУ НАВОДИЛ (5—10 ОКТЯБРЯ)

Одесский порт, причальный фронт которого составлял 5 км постоянно являлся головной болью штаба Приморской армии, командующего ООР и командования Одесской военно-морской базой. Наведением в нем порядка с самого начала обороны города постоянно занимались все, но сделать это не удавалось никому.

Порт охраняли команды четырех ведомств. Этим занимались погранполк, 136-й запасной полк, флотский экипаж и собственная военнизированная охрана порта.

На территории порта скопилась масса грузов, повозок, автотранспорта и большое количество различных мелких воинских команд. Погрузка была слабо организована, ее планы и сроки не выполнялись. За тем, что грузится на каждый корабль, никто не наблюдал. Транспорты, подававшиеся в достаточных количествах, отходили с опозданиями, часто недогруженные и вместо боевого имущества и ценного заводского оборудования вывозили зачастую откровенный хлам, разбитые повозки, железные кровати, обрывки канатов и веревок, а в это время приказами по армии и ООР не разрешалось производить погрузку автомашин, повозок и лошадей. В больших количествах грузились овощи и хозяйственный инвентарь. В трюмы пассажирских кораблей грузили бутылки с горючей смесью, из которых даже не вынимались запалы, что привело к нескольким пожарам. (463)

Первым за наведение порядка среди эвакуируемых частей занялся начальник отдела военных сообщений Приморской армии, подполковник Коробко. 4 октября он ввел институт начальников эшелонов и старших команд. (464)

Эшеленом считалось любое эвакуируемое учреждение, насчитывающее свыше 40 человек и имеющее свыше 10 машино-мест груза, командой — имеющее людей и грузов ниже этого предела. За 3 часа до начала погрузки начальник эшелона должен был являться с двумя связными на КПП. Получив указания, на какой транспорт грузиться, и подвезя к нему свой «эшелон», он отправлял на КПП, через который прошел, одного связного с сообщением, что прибыл на место и начинает погрузку. Второго связного он отправлял с сообщением, что погрузка уже окончена. (465) Подобные меры не сильно увеличили порядок в порту и были в основном вызваны тем, что значительная часть эвакуируемых не успевала вовремя найти назначенные им причалы, опаздывала на погрузку и отставала от транспортов. Сотни таких военнослужащих по несколько дней слонялись по порту, еще больше увеличивая неразбериху.

Для «упорядочивания отгрузки имущества, эвакуации людей и полной целесообразной загрузки судов» при штабе армии была образована специальная комиссия, в состав которой вошли представители флота и армии. Комиссия собиралась каждый день и составляла детальный план погрузки на все пришедшие суда: что грузить, сколько и от какой части. На комиссию вызывались начальники служб и отделов, участвующих в погрузке, которые оценивали выполнимость составляемых комиссией планов.

После того как план согласовывался, оперотдел штаба армии выдавал каждой части официальное разрешение в котором указывалось, чего, сколько, когда, где и на какой транспорт она может погрузить. (466) Предполагалось, что такая система работы обеспечит порядок в порту и даст возможность проводить эвакуацию военного имущества в организованном порядке.

После мер, предпринятых Коробко, и создания комиссии количество потерявшихся перестало увеличиваться, но порядка при погрузке от этого больше не стало. Из портов Крыма и Кавказа поступали сигналы, что транспорты зачастую приходят недогруженными и вместо боевого имущества часто имеют на борту много разного хлама.

Тогда за наведение порядка в порту взялся начальник штаба Приморской армии полковник Крылов. (467) Он приказал организовать в течение 8 октября контрольно-пропускной пункт в составе двух контрольно-пропускных постов у Таможенных и Крымских ворот порта, включив в

их состав представителей ВОСО, автобронетанкового отдела и оргплатного отдела управления тыла, чтобы упорядочить поток ввозимых на территорию порта грузов и количество заезжающих туда автомобилей.

Ситуация с автомобилями к этому времени начинала напоминать ситуацию с потерявшимися эвакуируемыми. Большинство машин не разрешалось грузить вместе с доставленным на них имуществом, и их часто бросали в порту. Количество оставленных бесхозных машин неуклонно росло.

Крылов обязал проверять все прибывающие в порт части на наличие у них излишних машин, повозок и лошадей и не пропускать таковых в порт, чтобы таковые не оставались на его территории.

Однако эти меры дали такой же частичный эффект, как и мероприятия Коробко. Количество брошенных машин и повозок перестало расти угрожающими темпами, но порядка от этого в порту больше не стало, и предназначенное к эвакуации имущество вывозилось катастрофически медленно. Увеличить темпы эвакуации никак не удавалось.

Несмотря на введение двух дополнительных контрольно-пропускных пунктов у Таможенных и Крымских ворот, проверки у прибывающих частей излишнего имущества особых результатов не давали, как и введенный 4 днями раньше институт начальников эшелонов и старших команд, отвечавших за порядок при погрузке.

В порту по-прежнему не был налажен даже контроль за доступом на его территорию — малочисленные посты успевали проверять только крупные воинские команды. В порту скопилось масса невывезенных грузов, которая не учитывалась составляющимися планами, большое количество повозок, машин и даже не отправленных воинских команд, которым не хватило места из-за по-прежнему практиковавшихся отступлений от плана, вызванных тем, что предыдущие планы также не выполнялись. Погрузка по времени и в утвержденных в планах количествах никем не выдерживалась. Документы комиссии не только превратились в фикцию, но и стали создавать дополнительные трудности при погрузке. Пока командиры придумывали, как их обойти, пока добивались отправки неотгруженного вовремя, текущая погрузка также задерживалась, и в результате транспорты часто уходили с опозданием и, как и прежде, недогруженными. Однако самым неприятным было то, что по-прежнему *«вместо ценного боевого и заводского оборудования (суда) загружаются хозоборудованием, инвентарем и пр.»* (468)

Как отмечалось в приказе нового командующего Примармией генерал-майора Петрова от 9 октября, *«до сих пор организация охраны и и твердый воинский порядок в порту отсутствуют»*.

В конце концов, после того как попытки наведения порядка в порту, предпринятые сначала начальником отдела военных сообщений Приморской армии подполковником Коробко, а потом и начальником штаба армии полковником Крыловым, не дали ощутимых результатов, командующий армией генерал-майор Петров, понимая, что отсутствие порядка в порту может сильно помешать эвакуации армии, принялся за дело сам.

Он ввел должность помощника коменданта Одесского порта по охране с возложением на последнего всей ответственности *«за правильную организацию и четкое несение караульной и комендантской службы»*. Для этого помощнику начальника порта по охране были подчинены все команды караульного полка, пограничников, моряков и охрана порта. Помимо этого командующий приказал назначать на территории порта начальниками патрулей только лиц из среднего командного состава. (469)

Был введен довольно объемный контрольно-пропускной пункт армии, который сам на территорию никого не пропускал, а занимался выдачей пропусков на все контрольно-пропускные пункты. Пропуска выдавались в соответствии с планом погрузки. В них указывался и общий характер отправляемого имущества.

Комендант порта по указанию командующего произвел учет всех команд и групп военнослужащих, которые остались на территории порта, отстав по разным причинам от отправленных эшелонов (470), и передал их в распоряжение начальника Отдела укомплектования штаба армии.

Все излишне завезенное и отставшее от графиков имущество, за исключением особо ценного, грузить которое уже не имелось возможности, было приказано немедленно вывезти.

Скоро выяснилось, что много времени упущено, и значительную часть имущества вывезти уже не удастся. Но введенное единоначалие, инвентаризация всего находившегося в порту неотправленного имущества и увязывание планов погрузки с реальной ситуацией дали свои результаты. После трех суток непрерывной напряженной работы в порту наконец был наведен порядок, позволивший успешно провести эвакуацию основных сил армии.

НАЧАЛО ЭВАКУАЦИИ (1—14 ОКТЯБРЯ)

1 октября, согласно полученной директиве Ставки, части 157-й СД дивизии приступили к погрузке на транспорты для отправки в Крым, что стало началом эвакуации из Одессы всей Приморской армии.

Эвакуация дивизии являлась первоочередной задачей, и до ее завершения отправка других частей Приморской армии в значительных объемах не производилась.

Полностью все части 157-й СД удалось вывезти только к 7 октября, когда на транспорте «Жан Жорес» были отправлены 716-й СП и танковый батальон дивизии. За день до этого началась отправка и других частей Приморской армии, прежде всего артиллерии. 6 октября были вывезены 422-й гаубичный артполк, по одному дивизиону 265-го конного и 638-го зенитного артполков и отдел снабжения ВВС. (471)

Количество выделяемых ежедневно транспортов командование ЧФ пока ограничило двумя — этого было достаточно для осуществления постепенной эвакуации тыловых служб армии.

7 октября были вывезены 27-й железнодорожный батальон, 136-й запасной стрелковый полк, на следующий день были эвакуированы авторота и 830-й рабочий батальон. 10 октября количество подаваемых транспортов смогли увеличить до пяти, и кроме ежедневно вывозящихся тылов армии, раненых и мирных жителей, они смогли взять на борт 700 т находившегося в одесских хранилищах горючего и столько же тонн различных ценных грузов невоенного назначения.

11 октября тремя транспортами были вывезены оставшиеся дивизионы 265-го конного и 638-го зенитного артполков и части НКВД. В этот же день были эвакуированы и отозванные специальным распоряжением из всех дивизий Приморской армии сражавшиеся в них одесситы — очевидно, для того, чтобы исключить возможность их перехода к врагу во время дальнейшей эвакуации боевых частей армии. (472)

Сейчас такая мера может показаться чрезмерной, но нужно учитывать то, что эвакуация боевых частей планировалась одним броском, и любая утечка информации могла привести к срыву проводившейся операции и многочисленным жертвам.

Не случайно, что боевой приказ № 034 об эвакуации приморской армии, содержащий информацию о сроках и порядке эвакуации (последним пунктом которого предписывалось: *«Все мероприятия, связанные с выполнением настоящего приказа, проводить в строгом секрете»*), был доведен до командиров всех частей на следующий день после того, как все бойцы-одесситы были эвакуированы в Севастополь. (473)

12 октября, после того как наиболее ценное имущество тылов армии и города наконец удалось вывезти, настала очередь материальной части самих дивизий. Было принято решение в оставшиеся три дня вывезти столько автомашин и конского состава, сколько возможно будет поместить на суда до отправки главных сил. Все оставшееся

имущество кроме орудий полевой и противотанковой артиллерии, решено было уничтожить

14 октября до рассвета пришло много транспортов: пассажирские теплоходы «Грузия», «Абхазия», «Армения» (474), сухогрузы «Жан Жорес», «Курск», «Калинин», «Котовский». В гавани уже находились «Восток» и «Сызрань». Прибыло много малых судов, шхун, малые охотники и дивизион тральщиков, а также отряд прикрытия конвоев в составе крейсеров и четырех эсминцев. На ФКП базы прибыло и командование эскадры кораблей ЧФ: адмирал Владимирский, комиссар Семин и начштаба эскадры Андреев.

14 октября 1941 г. «Грузия» встала под погрузку в Одесском порту и приняла на борт 200 т боеприпасов, а также химическое имущество Одесской базы. Судно готовилось к приему раненых и эвакуируемых (475). Но в 13 часов 20 минут над портом появились два «Ю-87», и один из них, выбрав себе целью транспорт, спикировал на «Грузию», сбросив четыре бомбы. В 13 часов 25 минут две фугасных авиабомбы поразили кормовую часть стоящего у причала судна. Одной из причин поражения транспорта одиночным пикировщиком явилось и слабое зенитное вооружение транспорта. На теплоходе имелось всего три 45-мм полуавтомата и два крупнокалиберных пулемета ДШК. Поэтому в дальнейшем, после того как транспорт прошел ремонт в портах Кавказского побережья, зенитное вооружение его было усилено: установлены еще два 45-мм орудия и шесть спаренных пулеметов «Кольт». Оба попадания пришлись ближе к левому борту. Были пробиты все палубы, и бомбы разорвались на втором дне. Зона разрушения пришлась на 1—34 шпангоуты, была разрушена наружная обшивка по обоим бортам. (476) Обшивка кормового подзора оторвана и отогнута наружу, разрушен набор корпуса, повреждена рулевая машина, электромоторы и трубопроводы. На судне погасло освещение и возник быстро распространяющийся пожар. В трюме № 6 начал рваться боезапас. Из-за затопления кормовых помещений стал нарастать крен на правый борт. Борьба с пожаром началась сразу же после взрывов, в шестом трюме применили паротушение, к борту «Грузии» подошли пожарный катер и эсминец «Незаможник», подавший на лайнер четыре шланга с водой. Совместными усилиями к 14 часам 30 минутам пожар был ликвидирован. Затем началась борьба с затоплением судна, крен которого еще через час достиг 15° на правый борт. Подводную часть судна осмотрели водолазы, а по мере осушения отсеков осколочные пробоины заделывались деревянными пробками. Несмотря на это, рулевое управление было выведено из строя, и отремонтировать его в условиях Одессы было невозможно. Командование ООР сочло возможным использовать поврежденный транспорт для эва-

куации. К 15 часам следующего дня осушили трюм № 6 и начали посадку раненых и эвакуируемых. К 19 часам 15 октября 1941 г. погрузку людей закончили, и в 23 часа портовые буксиры СП-13 и СП-15 вывели поврежденный транспорт за боны. Командование транспортом принял старпом Габуня, так как капитан Нечаев отказался выходить в море на перегруженном неуправляемом судне, и его отстранили от командования. В море к «Грузии» подошел эсминец «Шаумян» и, взяв лайнер на буксир, повел его в Севастополь со средней скоростью около 8 узлов. При буксировке трижды рвались буксирные стальные тросы, убило одного и ранило двух моряков. Капитан Габуня попробовал управлять машинами и самостоятельно прибыл в Севастополь 17 октября.

14 октября стало ясно, что большую часть армейского транспорта вывезти все-таки не удастся, поэтому в каждой дивизии были созданы специальные группы, которые должны уничтожить оставшиеся автомашины, повозки и прочий транспорт. (477)

15 октября в Одессу пришли транспорты «Чапаев», «Доротея», «Ураллес», «Егурча», «Сара-Камыш», «Папанин», «Норд-вест», «Большевик», теплоход «Чкалов», танкер «Москва», судно «Ольга», устаревший крейсер «Красный Крым» и канонерская лодка «Красный Аджаристан». Число прибывших крупных судов разного типа, которые планировалось использовать в качестве транспортов, достигло 21. Наступал момент эвакуации главных сил армии.

ПРОПАВШАЯ ЭСКАДРИЛЬЯ (13—14 ОКТЯБРЯ)

Ранним утром 13 октября, еще затемно, в «69-м ИАП» был объявлен срочный сбор всего летного состава у командира полка. Однако собравшимся летчикам не было сделано никаких важных сообщений. Комиссар полка Верховец провел короткую политинформацию о положении на фронтах, и летчики получили приказ приготовиться к полетам.

Две шестерки вылетели на боевые задания: одна — охранять город и порт, другая — штурмовать Дальник. Вернувшись с боевых вылетов, летчики с удивлением увидели на аэродроме механиков, прямо на открытых площадках спешно снимавших моторы с поврежденных самолетов, и связистов, сматывающих кабель.

Вскоре появился командир полка, участник войны в Испании, майор Шестаков, который отменил дальнейшие боевые вылеты и сообщил, что получен приказ о перебазировании в Крым, и план эвакуации полка уже утвержден.

Боеспособные машины должны были отправляться в Крым «своим ходом», остальные — перевозиться на баржах и судах. Первая группа самолетов полка из семи машин, под командованием старшего лейтенанта Череватенко, должна была приготовиться к вылету через два часа, вторая, более многочисленная, из 11 машин, под командованием капитана Демченко, вылетела на рассвете следующего дня. Летчики, не имевшие машин, и технический состав полка должны были эвакуироваться пароходом.

К назначенному времени первая группа была полностью подготовлена к дальнему перелету: залито горючее, опробованы моторы. Все машины были сильно перегружены, некоторые летчики взяли с собой в машины и своих техников.

Ни одна из машин не имела лишнего запаса горючего на случай каких-либо непредвиденных обстоятельств, способных увеличить время полета. Но ни сами летчики, ни командование полка не обратили на это особого внимания. То, что полет будет проходить в сфере досягаемости авиации противника и, возможно, в сложных метеоусловиях, при подготовке никак учтено не было.

Вылет задержался до 14.00. Почти сразу после взлета летчики, не набрав еще достаточной высоты, наткнулись на «мессершмитты», от которых успели вовремя спрятаться в облаках.

Разойдясь с противником, группа набрала высоту и взяла курс на Крым. Пролететь предстояло около 300 км. Встречный ветер уменьшал скорость, увеличивая расход горючего.

Крымский берег оказался закрыт плотным туманом. Горючего на поиск аэродрома уже не оставалось, и группа стала садиться в поле за селом Кунан. Из семи входивших в группу машин шестерым удалось благополучно приземлиться на поле. Комиссар Феодосийской эскадрильи Дубковский, перегрузивший самолет больше остальных, дотянуть дальше берега не смог и сел в районе маленького порта Ак-Мечеть.

Фактически группа перелетела в Крым на пределе своих возможностей, находясь в одном шаге от катастрофы, которая легко могла произойти по одной из многих причин. Если бы группу Череватенко атаковали истребители противника или встречный ветер оказался бы более сильным, горючего до крымского берега уже бы не хватило.

Однако все кончилось сравнительно благополучно, поэтому выводов из перелета первой группы никто не сделал, и группа Демченко на следующий день вылетела все с тем же перегрузом. Но результат в этот раз был уже совсем иной.

Вторая группа из-за неисправностей задержалась с вылетом еще дольше первой.

В нее входили все 10 истребителей, оставшихся в сводной авиагруппе ВВС Черноморского флота капитана Демченко, оперативно подчиненной «69-му ИАП» и называемой в нем «Черноморской эскадрильей».

Погода в районе аэродрома быстро портилась, и чтобы не терять дальше время, машины было решено выпускать в полет по мере устранения в них неисправностей. Поэтому вместо одной группы фактически вылетели три.

Первыми взлетели командир сводной авиагруппы капитан Демченко с комиссаром авиагруппы Маралиным, лейтенанты Ченкунов, Дмитрусенко, Николашин и младший лейтенант Тарасов из 2-й эскадрильи «69-го ИАП», самолет которого из-за неисправностей не смог вылететь с группой Череватенко.

Почти одновременно с истребителями в Крым вылетели на «УТИ-4» командир 4-й эскадрильи «69-го ИАП» Елохин и начальник штаба полка Никитин.

Через 15 минут оставшиеся машины также оказались готовыми к полету. Но взлететь успел только заместитель командира «Черноморской эскадрильи» капитан Вальцефер, везший с собой техника Фукалова, после чего обнаружилось, что к аэродрому подходит мощный дождевой шквал. Вылет оставшихся четырех машин задержали, а Вальцеферу дали сигнал возвращаться на аэродром. Однако возвращаться он не рискнул из-за начавшегося сильного ливня со шквалистым ветром и решил продолжать полет.

После того как ливень прошел и погода улучшилась, вылетели оставшиеся 4 машины лейтенантов Скачкова, Сапрыкина, Шевченко и Мягкова. В Крым ни истребители, ни самолет Елохина вовремя не прибыли. Посланная в Крым из Одессы радиограмма сообщала, что группа должна добраться до Крыма к вечеру.

Вечером погода испортилась, и на принимающем аэродроме (478) на всякий случай включили прожекторы, чтобы помочь летчикам с ориентированием. Световые столбы и отсветы прожекторов даже в плохую погоду видно за много километров. Однако к ориентиру никто так и не пришел.

Из первой группы благополучно долететь до Крыма не удалось никому. Тела Дмитрусенко и Николашина были позднее найдены недалеко от Севастополя под обломками их разбитых самолетов. Останки Демченко, Маралина, Ченкунова и Тарасова так и не были найдены. Скорей всего, им не удалось долететь до берега, и их машины упали в море.

Самолет Елохина попал в дождевой шквал через 15 минут после взлета. Чтобы избежать бури, летчик был вынужден прижаться к са-

мой воде и так летел, пока не стемнело. На УТИ-4 отсутствовали приборы для ночного пилотирования, оборудованные подсветкой. Но Елохин был специалистом по ночным полетам. В полку он занимался созданием ночной эскадрильи, и сам во время ночных боев сбил 2 вражеских бомбардировщика. Опытный летчик вел машину в полной темноте, на брющем полете и практически на ощупь, изредко пользуясь фонариком, чтобы свериться с компасом. Заметив под собой небольшую песчаную косу, летчик сумел сесть «на брюхо» с убранными шасси, опасаясь скапотировать. Утром выяснилось, что самолет удалось посадить на остров Джарьылгач, откуда летчиков и забрал сторожевой катер.

Вальцефер сумел долететь до Крыма, но отклонился от курса и стал садиться в районе Евпатории. При посадке машину разбило в щепки, а сам капитан получил тяжелые ранения. Но техник Фукалов, отделавшийся лишь легкими ушибами, смог вытащить пилота из кабины и оказать ему первую помощь.

Последняя четверка сумела благополучно добраться до Крыма, тоже сбившись в темноте при низкой облачности и дожде с курса. В полете летчики шли парами, которые в конце концов потеряли друг друга из виду.

Скачков и Сапрыкин оказались в районе села Терекли-Конрад и там совершили посадку. Вторая пара — Шевченко и Мягков — уклонились в сторону Севастополя. И так как сумерки быстро сгущались, а горячее было на исходе, Шевченко пошел на вынужденную и разбился. Мягков не решился садиться и выбросился с парашютом. Во время приземления летчик ударился головой о телеграфный столб. Удар оказался смертельным.

За все время боев под Одессой сводная авиагруппа ВВС Черноморского флота потеряла 8 человек и столько же — во время перелета в Крым.

Теперь сложно задним числом судить о том, можно ли было избежать столь высоких небоевых потерь. Но если бы был учтен опыт перелета первой группы и уменьшена перегрузка машин, а все машины группы были бы готовы к вылету еще утром, и летели бы одной группой под руководством опытного летчика, вероятность потерь, скорей всего, бы значительно уменьшилась.

РАЗРАБОТКА НОВОГО ПЛАНА (12 ОКТЯБРЯ)

После того как стало ясно, что решение об одноэтапной эвакуации наконец будет принято, встал вопрос о его практическом осуществлении. Еще при разработке плана экстренной эвакуации командованию

ООР стало ясно, что наибольшую трудность представляет как раз осуществление эвакуации боевых частей Приморской армии.

Организовать проведение такой сложной операции, во время которой 4 дивизии с тяжелым вооружением должны были быть эвакуированы за одну ночь, можно было только совместными усилиями четырех штабов: Приморской армии, ООР, Одесской ВМБ и Черноморского флота.

Операция должна была состоять из четырех этапов.

На предварительном этапе предполагалось сосредоточить в Одесском порту крупные транспорты и боевые корабли, в количестве, необходимом для проведения эвакуации за одну ночь, и передислоцировать основную часть истребительной авиации Черноморского флота к мысу Тарханкут, поближе к коммуникациям, на которых будет осуществляться эвакуация.

Сама эвакуация боевых частей должна была проводиться в три этапа.

С нуля часов 15 октября дивизии отправляли и грузили на суда свои тылы, артиллерию и технику. В 19.00 с позиций должны были скрытно сняться основные силы и уйти в порт. С 22.00 начинался отход арьергардов, а в полночь позиции должны были покинуть последние подразделения сил прикрытия.

План движения дивизий в порт и непосредственно к местам погрузки составлялся с учетом нахождения позиций, занимаемых ими в системе обороны (479) и им предусматривались следующие маршруты движения частей.

2-я кавалерийская дивизия подходит к Таможенным воротам по спуску Вакуленчука и далее на Карантинный мол, в Карантинной гавани, где с причала № 5 грузится на транспорты «Чапаев» и «Большевик». Тылы и частично артиллерия и транспорт дивизии должны были грузиться на баржу, буксируемую СКР «Кубань».

25-я стрелковая дивизия — по спуску Кангуна через Таможенные ворота к Платоновскому и Новому молам в Новой гавани, где грузится на транспорты «Курск», «Жан Жорес» и «Украина».

95-я дивизия движется двумя колоннами: по Военному спуску и улице Старостина через Крымские ворота на Военный мол, в Каботажной гавани, где грузится с причалов № 34 и 36 на транспорты «Армения», «Калинин» и «Восток».

421-я дивизия следует через Пересыпь в Нефтяную гавань, где грузится на транспорты «Котовский» и «Сызрань». Погранполк направляется на Военный мол в Каботажной гавани, где грузится на транспорт «Абхазия».

К 21.00 войска начнут подходить к судам. Для прикрытия отхода каждая дивизия оставляет по батальону, насчитывающему не менее 1200 человек в качестве арьергарда. Части прикрытия начинают отход к пунктам посадки в 22.00.

Арьергард 421-й дивизии должен был грузиться там же, где и сама дивизия — в Нефтяной гавани, арьергард 95-й в Практической, с той разницей, что вывозить их планировалось не транспортами, с помощью канонерских лодок, тральщиков и парусно-моторных шхун.

Арьергард же 25-й дивизии должен был грузиться в Аркадии на суда с малой осадкой: болиндеры, моторные баркасы, 50 парусных и моторных шлюпок и на 27 понтонных шлюпок. (480)

От каждой дивизии к флотскому коменданту участка посадки (481) выделялся армейский представитель для поддержания порядка, а на каждое судно назначались начальник и комиссар эшелона, которые должны были руководить посадкой людей и отвечать за погрузку оружия. Разработанные схемы движения подразделений от позиций до порта были вручены командирам. На подходе к порту на мостовой улиц начерчивались белой краской стрелы, показывающие направление к порту. Назначались специальные «маяки» для облегчения ориентировки и проводники для движения по порту, заранее изучившие порт и расположение судов в гаванях. (482)

Посадка должна была производиться поротно, в колоннах «по одному», на 2—4 трапа одновременно. Одновременно же с посадкой пехоты должны были грузиться вручную по трапам станковые пулеметы, минометы и легкие орудия без лошадей и повозок. (483)

Нормативы на погрузку с учетом количества задействованных судов и трапов были установлены в количестве 45 минут для тысячи человек, 1,5 часа для 2 тысяч, 2 часа для 5 тысяч человек и 3 часа для 10 тысяч.

Для каждой стрелковой дивизии выделялось по три судна, стоящих между смежными причалами, а для кавдивизии — два. Причалы, с которых будет грузиться каждая дивизия, было решено объединить в эвакуационные участки, контролируемые выделенными комендантами. Два транспорта оставались в резерв на случай поломки или уничтожения противником судов, предназначенных для эвакуации.

Расчет времени в предстоящей операции приобретал решающее значение, так как конвой должны были успеть за темное время суток добраться до середины Каракинитского залива, где их смогла бы прикрыть истребительная авиация Черноморского флота. С учетом того, что транспорты для проведения успешных налетов должны быть предварительно обнаружены авиаразведкой противника, предельное время вы-

хода транспортов на середину Каракинитского залива определялось как 9.00 16 октября. Следовательно, последние суда должны были покинуть Одесский порт до 3—4 часов ночи. Норматив на съемку со швартов и выход из порта устанавливался в полчаса.

Для выхода двенадцати судов требовалось 6 часов. Чтобы последнее судно ушло до 4.00, первое должно было выйти в 22.00. Значит, посадка на него должна была быть закончена в 21.30.

На примере двух рот был составлен хронометраж движения от передовой до причалов. При максимальной скорости движения (484) расстояние можно было покрыть за два — два с половиной часа.

Для концевых частей этот норматив решено было удвоить, учитывая возможные загоры и последствия налетов вражеской авиации. Гидрографическая служба базы для облегчения выхода из гавани в воротах порта на месте Воронцовского маяка и на оконечностях мола должна была установить белые огни. Для ориентировки на внешнем рейде на Большой Фонтанке устанавливался зеленый огонь, на мысе Е — синий. Капитанам разрешалось в случае угрозы столкновения включать отличительные бортовые огни.

Учитывая таллинский опыт, классических конвоев решено было не организовывать, так как при недостатке судов охранения они были слишком уязвимы для вражеского удара и экономили противнику время на поиск целей.

При одновременном окончании погрузки более надежным представлялось самостоятельное использование каждым судном имеющегося у него запаса темного времени на то, чтобы как можно дальше уйти из опасной зоны.

Исходя из этих соображений, сбор транспортов на внешнем рейде был признан опасным. Кроме того, организация конвоя приводила к неизбежному равнению по самому тихоходному, что также расходовало драгоценное время. Кроме этого, капитаны гражданских транспортов и даже многие командиры военных транспортов не имели достаточного опыта согласованного движения в конвое.

Поэтому каждое судно должно было на максимально возможной для него скорости стараться покинуть зону конвоя. На случай обнаружения транспорта противником каждый из них должны были непосредственно прикрывать 3 охотника, образующих своеобразный мини-конвой. Таким образом, транспорты должны были фактически осуществлять движение импровизированной колонной конвоев.

Расстояние между такими мини-конвоями, конечно, никак не регулировалось, но предполагалось, что они растянутся примерно на 40—50 миль. Корабли эскадры должны были осуществлять прикрытие

движения в этом пределе, сосредоточиваясь в наиболее угрожаемых участках, число которых должно было уменьшаться по мере удаления кораблей от базы.

План эвакуации даже в своем окончательном варианте имел несколько уязвимых мест, ликвидировать которые полностью так и не удалось. Большое скопление людей в порту становилось идеальной целью для вражеской авиации. И ни авиация, ни зенитные дивизионы уже не могли обеспечить прикрытие эвакуации армии на одном из самых ответственных ее этапов — при погрузке основных сил на транспорты. Для уменьшения возможных потерь и эвакуируемые дивизии, и сами транспорты, на которые они грузились, были максимально рассредоточены по гаваням, благо размеры Одесского порта это позволяли. Транспорты при этом решено было разместить у причалов так, чтобы попадание одной бомбы не могло привести к повреждению сразу двух транспортов. Несколько меньшую угрозу представлял также возможный артналет.

Количество резервных судов, как это выяснилось еще до начала эвакуации, тоже оказалось недостаточным. Особую тревогу это вызвало у командующего армией генерал-майора Петрова, который, узнав, что вовремя, возможно, не будут поданы три транспорта, что превышало возможности выделенного резерва, сказал исполнявшему обязанности начальника штаба ОБМБ, капитану 3-го ранга Деревянко:

«Если моряки не способны поднять все войска и есть угроза хоть одному полку, вы, моряки, можете уходить, а я останусь с армией». В целом план соответствовал реальной обстановке, и теперь все зависело от того, как его удастся реализовать.

ЭВАКУАЦИЯ ПРИМОРСКОЙ АРМИИ (19.00—5.00)

Во второй половине дня 15 августа командующий Одесским оборонительным районом контр-адмирал Жуков с борта крейсера «Червона Украина» отдал последний приказ:

«1. Отвод войск ООР начать в 19.00 15.10.41 г., закончив амбаркацию в ночь с 15.10 на 16.10 согласно утвержденному мною 13.10 плану.»

2. Выполнение операции по отводу сухопутных войск ООР и амбаркацию их возлагаю на командующего Приморской армией генерал-майора Петрова.

3. Командующего Одесской военно-морской базой контр-адмирала Кулишова подчиняю командующему Приморской армией.

4. Потребовать от командиров и комиссаров соединений и частей под их персональную ответственность, чтобы оставляемые за невозможностью эвакуации имущество, материальная часть и запасы были уничтожены. Личное оружие и оружие коллективного пользования взять с собой.

Объекты государственного и оперативного значения разрушить согласно утвержденному мною плану.

5. Мой КП с 12.00 15.10.41 г. — крейсер «Червона Украина».

6. Генералу Петрову о ходе отхода и амбаркации доносить мне через каждые 2 часа, начиная с 20.00 15.10.41 г.». (485)

С 15 часов началась погрузка полевого управления армии. Для управления частями осталась опергруппа в составе командующего армией Петрова, члена Военного совета Азарова, начштарма Крылова, а также начальников оперотдела, артиллерии и инжуправления с их помощниками и помощника начальника связи с шестью связистами. (486) Опергруппа оставила главный КП, расположенный в подвалах коньячного завода, который начали готовить к подрыву, и к 17 часам перешла на бывший КП ОВМБ, расположенный на набережной.

В 19.00 из всех секторов в него поступили короткие сообщения: «Идет по плану», означавшие, что части армии начали отход. В этот момент вся артиллерия, назначенная прикрывать марш-бросок 4-х дивизий к порту, открыла огонь по румынским позициям. Их поддержали бронепоезда и береговые батареи, которые уже с утра участвовали в имитации подготовки к наступлению и должны были вести огонь до полного израсходования боезапаса.

Для достижения большей правдоподобности начальник артиллерии Приморской армии полковник Рыжи предпринял маневр огнем силами оставляемых береговых батарей и артиллерии, находящихся на рейде боевых кораблей.

Отход частей 421-й, 95-й, 25-й стрелковых дивизий и 2-й кавалерийской дивизии прикрывали специально выделенные арьергардные батальоны, усиленные батареями полевой артиллерии и противотанковыми пушками. Сам отход проходил довольно гладко, были зафиксированы всего две незначительные попытки противника перейти в наступление во время отхода частей: на участке 31-го СП 25-й СД и на участке 161-го СП 95-й СД. Попытки эти больше напоминали разведку боем, и командиры обеих дивизий доложили об этом в штаб Приморской армии только после того, как атаки противника были отбиты, однако командующий Приморской армии генерал-майор Петров на всякий случай со-

обшил об этом Военному совету ООР телефонограммой с пометкой «вне очереди».

При подходе к порту стали возникать заторы, первые из которых образовались еще днем, во время эвакуации остатков тылов армии, военно-морской базы и полевого управления армии. Проезжая в порт, командующий ООР Жуков с тревогой сказал сопровождавшему его члену Военного совета Азарову: «А ведь это еще не главные силы отходят».

Впоследствии его опасения полностью подтвердились. С началом отхода главных сил заторы стали усиливаться. Особенно тяжелая ситуация сложилась на маршруте следования 95-й СД. Весь следовавший на погрузку автотранспорт там пришлось бросить, и последние эшелоны с трудом продирались через нагромождение брошенных машин. Петров в одной из следующих телефонограмм (487) сообщил о большом заторе на подходе к порту.

Бронепоезда первыми из огневых средств, оставленных для прикрытия отхода, прекратили огонь и стали отходить в тупики, где их должны были подрывать собственные команды или саперы. Взрывчатки для полного подрыва такой массивной техники уже не хватало, поэтому уничтожение бронеплощадок и паровозов производили всеми доступными способами. Так, на бронепоезде «За Родину» паровоз уничтожили подрывом обложенной вокруг котла взрывчатки, предварительно подняв до предельного давление в котле и обложив его под броневым кожухом ящиками с толом, шнуры от которых были выведены за дверь паровозной будки. На бронеплощадках были установлены ящики с толом и бутылки с горючей смесью, которые были подожжены выстрелами из винтовок, очевидно, из-за отсутствия нужного количества запальных шнуров.

Управления, политотделы и штабы отошли еще раньше и к 19.00 уже разместились на транспортах. Уничтожение портовой структуры проводилось несколько опережающими темпами, что создало определенные проблемы. В порту не было электричества и не работали электрокраны. Начальник инженерных войск Приморской армии полковник Кедринский выехал на электростанцию, но электричество так уже и не было дано. По распоряжению коменданта порта Романова орудия приходилось предварительно разбирать и по частям грузить на суда, маленькими механическими кранами и вручную, что в свою очередь замедлило погрузку.

В темноте по какой-то причине загорелись портовые склады. Пожар был сильным, и вовремя потушить его не удалось. Причалы, возле которых находились горящие склады, оказались настолько подсвеченными пламенем, что командир «Червоной Украины» капитан 1-го ранга Басистый в бинокль наблюдал возле них и загружающиеся транспорты, и

подходящие войска, о чем немедленно сообщил находившемуся на борту крейсера командующему ООР Жукову.

После начала пожара последовал налет вражеской авиации, не нанесший ни кораблям, ни отходящим войскам особенного ущерба, но оставивший командование в размышлениях относительно того, обнаружил уже противник эвакуацию или же еще нет.

В результате до 20.00, как это было намечено по плану, завершить погрузку артиллерии не удалось, и из-за проблем с кранами часть орудий и тягачей в итоге были брошены на причалах — времени на их уничтожение уже не оставалось. (489) По этой же причине часть непогруженных машин пришлось просто столкнуть с причалов.

Правда, в некоторых случаях, посадку удавалось закончить и раньше намеченного срока. Так, представитель 25-й дивизии позвонил на ФКП в 21.35 и радостно сообщил, что части дивизии закончили посадку на транспорт «Жан Жорес», и командир охраны рейдов с командиром конвоя готовы дать транспорту разрешение на выход. Разрешение было получено, и через 10 минут «Жан Жорес» покинул гавань.

Незадолго до 22 часов случилась прямо обратная ситуация: из Нефтяной гавани без разрешения двинулись транспорты «Котовский» и «Сызрань». Как выяснилось из данных позже всеми отвечавшими за погрузку лицами объяснений, комендант участка посадки отвлекся на встречу подходивших подразделений, а его помощник ошибся при подсчете подразделений и посчитал погрузку законченной, о чем и сообщил командирам транспортов. Капитаны судов возражать не стали, и, напротив, приняли сообщение об окончании погрузки за «добро» на выход.

В условиях осажденного города суровые наказания, случалось, следовали и за гораздо менее значительные нарушения. Так, командира эсминца «Бойкий» Годлевского чуть не наказали только за неосторожно вставленное в радиogramму слово. Но так как виновных было много, а заменить их некем, к ответственности их привлекать не стали, ограничившись строгим внушением командира базы.

В 22.00 из гавани вышел второй конвой. В 23.00 эсминец «Шаумян» потихоньку повел на буксире подбитый транспорт «Грузия», а за ним ненамного быстрее отправился транспорт «Восток», до предела забитый тылами, артиллерией и 2,5 тыс. бойцов 95-й стрелковой дивизии.

В 23.00 основные силы отходящих частей стали подходить к порту. Батальоны прикрытия ожидали на позициях до полуночи, каждый час делая доклады с частично оставленных им для этого средств связи командных пунктов дивизий. В первом часу ночи они в свою очередь также начали отход с передовых рубежей. (488)

Ближе к полуночи флагманский минер базы Квасов ухитрился заминировать выход из Практической гавани, в которой еще оставались 2 транспорта с арьергардом 95-й дивизии — «Армения» и «Калинин».

Корабли было решено перетянуть вдоль причалов, где около 60 метров воды было свободно от мин. Квасов, находясь по приказу командира базы во время буксировки каждого транспорта на его мостике, следил оттуда, чтобы судно не наскочило на мины. В обычных условиях на выход из гавани ушло бы не более 5 минут, но осторожная буксировка вдоль края минного поля требовала гораздо больше времени. Корабли удалось вывести из гавани только через час.

Одиночные суда продолжали покидать Одесский порт. В 0.55 вышла «Сызрань» с частями 421-й дивизии, к 2.00 порт покинули теплоход «Украина» и транспорт «Курск» с частями 25-й.

В 2.30 закончила посадку 2-я кавдивизия. Из двух назначенных ей транспортов в порт пришел, хотя и с опозданием, только «Чапаев». Поэтому часть ее личного состава, которая должна была отправляться на задержавшемся «Большевике», было решено отправлять на крейсерах, которые, как и вспомогательные суда, были выбраны в качестве резерва, на случай если число пришедших транспортов окажется меньше планируемого.

«Большевик» все-таки появился. Он пришел через полчаса после того, как погрузка дивизии была завершена. Таким образом, к 2 часам ночи были полностью отправлены только две из четырех дивизий.

В это время по плану эвакуация дивизий должна была уже завершиться полностью, и дальше должны были грузиться только части прикрытия.

Хоть добится этого и не удалось, сворачивание всех служб базы проходило по ранее утвержденному плану.

Задержались с посадкой из-за минирования Практической гавани части 95-й дивизии.

«Армению», на которой эвакуировались 2 стрелковых полка, удалось загрузить к 3.00, а погрузка на «Калинин» затягивалась еще больше так, как он брал на борт кроме пехоты 57-й артполк и отдельный арtdивизион. В отсутствие вышедших из строя кранов погрузка шла крайне медленно.

Торопившийся покинуть гавань еще 4 часа назад транспорт «Котовский» так и стоял у стенки, так как по непонятным причинам задерживалась часть 421-й СД вместе с ее командиром Коченовым.

Отходившие арьергардные части, которые стали появляться в порту около 2 часов ночи, баркасами стали доставлять на крейсера. В связи с этим «Красный Кавказ» около полуночи прекратил обстрел против-

ника и перешел на внешний рейд, где и ожидал появления прикрывавших отход батальонов.

Бойцам этих батальонов пришлось осуществлять примерно 20-километровый марш за 2 часа, вдвое быстрее отошедших войск. Практически всю дорогу они бежали. По его завершении им приходилось подниматься на высокие борта крейсеров «Красный Крым» и «Красный Кавказ». Люди были настолько измучены, что командиры кораблей выставили у сходней и штормтрапов (490) матросов и старшин, которые снимали с измученных бойцов снаряжение и буквально втаскивали их на борт.

Береговые батареи и 16-й зенитный дивизион вели стрельбу до 2 часов ночи, после чего были подорваны. Часть бойцов с них была доставлена машинами в порт, а со 181-й, 162-й и 163-й батарей эвакуация проводилась четырьмя шхунами сразу в Севастополь и Евпаторию.

В 5 часов 10 минут сигнальщики доложили о выходе из гавани последнего транспорта. К борту крейсера «Червона Украина» подошел тральщик. Командир дивизиона тральщиков капитан-лейтенант Леут доложил контр-адмиралу Владимирскому, что в порту людей не осталось, кроме командира ОВРа, капитана 2-го ранга Давыдова, который закончит постановку мин и уйдет последним. В 5.30 крейсер снялся с якоря. Когда рассвело, с «Червонной Украины» увидели армаду транспортов, кораблей и шхун, растянувшуюся на несколько десятков миль.

В семь утра крейсер нагнал теплоход «Грузия». Все возможности по буксировке транспорта эсминцем «Шаумян» к этому времени были уже исчерпаны. Стальные тросы не выдерживали нагрузки и постоянно рвались, во время обрывов погиб один человек и еще двое были ранены. Командир эсминца «Шаумян» доложил командующему эскадрой, что буксировать «Грузию» больше не может, так как все буксиры порваны. Исполнявший обязанности капитана старпом Габуня принял решение продолжать движение самостоятельно, управляясь машинами. Транспорту посчастливилось избежать атак вражеской авиации, и на следующий день он сумел добраться до Севастополя.

При организации прикрытия уходящих транспортов, как и при проведении эвакуации, были учтены все ошибки Галлинского перехода. Маршрут выходящих из Одессы в Севастополь кораблей имел один излом — у Тендры.

До него корабли находились на относительно небольшом расстоянии от ближайших аэродромов противника, и риск частых и интенсивных налетов тут был очень велик. После прохождения Тендры корабли поворачивали южнее, и с удалением от немецких аэродромов риск налетов уменьшался.

Поэтому наибольшему риску подвергались транспорты, ушедшие последними, так как они не успевали пройти опасный участок затемно. Соответственно, они и охранялись более тщательно. Пять концевых транспортов, задержавшихся с погрузкой: «Грузия», «Калинин», «Котовский», «Чапаев» и «Армения» прикрывали 4 эсминца: «Шаумян», «Незаможник», «Смышленный» и «Бодрый». Ждать «Большевик» концевой конвой уже не мог и ушел без него.

Остальные корабли эскадры в основном прикрывали транспорты, идущие в среднем конвое.

В соответствии с уроками Галлинского перехода было предпринято эшелонирование по скорости: быстроходные корабли не должны были следовать вместе с тихоходными и ожидать их. В случае повреждения какого-то из судов общая скорость конвоя не должна была падать.

Основное ядро Приморской армии шло на 11 транспортах, 2 крейсерах, 4 эсминцах, 8 тральщиках и 3 канлодках. К охранению транспортов было привлечено 25 малых охотников и соединение торпедных катеров. С воздуха их прикрывали 40 истребителей.

Когда рассвело, противник разведкой установил большое число транспортов, шедших из Одессы, и с 10.00 начал их бомбить. Налетам подверглись «Жан Жорес», «Украина», «Курск», «Калинин» и шедший за последним конвоем слабо охранявшийся «Большевик». Транспорты бомбили «Ю-88», прикрываемые «Ме-109».

Пикирующих бомбардировщиков «Ю-87» противник не применял.

Налеты авиации отражались всеми имевшимися в наличии зенитными огневыми средствами. Все корабли эскадры — не только крейсера и эминцы, но и тральщики, охотники и другие малые суда, вели огонь из всех имевшихся зенитных орудий и пулеметов. Транспорты тоже вели огонь по противнику из имевшейся на них зенитной артиллерии, а капитан «Жана Жореса» Лебедев распорядился установить на палубе перевозимые им зенитные пушки Чапаевской дивизии.

С восходом солнца истребители флота, поднявшись с аэродромов Крыма и Тендры, прикрыли транспорты и при подходе авиации противника стали вступать с ней в бой. Противник предпринимал атаки в течение дня, но без особого успеха. Лишь к вечеру, после того как прикрывающие конвой истребители ушли на свои аэродромы, торпедоносцы противника, подойдя с севера, смогли утопить слабо охранявшийся транспорт «Большевик».

Незагруженный «Большевик», ушедший из Одессы последним, следовал концевым в колонне транспортов. На борту его находилось лишь около 20 солдат Приморской армии. Около 18 ч. в Каркинитском заливе между Одессой и мысом Тарханкут в атаку на него выш-

ли три торпедоносца He-111, четыре бомбардировщика и четыре истребителя. Два истребителя обстреливали торпедные катера, которые пытались прикрыть «Большевик», остальные продолжили атаку транспорта. В течение 7—10 минут они, пересекая курс судна по всем направлениям, обстреливали его из пушек и пулеметов. Затем были сброшены торпеды. Две торпеды попали в кормовую часть с правого борта. Взрывом были разрушены обе переборки кормового трюма и главная машина. Пароход начал быстро погружаться кормой. Бомбардировщики противника, не встречая сопротивления, продолжили свои атаки. Бомбы рвались вдоль обоих бортов. Несколько снарядов авиационных пушек попали в форпик. Дифферент парохода достиг угрожающих размеров, киль оголился до второго трюма, и «Большевик», резко накренившись на правый борт, пошел ко дну. Спущенные на воду шлюпки были пробиты осколками, но большинству команды все-таки удалось спастись благодаря подобранным их кораблям охранения. По разным данным, при налете на пароход погибло от 2 до 16 человек.

Эвакуация Одессы, при которой все внимание штаба организовывавшей ее Одесской ВМБ было направлено на то, чтобы предотвратить ошибки, допущенные в Таллинском переходе, оказалась не просто успешной.

Она стала эталоном операции по эвакуации целой армии, проведенной в предельно сложных условиях постоянного соприкосновения с противником и активного противодействия его авиации.

Тщательно разработанные войсковая и морская составляющие плана операции дали возможность скоординировать действия Приморской армии и Черноморского флота, сделав возможным эвакуацию с занимаемых ими позиций в течение 10 часов четырех дивизий с тяжелым вооружением.

Помимо успешного осуществления самой эвакуации также успешно была осуществлена и проводка транспортов с войсками в Севастополь. Продуманная система выхода и следования «микроконвоев» показала свою жизнеспособность. Темное время суток было использовано с максимальной эффективностью. Авиационное прикрытие микроконвоев и охрана их кораблями Черноморского флота строились с учетом пределов досягаемости их вражеской авиацией.

В эвакуации участвовали 37 торговых и военных, крупных, средних и малых транспортов. Всего в операции принимали участие более 80 кораблей, судов и катеров. За период с 1 по 16 октября было вывезено 86 тыс. военнослужащих с вооружением и 15 тыс. человек гражданского населения. Из них в последнюю ночь, с 15 на 16 октября, было эвакуировано 38 тыс. человек. Было вывезено 570 орудий, 938 автомашин, 34 танка и 22 самолета.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

В разное время в советской историографии сроки обороны Одессы определяли по-разному. В послевоенное время считалось, что оборона города длилась 70 дней и началась 8 августа с введением в городе осадного положения. После выхода Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1965 г. об утверждении Положения о почетном звании «Город-герой» и присвоения этого звания в числе первых 5 городов-героев и Одессе, срок обороны стали оценивать в 73 дня, считая его со дня выхода директивы Ставки с указанием удерживать Одессу любой ценой.

По большому счету вопрос, сколько дней оборонялась Одесса — 70 или 73, — не так уж важен. Гораздо важнее, как проходила эта оборона. За истекшие 4 неполных месяца войны это была первая успешная крупная оборонительная операция Красной Армии и Военно-морского флота.

При этом оборона Одессы оказалась первой оборонительной операцией, в которой отстаивание обороняемого города не являлось главной целью. С отходом фронта все дальше на восток Одесса уже не имела больше значения важного промышленного центра. Одесская промышленность не могла работать на страну с изолированного плацдарма, а после того, как около двух третей предприятий были эвакуированы, оставшаяся часть с трудом обеспечивала потребности оборонительного района.

Удержание Одессы как военно-морской базы тоже не имело во время оборонительных действий самостоятельного значения. Ценность Одессы была в другом. Она являлась хорошо оборудованным и довольно емким плацдармом во вражеском тылу. Тяжелая обстановка первых месяцев войны не позволила сразу сосредоточить на нем, как это виделось начальнику генерального штаба Жукову, 6 дивизий, к Одессе отступили всего 2 дивизии, число которых удалось за время обороны постепенно увеличить до 5.

В сочетании с довольно значительным количеством береговой и корабельной артиллерии, поддерживающим эти части, Одесский оборонительный район смог оттянуть на себя все силы 4-й армии корпусного генерала Чуперкэ, замененного за провал наступления генералом Якобици.

Во время обороны города общие потери частей Приморской армии, по данным отдела укомплектования штаба Приморской армии, составили 40 427 человек, из которых 4397 человек было убито, 24 218 ранено, а 9 747 пропало без вести. (491)

Общие потери 4-й румынской армии составили, по разным данным, до 90 тыс. человек, в советское время назывались и значительно большие цифры — до 160 тыс. человек.

Но независимо от точной величины потерь, 4-я румынская армия в боях под Одессой полностью утратила боеспособность. Ее обескровленные дивизии были в октябре—ноябре отведены в Румынию для переформирования и только через 10 месяцев, в августе 1942 г. были снова направлены на фронт.

Как писал начальник Германской военной миссии в Румынии генерал-майор Гауффе: *«Русские части в Одессе выполнили свое задание выигрывая времени. Они исключили еще 2 месяца из запланированного нами срока превращения Одессы в свою базу снабжения. Они сковали на своей стороне преобладающую часть румынских наземных войск. И к тому же нанесли 4-й румынской армии такие тяжелые потери, что из ее личного состава осталось всего 60 процентов, но и те, поскольку речь идет о пехоте, были сильно потрепаны боями».* (492)

Это была первая операция, в которой ошибки, неразбериха и чудовищное неравенство сил, возникшие в первые недели войны, удалось успешно преодолеть. И преодолеть не только благодаря массовому героизму защитников города. Советские солдаты и моряки героически сражались на всех фронтах и флотах, от Белого моря до Черного.

Под Одессой советскому командованию впервые удалось переломить последствия неблагоприятно складывающегося хода боевых действий начала войны. Сделать это удалось во многом благодаря отходу от привычных довоенных шаблонов, неэффективность которых в конечном счете и привела врага к окраинам Одессы.

Под Одессой Красной Армии впервые пришлось постепенно отказываться от тактики активной обороны и попыток постоянно переходить в контрнаступление без учета реальной обстановки. За все время Одесской обороны войска Приморской армии нанесли три крупных контрудара по противнику. После первого из них, нанесенного в Южном секторе 17 августа и подготовленного за один день, обвалился фронт в Южном секторе обороны, и войскам сразу двух секторов, Западного и Южного, пришлось отходить на новые позиции, расположенные значительно ближе к городу.

Больше подобных ошибок командование ООР уже не совершало. Последующие контрудары готовились долго и тщательно, с учетом всех изменений, происходивших за это время в обстановке, и накопленного опыта боев с противником. И независимо от того, проводились они при поддержке кораблей Черноморского флота, как в Восточном секторе,

или без нее, как в Южном, — им сопутствовал успех. Находясь в тяжелых условиях, командование ООР научилось ценить все имеющиеся в его распоряжении силы и эффективно ими пользоваться.

К концу Одесской обороны обычными стали даже приказы отойти на пару километров для избежания излишних потерь. Здесь советское командование, пожалуй, быстрее, чем где бы то ни было, «училось воевать» — потому что этого властно требовала обстановка.

Под Одессой впервые в широком масштабе были применены новые формы и методы боевых действий. В первую очередь это, конечно, касалось действий береговой и корабельной артиллерии. Одесская военно-морская база первой на Черноморском флоте применила в широких масштабах корректировку огня корабельной и береговой артиллерии, отказавшись от стрельбы по площадям.

Такая тактика стала одной из причин того, что оборона Одессы оказалась значительно более успешной, чем начавшаяся одновременно с ней оборона Таллина, где наземным войскам также оказывали активную поддержку корабли Балтийского флота, использовавшие довоенные методики стрельбы, и прежде всего, стрельбу по площадям.

Можно сказать, что система управления огнем корабельной артиллерии под Одессой была доведена до совершенства, и это не будет преувеличением. Все полки дивизий Одесского оборонительного района имели устойчивую телефонную и радиосвязь с корректировочными и командными пунктами, командованием ООР и Одесской военно-морской базы, которая по своей организации и четкости работы не уступала немецкой.

Обученные корректировочные посты кораблей ЧФ и Одесской ВМБ, возглавляемые квалифицированными морскими офицерами-артиллеристами, закреплялись за отдельными полками и работали по их заявкам, обеспечивая крайне эффективное поражение целей. С сентября месяца они были уже способны эффективно поддерживать свои войска даже во время ночных боевых действий, что не удавалось ни румынской, ни немецкой артиллерии.

Умело управляемый огонь корабельной и береговой артиллерии стал во время обороны Одессы грозной силой. С течением времени румынам пришлось отказаться от практики проведения крупных наступлений в дневное время и искать способы нейтрализации огня корабельной артиллерии.

Боевые действия, ведшиеся под Одессой, можно в полной мере назвать «войной по-новому». Обеим сторонам пришлось искать и применять новые приемы боевых действий, диктуемые изменяющейся обстановкой. Огонь корабельной артиллерии вынудил румын прибегнуть

к уже упоминавшейся организации широкомасштабных ночных наступательных действий, а советскую сторону — к организации огневой поддержки своих войск с корректировкой огня в ночное время.

В дальнейшем румынам пришлось искать способы контрбатарейной борьбы с советскими кораблями и отвлечения их от выполнения задач по поддержке своих войск. Советским командованием в свою очередь были найдены способы борьбы с румынской дальнобойной артиллерией как в дневных, так и в ночных условиях.

В этом соревновании тактик румынское командование проиграло, несмотря на активную помощь немецких инструкторов, осуществлявшуюся и до, и после начала боевых действий. В условиях, где стремление постоянно наступать и не отдавать врагу «ни пяди», стало невозможным, советское командование стало способным вести войну новыми способами в большей степени, чем его противник.

До конца обороны Одессы, которую пришлось свернуть только из-за необходимости эвакуировать войска для защиты Крыма, румыны так и не смогли найти способа прорвать советскую систему обороны и захватить Одессу. Гитлер вынужден был сам обратить внимание на неудачи своих союзников, и последние попытки наступления на Одессу делались уже согласно его советам, которые он давал Антонеску, но к успеху также не привели.

Также под Одессой впервые было осуществлено контрнаступление с высадкой в тылу противника комбинированного воздушного и морского десанта. Основные принципы этой операции и ее уроки были применены в гораздо более широком масштабе в последующие годы войны под Керчью, Феодосией и Новороссийском.

В боях под Одессой впервые стала массово применяться морская пехота. В составе Одесского оборонительного района активно действовали 2 полка (493) и 7 отрядов морской пехоты. (494)

Во время обороны Одессы советское командование получило уникальную возможность учиться на собственных ошибках. Все просчеты, связанные с эвакуацией частей 8-й армии из Таллина и организацией печально известного Таллинского перехода, были учтены при разработке плана эвакуации Приморской армии из Одессы. Главным условием, поставленным Ставкой Верховного командования и наркомом ВМФ, было учесть все ошибки Таллинского перехода. План эвакуации из Одессы разрабатывался в течение почти двух недель и три раза принципиально изменялся. В результате советским командованием был найден способ эвакуации целой армии, не имеющий аналогов в мировой истории и полностью соответствовавший сложившейся обстановке.

Все войска Одесского оборонительного района были эвакуированы одним броском, в течение одной ночи погрузившись на транспорты и покинув порт. Во время следования была применена уникальная система микроконвоев — суда уходили в течение всей ночи, не ожидая друг друга и не строясь в походный ордер, что дало им возможность быстро покинуть зону досягаемости вражеской авиации.

Но все, что выпало на долю Приморской армии в Одесском оборонительном районе, явилось лишь своеобразной «репетицией», невольной подготовкой к тому, что в гораздо большем масштабе ее бойцам и командирам пришлось совершить в осажденном Севастополе. Впереди Приморскую армию ждали значительно более тяжелые испытания в борьбе с гораздо более сильным и опасным противником, которым являлась 11-я армия Манштейна.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Данные отдела укомплектования штаба Приморской армии по некоторым вопросам боевой деятельности армии при обороне г. Одессы

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.

ПЕРЕЧЕНЬ ЧАСТЕЙ, РАСФОРМИРОВАННЫХ В Г. ОДЕССЕ

1. Головной дорожный отдел УШОСДОРа НКВД
2. 33-й дорожно-эксплуатационный полк
3. 182-я местная стрелковая рота
4. Отд. запасной стрелковый батальон
5. 64-й отд. пулеметный батальон
6. 249-й отд. батальон НКВД
7. 45-й отд. батальон ВНОС
8. 21-й воздухоплавательный отряд аэростатов наблюдения
9. 22-й воздухоплавательный отряд аэростатов наблюдения
10. Одесский пересыльный пункт
11. Авто-хирургический отряд
12. Управление 82-го Ура
13. Управление 83-го Ура
14. Управление коменданта станции Одесса
15. 65-й отд. пулеметный батальон
16. 19-й отд. зенитный артдивизион
17. Авторота 465-го ОАТБ
18. 6-й зап. саперный батальон
19. 62-я отд. местная стрелковая рота
20. Отд. дегазационный взвод 25-й СД
21. Отд. дегазационный взвод 95-й

ПРИЛОЖЕНИЕ 2.

ПЕРЕЧЕНЬ ЧАСТЕЙ, СФОРМИРОВАННЫХ В Г. ОДЕССЕ

1. Сводный стрелковый полк
2. Отд. запасной стрелк. батальон
3. Отд. авторота по транспортировке стройматериалов
4. Отд. отряд глубинного бурения и полев. водоснабжения
5. 136 зап. стрелк. полк
6. Одесская стрелковая дивизия
7. Одесск. экспл. ж.-д. батальон
8. Отряд войск особого назнач
9. Батальон выздоравливающих
10. Стационарная мастерская по изготовлению и ремонту кухонь
11. Отд. местная стрелковая рота по охране объектов сооружений и грузов Одесского ж.-д. узла
12. Головной инж. склад № 3
13. Отд. рота медусиления
14. Бронепоезд № 21
15. Бронепоезд № 22
16. Бронепоезд «За Родину»
17. 82-е Управление военно-полевого строительства
18. 83-е Управление военно-полевого строительства
19. Отд. танковый батальон
20. Армейский санитарный склад
21. Отд. прожекторная рота
22. Армейский ветеринарный склад
23. Отд. Авторота штаба армии
24. Отд. огнеметная рота 25-й СД
25. Отд. пеленгаторная рота
26. Сан.-эпид. отряд
27. Отд. рота химзащиты 25-й СД
28. Отд. рота химзащиты 95-й СД
29. Отд. рота химзащиты 421-й СД

ПРИЛОЖЕНИЕ 3.

ПОТЕРИ ЛИЧНОГО СОСТАВА ПРИМОРСКОЙ АРМИИ С 26 ИЮНЯ ПО 16 ОКТЯБРЯ 1941 Г.

Наименование в/частей	Убито	Ранено	Заболело	Пропало без вести	По другим причинам	Попаало в плен	Всего
25 стр. див.	1114	6031	115	3942	124	84	10 960

Наименование в/частей	Убито	Ранено	Заблело	Пропало без вести	По другим причинам	Попало в плен	Всего
95 стр. див.	1868	10 445	209	3360	800	92	16 774
157 стр. див	151	500	2	153	-	-	806
421 стр. див	442	2671	43	259	60	8	3483
2 кав. див.	204	3029	1	1231	6	5	4475
Разные части	618	1542	80	1252	290	147	3929
Всего	4397	24 218	450	9747	1279	336	40 427

ПРИЛОЖЕНИЕ 4.
ЧИСЛЕННОСТЬ ЛИЧНОГО СОСТАВА ПРИМОРСКОЙ
АРМИИ, ЭВАКУИРОВАННОГО В ГОР. СЕВАСТОПОЛЬ

Наименование подразделения	Нач. состав	Младший нач. состав	Ряд. состав	Всего	Лошадей	Авто-транспорт
Полсвое управление армии	414	205	785	1404	30	114
25-я СД	1041	1376	7421	9838	189	41
95-я СД	881	1079	6987	8947	156	31
421-я СД	691	900	5407	6998	-	11
2-я КД	226	224	1558	2008	—	3
265-й КАП	138	298	1089	1525	-	175
3-й морской полк	104	169	1381	1654	16	20
Части боевого обеспечения	911	1448	6465	8824	235	417
Тыловые части	657	494	8646	9797	246	60
136-й запасной стрелковый полк	240	337	2077	2654	253	-

Наименование подразделения	Нач. состав	Младший нач. состав	Ряд. состав	Всего	Лошадей	Автомобильный транспорт
Батальон выздоравливающих	90	196	1803	2089	—	—
Всего	5478	6890	44 199	56 567	1125	938

ПРИЛОЖЕНИЕ 5. ДАННЫЕ О ПЛЕННЫХ И ТРОФЕЯХ, ЗАХВАЧЕННЫХ У ПРОТИВНИКА

В период обороны города захвачено:

Пленных:

1. Штаб-офицеров — 7
2. Обер-офицеров — 38
3. Унтер-офицеров — 54
4. Солдат — 1147

ВСЕГО: — 1246

Техники и вооружения:

1. Винтовок — 2975
2. Автоматов — 100
3. Пулеметов легких — 293
4. Пулеметов станковых — 230
5. Пушек — 76
6. Гаубиц — 2
7. Танков — 5
8. Легковых машин — 2
9. Мотоциклов — 3
10. Радиостанций — 1

ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

УПВС — управление военно-полевого строительства.

МПВО — местная противовоздушная оборона.

УР — укрепленный район

СК — стрелковый корпус

ПО — пограничный отряд

НКВД — Народный комиссариат внутренних дел

ООР — Одесский оборонительный район

ПУАЗО — приборы управления зенитно-артиллерийским огнем

МЗА — малокалиберная зенитная артиллерия
Пульбат — пулеметный батальон
ТИУР — Тираспольский укрепленный район
ШТАРМ — штаб армии
ВМБ — военно-морская база
БЧ — боевая часть
Флагарт — флагманский артиллерист
ОВМБ — Одесская военно-морская база
ИАП — истребительный авиаполк
СП — стрелковый полк
ВНОС — воздушное оповещение, наблюдение, связь
ОВР — охрана водного района
ОБС — отдельный батальон связи
ОРБ — отдельный разведывательный батальон
ОПБ — отдельный пулеметный батальон
ГАП — гаубичный артиллерийский полк
ЛАП — легкий артиллерийский полк
СД — стрелковая дивизия
ПД — пехотная дивизия
ПП — пехотный полк
НЗО — неподвижный заградительный огонь

БИБЛИОГРАФИЯ

Абрамов Е.П. «Черные дьяволы». Морская пехота в Великой Отечественной войне. — М. Яуза. 2008.

Азаров И.И. Осажденная Одесса. М.: Воениздат, 1962.

Анализ применения береговых войск и морской пехоты в Великой Отечественной войне // Научно-технический отчет о НИР; научн. рук-ль Е.П. Абрамов. Шифр «Штурм». УДК. Инв. № 148. — СПб.: ВМИИ, 2005.

Артиллерия в оборонительных операциях Великой Отечественной войны. Кн.1. Воениздат, 1958

Алещенко Н. М. Они защищали Одессу. М., 1970.

Александров Н.И. Друзья-товарищи. М., Воениздат. 1963.

Ачкасов В.И., Павлович Н.Б. Советское военно-морское искусство в Великой Отечественной войне. М.: Воениздат, 1973.

Ашрафиан Э.А., Петлицын С.Л. Героические корабли. Одесса: Маяк, 1980.

Багров В. Морская пехота и морские соединения в летне-осенней кампании 1941 г. Военно-исторический журнал. 1975. № 7. С. 97—101.

Басистый Н.Е. Море и берег. М.: Воениздат, 1970 г.

Басов А.В. Флот в Великой Отечественной войне 1941—1945: Опыт оперативно-стратегического применения. М.: Наука, 1980. 304 с.

Боевая летопись Военно-морского флота 1941—1945. Г.А. Аммон [и др.]. — М.: Воениздат, 1983. 496 с.

Боевой путь Советского Военно-морского флота. В.И. Ачкасов и др. М.: Воениздат, 1988.

Боевые подвиги защитников Одессы. Вып 1—4. Издательство Политотдела Приморской армии. 1941.

Бойцы вспоминают минувшие дни. Одесса: Маяк, 1964 г.

Борисов А.Д. Одесса город-герой. М.: Воениздат, 1954 г.

Бочаров Л.П. 69 дней героической обороны Одессы. Правда, 19 октября 1941 г.

Белоус Н. Из опыта подготовки и высадки морских десантов // Военно-исторический журнал. 1978. № 9. С. 32.

Ванев Г.И. Черноморцы в Великой Отечественной войне. Воениздат, 1978.

Васьковский Я.Я. Мы — из Чапаевской. М.: Молодая гвардия. 1986. В боях за родную Одессу. Вып 1—4. Одесса. Изд. газеты «За Родину» 1941 г.».

Великая Отечественная война 1941—1945 гг. М. : Советская энциклопедия, 1985 г.

Военный энциклопедический словарь. Научное издательство «Большая Российская энциклопедия». «Рипол классик». Изд. Москва: 2001 г.

Воробьев В.Ф. Оборона Одессы в 1941г. Сборник военно-исторических материалов Великой Отечественной войны, вып. 12. М.: Воениздат, 1954.

Ворков С.С. Мили мужества. Киев: Политиздат Украины, 1987.

Гальдер. Военный дневник. Т. 3, кн. 1. М.: Воениздат. 1971.

Герои обороны Одессы. Одесса: Изд. газеты «За Родину», 1941.

Героическая Одесса. Одесское обл. издательство, 1945.

Горшков С.Г. Морская мощь государства. М., 1976.

Гуцин. А.М. Курс, проложенный огнем. М.: Воениздат. 1964 г.

Гуцин А.М. Осененные гвардейским стягом. М.: Молодая гвардия, 1975.

Десанты Великой Отечественной войны. М.: ЭКСМО, 2008.

Денненбург А.И. Дивизион открывает огонь. Одесса: Маяк, 1986.

Деревянко К.И. На трудных дорогах войны. Л.: Лениздат, 1985.

Дорохов Л.П. Герои черноморского неба. М.: Воениздат, 1972.

Евский Д. Крепче стали и гранита. Военно-исторический журнал.

Евстигнеев В.Н. 70 героических дней, М.: 1964.

Ерошенко В.Н. Лидер «Ташкент». М.: Воениздат, 1966.

Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. 8 издание. АПН. Москва, 1987.

Жуков Г.В. Оборона Одессы. // «Красная звезда», 5 сентября, 1941 г.

Камалов Х.Х. Деятельность Коммунистической партии по созданию и боевому использованию отрядов моряков и частей морской пехоты в защите социалистического Отечества (1917—1945 гг.) // Дисс... докт. ист. наук. — Иваново: Ивановский гос. универ., 1983. 428 с.

Кардашев А. Крисяк. М. На защиту родного города.

Киселев В.В., Раманичев В.В. Действия войск Южного фронта в начальном периоде Великой Отечественной войны. Сайт РККА, Военно-исторический журнал.

Колыбанов А.Г. Одесская партийная организация в дни обороны. «Партийное строительство». 1945, № 9—10.

Краснофлотцы в боях за родную Одессу. Вып 1—3. Одесса.: Изд. газеты «Ворошиловский залп», 1941.

Красюк А.И., Кязымова Г.Ф. История Одесского водопровода.

Крылов Н.И. Не померкнет никогда. М.: Воениздат, 1969.

Кузнецов Н.Г. Курсом к Победе. М., 1975.

Кузнецов Н.Г. На флотах боевая тревога. М.: Воениздат, 1971.

Негода Г.П. Беспощадный. М.: Воениздат, 1961.

Одесса в Великой Отечественной войне Советского Союза. Сборник документов и материалов. Т. I, II, III. Одесское обл. издательство. 1947—1949.

Одесская область в Великой Отечественной войне Советского Союза. Сборник документов и материалов. Одесса.: Маяк, 1970.

Перечнев Ю.Г. Советская береговая артиллерия. М.: Наука, 1976.

Пензин К. В. Черноморский флот в обороне Одессы. М.: Воениздат, 1956.

Петров И.Е. Оборона Одессы. // Правда, 5 сентября 1941 г.

Петров И.Е. Правда о борьбе за Одессу. // «Красная звезда», 22 октября 1941 г.

Пограничные войска в Великой Отечественной войне. Сб. документов. М.: Наука, 1968.

Платонов А.В. Энциклопедия советских надводных кораблей 1941—1945. СПб.: Полигон, 2002.

Прокофьев В. В начале войны. ВІСНИК Одеського Історико-Красназнавчого Музею (выпуск 6).

Салагин Я.Т. Опыт десантных операций в Отечественную войну. М.: Воениздат. 1957.

Сосновский И.А. Героическая оборона Одессы 1941—1945 гг. // «Исторический журнал», 1942, № 1—2.

Тюленев И.В. Через три войны. М.: Воениздат. 1960.

Усыченко Ю. Одесса. Страницы героической защиты и освобождения города-героя 1941—1944. М.: Политическая литература. 1978.

Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг. Т.1. Киев: Политиздат. 1975.

У черноморских твердынь. Отдельная Приморская армия в обороне Одессы и Севастополя. М.: Воениздат. 1967.

Фадеев А.В. Подвиг Одессы. М.: Политиздат. 1963.

Федечкин А. Григорьевский десант. // «Военные Знания», № 9. 1996.

Фуртатов В.М. Они сражались за Одессу. Одесса: Маяк, 1998.

Хорьков Г.И. Советские надводные корабли в Великой Отечественной войне. М.: Воениздат, 1981.

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Вып. 1. С 21 июня по 31 декабря 1941 г. М.—Л.: Управление морского издательства НКМВФ СССР, 1945.

Хренов А. Ф. Мосты к победе. М.: Воениздат, 1982.

Череватенко А. Т. Небо Одессы, 1941-й. Одесса: Маяк, 1978.

Череватенко А. Т. Мы вернемся, Одесса! Одесское областное издательство, 1963.

Широкопад А. Б. Битва за Черное море. М.: АСТ, 2005.

Юновидов А. С. Десанты 1941 года. М.: Яуза, 2009.

73 героических дня. Одесса: Маяк, 1978.

Axworthy Mark, Cornel Scafes, Christian Graciunoiu. *Third Axis-Fourth Ally: Romanian Armed Forces in the European War 1941—1945.* *Arms and Armour, London 1995;*

Nafziger George F. *Romanian Order of Battle in World War II.* *West Chester 1995;*

Gheorghe Silea, Mihai Retegan. «June 1941: The Fourth Army's Preparation for the Offensive». *Revue Internationale d'Histore Militaire.* *Edition Roumaine, Bukarest 1992;*

Hubert J. Kubersky. *Sojuszownicy Hitlera. Militaria N3, Warszawa 1993;*

Alesandru Dușu, Mihai Retegan, Marian Stefan. *România în al doilea război mondial.* — *Magazin istoric, 1991.*

Dutu A., Dobre F., Loghin L. *Armata Romana in al doilea razboi mondial (1941—1945).* — *Dictionar Enciclopedic, Editura Enciclopedica, 1999.*

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Население которой на тот момент составляло более 600 тыс. человек.
2. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 5117, д.2, л.187—188.
3. Чего всерьез опасался Гальдер.
4. Скаты с увеличенной крутизной, затруднявшие преодоление рвов.
5. ЦАМО РФ, Ф. 48а, оп. 3408, д. 4, л. 13—15.
6. ЦАМО РФ, ф. 48а, оп. 3408, д. 4, л. 22, 23.
7. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 3, л. 20.
8. ЦАМО РФ, ф. 96а, оп. 1711, д. 2, л. 6, 7.
9. ЦАМО РФ, Ф. 251, оп. 4063, д. 22, л. 112—115.
10. ЦАМО РФ, ф.251, оп. 646, д. 4, л.121.
11. ЦАМО РФ, 148а, оп. 3763, д. 96, л. 14.
12. 3—6 машин.
13. Таких, как налеты 22 июля.
14. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 102—103.
15. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 96.
16. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 99.
17. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д.32, л. 102.
18. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л.103.
19. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д.16, л. 14.
20. Связанные, по их словам, с намеченным румынами на 10 августа захватом Одессы.
21. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 106.
22. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л.107.
23. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л.111.
24. Так тогда назывались структуры военного времени по управлению рядом соединений, включавшие в себя и штаб, и Военный совет.
25. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л.110.
26. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 16, л. 11.
27. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л.110.
28. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л.113.
29. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 114.
30. Впоследствии стал известен как № 22.

31. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л.116.
32. В р-н Фонтанка—Крыжановка.
33. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л.117.
34. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 6, л. 10.
35. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л.110.
36. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л.120.
37. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 16, л. 20.
38. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 16, л. 20.
39. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 16, л. 22.
40. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 16, л. 24.
41. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 16, л. 25.
42. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 16, л. 27.
43. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л.127.
44. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л.129.
45. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л.131.
46. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л.137.
47. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 1—2.
48. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л.142.
49. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 3—8.
50. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л.148.
51. 2-й танковый полк был выведен из состава дивизии и придан 4-й армии в качестве отдельного полка.
52. В основном это были R-2.
53. Точнее, ее 1-й полк.
54. Dezastrul de la Karpova.
55. Офицер, отвечающий за прием, отправку и обработку всей документации между сектором обороны и штабом армии.
56. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 114.
57. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 116.
58. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 117.
59. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 119.
60. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 16, л. 26.
61. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 16, л. 27.
62. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 123.
63. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 16, л. 28.
64. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 125.
65. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 16, л. 30—34.
66. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 10, л. 13.
67. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 16, л. 35.

68. В первом эшелоне 3-я и 7-я пехотные, а также часть 1-й гвардейской дивизии, во втором — 5-я и 11-я пехотные.
69. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 127,128.
70. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 16, л. 36.
71. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л.129.
72. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 16, л. 39.
73. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л.131.
74. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 16, л. 41.
75. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л.129.
76. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 16, л. 42.
77. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 16, л. 46.
78. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л.133.
79. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 16, л. 49.
80. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 135.
81. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 1—2.
82. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 16, л. 55.
83. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 136.
84. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 138.
85. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 332.
86. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 139.
87. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 3, л. 30.
88. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 3, л. 31.
89. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 5, лл. 3—4.
90. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 16, л. 52.
91. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 3, л. 44.
92. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 5117, д. 2, лл. 187—188.
93. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 143.
94. Вернее, гнавшей их перед собой.
95. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 5, л. 11.
96. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л.145.
97. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л.149.
98. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 9—10.
99. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 12.
100. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 152.
101. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 13.
102. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 6, л. 36.
103. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 152.
104. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 153.
105. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 17—18.
106. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 154.

107. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 20—21.
108. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 155.
109. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 99, л. 350.
110. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 99, л. 351.
111. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 156.
112. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 156.
113. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 24—25.
114. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 157.
115. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 27—28.
116. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 158.
117. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 157.
118. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 31.
119. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 162.
120. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 164.
121. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 34—35.
122. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 38—39.
123. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, лл. 40—41.
124. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 165.
125. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 164.
126. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 3, л. 27.
127. ЦАМО РФ, ф. 148а, оп. 3763, д. 90, л. 50, 51.
128. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 3, л. 28.
129. Одежда, обувь, ремни, сумки, котелки и пр.
130. № 21.
131. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 283а.
132. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 290.
133. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 330.
134. Благо это оружие, производимое в Одессе, имелось в достаточных количествах.
135. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 3, л. 36.
136. Там же.
137. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 18, л. 26.
138. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 12, л. 4.
139. В этом госпитале почти все отделения возглавили одесские профессора.
140. Чаще военные.
141. 421-я дивизия, созданная из сводной группы комбрига Монахова и отрядов народного ополчения, своего медсанбата не имела.
142. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 3, л. 47.
143. 7 районных и один железнодорожный.

144. Таких уже оставалось мало.
145. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 331.
146. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 330.
147. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 331.
148. Которых во всей армии имелось всего около 600 штук.
149. Несмотря на название «Одесская», формировалась она из частей Восточного сектора обороны, а одесситами лишь пополнялась.
150. Доклады о низких боевых качествах одесситов направлялись даже Мехлису.
151. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 308.
152. В одном случае бойцов полка НКВД.
153. То есть проведению проверок.
154. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 3, л. 49.
155. ЦАМО РФ, ы. 96а, оп. 1711, д. 1, л. 45.
156. ЦАМО РФ, Ф. 48, оп. 3408, д. 4, л. 178.
157. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 12, л. 21.
158. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 3, л. 50.
159. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 3, л. 51—52.
160. Картофеля, свеклы, моркови и т.д.
161. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 4, л. 16.
162. Построенный и вовсе 60 лет назад.
163. Директива Ставки о назначении его командующим вновь создаваемого ООР пришла только в ночь на 19-е августа.
164. Так как она являлась ближайшим к Одессе пунктом базирования румынского флота.
165. И их все равно не хватало.
166. В дальнейшем их стали называть просто базовыми.
167. Во время обороны Севастополя случалось, что корабли вели огонь и при производстве ремонта в Корабельной бухте.
168. Из-за раздельного заряжания отличавшиеся в целом относительно невысоким темпом стрельбы.
169. 6 узл.
170. БЧ-5.
171. Машинных вентиляторов, сепараторов и других.
172. По одному на каждый транспорт.
173. Который являлся военным транспортом.
174. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 13.
175. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 15—16.
176. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 150.
177. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 17, 18.

178. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 153.
179. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 20, 21.
180. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 158.
181. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, лл. 24, 25.
182. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 27, 28.
183. У Пересыпи.
184. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 160.
185. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 31.
186. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 160.
187. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 34, 35.
188. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 38, 39.
189. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 40—41.
190. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 165.
191. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 164.
192. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 45, 46.
193. По некоторым донесениям, до одной дивизии.
194. После ранения его командира подполковника Султан-Галиева.
195. Вооруженная 203-мм орудиями.
196. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 166.
197. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 48—50.
198. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 45, 46.
199. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 57—58.
200. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 169.
201. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 62.
202. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 65—67.
203. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 172.
204. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 72, 73.
205. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 174.
206. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 3, л. 35.
207. Так и не прошедший переаттестации и оставшийся комбригом даже в 1942 г., когда уже командовал дивизией.
208. Единственный из пультабов Тираспольского укрепрайона, не распыленный по частям Приморской армии.
209. Офицер штаба, отвечающий за сбор поступающей информации из сектора и передачу распоряжений в него.
210. В том числе и от окончательного плана эвакуации Одесской ВМБ.
211. Их роль должны были выполнять все эсминцы, тральщики, охотники, сторожевые корабли и торпедные катера, а также самолеты авиации ООР и ЧФ.
212. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 12, л. 14—20.

213. А Октябрьский, по воспоминаниям контр-адмирала в отставке Деревянко, нетерпимо относился к самому слову «эвакуация».

214. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 77, 78.

215. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 177.

216. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 81—83.

217. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 86.

218. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 90, 91.

219. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 45, 46.

220. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 166.

221. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 48—50.

222. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 168.

223. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 52—54.

224. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 170.

225. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 57, 58.

226. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 62.

227. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 65—67.

228. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 173.

229. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 69, 70.

230. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 72, 73.

231. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 175.

232. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 178.

233. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 77, 78.

234. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 181.

235. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 90, 91.

236. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 94.

237. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 98, 99.

238. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 183.

239. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 102, 103.

240. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 185.

241. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 105, 106.

242. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 186.

243. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 100, л. 115.

244. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 124, 125.

245. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 127—129.

246. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 100, л. 128.

247. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 132, 133.

248. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 135, 136.

249. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 193.

250. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 195.

251. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 138, 139.

252. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 196.
253. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 141—143.
254. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 145, 146.
255. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 198.
256. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 147—149.
257. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 198.
258. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 202.
259. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 151, 152.
260. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 205.
261. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 154—156.
262. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 206.
263. ЦАМО. РФ, ф. 48а, оп. 3408, д. 4, л. 191, 192.
264. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 208.
265. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 206.
266. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 157, 158.
267. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 160, 161.
268. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 209.
269. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 163, 164.
270. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 211.
271. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 166, 167.
272. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 213.
273. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 170, 171.
274. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 216.
275. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 173, 174.
276. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 217.
277. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 6, л. 53.
278. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 221.
279. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 182, 183.
280. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 185, 186.
281. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 226.
282. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 223.
283. ЦАМО РФ, ф. 48а, оп. 3408, д. 4, л. 217.
284. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 188.
285. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 190, 191.
286. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 193, 194.
287. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 229.
288. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 196, 197.
289. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 230.
290. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 199, 200.
291. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 202, 203.

292. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 205,206.
293. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 237.
294. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 208, 209.
295. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 211, 212.
296. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9905, д. 9, л. 222.
297. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 240.
298. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 242.
299. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 214, 215.
300. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 246.
301. Он, как и Монахов, не был переаттестован.
302. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 3—8.
303. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 148.
304. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 9—10.
305. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 12.
306. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 13.
307. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 15—16.
308. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 151.
309. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 152.
310. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 154.
311. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 17—18.
312. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 20—21.
313. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 24—25.
314. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 157.
315. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 27—28.
316. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 162.
317. В основном 7-ю и 11-ю.
318. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д.32, л.166.
319. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д.21, л.52—54.
320. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 57—58.
321. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д.3 2, л. 169.
322. 161-м стрелковым полком.
323. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 172.
324. 29 августа в соответствии с указаниями Генштаба 1-я кавдивизия была переименована во 2-ю. При этом у части полков изменилась их нумерация. 5-й кавполк стал 15-м а, 3-й — 20-м. Нумерация 7-го кавполка осталась прежней.
325. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 174.
326. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 94.
327. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 98—99.
328. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 185.

329. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 18, л. 20.
330. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 105—106.
331. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 109—111.
332. Насчитывавший на этот момент в своем составе 1031 чел.
333. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 18, лл. 21—22.
334. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 113—115.
335. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 3, л. 45—46.
336. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 135—136.
337. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 194.
338. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 195.
339. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 141—143.
340. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 196.
341. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 145—146.
342. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 147—149.
343. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 200.
344. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 204—205.
345. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 207.
346. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 157—158.
347. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 160—161.
348. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 18, л. 28.
349. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 163—164.
350. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 166—167.
351. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 211.
352. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 170, 171.
353. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 215.
354. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 173, 174.
355. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 218.
356. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 214.
357. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 176, 177.
358. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 179—181.
359. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 18, л. 29.
360. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 182, 183.
361. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 185, 186.
362. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 188.
363. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 190, 191.
364. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 226.
365. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 193, 194.
366. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 230.
367. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 196, 197.
368. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 199, 200.

369. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 202, 203.
370. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 233.
371. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 205, 206.
372. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 236.
373. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 208, 209.
374. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 233.
375. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 211, 212.
376. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 214, 215.
377. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 220, 221.
378. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 223, 224.
379. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 259.
380. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 226, 227.
381. 24 76-мм пушки на конной тяге.
382. 48-й отдельный минометный дивизион.
383. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, лл. 244, 245.
384. Зато у 157-й имелся танковый батальон.
385. 54-й СП.
386. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 253.
387. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 18, л. 39.
388. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 101, л. 382.
389. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 18, л. 40.
390. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 254.
391. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 223, 224.
392. 1131-й полк продолжал оборонять участок между Куяльницким и Хаджибейским лиманами.
393. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 252.
394. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 26, л. 175.
395. Окружить 15-ю дивизию было невозможно из-за недостатка сил у наступавшей на ее участке 421-й СД.
396. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 26, л. 150.
397. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 226, 227.
398. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 101, лл. 204—205.
399. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 18, л. 42.
400. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 101, л. 439, 440.
401. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 252.
402. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 10, л. 36.
403. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 26, л. 175.
404. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 251.
405. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 101, л. 425, 427, 428.
406. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 251.

407. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 101, л. 345.
408. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 101, л. 390.
409. Командиру 69 ИАП.
410. Помощник лекаря — фельдшер.
411. ЦАМО РФ, ф. 148, а оп. 3763, д. 96, л. 52, 53.
412. Дальник.
413. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 277.
414. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 279, 280.
415. Из 35 машин, введенных в бой, настоящих танков было всего

несколько.

416. По различным данным, от 6 до 11.
417. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 282.
418. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 278.
419. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. ???.
420. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 279.
421. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 280.
422. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 282, 283.
423. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 285, 286.
424. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 287.
425. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 288.
426. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 289.
427. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 281.
428. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 286.
429. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 291.
430. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 294, 295.
431. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 287.
432. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 297.
433. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 288.
434. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 299.
435. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 316.
436. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 306.
437. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 308.
438. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 6, л. 106.
439. До последнего дня, когда пришел сразу 21 транспорт.
440. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 281.
441. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 291.
442. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 286.
443. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 294, 295.
444. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 287.
445. Бывшего 7-го кавалерийского.
446. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 291.

447. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 297.
448. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 300—302.
449. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 292.
450. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 293.
451. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 294.
452. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 6, л. 101—102.
453. Большие они удерживать уже не могли.
454. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 316.
455. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 302.
456. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 303.
457. А в городе оставались невывезенными около 300 тыс. жителей.
458. Что в общем не соответствовало действительности, так как командующий ООР свое отношение к телеграмме так и не высказал.
459. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 4, л. 63.
460. Например, генерал-полковника Хренова.
461. Глогжяну.
462. Кроме самих членов Военного совета на нем присутствовали только Петров, Шишенин, Крылов и Хренов.
463. ВОСО.
464. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 294.
465. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 4, л. 58—59.
466. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 297.
467. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 4, л. 60.
468. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 304.
469. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 304.
470. На это у него ушли целые сутки непрерывной работы.
471. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 294.
472. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 308.
473. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 310.
474. Должна была прийти еще и «Украина», но она задержалась по неизвестным причинам.
475. До 4000 человек.
476. 2—7 шпангоуты.
477. ЦАМО РФ, ф. 288 оп. 9900, д. 32, л. 323.
478. Который находился в то время практически за пределами досягаемости авиации противника.
479. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 320.
480. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 322.
481. Отвечавшему и за оборону причалов в случае прорыва к ним противника.

482. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 318.
483. ЦАМО РФ ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 319.
484. Бегом.
485. ЦВМА РФ, ф. 204, д. 6772, л. 26.
486. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 323.
487. Он должен был докладывать каждый час.
488. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 324.
489. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 325.
490. На «Червону Украину» эвакуация осуществлялась в гавани, а на «Красный Кавказ» — на рейде.
491. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 334.
492. ЦГАОО Украины, ф. 57, оп. 4а, д. 88, л. 748.
493. 1-й и 3-й.
494. ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 334.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия.....4

НА ДАЛЬНИХ ПОДСТУПАХ

Появление оборонительных рубежей
(5 июля—31 июля).....8

Как четыре рубежа обороны превратились в три
(1—18 августа)..... 11

Завершение оборонительных работ
(19 августа — 5 сентября) 16

Как Одесская группа войск стала
Приморской армией (5—19 июля) 19

За Днестром. (25 июля — 3 августа)..... 24

Как адмирал начальником гарнизона стал
(27 июля — 5 августа) 29

Зенитная война 38

Отход.(4—7 августа) 40

Маневренная оборона (8—13 августа)..... 45

НА БЛИЖНИХ ПОДСТУПАХ

1-й морской полк (11—15 августа)..... 56

Бои за Шицли (16—21 августа) 62

Танковый удар. (18 августа) 66

КАТАСТРОФА

Бои за Кагарлык (12—16 августа) 72

Контрнаступление Воробьёва (17—18 августа)..... 76

Катастрофа в южном секторе(19 августа) 79

Последствия катастрофы (20—22 августа)	84
На новом рубеже (23 августа)	90
Стабилизация (24—26 августа)	95

ОРГАНИЗОВАННАЯ ОБОРОНА

Битва за «Днепр» (15 августа — 18 августа)	99
Создание ООР (19 августа)	104
Как рождалась «оборонка»	109
Консервогранаты и тракторотанки	114
Химроты и огнемёты	121
Танки Одессы	123
Маршевые роты и командные курсы	126
Внутренний резерв армии	132
От истребительных батальонов до Одесской дивизии	137
Вдали от переднего края	140

ФЛОТ ВЕДЁТ БОЙ

Огневая поддержка (18—28 августа)	144
Огневой налет «Ташкента» (29—30 августа)	151
Поход «Червоной Украины» (26 августа—1 сентября)	162
История одного конвоя (2 сентября)	171
Злоключения «Бойкого» и «Красного Кавказа» (4—11 сентября)	176

ФЛАНГОВЫЕ НАСТУПЛЕНИЯ, ВОСТОЧНЫЙ СЕКТОР

Синхронные удары(22—23 августа)	182
Кризис. Попытка прорыва на Пересыпь (24—25 августа)	186
Кризис. Второй прорыв (26—28 августа)	196
Третий прорыв (29—30 августа)	203

Одесская дивизия (30 августа — 11 сентября).....	207
План экстренной эвакуации (30 августа).....	209
На волоске. Последние удары (31 августа — 1 сентября).....	214

ФЛАНГОВЫЕ НАСТУПЛЕНИЯ, ЮЖНЫЙ СЕКТОР

Ленинतालский клин (27 августа — 3 сентября).....	220
Клин пытаются срезать (4—10 сентября).....	227
По приказу Ставки (11 сентября).....	233
Клин расширяется (12—15 сентября).....	237
За Сухим Лиманом (15—20 сентября).....	244
О запасных причалах и ложных аэродромах (15—22 сентября).....	253

СТАБИЛЬНАЯ ОБОРОНА

Бои за Выгоду (20—24 августа).....	256
Возобновление наступления (25 августа—1 сентября).....	264
«Частные атаки» (2—11 сентября).....	265
«Улучшая позиции...» (12—23 сентября).....	274

КОНТРУДАР

Разработка операции (6 сентября — 20 сентября)......	282
Планирование операции (20 сентября).....	289
Высадка (1 час 23 минуты — 5 час 00 минут 22 сентября)......	292
Утренний удар (4.00 — 13.30).....	296
Наступление продолжается (13.30—18.30).....	304
Вопреки всему (5.00 22 сентября).....	307
Десант поддерживают огнем (22 сентября).....	313
Судьба одной радиограммы (22—24 сентября).....	321

ПОСЛЕДНИЕ УДАРЫ

Как контрнаступление под Дальником превратилось в отвлекающий удар (23 сентября — 1 октября).....	324
Отвлекающий удар под Дальником (2—4 октября).....	331
Прикрытие эвакуации (3—14 октября).....	339
Последнее наступление (3—5 октября).....	345
Последний кризис (9 октября).....	351

ЭВАКУАЦИЯ ПЛАЦДАРМА

Подготовка к зиме, настоящая и ложная.....	354
Первый план эвакуации (4 октября).....	357
Минная война (1—22 октября).....	364
План меняется (5—13 октября).....	368
Как генерал порядок в порту наводил (5—10 октября).....	377
Начало эвакуации (1—14 октября).....	380
Пропавшая эскадрилья (13—14 октября).....	383
Разработка нового плана (12 октября).....	386
Эвакуация Приморской армии (19.00—5.00).....	390
Вместо заключения.....	398

ПРИЛОЖЕНИЯ

Данные отдела укомплектования штаба Приморской армии по некоторым вопросам боевой деятельности армии при обороне г. Одессы.....	403
Приложение 1. Перечень частей, расформированных в г. Одессе.....	403
Приложение 2. Перечень частей, сформированных в г. Одессе.....	404

Приложение 3. Потери личного состава Приморской армии с 26 июня по 16 октября 1941 г.	404
Приложение 4. Численность личного состава Приморской армии, эвакуированного в гор. Севастополь.	405
Приложение 5. Данные о пленных и трофеях, захваченных у противника.	406
Используемые сокращения	406
БИБЛИОГРАФИЯ	408
ПРИМЕЧАНИЯ	412

Научно-популярное издание
Военные тайны XX века

Юновидов Анатолий Сергеевич

ОБОРОНА ОДЕССЫ
1941. Первая битва за Черное море

Выпускающий редактор *Г.Ю. Пернавский*
Корректор *Н.С. Седова*
Верстка *С.Б. Буславский*
Подготовка к печати
художественного оформления *Д.В. Грушин*

ООО «Издательский дом «Вече»
Почтовый адрес:
129337, Москва, ул. Красной Сосны, 24.
Фактический адрес:
127549, Москва, Алтуфьевское шоссе, 48, корпус 1.

E-mail: veche@veche.ru
<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 22.07.2011. Формат 84 × 108 1/32.
Гарнитура «Times New Roman». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 13,5. Тираж 3000 экз. Заказ №3287.

Отпечатано в ОАО «Тульская типография».
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЕЧЕ»

ООО «ВЕСТЬ» является основным поставщиком
книжной продукции издательства «ВЕЧЕ»

Почтовый адрес:

129337, г. Москва, ул. Красной Сосны, 24, а/я 63.

Фактический адрес:

127549, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, 48, корпус 1.

Тел.: (499) 940-48-71, (499) 940-48-72.

Интернет: www.veche.ru

Электронная почта (E-mail): veche@veche.ru

По вопросу размещения рекламы в книгах
обращаться в рекламный отдел издательства «ВЕЧЕ».

Тел.: (499) 940-48-70.

E-mail: reklama@veche.ru

ВНИМАНИЮ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ!

Книги издательства «ВЕЧЕ» вы можете приобрести также
в наших филиалах и у официальных дилеров по адресам:

В Москве:

Компания «Лабиринт»

115419, г. Москва, 2-й Рощинский проезд, д. 8, стр. 4.

Тел.: (495) 780-00-98, 231-46-79

www.labyrinth-shop.ru

В Киеве:

ООО «Издательство «Арий»

г. Киев, пр. 50-летия Октября, д. 26, а/я 84.

Тел.: (380 44) 537-29-20, (380 44) 407-22-75.

E-mail: ariy@optima.com.ua

Всегда в ассортименте новинки издательства «ВЕЧЕ»

в московских книжных магазинах:

ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва», ТД «Молодая гвардия»,
«Московский дом книги», «Букбери», «Новый книжный».

ОБОРОНА ОДЕССЫ. 1941

Одним из самых заметных и самых удачных оборонительных сражений начала войны стала оборона Одессы. Это был не только коллективный подвиг многих тысяч людей, но и уникальная оборонительная операция. Она не имеет аналогов в мировой истории, в том числе и в обороне военно-морских баз. Об этих её уникальных особенностях и рассказывает книга. Одесса вполне могла стать как вторым Тобруком, так и первым Сталинградом. В книге рассказывается о многих не известных читателю катастрофах и победах. Читатель узнает, почему советская истребительная авиация при перебазировании из Одессы в Крым потеряла больше машин, чем за все время участия в боевых действиях, и почему для румын ввод в бой 18 августа частей 1-й танковой дивизии превратился в «катастрофу под Карпово». Он узнает и о последнем, октябрьском наступлении румын на Одессу, никогда не упоминавшемся в советской и постсоветской литературе. При описании боевых действий максимально использовались сохранившиеся донесения, приказы, записи переговоров и другие архивные документы того времени, помогающие читателю лучше почувствовать драматизм происходящих событий. В книге впервые рассказывается история создания, принятия и реализации три раза менявшегося плана эвакуации Приморской армии. Много внимания уделено и причинам смены Сталиным руководства обороной города, которое через две недели после начала оборонительной операции было передано от армейского командования флоту.

XX военные
тайны
века

ISBN 978-5-9533-5599-5

9 785953 355995

ВЕЧЕ
20 лет